Совет Европы, Генеральный Директорат I – Юридические вопросы
Аппарат полномочного представителя
Президента Российской Федерации в
Сибирском федеральном округе
Администрация Красноярского края
Сибирский юридический институт МВД России

Актуальные проблемы борьбы с преступностью в Сибирском регионе

Сборник материалов
международной научно-практической конференции
памяти д.ю.н., профессора В.И. Горобцова
(10-11 февраля 2005 г.)

Часть 1

Красноярск 2005

ББК 67.4; 67.5

Актуальные проблемы борьбы с преступностью в Сибирском регионе : сборник материалов международной научно-практической конференции памяти д.ю.н., профессора В.И.Горобцова (10-11 февраля 2005 г.). Часть 1 / Сибирский юридический институт МВД России ; отв. ред. С.Д. Назаров. – Красноярск : Сибирский юридический институт МВД России , 2005. – 319 с. – ISBN 5-7889-0100-6.

Ответственный редактор
С.Д. Назаров, кандидат юридических наук, доцент, заслуженный юрист Российской Федерации (Сибирский юридический институт МВД России)

Редакционная коллегия:
В.Е. Корноухов, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации (Сибирский юридический институт МВД России);
Н.С. Железняк, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации (Сибирский юридический институт МВД России);
А.И. Панюков, доктор философских наук, профессор (Сибирский юридический институт МВД России);
С.Э. Воронин, доктор юридических наук, доцент (Сибирский юридический институт МВД России);
В.В. Пономарева, доктор юридических наук, доцент (Сибирский юридический институт МВД России);
И.А. Кириллов, кандидат юридических наук, доцент (Сибирский юридический институт МВД России);
А.Г. Калугин, кандидат юридических наук (Сибирский юридический институт МВД России).

В сборник включены тезисы докладов, сообщений и выступлений участников международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы борьбы с преступностью в Сибирском регионе» памяти доктора юридических наук, профессора В.И. Горобцова, прошедшей на базе Сибирского юридического института МВД России 10-11 февраля 2005 г.

ISBN ISBN 5-7889-0100-6

©Сибирский юридический институт МВД России, 2005

Council of Europe, General Directorate I – Legal Affairs
The Representative Department of the RF President
in The Siberian Federal District
Krasnoyarsk Territory Administration
Siberian Law Institute of the RF Interior

Actual Problems of Fight Crime in Siberian Territory

Materials of Scientific Conference
in memory of Prof. V. Gorobtsov
(February 10-11, 2005)

Part 1

Krasnoyarsk 2005

BBK 67.4; 67.5

Actual Problems of Fight Crime in Siberian Territory: Materials of Scientific Conference in memory of Prof. V. Gorobtsov (February 10-11, 2005). Part 1. – Krasnoyarsk: Siberian Law Institute of the RF Interior, 2005. – ISBN 5-7889-0100-6.

Responsible editor
Ass. Prof. Sergei D. Nazarov (Siberian Law Institute of the RF Interior)

Editory staff:
Prof. Dr. Valentin E. Kornoukhov (Siberian Law Institute of the RF Interior);
Prof. Dr. Nikolay S. Zheleznyak (Siberian Law Institute of the RF Interior);
Prof. Dr. Alexander I. Panyukov (Siberian Law Institute of the RF Interior);
Prof. Dr. Sergei E. Voronin (Siberian Law Institute of the RF Interior);
Prof. Dr. Valeria V. Ponomaryova (Siberian Law Institute of the RF Interior);
Ass. Prof. Igor A. Kirillow (Siberian Law Institute of the RF Interior);
Ass. Prof. Aleksei G. Kalugin (Siberian Law Institute of the RF Interior);
Ass. Prof. Sergei M. Malkow (Siberian Law Institute of the RF Interior).

Materials include notes of reports, commentaries of international scientific conference «Actual Problems of Fight Crime in Siberian Territory» in memory of Prof. V. Gorobtsov, having been held on the basis of Siberian Law Institute of the RF Interior on February 10-11, 2005.

ISBN 5-7889-0100-6

© Siberian Law Institute of the RF Interior, 2005

СОДЕРЖАНИЕ

Пленарное заседание

Милюков С.Ф. Творческое наследие В.И.Горобцова и дальнейшее развитие системы наказаний 11

Николюк В.В. Современные проблемы согласования уголовного, уголовно-процессуального и оперативно-розыскного законодательства 14

Плохова В.И. Обоснованная классификация преступлений против собственности, дифференциация уголовной ответственности в зависимости от нее как фактор повышения действенности уголовного закона 19

Методологический семинар
Актуальные проблемы борьбы с организованной преступностью и торговлей людьми на современном этапе

Mary Helen Louise Verwiel. Investigating and prosecuting trafficking in human beings 23

Athanassia Sykiotou. International standards against trafficking of human beings: the Palermo Protocol and the Council of Europe Convention 30

Калугин А.Г. Отказ от уголовного преследования участников преступлений террористического характера на основании специальных норм Особенной части УК РФ 35

Грамматчиков М.В. Торговля людьми в уголовном праве России 40

Абрамов Е.В., Чирков Д.К. Похищение людей с целью изъятия и незаконной трансплантации органов и (или) тканей человека как одно из направлений транснациональной организованной преступности 45

Григорьева Л.В. Миграционная служба в решении проблем профилактики и пресечения незаконного перемещения людей и использования иностранной рабочей силы 49

Подборская Е.А. Работорговля как наиболее опасный вид международных преступлений 53

Секция
Социальные проблемы борьбы с преступностью

Невирко Д.Д. Защита и нарушение прав граждан сотрудниками ОВД в зеркале общественного мнения 59
Кудашов В.И., Кудашова И.В. Антропологические истоки преступности 63
Маслодудова Н.В. Правовая культура Запада и России: проблема взаимодействия 67
Рубчевский К.В. О некоторых основаниях преступности в современной России 70
Нескрябина О.Ф. Правовое сознание и гражданское общество 74
Бондаренко Т.А. Особенности формирования имиджа органов внутренних дел в Дальневосточном регионе 77
Бармашова Т.И. Правосознание как диалектическое единство осознанного и неосознанного 80
Ткаченко А.В. Правовое воспитание как средство предупреждения правонарушений и преступности несовершеннолетних 84
Ветренко И.А. Влияние философско-этических знаний на отношение к преступности современного общества 88
Нагорный Н.Н. Историческое познание как фактор формирования правосознания 90
Л*ыскова М.И.* Воспитательное значение исторического сознания в профилактике негативного девиантного поведения 93
Круглянина О.Н. Асоциальное поведение: особенности подростковой агрессии 96
Филиппович В.А., Денискин В.В., Панов Е.В. Некоторые аспекты профилактики правонарушений несовершеннолетних средствами физической культуры и спорта 100
Горбач Н.А., Лисняк М.А. Проблемы профилактики девиантного поведения обучаемых вузов МВД России 103
Ковальчук А.Н. Основные направления совершенствования огневой подготовки сотрудников ОВД в условиях новой соционормативной перестройки российского общества 106
Губайдуллин Р.М. Деятельность ОВД и проблема безопасности их сотрудников в Сибирском регионе 111

Панюков А.И., Панюкова Ю.Г. Восприятие пространственно-предметной среды профессиональной деятельности сотрудниками ОВД 115
Болва Н.В. К вопросу о сущности и содержании категории «теневая экономика» 118
Болва Н.В., Шерстяных А.С. Количественная оценка масштабов теневой экономики в производственном секторе Красноярского края..... 124
Машарова Ю.Ц. Социально-правовой аспект уголовной ответственности за незаконное предпринимательство..... 129
Мядзелец О.А. Проблемы занятости населения в России..... 131
*Павлова С.А.*Правовые вопросы качества: отечественная и зарубежная интерпретация 134
Коновалова О.В. Теоретические размышления о проблеме терроризма 139
Козаченко И.Я. Психологические составляющие терроризма 142
Минкин А.Н. Системный подход к организации антитеррористической деятельности 145
Сушенцев В.В. Особенности борьбы с терроризмом..... 148
Шабельникова Н.А. Некоторые аспекты борьбы с терроризмом в современной России 151
Матюхин В.А. «Телефонный терроризм» как социальная проблема современного общества 155
Бондаренко Т.А., Жуйков А.В. Религиозный терроризм как объект профилактической деятельности правоохранительных органов Дальнего Востока 159
Рубцов С.Н. Общественная поддержка уголовного сыска как показатель уровня развития и эффективности полицейской деятельности..... 161
Логачева Л.К. Судьба политических ссыльных в Енисейской губернии во второй половине XIX в. 164

Секция
Уголовно-правовые и криминологические проблемы борьбы с преступностью

Сабитов Т.Р. Принципы поощрения и их реализация в уголовном праве..... 168
Винокуров В.Н. О содержании противоправности преступлений 173

Сумачев А.В. Диспозитивность диспозиции уголовно-правовой нормы (к вопросу о существе уголовно-правового запрета) 177
Морозов Б.П. Юридическая природа и основные черты правоприменительного толкования уголовного закона 183
Волков К.А. Пробелы в уголовном праве и пути их временного устранения 187
Бабурин В.В. Сущность уголовно-правового риска 191
Гордеев Р.Н. О необходимости отдельного нормативного закрепления посредственного совершения преступления 194
Шатилович С.Н. Вопросы разграничения добровольного отказа от преступления и деятельного раскаяния как оснований освобождения от уголовной ответственности 196
Кириллов И.А., Щебляков Е.С. Некоторые проблемы примечания к ст. 205 УК РФ 199
Рогова Е.В. К вопросу об актуальности применения исправительных работ к несовершеннолетним 204
Алфимова О.А. К вопросу о целесообразности повторного освобождения от наказания в связи с тяжелой болезнью, предусмотренного ч.2 ст.81 УК РФ 207
Трухин А.М. Момент погашения судимости 211
Попкова Е.А. Особенности применения принудительных мер медицинского характера в виде принудительного лечения в психиатрическом стационаре общего типа 215
Андреев А.С., Винокуров В.Н. Проблема квалификации преступлений с альтернативными составами 219
Шарапов Р.Д. Понятие психического насилия в уголовном праве 223
Паутов Д.В. Пригодность и предназначенность для проживания как конструктивные признаки понятия жилища 228
Логинова Н.Г. Становление и развитие в России уголовной ответственности за совершение преступления, связанного с причинением имущественного ущерба при отсутствии признаков хищения 231
Шишко И.В. Судебное толкование спорных признаков незаконного предпринимательства и легализации 235
Вербицкая Н.А. Уголовно-правовые проблемы борьбы со злоупотреблениями при эмиссии ценных бумаг 239

Островских Ж.В. Особенности ответственности за бандитизм по отечественному уголовному законодательству советского периода 243
Доронина Е.Б. Принцип справедливости в законодательном определении терроризма 246
Кац Е.А. О некоторых проблемах, связанных с установлением объективной стороны состава преступления, предусмотренного ст.222 УК РФ 248
Мальков С.М. К вопросу о содержании квалифицирующего признака «лицом с использованием своего служебного положения» в специальных видах хищений (на примере ст.226 УК РФ) 251
Тепляшин П.В. Уголовно-правовые проблемы борьбы с экстремизмом 256
Димитрова Е.А. Ответственность за религиозные преступления и свобода слова в дореволюционной России 260
Дерюгина Ю.Н. Условия освобождения от уголовной ответственности за терроризм, предусмотренные в примечании к ст.205 УК РФ 265
Сухоруков С.И. Объективная сторона посягательства на жизнь сотрудника правоохранительного органа: проблемы правоприменительной практики и законодательной конструкции ст.317 УК РФ 269
Брагина А.Г. К вопросу об объективной стороне ст.319 УК РФ 274
Черных Е.В., Репецкая А.Л. Личность потерпевшего от насильственного деяния и ее криминологическое значение 277
Ковров В.М. Проблемы предупреждения преступлений 281
Чирков Д.К. Понятие Конституциональной теории виктимности и ее значение в индивидуальной профилактике преступлений 285
Шиханов В.Н. Факторы естественной латентности преступлений 287
Абызов К.Р. К вопросу о необходимости регионального подхода в деятельности по противодействию преступности 292
Ступина С.А. Формирование региональной гендерной политики и профилактика домашнего насилия 296

Щедрин Н.В., Франскевич М.П. Криминальное прошлое как основание ограничения пассивного избирательного права 300

Доброрез И.А. Криминологическая характеристика преступлений, связанных с незаконным производством, изготовлением, приобретением, хранением, перевозкой или пересылкой наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов без цели сбыта (ст.309 УК Украины): по материалам Автономной Республики Крым 303

Пешков М.С. Правовые аспекты борьбы с терроризмом 307

Титаренко А.П. К вопросу о формальных критериях направления в колонии-поселения лиц, совершивших преступления небольшой и средней тяжести 310

Модестова Н.А. Об изменении порядка исполнения наказания в виде штрафа 312

Тепляшин П.В., Речицкий А.Е. Английская исправительная модель обращения с молодыми преступниками: проблемы использования накопленного опыта 315

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

Доклады

ТВОРЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ В.И.ГОРОБЦОВА И ДАЛЬНЕЙШЕЕ РАЗВИТИЕ СИСТЕМЫ НАКАЗАНИЙ

Милюков С.Ф., д.ю.н., профессор,
академик РАЕН
Санкт-Петербургский юридический институт Генеральной прокуратуры РФ

Мы являемся свидетелями кризиса наказания и других способов противодействия преступной экспансии, который носит глобальный характер. Однако в России он усугубляется финансово-экономической немощью государства, безволием и интеллектуальной ограниченностью многих лиц, причастных к выработке стратегии и тактики борьбы с преступностью. В этих условиях повышается роль научно обоснованных рекомендаций, содержащихся в работах отечественных ученых – пенитенциаристов, видное место среди которых занимают труды безвременно ушедшего из жизни профессора В.И.Горобцова.

В статье, опубликованной буквально за несколько дней до кончины, В.И.Горобцов писал: «…Первый парадокс отечественного реформирования уголовно-исполнительной системы заключается в обратно пропорциональной зависимости: при непрекращающемся росте преступности, свидетельствующем о криминализации общества, государство уменьшает карательный потенциал по отношению к преступникам»[1].

Действительно, криминальная ситуация в современной России ухудшается с каждым днем. Даже по официальной, явно искаженной, уголовной статистике, за 9 мес. 2004 г. количество зарегистрированных преступлений в целом по стране возросло на 3,2%, по Северо-Западному федеральному округу – на 5,2%, по Санкт-Петербургу – на 21,6%! Этот рост происходит на фоне неуклонного снижения активности правоохранительных органов по выявлению и раскрытию тяжких и особо тяжких преступлений. Если в целом по стране за тот же период было раскрыто 53,7% преступлений этой категории, то в Северо-Западном округе – 49,1%, в Ленинградской области – 42,1%, а в Санкт-Петербурге – всего 28,7%! Не менее впечатляющей выглядит раскрываемость убийств (соответственно 82,6%; 78,6%; 72,0% и 68,7%).

Тем самым полностью подтвердилось высказанное нами в конце прошлого столетия мнение о том, что «в условиях… злокачественного ухудшения всех основных параметров современной преступности, прогрессирующего паралича правоохранительной системы (в первую голову судебной, а также пенитенциарной) становится ясно, что последняя не в состоянии «переварить» всю массу [преступных] функционеров»[2]. В последующие годы это утверждение неоднократно оспаривалось. Однако делать это становится все более трудно, поскольку плачевное состояние государственно-правового хозяйства России становится все более очевидным. После трагедии в Беслане это были вынуждены признать и высшие должностные лица страны. Так, Президент РФ заявил: «Мы перестали уделять должное внимание вопросам обороны и безопасности, позволили коррупции поразить судебную и правоохранительную сферы». В еще более жесткой форме об этом сказал Председатель Конституционного Суда РФ: «Мздоимство в судах стало одним из самых мощных коррупционных рынков в России».

Для перелома создавшегося положения власть должна найти в себе силы нанести серию решительных ударов по давно выявленным преступным группировкам. Наиболее отъявленные их представители (прежде всего на Северном Кавказе, но не только) должны быть уничтожены, а остальные интернированы. У них необходимо изъять финансовые активы, транспорт, средства связи, наложить арест на недвижимость. Скрывающимся (в том числе за границей) должен быть выдвинут ультиматум под угрозой объявления их вне закона.[3]

Однако прямая конфронтация с преступным миром, все более набирающим силу, не всегда продуктивна. Надо попытаться обратить эту силу на пользу общества.

О количественном и качественном потенциале только выявленных, изобличенных и изолированных преступников говорят следующие данные ГУИН Министерства юстиции РФ. На 1 апреля 2004 г. в местах лишения свободы отбывали наказание 823,4 тыс. человек, в том числе за убийства – более 107 тыс., за умышленное причинение тяжкого вреда здоровью – около 83 тыс., за разбой и грабежи – более 150 тыс.[4] В большинстве своем это молодые, физически сильные, упорные люди, многие из которых обладают недюжинным, хотя и извращенным интеллектом. Большинство из них ненавидят государство и его правоохранительную систему, готовы совершать и совершают новые насильственные преступления. Их накопление в пенитенциарных учреждениях чревато опасностью спонтанного прорыва на свободу в условиях разного рода

чрезвычайных ситуаций, постоянно возникающих в современной России.

Поэтому целесообразно договориться хотя бы с частью данных лиц прежде всего по вопросам содействия органам дознания, следствия и суда в изобличении остающихся на свободе (и потому гораздо более опасных) преступников или хотя бы об указании их местонахождения, приемов преступной деятельности и пособников из числа коррумпированных государственных служащих. В качестве мощного стимулятора призван выступить институт помилования (в том числе и осужденных к пожизненным срокам).

Еще одним шагом в этом направлении может служить привлечение осужденных (не только к лишению свободы, но и другим наказаниям) к непосредственной борьбе с преступностью, прежде всего организованной, вооруженной ее составляющей. Речь идет о создании штрафных частей по образу и подобию штрафных батальонов и штрафных рот, прекрасно зарекомендовавших себя в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. Этот опыт надлежит изучить и творчески переработать применительно к современным российским реалиям.[5]

В качестве правовой основы для функционирования штрафных частей может служить совокупность норм, аналогичных содержавшимся в ст.46 УК РСФСР 1960 г. («Отсрочка исполнения приговора военнослужащему или военнообязанному в военное время»), естественно, без жесткой привязки именно к военному времени, поскольку боевые действия в России и за ее рубежами ныне ведутся, как правило, без объявления войны и введения военного положения.

Однако деятельность предлагаемых штрафных частей не должна замыкаться лишь на участии в боевых операциях (как правило, на самых опасных для жизни участках). Их можно привлекать для проведения спасательных мероприятий (в том числе в шахтах и рудниках), тушения пожаров на нефтепромыслах и других взрывоопасных объектах, осуществления противоэпидемиологических и противорадиационных мер непосредственно в очагах поражения. Наконец, часть осужденных, естественно, на добровольной основе согласилась бы, по нашему мнению, участвовать в рискованных испытаниях новой техники (авиационной, подводной и т.п.), систем жизнеобеспечения, а также лекарственных средств (что может стать последним шансом для тяжелобольных, число которых в местах лишения свободы неуклонно возрастает).

[1] Горобцов В.И. Парадоксы отечественной реформы уголовно-исполнительной системы // Актуальные проблемы теории борьбы с преступностью и правоприменительной практики. Вып. 7 / Отв. ред. В.И.Горобцов. – Красноярск, 2004. – С.114.

[2] Милюков С.Ф. Российское уголовное законодательство: опыт критического анализа. – СПб., 2000. – С.110.

[3] Подр. см. об этом: Корецкий Д., Милюков С. Внесудебная репрессия как законный способ борьбы с преступностью // Уголовное право. – 2004. – №1. – С.112-114.

[4] См.: За решеткой. – 2004. – № 6. – С.2.

[5] См., напр.: Пыльцын А.В. Штрафной удар, или Как офицерский штрафбат дошел до Берлина. – СПб., 2003. Автор этой книги – генерал-майор в отставке – в годы войны командовал взводом, а потом ротой 8-го отдельного штрафбата 1-го Белорусского фронта. Он на конкретных фактах опровергает грязные инсинуации, поныне распространяемые российскими СМИ накануне 60-летия Великой Победы над гитлеровской Германией, милитаристской Японией и их многочисленными пособниками и сателлитами.

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОГЛАСОВАНИЯ УГОЛОВНОГО, УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО И ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Николюк В.В., д.ю.н., профессор,
заслуженный деятель науки РФ
ВНИИ МВД России

1. В рамках проводимой в стране судебно-правовой реформы полностью обновлено законодательство о борьбе с преступностью: приняты и введены в действие Уголовный, Уголовно-исполнительный, Уголовно-процессуальный кодексы. С 1995 г. «работает» Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности», также относящийся к числу ключевых законодательных актов в сфере борьбы с преступностью.

Решая единую, общую задачу борьбы с преступностью, названные законы объективно взаимосвязаны, причем данная взаимосвязь имеет множество форм, проявлений, граней. Это предполагает четкую согласованность их норм, исключение дублирования между ними, конкуренции, противоречий, что в законотворческой деятельности, к сожалению, достигается не всегда.

Плохо «налаженные» связи между отраслями законодательства уголовно-правового комплекса, их недостаточная гармонизация затрудняют правоприменительную деятельность, повышают риск принятия ошибочных решений, порождают тупиковые правовые ситуации.

Несогласованность норм, относящихся к разряду общих, исходных положений данных отраслей законодательства (задачи, принципы), приводит еще к более серьезным последствиям – изменению назначения той или иной отрасли законодательства, смещению акцентов и приоритетов в шкале охраняемых ею ценностей.

2. Проблемы обеспечения согласования уголовно-процессуального законодательства с уголовным и оперативно-розыскным законодательством актуализировались в связи с введением в действие с 1 июля 2002 г. УПК РФ.

Законодательная база названных отраслей обновлялась разновременно. Принцип «пакетного» принятия родственных законов не использован. Обновление уголовно-процессуальных норм произошло со значительным отставанием от произведенных преобразований в сфере оперативно-розыскного и уголовно-правового регулирования. В результате целый ряд важнейших вопросов, находящихся на стыке отраслей законодательства уголовно-правового комплекса, оказались не регламентированными или решенными законодателем явно неудачно.

3. Современная юридическая доктрина исходит из наличия устойчивых и многогранных связей уголовного и уголовно-процессуального права, их взаимозависимости. Распространенный в свое время в юридической науке упрощенный подход, в соответствии с которым уголовно-процессуальное право признавалось подчиненным по отношению к уголовному праву, производным от него, а развитие процессуального законодательства полностью зависело от уголовного закона, определялось им, был преодолен к началу проведения в России судебно-правовой реформы. В последние годы представители науки уголовного и уголовно-процессуального права выступают за идею интеграции, максимального согласования данных правовых отраслей на уровне понятий, терминов, целей, задач, принципов, конкретных институтов.

4. В результате разновременного принятия и введения в действие Уголовного (1996-1997 гг.) и Уголовно-процессуального (2001-2002 гг.) кодексов РФ их «генетически» взаимосвязанные нормы оказались плохо согласованными друг с другом, что привело к противоречиям, коллизиям. В ходе законодательных работ по приведению УПК РСФСР в соответствие с новым УК РФ (1996-

2000 гг.) многие нормы уголовно-правового содержания механически переместились в процессуальное законодательство, запутав и осложнив следственно-судебную практику. Это особенно было характерно для института освобождения от уголовной ответственности и процессуальных правил его применения.

5. В свою очередь УПК РФ, не устранив многих противоречий и коллизий между уголовным и уголовно-процессуальным законодательством, породил новые за счет «вклинивания» процессуальных норм в действующее материальное законодательство, формулирования процессуальных правил в отрыве от корреспондирующих им уголовно-правовых норм. Наиболее рельефно несогласованность уголовного и уголовно-процессуального законов проявилась при регламентировании задач уголовного судопроизводства, условий и порядка прекращения уголовных дел и уголовного преследования по нереабилитирующим основаниям, правил назначения наказания при рассмотрении дела судом с участием присяжных заседателей, применения принудительных мер медицинского характера, при конструировании отдельных составов преступлений.

6. Согласование уголовно-процессуального и уголовного законодательства предполагает разработку предложений по решению на законодательном уровне как минимум следующих вопросов: приведение в соответствие ст.6 УПК РФ, определяющей назначение уголовного судопроизводства, с задачами уголовного закона (ст.2 УК РФ), отражение в ней задачи охраны общественной безопасности и общественного порядка, конституционного строя от преступлений; «стыковку» нормативных предписаний уголовного и уголовно-процессуального законов, устанавливающих условия и порядок освобождения от уголовной ответственности; корректировку процессуальных правил назначения наказания при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением (ч.2 ст.316 УПК РФ), норм об основаниях, условиях и порядке освобождения несовершеннолетних от уголовной ответственности с назначением принудительных мер воспитательного воздействия, направлением в специализированное учреждение для несовершеннолетних (ст.ст.427, 431-432 УПК РФ) с положениями Общей части УК РФ; формулирование самостоятельных общих уголовно-правовых и уголовно-процессуальных условий применения примечаний Особенной части; оптимизация предусмотренного гл.31 УК РФ «Преступления против правосудия» комплекса уголовно-правовых средств, направленных на достижение задач уголовного судопроизводства.

7. Сравнительный анализ задач, назначения уголовного судопроизводства (ст.2 УПК РСФСР, ст.6 УПК РФ) и оперативно-розыскной деятельности (ст.2 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее – Закон «Об ОРД»)) позволяет считать, что они совпадают в главном, принципиальном: направлены на обнаружение и раскрытие преступлений, создание фактических и юридических условий для привлечения к уголовной ответственности совершивших преступления лиц. Это служит объективным фактором, обусловливающим, с одной стороны, тесную взаимосвязь уголовного процесса и оперативно-розыскной деятельности, а с другой – необходимость максимального согласования уголовно-процессуального и оперативно-розыскного законодательства.

8. Законодательное оформление оперативно-розыскной деятельности способствовало дальнейшему сближению уголовно-процессуальной и оперативно-розыскной деятельности. В уголовно-процессуальном законодательстве и Законе «Об ОРД» используются и «прижились» общие либо близкие по смыслу понятия и термины: «раскрытие преступления», «обнаружение преступлений», «предупреждение преступлений», «пресечение преступлений», «изобличение в совершении преступления», «установление лиц, совершивших преступления», «оперативно-розыскные мероприятия», «результаты оперативно-розыскной деятельности», которые надлежит рассматривать в качестве связующих звеньев между данными законами.

9. Согласование уголовно-процессуального и оперативно-розыскного законодательства предполагает изучение объективно существующих связей между указанными правовыми отраслями, их взаимной обусловленности, характера соотношения, соподчиненности. Для обеспечения успешного использования результатов ОРД в уголовном процессе необходимы анализ и сопоставление соответствующих нормативных предписаний УПК РФ и Закона «Об ОРД», выявление существующих между ними противоречий и степени сбалансированности, формулирование предложений по совершенствованию правового регулирования применения результатов ОРД при производстве по уголовным делам.

10. Актуальным в контексте проблемы согласования УПК и Закона «Об ОРД» является обеспечение корреспондирования норм обоих законов в части регламентации проведения оперативно-розыскных мероприятий с обвиняемыми и подозреваемыми, содержащимися под стражей.

Для этого надлежит внести соответствующие изменения в УПК РФ, Закон «Об ОРД», а применительно к ситуациям, когда необходимость осуществления оперативно-розыскных мероприятий возникает в отношении подозреваемых и обвиняемых, содержащихся под стражей, и в Закон «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений».

Соответствующие нормы можно было бы закрепить в законодательстве путем:

1) изложения в новой редакции части второй статьи 95 УПК РФ:

«2. В случае необходимости и с письменного разрешения дознавателя, следователя, прокурора допускаются встречи сотрудника органа дознания, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность, с подозреваемым для проведения его опроса»;

2) дополнения статьи 7 Закона «Об ОРД» частью седьмой:

«7. Оперативно-розыскные мероприятия с подозреваемым и обвиняемым, содержащимся под стражей в связи с задержанием или применением меры пресечения в виде заключения под стражу, проводятся с разрешения дознавателя, следователя, прокурора, в производстве которых находится уголовное дело»;

3) дополнения статьи 6 Закона «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» частью четвертой:

«4. Встречи с подозреваемыми и обвиняемыми сотрудников органа дознания для проведения оперативно-розыскных мероприятий допускаются на основании письменного разрешения дознавателя, следователя, прокурора, в производстве которых находится уголовное дело».

11. В специальном комплексном правовом регулировании нуждаются и вопросы освобождения от уголовной ответственности (смягчения наказания) лиц из числа членов преступной группы, активно способствовавших раскрытию тяжких и особо тяжких преступлений.

Оперативно-розыскные основания и условия освобождения от уголовной ответственности членов преступных групп, банд, преступных сообществ и организаций, способствующих раскрытию и пресечению преступлений (ч.4 ст.18 Закона «Об ОРД»), требуется усовершенствовать и привести в соответствие с современным уголовным законодательством (ст.35, примечание к ст.210 УК РФ).

ОБОСНОВАННАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ СОБСТВЕННОСТИ, ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В ЗАВИСИМОСТИ ОТ НЕЕ КАК ФАКТОР ПОВЫШЕНИЯ ДЕЙСТВЕННОСТИ УГОЛОВНОГО ЗАКОНА

Плохова В.И., д.ю.н., доцент
Алтайский государственный университет

1. Многие ошибки при квалификации преступлений против собственности, нескончаемые дискуссии о соотношении хищений и иных преступлений против собственности в теории уголовного права порождены недостаточно корректной законодательной формулировкой понятия «хищение», рассредоточением деяний по статьям УК РФ, дифференциацией уголовной ответственности в зависимости от принадлежности преступления к этой группе. Типичные признаки, характерные только для хищений, обнаруживаются и в не отнесенных законодателем к этой группе преступлениях против собственности. Признаки части мошеннических деяний, например, совпадают с причинением имущественного ущерба собственнику или владельцу имущества путем обмана или злоупотребления доверием; грабежа, разбоя – с вымогательством, всех названных – с неправомерным завладением автомобилем или иным транспортным средством.

Ситуации, когда потерпевший осознает начальный процесс изъятия имущества, судебно-следственной практикой оцениваются по-разному. В одних случаях, когда виновные сами забирают имущество, без предложения как бы добровольно отдать его, действия квалифицируются как ненасильственный грабеж, в других – как насильственный, чаще всего в совокупности с вымогательством. В 88% уголовных дел о вымогательстве следственными или судебными органами исключается либо наоборот вменяется грабеж.

Большинство ученых признают изъятием передачу имущества под воздействием обмана. Лишь некоторые авторы предлагают вывести из разновидностей хищения вторую форму мошенничества – приобретение права на чужое имущество. Законодатель неоднократно менял позицию в отношении вымогательства: то признавая, то не признавая его хищением. Многие авторы и сейчас утверждают, что вымогательство необходимо рассматривать как разновидность хищений (или часть вымогательских действий сле-

дует считать хищением, другую – отнести к иным, кроме хищений, преступлениям против собственности).

При существующей конструкции составов преступлений против собственности практически размывается грань между насильственным изъятием имущества и склонением собственника к отдаче своего имущества. В теории и на практике вменяется состав вымогательства во всех случаях, когда в действиях виновного содержатся признаки вымогательства, не названные в грабеже, разбое (если насильственно изымается право на имущество, или потерпевший принуждается совершить другие действия имущественного характера, или понуждается передать вещь, но с угрозой уничтожения или повреждения имущества или с использованием шантажа), несмотря на то что отсутствует один из главных признаков, отграничивающий грабеж, разбой от вымогательства, – нет разрыва во времени между понуждением и передачей имущества, права на имущество.

2. Как в вымогательстве, так и в мошенничестве, как в первой, так и во второй форме, характер действий виновных отличается от изъятия. В них имеет место склонение собственника (владельца) выполнить действия имущественного характера. Склонить (убедить сделать что-либо, согласиться с чем-либо) собственника, владельца имущества к совершению действий: передать, оформить право, например, на совершение отдельных правомочий с ним, отказаться от своих имущественных притязаний (простить долг) и т.д. возможно против и помимо его воли. Необходимо также различать две ситуации: 1) когда лицо может заиметь имущество без согласия и соучастия в этом собственника, например отобрать; 2) когда лицо без согласия собственника, его определенных действий (бездействия) не может получить желаемый результат – заиметь имущество, оставить его у себя. В вымогательстве имеет место адекватно осознанное, но вынужденное, в мошенничестве – неадекватно осознанное «добровольное» соучастие собственника или иного владельца в выполнении этих действий.

3. Некоторые названные законодателем признаки хищения не отвечают ни криминологическим, ни правовым основаниям криминализации этой группы деяний:

– корыстная цель свойственна не только хищениям, но и другим преступлениям против собственности; имущество предназначено для использования в соответствии с его потребительскими свойствами. Это то, ради чего и для чего совершаются виновным операции, движения, действия, система действий, то есть смысл деятельности (бездеятельности), посягающей на имущественные

интересы собственника. Присущий всем преступлениям против собственности (кроме уничтожения и повреждения имущества), он не может разграничивать их, влиять на их общественную опасность вообще, тем более выборочно;

– предметом как хищений, так и иных преступлений против собственности является имущество в широком смысле слова (совокупность вещей, имущественных прав);

– изъятие предмета материального мира – вещи или заменителя стоимости – существенно не влияет на размер вреда, который может быть причинен собственнику, владельцу;

– существенно не отличаются возможные способы посягательства в зависимости от прав, на которые посягает виновный: собственности, иные вещные права, обязательственные.

Для всех видов действий/бездействия, которыми можно причинить вред собственнику, необходимо предусмотреть одинаковые условия криминализации и санкции:

– действия, которыми можно причинить вред собственнику, не ограничиваются изъятием имущества; он может быть причинен склонением собственника (обманом, шантажом, насилием) к передаче имущества, к оформлению прав на имущество;

– общественная опасность бездействия (невозвращение имущества, невыплата долга) при одних и тех же действиях-способах (обман, насилие, шантаж) и действия одинаковы. Смысл бездеятельности в преступлениях против собственности заключается в том, чтобы оставить у себя и использовать в соответствии с потребительными свойствами имущество, переданное собственником, владельцем третьим лицам. Передаваться могут различные по характеру вещные права на основании гражданско-правовых, трудовых, публичных договоров. Устоявшаяся гражданско-правовая классификация договоров (направленные на получение имущества, о выполнении работ, об оказании услуг, об образовании юридического лица) не может автоматически влиять на решение вопроса о «рассредоточении» невозврата, неотдачи, неоплаты переданного имущества (пользования им) между ст.159, 160 и 165; ст.161, 162 и 163 УК РФ;

– реальный имущественный вред – основание криминализации всех деяний (изъятие, склонение), посягающих на имущественные интересы собственника, владельца имущества.

4. Типичность способов-действий (бездействия) лиц, посягающих на интересы собственника, владельца имущества, состоит в том, воздействовал ли виновный на потерпевшего или нет при совершении преступления. Повышенная общественная опасность

воздействия на потерпевшего определяется сопряженностью его с физическим насилием или угрозой его применения.

Изложенное позволяет заключить, что понятие «хищение» из УК РФ целесообразно исключить, а преступления против собственности классифицировать на три группы: без воздействия на собственника, владельца имущества; с ненасильственным воздействием на них; с насильственным воздействием.

Методологический семинар
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ БОРЬБЫ С ОРГАНИЗОВАННОЙ ПРЕСТУПНОСТЬЮ И ТОРГОВЛЕЙ ЛЮДЬМИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

СООБЩЕНИЯ И ВЫСТУПЛЕНИЯ

INVESTIGATING AND PROSECUTING TRAFFICKING IN HUMAN BEINGS

Mary Helen Louise Verwiel
Public Prosecutor, National Public Prosecutor´s Office, Rotterdam, Netherlands

Introduction

The traffickers and their victims come from all over the world.

The organisations of traffickers usually operate within supra regional and international networks, characterised by various organisational structures and different degrees of organisation.

Their main motivation is financial gain.

They make use of a variety of channels and methods, which obviously requires an appropriate flexibility among the police services in the different countries that support the judicial authorities in their fight against this form of crime.

Until the 70's prostitution in Holland was mainly a local affair, dominated by Dutch pimps and Dutch prostitutes.

Since then the number of foreign prostitutes has increased rapidly: until the late 80's this number was mainly made up by South East Asian and Latin American women.

With the fall of the iron curtain and the withdrawal of border-controls due to the expansion of the European Union there was a significant shift: today a growing number of Central and Eastern European women (from Poland, Russia, Ukraine, Romania, Bulgaria and Moldavia) are now found in prostitution, may of whom were smuggled and victims of THB.

Organisation of the public prosecution system in the Netherlands

For cooperation it is important to understand each other's legal system and organisation.

In the Netherlands there are nineteen law courts, each covering a court district.

In every city with a law court, the public prosecution service has an office.

Next to that we have a national prosecution service which is not linked to a particular district or appeal court, since it focuses on international forms of organised crime like THB.

If foreign police- or judicial organisations are seeking for cooperation in an investigation, they should adress the national prosecution service in Rotterdam.

Relation between the public prosecution service and the police

If the police is investigating criminal acts, they operate under the authority of the public prosecutor (as opposed to maintenance of public order, where the police acts under responsibility of the administration, i.e. the mayor).

The public prosecutor decides whether prosecution will take place; we are not obliged to proceed to prosecution.

THB however is considered to be a serious crime, which means that the detection and prosecution of traffickers is given high priority.

Relevant legislation

In Dutch legislation, trafficking in human beings and migrant smuggling are distinguished crimes.

Smuggling is assisting people for money or other gain to enter or stay in an other country illegally.

Trafficking is recruiting, transporting, kidknapping, placing and holding human beings in prostitution or other forms of exploitation in an other country.

Unlike smugglers, traffickers are not satisfied with making money just through the transport of persons across borders, they have a further motivation: they force people into slave like conditions in the sex industry.

Prostitution in the Netherlands has always been legal, but brothels were not.

However, as some other things (…) in the Netherlands, brothels (and its illegal workers) were tolerated and hardly ever checked.

In 2000 the government decided to legalise the employment of prostitutes, provided they have reached the age of majority, have a work permit and do the work voluntarily.

The employment of prostitutes is regulated now by municipal licenses.

To obtain (and keep!) these licenses there are numerous regulations to be observed, not always to the convenience of either prostitute or his or her employer!

Essential is that the compliance with the license is actively supervised.

The bigger police regions set up specialised prostitution teams: during their controls in brothels, sex shops, porn cinemas and strip clubs, signals of THB can be overheard.

During these inspections they are f.e. authorised to check the identification document of the sex worker.

They have received special training to recognise and acknowledge any signs of trafficking.

These police officers are especially assigned to these duties and operate under a strict code of conduct.

The difficulties in investigating cases of human trafficking

The main objectives in THB investigations are:

– protection of victims
– uncovering activities & motives of human traffickers
– and the criminal organisations involved
– removal of financial profits
– special and general prevention

The main obstacles are:

– Language barriers, need for interpreters, no direct conversation (1)
– Cultural differences, the way the police is looked upon, justice authorities are looked upon, and women and prostitutes are treated (1)
– Fear for expulsion, for violence, against themselves or their families (1)
– Lack of insight: information is fragmented (2)
– International character of the crime (3)

(1): Few victims are willing to press charges or testify against traffickers or even dare to acknowledge that they are victims.

Their fear is tremendous and they feel they have little to gain by giving a statement.

The presence of interpreters (often a person coming from the same country or region as the victim) can give cause for an extra feel of reluctance or shame to give statements.

What do you think of the presence of a male interpreter translating the statements of a female victim?

And what about the correctness of the translations?

In many cases neither the victim or the police are able to check if the translations are correct; this is very much a situation of trust and good experiences and references in investigations which are done before.

Certain programs and facilities have been devised to give them an incentive to come forward.

Prostitutes who are illegally in the Netherlands and who are a victim of THB are entitled to assistance of the government.

Anyone who presses charges against a trafficker is granted a temporary residence permit pending the outcome of the proceedings.

The victims are given three months to decide whether they want to press charges or not.

They are allowed to stay legally in the Netherlands during this period and may use all public facilities and services, such as counseling, medical care, financial and legal services.

Safe houses are provided for.

The victim is also offered the possibility to use the criminal proceeding to file for material and immaterial damages.

If the suspect is convicted the judge can confiscate the illegal gains and/or assign compensation to the victim.

This will at least enable the victim to retrieve some of her money.

During this period however they are not allowed to work; moreover their residence permit is withdrawn as soon as the proceedings are finished.

This situation is criticised both by police-officers involved in investigations of traffickers, social workers and policy makers.

After a long time abroad victims have to go back to their home-country were they sometimes are not welcome anymore, because it was found out the victim worked as a prostitute.

The fact that she was forced to do this does unfortunately often not count.

The Dutch government is not willing to change this policy because of fear of misuse of the procedure.

(2): An other obstacle is the lack of insight in the sex industry.

Legalising has improved this insight, because of the frequent inspections: the police is a familiar presence in the sector.

This leads to more information and more prostitutes willing to give a statement.

Persons who are very afraid can be introduced to police-officers of an intelligence unit: a witness becomes an anonymous informant: a detailed statement will quickly reveal the identitity of the one who made it, so many details have to be left out.

An intelligence report can not be used as proof but can be useful for analysing and giving directions for starting new investigations or for running investigations.

(1) and (3): What makes it even more difficult (but in the same time much more interesting!) is the fact that there are always more countries involved.

We need the international co-operation to make the investigation a succes.

As I wrote earlier, getting to know each others judicial system is indispensible: f.e. sending a letter of request in plain Dutch to a country were it is difficult to get it translated, or asking for numerous urgent wire-taps does not make much sense in a country were this is not allowed or technically impossible.

We also need this co-operation in view of the protection of the victims.

It is hard to get to know and understand what is happening in the source-country.

Is there for instance, a danger for the family of the victim and how serious is a threat?

As a Dutch prosecutor I have little knowledge of and no control at all over the events in an other country.

Therefore I need close contact with authorities abroad to be able to inform the victim correctly and to take the right decisions regarding the safety of the victim.

These contacts are also necessary to know what will happen with the victim when she returns home or to be able to support a request for a longer stay in my country.

Prosecuting THB

The material gathered by the police is handed over to the defense-lawyers and the court.

This material consists of background information of the victims, the way they were recruited, the acts of the traffickers, transfer to the

Netherlands, the victim's employments in prostitution, criminal contacts in Holland, financial agreements etc. etc.

It is important similarities between the various statements are revealed.

Similarities may be considered as supporting evidence, which in cases such as these, is rare.

The witness statement is an important piece of evidence.

Partly on the basis of the jurisprudence of the Court for Human Rights, the defence must be given the opportunity to examine any incriminating evidence presented by the judicial authorities.

In most cases, the victim is not heard in a public trial, but in private by the examining magistrate.

The suspect is not present, but the defense lawyer, prosecutor and of course an interpreter who speaks the victim's language.

The examining magistrate, with support of the prosecutor, guarantees a proper questioning.

The victim's whereabouts are kept secret.

Obviously the interests of a defense-lawyer are different from the interests of the police and the prosecutor.

As written before, witness statements are given under emotional circumstances: one does not keep written records of one's life's tragedies.

Some defense-lawyers (not all!) are all too easily misusing this and try to draw attention to possible inconsistencies, on which they base their pleas.

What other corroborating evidence is there?

Obviously telephone taps, supported by the results of observations, may steer the investigation and produce some form of evidence.

Recently we sent some undercover-agents into a suspected illegal brothel to check if this was true, to see how many women were working there and to check of what nationality they were.

The agents took the cover of interested clients: they brought 2 visits and –of course!- only had drinks.

They brought back useful evidence: yes, it was a brothel, yes there were working illegal foreign women, they even brought back names of some women and could identify pimps and traffickers they had seen on photos shown to them before their visits.

Technical equipment in or on cars or other places where crimes are suspected to take place, can be of a help.

Human traffickers are continiously looking for markets that will take their women (sex clubs, brothels, escort agencies), so there are ample opportunities to gather evidence other than victim-statements.

People who are using bookkeepers, drivers, bartenders, medical services and handymen.

Handymen sometimes can tell you where the secret hiding places are.

However, the government and legislators also have their responsibility.

We have an explicit prohibition with regard to the passage of people when there is a suspicion of human trafficking: free passage in this case will never be allowed.

If an investigating officer becomes aware of a location of victims of THB, or a transport of possible victims of THB only passing through Holland, we have to act immediately.

This can bring us in a situation where we are forced to act at a moment when it is tactically not clever.

It prevents us from finding the places where the victims are brought to or suspects find out in a premature stage that the police is interested in their activities.

Defense lawyers explicitly check the papers if a prosecutor illegally allowed the police not to act although according to this law they were obliged to.

Witnesses and suspects of this kind of investigations do not find themselves just in Holland, but in locations all over Europe or other parts of the world and not always with fixed abode.

This makes it difficult for liaison officers to trace people and to comply with requests for legal asistance, which will undoubtly lead to a delay.

Sometimes this is seized as an opportunity by defense lawyers, who repeatedly beleager the court with letters and, preferably at the last moment put in requests to hear witnesses abroad.

Sometimes the court cannot refuse these requests, with new delays as a consequence.

The next step by (some) defence lawyers is the argument the procedure is taking too much time and this must have consequences for the preventive custody of their client.

As long as you -as a prosecutor- can give a plausible explanation the delays are not caused by you or the police, the court –in general- will not allow the suspension of the custody of the suspect(s).

All this obviously applies to cases of human trafficking in which the criminal acts already have been committed.

In my view however it is just as important to fight against this form of crime in the source countries by preventing the criminals from setting up and operating through their networks.

It is also important to convince potential victims in the source countries that it is not all roses in Western Europe.

Coming to Western Europe on a tourist visa does not mean you can get a work permit.

The premises I have searched in these cases were always very dirty and basic: 1 dirty toilet and shower for everyone: clients and prostitutes; victims seldom had a place of their own, extreme working hours at 7 days a week and hardly enough money to live.

As an escort illegal prostitutes are often brought to clients with excessive needs where legal prostitutes do not want to go.

What we can learn from criminals however is networking: international cooperation is of great importance!

INTERNATIONAL STANDARDS AGAINST TRAFFICKING OF HUMAN BEINGS: THE PALERMO PROTOCOL AND THE COUNCIL OF EUROPE CONVENTION

Athanassia Sykiotou
Lecturer of Criminology,
Democretus University of Thrace

According to estimations reflected in the reports of UN, UNICEF and the European Parliament more than 4 million persons worldwide are being trafficked every year. Among them, UNICEF estimates that about 1,2 million are children. According to the European Parliament, each year about 500,000 victims of trafficking enter into the West Europe.

It is also estimated by Interpol that a «medium» trafficker gains approximately more than 100,000 € per year. That money is often used to fund other types of criminal activities, such as drug and arms trafficking, corruption and in some cases terrorism.

Most of the european countries have signed and ratified the existing international instruments related directly or indirectly to trafficking, such as: the Protocol to Prevent, Suppress and Punish Trafficking for the purpose of sexual exploitation in Persons, especially

Women and Children, supplementing the United Nations convention against Transnational Organized Crime (2000).

However, up to now, none of the international or regional instruments cover the issue of trafficking in persons in a complete and satisfactory manner. The need to cover the issue suffficiently was taken into consideration by the Council of Europe, which decided to draft a new European Convention against trafficking in persons, as we will develop below.

The Palermo Protocol

The UN Protocol to the Transnational Organized Crime Convention of 2000 (the Protocol to Prevent, Suppress and Punish Trafficking in Persons, Especially Women and Children) most known as the «Palermo Protocol», sets its purposes in Art.2, which are:

«(a) To prevent and combat trafficking in persons, paying particular attention to women and children;

(b) To protect and assist the victims of such trafficking, with full respect for their human rights; and

(c) To promote cooperation among States Parties in order to meet those objectives».

Criminalization and sanctions

According to the definition given by Art.3 (a); (definition adopted also by the Ad Hoc Committee of the Council of Europe on Action against Trafficking in Human Beings (CAHTEH) for the drafting of the new European Convention against trafficking):

«Trafficking in human beings» shall mean the recruitment, transportation, transfer, harbouring or receipt of persons, by means of the threat or use of force or other forms of coercion, of abduction, of fraud, of deception, of the abuse of power or of a position of vulnerability or of the giving or receiving of payments or benefits to achieve the consent of a person having control over another person, for the purpose of exploitation. Exploitation shall include, at a minimum, the exploitation of the prostitution of others or other forms of sexual exploitation, forced labour or services, slavery or practices similar to slavery, servitude or the removal of organs»

According to para (b):

«The consent of a victim of trafficking in persons to the intended exploitation set forth in subparagraph (a) of this article shall be irrelevant where any of the means set forth in subparagraph (a) have been used».

The Protocol sets some important elements, such as:

- That trafficking can be any kind of exploitation of the human body and

- That the consent of the victim of trafficking should be irrelevant to the act if the precise means have been used (except in the case of children where the consent is irrelevant even if other means have been used). This is a very important derogation from what is the rule to most of the crimes related to morality and the genital sphere (e.g. the rape can not be established if the victim has consented to it). The Protocol does not give the definition of the victim, but one can understand that a victim is the person who is presumed or found to be subject to the actions described as trafficking.

According to Article 5 of the Protocol, States «should adopt legislative and other measures as may be necessary to establish as criminal offences: (a) the committing and attempting to commit trafficking in persons (in accordance with article 3); (b) participating as an accomplice in trafficking; and (c) the organisation or direction of other persons to commit trafficking in persons.

Regarding the establishment of the crime of trafficking against a child, –where, according to Art. 3 (d) of the Protocol a *«**Child**» is any person under eighteen years of age»*, the Protocol does not submit it to the condition of the means used. According to Art. 3 (c) of the Protocol: *«The recruitment, transportation, transfer, harbouring or receipt of a **child** for the purpose of exploitation shall be considered «trafficking in human beings» even if this does not involve any of the means set forth in subparagraph (a) of this article»*. However, some legislations suppose the use of same means by the perpetrator to those provided for adults (e.g. Greece).

As for the sanctions, the Protocol does not mention anything. We can assume indirectly from Art.11 of the TOC Convention which, of course, is applicable together with the Protocol, that States should establish sanctions that take into account the gravity of the offence. However, this is very vague and can result in a great variety of sanctions at national level (which, actually, it does).

Protection of and assistance to victims of trafficking in persons

The same Article provides for measures concering the physical, psychological and social recovery of victims of trafficking in persons, in cooperation with non-governmental organizations, in particular:

(a) appropriate housing; (b) counselling and information, in particular as regards their legal rights, in a language that the victims of trafficking in persons can understand; (c) medical, psychological and material assistance; and (d) employment, educational and training opportunities. Each State should take measures for the physical safety of victims of trafficking in persons while they are within its territory (para 5).

For the application of such provisions the Protocol provides that States should take into account, the age, gender and special needs of victims of trafficking in persons, in particular the special needs of children, including appropriate housing, education and care (para 4).

The new European Convention of the Council of Europe against Trafficking in Human Beings

The Council of Europe has made continuous efforts for the last 20 years in the fight against trafficking in human beings with a series of binding and non-binding texts regarding trafficking and the sexual exploitation, as we've seen above. As provided in the Rec. (2000) 11 of the Committee of Ministers of the Council of Europe, the action against trafficking consists in reviewing the national legislations with a view to effectively prosecuting and punishing of traffickers. However, this Recommendation does not cover all forms of trafficking, since it is limited only to the sexual exploitation.

The Council of Europe taken into consideration all international and regional instruments related directly or indirectly on trafficking and also the existing shortcomings of the national and international legislation concerning this subject, has taken the initiative to draft a European binding instrument against trafficking: a new Convention, in order to contribute to the harmonization of legislation in trafficking throughout the European continent. For this purpose, the Council has taken a decision on April 2003 to mandate an Ad Hoc Committee on Action against Trafficking in Human Beings (CAHTEH) for the drafting and adoption of the future Convention.

The draft convention has been finalised by the CAHTEH in December 2004 and has been submitted to the Council of Europe Parliamentary Assembly, where after its approval will be referred to the Committee of Ministers, which is the only body entitled to adopt a Convention of the Council of Europe.

The CAHTEH has also decided to draft a Protocol aiming at the criminalisation of trafficking for the purpose of the removal of organs, which is a form of trafficking not fully covered by international instruments, yet tremendously increasing in Europe, especially concerning children.

In general terms, it has to be stressed that the future European Convention appears, for the moment, as a promising instrument with a more wide scope and more precise and detailed provisions than any other previous international or regional instrument on trafficking in human beings, which can contribute to the legislative harmonization procedure throughout the European continent.

Conclusion

As we mentioned before, most of the european countries have signed and ratified most of the existing international instruments related directly or indirectly to trafficking in human beings, such as: the Protocol to Prevent, Suppress and Punish Trafficking for the purpose of sexual exploitation in Persons, especially Women and Children, supplementing the United Nations convention against Transnational Organized Crime (2000) and it is also expected that they will sign and ratify the new european Convention against trafficking.

However, if there is no drafting of internal implementation legislation every international instrument remains only wishful thinking. Thus, what urges the most is that countries take specific measures regarding the implementation of all international and european instruments against trafficking in human beings.

ANNEXE

Recommendations on Legal Action for the Russian Federation as established during the seminar of Moscow (15-16/1/22004) organised by the Council of Europe on «Action against Trafficking in Humam Beings in the Russian Federation: Towards an Action Plan»

1. Signature and ratification of all UN and Council of Europe Conventions and related Protocols dealing directly or indirectly to trafficking of human beings, such as the Protocol on Pornography supplementing the Convention on the Rights of the Child and the Convention on Kidnapping.

2. Immediate adoption of draft federal law on countering trafficking in persons and implementation of draft law on protection of victims and witnesses, as well as implementation of the new criminal procedural code, which complies with the international texts, especially in the field of judicial cooperation.

3. Harmonisation of the legislation (criminal code and all texts at national level) regarding the notion of the «child» which should be set as in the Protocol of Palermo and the Convention of the Rights of the Child.

4. Punishment of trafficking in children in any case the victim is under 18 years.

5. No exemption to the punishment of trafficking whenever the *corpus delicti* is established.

6. Broaden the definition of trafficking in order to include any form of exploitation (for the moment trafficking is limited only to some specifically mentioned forms of exploitation).

7. Introduce a separate criminalisation of the trade of children, in order to punish behaviors that do not constitute exploitation, such as illegal adoptions.

8. Punishment of the attempt should be egalised to the punishment of the committement of the offence.

9. Support of the already made proposals (as in the draft law of countering trafficking in persons) referring to: the non-punishment of the victim of trafficking for the action connected to the exploitation under any sanction be it administrative, criminal or other; and the inclusion of provisions on liability of legal persons as proposed in Art.16 of the draft law.

ОТКАЗ ОТ УГОЛОВНОГО ПРЕСЛЕДОВАНИЯ УЧАСТНИКОВ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ТЕРРОРИСТИЧЕСКОГО ХАРАКТЕРА НА ОСНОВАНИИ СПЕЦИАЛЬНЫХ НОРМ ОСОБЕННОЙ ЧАСТИ УК РФ

Калугин А.Г., к.ю.н.
Сибирский юридический институт МВД России

Специальные основания освобождения от уголовной ответственности, предусмотренные примечаниями к статьям Особенной части УК РФ, рассматриваемые как элемент комплексного межотраслевого института деятельного раскаяния, призваны быть эффективным механизмом, работающим в направлении экономии уголовно-правовой репрессии и самоограничения уголовным законом форм и интенсивности своего применения за счет побуждения виновного к явке с повинной, добровольному устранению или смягчению последствий содеянного, сотрудничеству с органами, ведущими расследование. Вместе с тем эффективность этих норм непосредственно зависит от их рациональной и логичной конструкции в уголовном и уголовно-процессуальном законодательстве.

Очевидно, по замыслу законодателя наибольшее значение специальные основания освобождения от уголовной ответственности имеют для пресечения и раскрытия преступлений террористического характера и предупреждения их тяжких последствий, поскольку расширение самого перечня таких оснований в последнее

время происходило, главным образом, именно за счет дополнения соответствующими примечаниями норм Особенной части УК РФ, предусматривающих ответственность за преступления террористической направленности.

В настоящее время в соответствии с такими примечаниями от уголовной ответственности может быть освобождено лицо, которое:

– добровольно освободило похищенного им человека (примечание к ст.126 УК РФ);

– впервые совершило акт торговли людьми, предусмотренный ч.1 или п.«а» ч.2 ст.127^1 УК РФ, однако добровольно освободило потерпевшего и способствовало раскрытию совершенного преступления (примечание к ст.127^1 УК РФ);

– участвовало в подготовке акта терроризма, но своевременно предупредило об этом органы власти или иным образом содействовало предотвращению осуществления акта терроризма (примечание к ст.205 УК РФ);

– вовлекло других лиц в деятельность террористической организации, в совершение преступлений террористического характера, осуществляло вооружение, обучение террористов или финансирование террористической деятельности, однако добровольным и своевременным сообщением органам власти или иным способом способствовало предотвращению одного из перечисленных преступлений террористического характера (примечание к ст.205^1 УК РФ);

– добровольно или по требованию властей освободило захваченного им заложника (примечание к ст.206 УК РФ);

– добровольно прекратило участие в незаконном вооруженном формировании (ч.2 ст.208 УК РФ) и сдало оружие (примечание к ст.208 УК РФ);

– добровольно прекратило участие в преступном сообществе и активно способствовало раскрытию или пресечению деятельности лидеров преступного сообщества (примечание к ст.210 УК РФ);

– добровольно сдало незаконно хранящееся у него оружие, его основные части, боеприпасы, взрывчатые вещества и взрывные устройства (примечание к ст.222 УК РФ);

– добровольно сдало незаконно изготовленное или ремонтируемое им же оружие, комплектующие детали к нему, боеприпасы, взрывчатые вещества и взрывные устройства (примечание к ст.223 УК РФ);

– добровольно сдало незаконно хранящиеся у него без цели сбыта наркотические средства, психотропные вещества или их аналоги и активно способствовало раскрытию или пресечению

преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, изобличению лиц, их совершивших, обнаружению имущества, добытого преступным путем (примечание к ст.228 УК РФ);

– совершило действия, направленные на насильственный захват или удержание власти либо на насильственное изменение конституционного строя Российской Федерации (ст.278 УК РФ), однако добровольным и своевременным сообщением органам власти или иным образом способствовало предотвращению дальнейшего ущерба интересам Российской Федерации (примечание к ст.275 УК РФ);

– участвовало в экстремистском сообществе, однако добровольно прекратило свое участие в нем (примечание к ст.282^1 УК РФ);

– участвовало в деятельности объединения или организации, в отношении которых вступило в законную силу судебное решение о ликвидации или запрете деятельности в связи с экстремистским характером этой деятельности (примечание к ст.282^2 УК РФ).

Законодательная гарантия освобождения от уголовной ответственности путем прекращения уголовного дела в этих случаях используется в качестве стимула, когда между совершенными действиями и их возможными тяжкими последствиями имеется некий промежуток времени, в течение которого этот стимул может «сработать» и виновное лицо своими добровольными активными действиями предотвратит наступление этих последствий. Таким образом, несмотря на способность предупреждать подчас чрезвычайно вредные последствия, наличие специальных оснований даже при обязательном освобождении от уголовной ответственности не исключает общественной опасности совершенного деяния и не превращает его из преступного в непреступное.

Детальный анализ содержания правовых норм и осмысление практики их применения позволяют сделать вывод о том, что многие из специальных оснований освобождения от уголовной ответственности сформулированы неудачно, некорректно, соответственно, далеко не всегда адекватным является их толкование в правоприменительной практике.

В частности, примечание к ст.126 УК РФ (похищение человека) не учитывает повышенной общественной опасности данного преступления при наличии квалифицирующих признаков, предусмотренных ч.ч. 2 и 3 указанной статьи. Интересно, что аналогичные нормы уголовного законодательства других государств (Франции, ФРГ, Испании, Польши) предусматривают лишь смягчение наказания при наличии соответствующих оснований, но не

полное освобождение от уголовной ответственности.[1] Это замечание касается и других специальных оснований, предусматривающих освобождение от уголовной ответственности за тяжкие и особо тяжкие преступления террористической направленности (примечания к ст.ст. 205[1], 206, 275 УК РФ).

Если обратить внимание на ст.127 УК (незаконное лишение свободы), предусматривающую смежный со ст.ст.126 и 206 УК РФ состав преступления, но не имеющую примечания, содержащего специальное основание освобождения от уголовной ответственности, нетрудно убедиться, что деяния, предусмотренные ч.ч. 1 и 2 данной статьи, относятся к категориям соответственно небольшой и средней тяжести, а деяние, предусмотренное ч.3, является тяжким преступлением. Из этого следует, что лицо, совершившее преступление, предусмотренное ч.1 или ч.2 ст.127 УК РФ, однако добровольно освободившее потерпевшего, может рассчитывать на освобождение от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием на основании общей нормы – ч.1 ст.75 УК РФ. При наличии квалифицирующих признаков, предусмотренных ч.3 ст.127 УК РФ, законодатель такую возможность исключил ввиду повышенной общественной опасности данного тяжкого преступления. Представляется, что аналогичный подход необходим и при конструировании примечаний к ст.126 и ст.206 УК РФ, тем более что преступления, предусмотренные названными статьями, относятся только к категориям тяжких и особо тяжких.

Определенным образом это замечание касается и примечания к ст.127[1] УК РФ (торговля людьми). Установленные указанным примечанием основания освобождения от уголовной ответственности лица, совершившего преступление, предусмотренное ч.1 ст.127[1] УК РФ, отличаются от общей нормы о деятельном раскаянии (ч.1 ст.75 УК РФ) лишь степенью императивности. Остальные условия освобождения от уголовной ответственности совпадают: это совершение впервые преступления средней тяжести, добровольное освобождение потерпевшего и активное способствование раскрытию преступления.

Представляется нецелесообразным сохранение в действующей редакции примечания к ст.205 УК РФ (терроризм), поскольку его содержание полностью охватывается содержанием общей нормы о добровольном отказе: если лицо, участвовавшее, скажем, в качестве пособника или соисполнителя в подготовке террористического акта, своими активными действиями (например, путем своевременного сообщения органам власти) на стадии приготовления успело предотвратить его совершение, нет необходимости

применять для его освобождения от уголовной ответственности какую-либо специальную норму, так как в силу ст.31 УК РФ эти действия представляют собой добровольный отказ от совершения преступления, что само по себе уже исключает их преступность.

Все перечисленные выше примечания содержат оговорку «если в действиях лица не содержится признаков иного преступления». Поскольку никаких более конкретных указаний в законе не содержится, данное условие может быть истолковано достаточно широко, а именно: если лицо обвиняется в совершении нескольких преступлений (независимо от того, какая форма совокупности преступлений имеет место – реальная или идеальная), соответствующее примечание к этому лицу не может быть применено и оно не подлежит освобождению от уголовной ответственности. Однако судебная практика, как известно, идет по иному пути.

Так, Верховный Суд Российской Федерации, отменяя приговор в части осуждения по ст.222 УК РФ на основании примечания к данной статье (в связи с фактом добровольной сдачи оружия, хотя в действиях осужденного имелись признаки и других преступлений, за которые он понес наказание), принятое решение аргументировал так: факт совершения иного преступления, не связанного с незаконным хранением и ношением оружия, для применения примечания к ст.222 УК РФ значения не имеет.[2]

Представляется, что указание в примечаниях данного условия излишним, так как при освобождении от уголовной ответственности на основании специальной нормы лицо в силу ст.8 УК РФ в любом случае будет нести уголовную ответственность за другое преступление, профилактическая же эффективность специального основания из-за различного толкования упомянутого условия может снижаться. Достаточно указать в соответствующих примечаниях «освобождается от уголовной ответственности за данное преступление», а оговорку «если в его действиях не содержится состава иного преступления» исключить.

---

[1] Антонов А.Г. Деятельное раскаяние как основание освобождения от уголовной ответственности: Дис. …канд. юрид. наук. – Томск, 2000. – С.47-53.

[2] Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2000. – №5. – С.13.

ТОРГОВЛЯ ЛЮДЬМИ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ РОССИИ

Грамматчиков М.В., к.ю.н., доцент
Сибирский юридический институт
МВД России

Совершенствование уголовно-правового регулирования общественных отношений, задачей которого является решение социально-экономических, политических, нравственно-этических и воспитательных задач, способствует нормальному развитию общества и является необходимым условием функционирования любого демократического государства. Россия переживает один из самых сложных и болезненных этапов в своей истории. Расширение прав и свобод человека, закрепленных в Конституции России, повышение роли личности в общественной жизни обуславливают применение более гибких средств и методов в деле борьбы с преступностью. Для решения этих важнейших задач, стоящих перед государством и обществом, предполагается реформирование традиционных отраслей законодательства. Вследствие этого необходимым представляется приведение российского уголовного законодательства в соответствие с криминологической реальностью, использование исторического и мирового опыта в выработке оптимальных правовых решений, обеспечение четкой дифференциации и индивидуализации уголовной ответственности и наказания. По этим основаниям в серьезном переосмыслении нуждаются традиционно сложившиеся правовые понятия и категории, причем в большей мере это относится к охране личности, ее прав и свобод как высшей ценности, закрепленной в Конституции России.

В современный период из всех факторов социальной напряженности в России на первое место выдвигается проблема незащищенности личности от преступных посягательств, среди которых особое место занимают преступления, посягающие на свободу личности, в том числе похищение человека (ст.126 УК РФ), торговля людьми (ст.127[1] УК РФ) и захват заложника (ст.206 УК РФ), где свобода человека является дополнительным объектом.

Анализируя историю развития уголовного законодательства в России, можно сказать, что состав похищения человека нашел отражение еще в первых отечественных законах. Так, ст.29 Русской Правды (Краткая редакция) предусматривала ответственность за кражу и дальнейшую продажу челядина, а в ст.31 предусматривался квалифицированный вид похищения людей – похищение людей для продажи их в неволю.[1] В Псковской судной грамоте за похи-

щение людей и продажу их в неволю предусматривалось наказание в виде смертной казни, а в ст.7, где указывались особо опасные преступления против государства и церкви, упоминается и кража людей.[2]

Нашло отражение похищение человека и в Соборном Уложении 1649 года, причем законодатель не просто отражал факт похищения человека, но и конкретизировал это деяние, в частности была установлена ответственность за похищение женщин и младенцев. В Уставах Петра Великого прямо устанавливалась ответственность за похищение и продажу людей: «ежели кто человека украдет и продаст, оному надлежит, ежели докажется, голову отсечь»[3]. Похищение людей занимало особое место и в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 года, в котором похищение детей было выделено в самостоятельный вид преступления (ст.ст. 1407-1409 Уложения), а в ст.1410 Уложения была установлена уголовная ответственность за продажу в рабство, причем это преступление относилось к группе преступлений против прав состояния. Согласно этой статье формой совершения выступала передача русских подданных за границу под любым предлогом, например продажа женщин для помещения в дома терпимости.

В Уложении 1903 года вопросам похищения и торговли людьми, в том числе и детьми, было уделено особое внимание. Необходимо отметить, что этот закон сделал значительный шаг вперед в сторону развития российского законодательства, причем уголовно-правовые нормы отличались достаточной четкостью требований как гуманистического, так и устрашающего характера, что связано с социально-политической обстановкой в стране в тот период, однако нормы предусматривали уголовную ответственность только за похищение людей, в том числе и детей, и ничего не говорили о торговле людьми (об этом свидетельствовали формы совершения данного преступления: похищение, сокрытие или подмена).

Анализируя тенденции развития российского дореволюционного уголовного законодательства, необходимо отметить, что институт похищения людей развивался в соответствии с экономической и политической жизнью в России. Ужесточение наказания за похищение человека свидетельствовало о высокой опасности этих преступлений и их распространенности на территории Российского государства.

Уголовное законодательство Советского Союза до 1993 года не предусматривало в качестве самостоятельной уголовно-правовой нормы ни торговлю людьми, ни их похищение, однако

ст.125 УК РСФСР 1960 года устанавливала уголовную ответственность за похищение чужого ребенка или его подмену. Это было связано с тем, что в Советском Союзе не было подобного рода преступлений, а преступления, связанные с похищением детей, были относительно немногочисленны, на что указывается в юридической литературе.[4] В 1993 году была введена статья 125[1] УК РФ, предусматривающая уголовную ответственность за похищение человека, но не за торговлю людьми. Как видно из анализа истории развития нашего государства, преступным признавали похищение человека, да и то не во все периоды, а также торговля несовершеннолетними.

Рассматривая данную проблему, необходимо заметить, что торговля людьми – занятие древнее и довольно прибыльное. По мнению профессора А.Л.Репецкой, «торговля людьми достаточно широко распространена в мире, она является высокодоходной и фактически безопасной с точки зрения возможности социального контроля сферой криминального бизнеса», которая стала «заметной проблемой менее десятилетия назад»[5]. По оценкам международных экспертов, ежегодная мировая прибыль от торговли людьми достигает 9,5 млрд. долларов, каждый год в руки торговцев «живым товаром» попадают до 4 млн. человек.[6]

Это привело к тому, что данная проблема стала актуальной для всего мирового сообщества, при этом имеет особую значимость для США, которые еще в 2000 году приняли Закон о защите жертв торговли людьми, а в 2003 году – Закон о предоставлении дополнительных полномочий по защите жертв торговли людьми. В этих законах предписывается, чтобы Государственный департамент США ежегодно представлял Конгрессу доклад об усилиях правительств всех стран мира по ликвидации тяжких форм торговли. В этом докладе все страны подразделяются на три категории: к первой относятся страны, чьи правительства полностью соблюдают установленные минимальные стандарты; ко второй – страны, чьи правительства не полностью их соблюдают, но прилагают значительные усилия, чтобы обеспечить их выполнение. В контрольный список стран второй категории попали страны, чьи правительства не полностью соблюдают установленные в законе минимальные стандарты, но прилагают значительные усилия, чтобы обеспечить их выполнение, при следующих условиях: а) абсолютное число жертв тяжких форм торговли людьми весьма значительно или значительно растет; б) не удалось представить доказательства возросших усилий по борьбе с тяжкими формами торговли людьми по сравнению с прошлым годом; в) мнение о том, что

страна прилагает значительные усилия по выполнению минимальных стандартов, основано на обязательствах страны предпринять дополнительные шаги в следующем году. В третью категорию вошли страны, чьи правительства не полностью соблюдают минимальные стандарты и не прилагают значительных усилий в этом направлении.[7] Из 14 республик бывшего Советского Союза одно государство вошло в первую категорию (Литва), семь государств – во вторую (Армения, Беларусь, Кыргызская Республика, Латвия, Молдова, Украина, Узбекистан); шесть государств – в контрольный список второй категории (Азербайджан, Эстония, Грузия, Казахстан, Россия, Таджикистан).

Необходимо подчеркнуть, что Россия последней из этих 14 государств, бывших республик СССР, криминализировала такое преступное деяние, как торговля людьми. 8 декабря 2003 года Федеральным законом №162-ФЗ в УК РФ была введена ст.127[1] «Торговля людьми», а до этого закон предусматривал лишь уголовную ответственность за торговлю несовершеннолетними (ст.152 УК РФ).

При применении данной уголовно-правовой нормы необходимо определиться с содержанием объективной стороны ст.127[1] УК РФ, поскольку понятие «торговля» законом используется в широком смысле, охватывая куплю-продажу человека, его вербовку, перевозку, передачу, укрывательство или получение.

Однако понятие «торговля людьми» не всегда трактуется одинаково. Так, в законодательстве США оно охватывает работорговлю и современное рабство во всех его формах.[8] В Протоколе о предупреждении и пресечении торговли людьми, особенно женщинами и детьми, и наказании за нее под торговлей людьми понимаются осуществляемые в целях эксплуатации вербовка, перевозка, передача, укрывательство или получение людей путем угрозы силой, или ее применения, или других форм принуждения, похищения, мошенничества, обмана, злоупотребления властью или уязвимостью положения, либо путем подкупа в виде платежей или выгод для получения согласия лица, контролирующего другое лицо.[9]

При соотношении указанных выше определений можно прийти к выводу о том, что понятие «торговля людьми» законодателем сформулировано кратко, при этом признаки торговли не раскрываются, а только обозначены, следовательно, он полагает, что при торговле людьми могут использоваться любые способы принуждения для продажи лица. При этом признаками, характерными для торговли людьми, являются:

1) применение психического или физического насилия либо угроза его применения;

2) изъятие у человека, ставшего жертвой данного преступления, документов, удостоверяющих личность;

3) ограничение свободы передвижения.

Кроме того, в международном законодательстве выделяются такие признаки, присущие торговле людьми, как вовлечение в долговую кабалу, принуждение к труду и обман или злоупотребление доверием. Исходя из толкования диспозиции ст.127[1] УК РФ, указанные признаки не образуют состав данного преступления. Эти признаки характерны для рабства и работорговли, которые даны в Конвенции относительно рабства 1926 года и в Дополнительной Конвенции об упразднении рабства, работорговли и институтов и обычаев, сходных с рабством 1956 года.

Следовательно, понятие торговли людьми и ее основные признаки по сравнению с международным законодательством трактуется уже, не предусматривая признаки, характерные для работорговли. Однако в примечании к ст.127[1] УК РФ в п.2 дается понятие эксплуатации человека, в соответствии с которым под эксплуатацией человека следует понимать использование занятия проституцией другими лицами и иные формы сексуальной эксплуатации, рабский труд (услуги), подневольное состояние, а равно изъятие органов или тканей человека.

Таким образом, понятие торговли людьми (объективная сторона преступления) пересекается с целью эксплуатации (субъективная сторона преступления), что свидетельствует о несовершенстве данной уголовно-правовой нормы. Это связано с тем, что признаки, характеризующие цель эксплуатации человека, должны найти закрепление в диспозиции ст.127[1] УК РФ, характеризовать при этом торговлю людьми. Рассматривая эксплуатацию как цель торговли людьми, необходимо отметить, что она представляет собой процесс, связанный с «созданием и реализацией угроз для нормального развития личности … в интересах тех лиц, которые эти угрозы создают и реализуют»[10], а не сам факт эксплуатации, который должен охватываться объективной стороной состава преступления, предусмотренного ст.127[2] УК РФ «Использование рабского труда».

---

[1] См.: Российское законодательство X-XX веков. – М., 1984. – Т.1. – С.66.

[2] Там же. – С.55.

[3] См.: Российское законодательство X-XX веков. – М., 1986. – С.362.

[4] См., напр.: Климов В.А. Криминологические и уголовно-правовые проблемы борьбы с похищениями детей: Дис. …канд. юрид. наук. – М.,

1985. – С.33-35; Дубровина А.Н. Расследование похищений и подмена ребенка: Лекция. – М., 1988. – С.6-7.

[5] Репецкая А.Л. Криминальная эксплуатация людей в Восточно-Сибирском регионе России // Уголовно-правовые и криминологические проблемы борьбы с преступностью: Сборник науч. трудов. Вып.1. – Иркутск, 2003. – С.15.

[6] См.: Статистика свидетельствует… // Милиция. – 2003. – №4. – С.29.

[7] См.: веб-сайт: http://usinfo.state.gov/russki/

[8] См.: веб-сайт: http://usinfo.state.gov/russki/

[9] Цит. по: Овчинский В.С. XXI век против мафии. Криминальная глобализация и Конвенция ООН против транснациональной организованной преступности. – М., 2001. – С.10.

[10] Клейменов М.П. Криминальная эксплуатация детей в РФ // Проблемы борьбы с организованной преступностью и коррупцией: Сборник науч. статей. Вып. 1. – Иркутск, 2002. – С.82.

ПОХИЩЕНИЕ ЛЮДЕЙ С ЦЕЛЬЮ ИЗЪЯТИЯ И НЕЗАКОННОЙ ТРАНСПЛАНТАЦИИ ОРГАНОВ И (ИЛИ) ТКАНЕЙ ЧЕЛОВЕКА КАК ОДНО ИЗ НАПРАВЛЕНИЙ ТРАНСНАЦИОНАЛЬНОЙ ОРГАНИЗОВАННОЙ ПРЕСТУПНОСТИ

Абрамов Е.В.
Красноярская государственная медицинская академия

Чирков Д.К., к.ю.н.
Сибирский юридический институт МВД России

Преступления, связанные с похищением людей с целью изъятия и незаконной трансплантации органов и (или) тканей человека, в настоящее время являются высоколатентными. Говорить о том, что в России данный криминальный промысел не существует, ошибочно и даже преступно. В данный бизнес, являющийся высокоприбыльным, организованным и коррумпированным, вовлечен ограниченный круг лиц – так называемая элита, которая принимает в свои ряды только проверенных временем и зарекомендовавших себя людей. Внедриться в данную ячейку весьма сложно, а при нашей постоянно реорганизующейся правоохранительной системе и бессмысленно. Первоначальный этап данной преступной

деятельности заключается в подборе жертвы, то есть в поиске ДНК, совпадающей с ДНК заказчика. Жертве предлагают по выгодной цене съездить в одну из предложенных клиник, чтобы поправить свое здоровье и отдохнуть. Все эти деяния совершаются с одной целью – получить необходимый орган у потенциальной жертвы с ее согласия либо без такового. В частности, в целом по России без вести пропадают за год более 8 900 человек[1], сколько из них стали жертвам данной деятельности – неизвестно.

Анализ оперативной обстановки в последние годы свидетельствует о значительном увеличении числа указанных преступлений, посягающих на общественную безопасность, жизнь, здоровье, личную свободу и неприкосновенность граждан. Росту этих преступлений способствует то обстоятельство, что этот вид преступной деятельности является наиболее быстрым и эффективным способом обогащения и решения других противоправных задач. Однако есть более глубокие причины, усугубляющие тенденцию роста указанных преступлений. Эти причины носят социально-экономический, а порой и политический характер.

С развитием медицины растет необходимость в имплантантах для замены пораженных органов человеческого организма. В настоящее время ни одна стран, где разрешены данного рода операции, не может в полной мере удовлетворить потребность в человеческих органах для пересадки. Количество людей, ожидающих операцию по пересадке органов, растет быстрее, чем их предложение. Как показывает статистика, в Соединенных Штатах ждут трансплантации 24 тысячи человек, в Австралии число лиц, которые ожидают трансплантацию почек, составляет 2000 человек, при этом каждый год совершаются около 400 таких операций. Средний период ожидания операции составляет 3 года.[2] Люди готовы заплатить любые деньги, чтобы ускорить период ожидания и получить желаемый орган. Таким образом, существует устойчивый спрос на подобный «товар», потребителями которого являются развитые страны. А если есть спрос, будут и предложения, в том числе криминального характера. Отсюда следует, что законное изъятие органов не может удовлетворить растущий спрос, поэтому возникшая «ниша» немедленно была заполнена деятельностью преступных организаций по нелегальным поставкам органов для нуждающихся в подобных операциях. Возник черный рынок торговли человеческими органами по высокой цене. Так, в ходе одного расследования, проведенного в Турции, выяснилось, что заказчики платили за донорский орган около 150 тысяч долларов. Всего

только этой группой были проданы 500 почек доноров, прибывших в Турцию на заработки из стран Восточной Европы и СНГ.[3]

Очевидно, что данную деятельность может осуществлять только транснациональная организованная преступность (ТОП), имеющая средства для аренды или содержания клиник и коррумпирования медицинских кругов, а также привлечения специалистов высокого класса для незаконного изъятия необходимых органов. ТОП может осуществить быструю транспортировку нелегально изъятых органов через границы государств, используя свои сетевые структуры. И самое главное – ТОП имеет огромные возможности в беднейших странах находить необходимых доноров для трансплантации органов. Нередко через границы транспортируются не изъятые органы, а ничего не подозревающие доноры, у которых органы изымаются уже на месте – в той стране, где находится заказчик. Не секрет, что в основном донорами служат бедные и бездомные, в том числе и дети. В частности, в настоящее время особую тревогу вызывают незаконное международное усыновление детей, торговля детьми и их пропажа без вести. Известны случаи продажи детей именно для трансплантации органов и (или) тканей, например в Тульской области в 1998 году была выявлена преступная группа, которая продавала грудных детей прямо из роддома. Отправляли и детей с дефектами, и тех, кого не удалось продать за месяц (детей продавали и для усыновления). Дети поставлялись московским заказчикам, поскольку необходимого оборудования для трансплантации в районной больнице не было. За один орган поставщикам платили 3 тысячи долларов. Детей забирали у рожениц, не желавших оставлять ребенка себе, которым платили 12 тысяч рублей за ребенка.[4]

Взрослых доноров вербуют, либо обещая им работу за границей, а потом вынуждая продавать свои органы за бесценок (примерно 3% от стоимости цены, которую платит заказчик), либо прямо предлагая продать какой-либо орган. Для бедных людей иногда их органы – единственный товар, который они могут продать, чтобы обеспечить свою семью.

Маршруты транспортировки органов или доноров фактически полностью совпадают с маршрутами транспортировки нелегальных мигрантов из стран Южной и Центральной Америки, а также Восточной Европы и стран СНГ в Соединенные Штаты Америки, Австралию, Западную Европу, Ближний Восток. Так, имеются подтвержденные случаи продажи органов из Аргентины, Бразилии, Гондураса, Мексики и Перу «покупателям» из Герма-

нии, Италии, Швейцарии, а также изъятия в Турции почек у доноров из Румынии и стран СНГ.[5]

По экспертным оценкам криминологов, рынок человеческих органов на сегодняшний день является очень перспективным и высокодоходным для транснациональной организованной преступности, поскольку существует стабильный спрос на такой товар и появились огромные территории, экономическое положение которых вынуждает население к торговле собственными органами и (или) тканями, детьми для этих же целей.

Таким образом, актуальность данной проблемы предопределена, прежде всего, самой криминальной ситуацией, связанной, во-первых, с высокой латентностью рассматриваемых преступлений, во-вторых, с существенным увеличением спроса на живые органы и (или) ткани человека, в-третьих, с недостатком научной (в том числе и оперативной) информации, необходимой для организации эффективного предупреждения этих преступлений и обеспечения надежной защиты населения от подобных посягательств. Думается, что криминологическая наука должна в связи с этим возглавить междисциплинарное направление социально-правового исследования комплексной проблемы похищения людей с целью незаконного изъятия и трансплантации органов и (или) тканей человека. Такие исследования создадут научные предпосылки для создания системы криминологической безопасности людей от вышеуказанных преступных посягательств.

На наш взгляд, для выявления и сокращения данного вида преступных посягательств необходимо:

а) принять закон «По борьбе с организованной преступностью и коррупцией»;

б) рассмотреть вопрос о создании специализированных служб и подразделений для осуществления оперативного прикрытия и контроля медицинских учреждений;

в) осуществлять научные исследования по совершенствованию мер борьбы с подобного рода преступными посягательствами.

---

[1] Куда пропадают люди // Комсомольская правда. – 2002. – 15 ноября.

[2] См.: Лунеев В.В. Основы борьбы с организованной преступностью. – М., 2000. – С.47-48.

[3] См.: Ловушка для доверчивых // Труд-7. – 2000. – 30 марта.

[4] Проданные дети // Комсомольская правда. – 1998. – 6 февраля.

[5] The United Nations and Transnational Organized Crime. P.27; Ловушка для доверчивых // Труд-7. – 2000. – 30 марта.

МИГРАЦИОННАЯ СЛУЖБА В РЕШЕНИИ ПРОБЛЕМ ПРОФИЛАКТИКИ И ПРЕСЕЧЕНИЯ НЕЗАКОННОГО ПЕРЕМЕЩЕНИЯ ЛЮДЕЙ И ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИНОСТРАННОЙ РАБОЧЕЙ СИЛЫ

Григорьева Л.В.
Управление по делам миграции ГУВД Красноярского края

Разница в уровне жизни и экономическом развитии различных стран приводит к росту противоречий в современной международной миграции. Индустриально развитые страны заинтересованы в дешевом труде мигрантов, для них же самые тяжелые условия, в которые они попадают, – это все же лучше того, что они имели дома. Складывается миграционный режим, который поддерживает и обслуживает глобальный экономический порядок. Но одновременно это серьезный вызов для государств с либерально-демократической системой ценностей.

Сегодня в России действуют в основном лишь ограничительные меры в отношении нелегальной миграции. Но чем жестче миграционные барьеры, тем больше мигрантов оказываются в положении нелегалов, рабочие места для которых в принимающей стране есть, а гарантий достойного труда и соблюдения элементарных прав человека нет. С введением в Уголовный кодекс РФ в декабре 2003 г. положений об ответственности за использование рабского труда и торговлю людьми сделан первый шаг к пониманию, что отвечать перед законом в первую очередь должны работодатели, использующие рабский труд, а также те, кто занимается поставкой в страну нелегальной рабочей силы.

В соответствии с п.1 ст.1 Конвенции МОТ №29-1930 г. о принудительном или обязательном труде (ратифицирована Указом Президиума Верховного Совета СССР от 04.06.1956 г.) Российская Федерация обязалась упразднить применение принудительного или обязательного труда во всех его формах, то есть всякую работу или службу, требуемую от какого-либо лица под угрозой какого-либо наказания и для которого это лицо не предложило добровольно своих услуг (п.1 ст.2 Конвенции).

По Трудовому кодексу Российской Федерации понятие принудительного труда несколько шире и к принудительному труду также относятся:

– нарушение сроков выплаты зарплаты или оплата не в полном размере;

– труд, не обеспеченный средствами защиты;

– работа, которая угрожает жизни и здоровью работника.

ТК РФ определяют принудительный труд и его формы, которые, как и запрещение принудительного труда, согласуются с положениями Международного пакта от 16.12.1966 г. «О гражданских и политических правах», Конвенции от 04.11.1950 г. «О защите прав человека и основных свобод», Конвенциями МОТ №29-1930 г. «О принудительном или обязательном труде» и №105-1957 г. «Об упразднении принудительного труда». Указанные международные акты (договоры) ратифицированы Российской Федерацией либо бывшим СССР и обязательны для России как правопреемницы СССР.

За прошедшие три года значительно изменилось российское миграционное законодательство. С 1 ноября 2002 г. вступили в действие новые законы «О гражданстве Российской Федерации» и «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации». Взгляды и подходы властных структур к вопросу об ответственности за использование принудительного труда постепенно меняются. Только в 2004 г. трижды вносились изменения в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях в части ужесточения санкций в отношении как самих иностранных граждан, так и граждан России, должностных и юридических лиц за нарушение правил пребывания, привлечения и использования иностранной рабочей силы.

Причем штрафы по административным правонарушениям, предусмотренным ст.ст. 18.8, 18.10 КоАП за нарушение иностранными гражданами правил пребывания и осуществления трудовой деятельности, увеличились незначительно и составили от 1000 до 2500 рублей.

Законодателем пересмотрен подход к решению вопроса пресечения организации незаконной миграции. С 1 февраля 2005 г. вступил в действие Федеральный закон от 28.12.2004 г. №187-ФЗ, в соответствии с которым в Уголовный кодекс введена ст.322[1] «Организация незаконной миграции». Такая норма в уголовное законодательство введена впервые.

Кроме того, согласно ст.18.10 КоАП РФ «Нарушение правил привлечения и использования иностранной рабочей силы» в отношении должностных и юридических лиц штрафные санкции увеличились в 10 и 15 раз соответственно. Также с 1.12.2004 г. впервые в действующее законодательство внесена ответственность иностранных граждан за осуществление трудовой деятельности в Российской Федерации без соответствующих разрешений на работу.

Вышеперечисленные меры вынужденные, потому что масштабы нелегальной миграции ежегодно возрастают. Но кроме карательной функции действующие нормы законодательства призваны решать социальные проблемы.

Не секрет, что основная часть мигрантов в Россию прибывает с целью трудоустройства и тем самым решения материальных проблем своих семей. Это их единственное спасение от нищеты, и они готовы подстраиваться под любые запросы и любые условия работодателя. В странах исхода мигрантов уровень жизни гораздо ниже, что и толкает иностранцев на поиски лучших условий жизни.

В то же время в России наблюдается стабильный демографический спад, прямым следствием которого являются нехватка рабочих рук и наличие вакантных мест в отраслях экономики как России в целом, так и Красноярского края в частности. Возможность найти работу с достойным, по мнению мигрантов, заработком и является основной причиной наличия такого явления, как международная миграция.

Мы полагаем, что принятие мер в отношении недобросовестного работодателя должно способствовать уменьшению незаконного привлечения иностранной рабочей силы, следствием которого является нарушение прав и свобод граждан других стран.

Нами выявляются такие нарушения, как:

– незаключение трудовых договоров между работодателем и иностранным гражданином;

– невыполнение работодателями и заказчиками работ условий медицинского и жилищного обеспечения иностранных работников в соответствии с требованиями постановления Правительства РФ от 24.03.2003 г. №167 «О порядке предоставления гарантий материального, медицинского и жилищного обеспечения иностранных граждан и лиц без гражданства на период их пребывания в Российской Федерации»;

– изъятие документов, удостоверяющих личность иностранных граждан;

– насильное удержание иностранных работников до окончания выполнения работ;

– невыплата заработной платы за выполненные объемы работ;

– несвоевременная выплата заработной платы;

– выплата заработной платы значительно ниже уровня, сложившегося в соответствующих отраслях экономики.

Миграционной службой и другими органами исполнительной власти Красноярского края принимаются меры, способствующие пресечению распространения практики рабского и принудительно-

го труда. Существующий в настоящее время порядок привлечения и использования иностранной рабочей силы позволяет регулировать соблюдение прав иностранцев, если их трудовая деятельность осуществляется на законных основаниях. На иностранных граждан распространяется действие Трудового кодекса Российской Федерации так же, как и на российских. При соблюдении норм действующего законодательства иностранец становится полноправным участником трудового процесса и находится под защитой государства.

В последние годы поступательно растет число работодателей, законно использующих труд иностранных граждан. За 2004 г. УДМ ГУВД Красноярского края работодателям выданы 389 разрешений на привлечение и использование иностранной рабочей силы, в соответствии с которыми 6214 иностранным гражданам выданы разрешения на работу.

По-прежнему основными отраслями экономики края, где наиболее интенсивно используется труд иностранных граждан, являются: строительство – 31,3%, золотодобывающая отрасль – 18,8%, торговля и общественное питание – 26,4%, лесная отрасль – 17,1%.

Иностранная рабочая сила привлекалась из 29 стран. Главными экспортерами по-прежнему остаются Украина – 35,1%, КНР – 21%, КНДР – 21,8%, Кыргызстан – 8%, Таджикистан – 4,9%, Узбекистан – 5%.

Практика показывает, что значительное количество иностранных граждан продолжают незаконно находиться на территории края и осуществлять трудовую деятельность и лишь незначительная часть иностранных граждан, временно зарегистрированных на территории края, находятся здесь в соответствии с заявленной целью и соблюдением сроков пребывания. Подавляющее большинство незаконных мигрантов являются гражданами Центральной и Юго-Восточной Азии.

К сожалению, юридическая неграмотность, а зачастую невозможность найти рабочие места у законопослушного работодателя являются причиной нарушений в этой области.

Концепция регулирования миграционных процессов в Российской Федерации и Концепция действий на рынке труда на 2003-2005 гг. предполагают легализацию трудовых мигрантов и носят разрешительный характер. Данные нормативные акты предусматривают обеспечение сбалансированности национального рынка труда с учетом принципа преимущественного трудоустройства граждан России; создание условий для легальной трудовой деятельности иммигрантов; привлечение иммигрантов на временной и

постоянной основах в соответствии с обоснованной потребностью субъектов Российской Федерации; соблюдение работодателями условий, предусмотренных в разрешениях на привлечение и использование иностранных работников, а также в трудовых договорах (контрактах); противодействие нелегальной трудовой миграции, контроль уровня оплаты труда иностранных работников; проведение комплексных проверок законности пребывания иностранных граждан на территории Российской Федерации, их трудовой деятельности, соблюдения ими налогового законодательства.

Количество иностранцев, привлекаемых для работы в конкретном субъекте России, ежегодно утверждается постановлением Правительства РФ, тем самым государство подтверждает потребность в строго определенном количестве дополнительных работников на рабочие места, не обеспеченные национальными кадрами, и ограничивает количество с учетом ситуации на рынке труда и приоритетного права российских граждан занимать вакантные рабочие места.

То есть политика государства направлена на узаконивание трудовой миграции и принятие жестких мер в отношении нарушителей миграционного законодательства и организаторов нелегальной миграции, что в свою очередь позволит защищать права иностранных граждан.

РАБОТОРГОВЛЯ КАК НАИБОЛЕЕ ОПАСНЫЙ ВИД МЕЖДУНАРОДНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Подборская Е.А.
Филиал национального центрального бюро Интерпола ГУВД Красноярского края

Работорговля как наиболее опасный вид международных преступлений достаточно серьезна, поскольку торговля живым товаром, прежде всего в целях сексуальной эксплуатации женщин и детей, находится на стыке двух глобальных проблем: проституции и нелегальной миграции. За исходное можно взять следующее определение: «Торговля женщинами и детьми с целью сексуальной эксплуатации – это любое действие, которое включает в себя перемещение людей внутри государственных границ либо через них, являющееся результатом принуждения, обмана, манипуляции, злоупотребления властью, предварительного согласия, давления

семьи, насилия внутри семьи либо сообщества в прошлом и настоящем, экономической несостоятельности либо других обстоятельств неравенства женщин и детей».

Согласно этому определению данный преступный бизнес осуществляется как внутри границ страны, так и вне их, поскольку зачастую женщины и дети вербуются и эксплуатируются сначала в собственных странах, прежде чем быть проданными за границу. Основные страны назначения для женщин и детей – жертв контрабанды – Нидерланды, Бельгия, Германия, Австрия, Швейцария, Италия, Испания, Греция, Турция, Израиль, Кипр, Швеция, Дания, Финляндия, Норвегия, Великобритания, Канада, США. В последнее время этот список пополнился такими странами, как Объединенные Арабские Эмираты, Таиланд, Япония, Босния и Герцеговина.

Основными странами-«поставщиками» «живого товара» в Европе являются Россия, Украина, Молдова. Другие крупные «поставщики» – Албания, Белоруссия, Румыния, Болгария, и Грузия. В последнее время все большее количество жертв вывозится из Армении, Азербайджана и стран Средней Азии. По данным Интерпола, такие страны, как Чехия, Польша, Словакия, Литва, Латвия, Эстония и бывшая Югославия, кроме «поставки» и транзита живого товара, превратились в пункты секс-индустрии для женщин из более бедных восточноевропейских стран.

Работорговля является наиболее опасным видом международных преступлений, поскольку в ней участвуют сразу несколько стран. Более 80% женщин знают, куда едут, и открыто заявлять о случившемся просто не решаются. В полной мере представить масштаб работорговли и степень эксплуатации женщин невозможно в силу следующих причин: во-первых, жертвы, вернувшиеся из стран, в которые они были отправлены, не готовы рассказать о том, что с ними происходило из-за боязни угроз со стороны торговцев, ложного чувства стыда за унижения, которые пришлось пережить, и абсолютного недоверия к правоохранительным органам и органам правосудия, которые им могли бы помочь наказать виновных; во-вторых, официальная статистика женщин и детей, с помощью обмана вовлеченных в занятия проституцией, порнографией, в зарубежных странах не ведется либо тщательно скрывается; в-третьих, женщины-жертвы, обнаруженные проживающими или работающими нелегально, в большинстве случаев подлежат немедленной депортации и их не фиксируют как проданных в рабство.

Начиная с 90-х гг. XX в. растет число женщин и девушек, которых вывозят из стран Центральной и Восточной Европы и из стран СНГ, поскольку на сегодняшний день в экономическом пла-

не эти страны не защищены. Большинство женщин-жертв контрабанды моложе 25 лет, а многим из них от 12 до 18 лет. Женщины и девушки, вывозимые контрабандистами из СНГ и Восточной Европы, моложе, чем женщины, перебрасываемые на запад из развивающихся стран. В основном женщины и дети ввозятся в крупные города, курортные места, места развитого туристического бизнеса, а также районы вокруг военных баз в Европе. Также активная деятельность ведется вдоль основных маршрутов следования грузового транспорта, таких как Варшава-Берлин и Будапешт-Вена. Все большее развитие получает практика «однодневной» и «субботне-воскресной» переброски «живого товара» в приграничных районах, таких как Чехия, Австрия, Польша, Германия. Женщины и дети перемещаются контрабандистами через границу, а затем возвращаются в свои страны или пункты транзита, поскольку в границах Европейского союза свобода передвижения, обеспечиваемая Шенгенским соглашением, позволяет контрабандистам с особой легкостью транспортировать людей из одной страны ЕС в другую.

Условно женщин, подвергшихся сексуальной эксплуатации, можно разделить на две основные и две дополнительные категории:

– первую категорию составляют женщины, покидающие родину по экономическим мотивам, их средний возраст – 27-35 лет. Как правило, эти женщины искренне верят в возможность легального трудоустройства за рубежом, не требующего высокой профессиональной квалификации. Женщины этой категории ищут серьезную работу: санитарки в госпиталях, повара, строители и др. Отсутствие рабочих мест или крайне низкая заработная плата в России вынуждают их сознательно принимать кабальные условия найма на работу в различных агентствах;

– во вторую категорию попадают женщины, мечтающие увидеть мир и получить легкий заработок. В поисках работы они руководствуются психологическими установками. К числу таковых можно отнести стереотипы, сформированные фильмами, современными «дамскими» романами, СМИ. В результате возникает ориентация на помощь состоятельного поклонника, а затем – и на клиента, которому можно оказывать сексуальные услуги при высоком спросе на них. Такие женщины нанимаются официантками, стриптизершами, танцовщицами в надежде быстро и легко заработать деньги и вернуться домой обеспеченными дамами или остаться на содержании у богатого поклонника. Они понимают, какого рода дополнительная работа их ожидает, но надеются, что у них будет свобода выбора и они не будут подвергаться сексуальной эксплуатации.

Как первая, так и вторая категории женщин легко становятся добычей агентств или турфирм, предлагающих поездки за рубеж и использующих для этого различные способы вербовки. Основной способ вербовки – через газетные объявления о найме на работу, как правило гарантирующие правительственный контракт, высокий и стабильный заработок – 500-800 долларов США, свободный график работы и безопасность. В данном случае основной гарантией безопасности объявляется правительственный контракт. Однако, по данным сотрудников миграционных служб, правительственных запросов на профессии строителей, неквалифицированных рабочих, артистов, официанток, танцовщиц и т.п. не поступает и сведениями о каких-либо квотах на подобные профессии указанные службы не располагают. Таким образом, женщины в надежде на правительственную безопасность заранее оказываются в положении обманутых и бесправных жертв.

Следующую категорию составляют женщины и девушки, работающие в фирмах досуга, – «профессиональные» проститутки. Данная категория женщин является наиболее уязвимой в плане юридической и моральной незащищенности, несмотря на достаточный опыт работы в области сексуальных услуг и отчетливое понимание характера предлагаемой работы. С юридической точки зрения они заранее обрекают себя на положение нелегалов, поскольку, зная, что проституция запрещена в большинстве стран, вверяют свою судьбу сутенерам, которые используют их как средство наживы.

Одна из следующих категорий – брачная. В нее попадают женщины, мечтающие выйти замуж за иностранца. Они легко поддаются вербовке при помощи брачных объявлений и доверяют сомнительным клубам знакомств и брачным агентствам, а также Интернету. Причем одни и те же фирмы предлагают свои услуги как в качестве брачных агентств, так и в качестве агентств по найму на работу.

В России девушки для выезда за границу пользуются услугами AU PAIR – системой культурного обмена молодежи, действующей с 1960 г. Основные требования – отсутствие семьи и детей. Предусматривается проживание в семье, помощь по уходу за детьми, выполнение текущих хозяйственных работ. Статистика утверждает, что в Красноярском крае для студентов, владеющих иностранными языками, это наиболее распространенный вид выезда в зарубежные страны, где потом многие остаются – официально выходят замуж, находят работу по контракту, но в большинстве своем возвращаются домой к родителям.

Худшее положение у детей. Их в рабство продают сами родители либо родственники, сознательно идущие на преступление, поскольку, как правило, находятся за чертой бедности, а уровень правового сознания очень низок. Согласно статистике, каждый третий ребенок испытывает сексуальные домогательства взрослых. И впоследствии дети, чтобы прокормить семью, сознательно оказывают секс-услуги с помощью сутенеров, которые распространяют информацию на порносайтах.

Борьбу с данным видом преступления многие страны ведут на законодательном уровне. Например, в Германии ратифицированы Конвенции по уничтожению всех форм дискриминации против женщин и о рабстве. Статья 12 Конституции Германии содержит запрет принудительного труда. УК ФРГ содержит 5 статей, имеющих отношение к торговле людьми. Однако, как показывает практика, должностные лица обязаны столь же сурово обходиться и с жертвами работорговли, арестовывать и депортировать лиц, незаконно находящихся в стране, независимо от того, являются ли они жертвами или свидетелями совершенного преступления, что серьезно препятствует раскрытию преступлений и установлению личностей, торгующих людьми.

В США ратифицированы Конвенции о рабстве и ряд других международных документов по этому вопросу. Однако нет единого закона, который предусматривал бы наказание за весь набор нарушений, совершаемых лицами, вовлеченными в схему торговли людьми.

В Королевстве Нидерланды в 1988 г. принят закон об иностранцах, согласно которому при малейшем подозрении о факте совершения преступления женщине-жертве торговли людьми позволяется находиться на территории страны до момента завершения судебного процесса.

В Италии ратифицированы Конвенции по уничтожению всех форм дискриминации против женщин, Конвенция о рабстве, Конвенция о преследовании торговли людьми и эксплуатации проституции третьими лицами. В то же время закон Мерилини от 1958 г. устанавливает наказание за привлечение лица к занятию проституцией на территории, не являющейся местом постоянного проживания, а также за облегчение выезда за границу этого лица.

Следует особо отметить, что на сегодняшний день Украина и Россия – единственные из стран бывшего СССР, которые имеют прямой законодательный запрет на торговлю людьми и возбуждают уголовные дела по данному составу преступлений. В Следственном комитете при МВД России создан специальный отдел, ко-

торый занимается расследованием данного вида преступлений. В отношении многих стран мира, несмотря на то что торговля людьми приобрела в них массовый характер, можно сказать, что их законодательство не является серьезным барьером на пути этого преступного бизнеса. Это касается Швейцарии, Японии, Китая, Макао, Гонконга, Таиланда и стран Латинской Америки.

Таким образом, в целом по предотвращению данного вида преступлений необходимы соответствующие изменения в миграционной политике:

1) создание социальной политики и национальной программы, нацеленных на предотвращение контрабанды людей, включая экономические и правовые меры, а также меры по обеспечению защиты прав жертв контрабанды;

2) обеспечение получения временного разрешения на проживание либо отсрочку депортации всем жертвам контрабанды с целью оказания им соответствующей медицинской, психологической и юридической помощи. Срок разрешения на проживание должен определяться в тех случаях, когда жертва контрабанды соглашается сотрудничать с правоохранительными органами либо ей угрожает опасность в случае возвращения домой;

3) проведение в сотрудничестве с гражданскими правовыми институтами и негосударственными правозащитными организациями ряда информационных кампаний с целью повышения уровня осведомленности граждан об используемых преступниками методах и о риске, которому подвергаются потенциальные жертвы контрабанды;

4) установление специальных процедур по отношению к несовершеннолетним в соответствии с Конвенцией о правах ребенка и соответствующими законами.

Секция
СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ БОРЬБЫ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ

СООБЩЕНИЯ И ВЫСТУПЛЕНИЯ

ЗАЩИТА И НАРУШЕНИЕ ПРАВ ГРАЖДАН СОТРУДНИКАМИ ОВД В ЗЕРКАЛЕ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ

Невирко Д.Д., д.с.н., профессор
Сибирский юридический институт МВД России

В обществе принято воспринимать характер взаимоотношений между правоохранительными органами и населением, в том числе органами внутренних дел и населением, как важнейший индикатор социально-политической ситуации в стране, регионе. Дело в том, что органы внутренних дел – милиция – в глазах населения, с одной стороны, референтно олицетворяют порядок, установленный законом, а с другой – являются наиболее «осязаемым» инструментом власти. Практическая деятельность органов внутренних дел демонстрирует отношение власти к закону. Если милиция действует строго в рамках последнего, ее властные полномочия реализуются только в установленном законом порядке, тогда она выступает в глазах населения как исполнитель официально установленных государственной властью правил поведения. В этом случае позитивная или негативная оценка ее действий выражает отношение населения к действующему законодательству. Если же государственная власть реализует себя не только через закон, но и помимо него или же вопреки ему, то отношение населения к милиции непосредственно отражает его отношение к власти.[1]

Сибирский юридический институт МВД России совместно с ГУВД Красноярского края в течение семи лет по специально отработанной методике проводит изучение общественного мнения населения о милиции.

За данный период не произошло резких изменений в социально-психологическом настрое граждан, хотя в отдельные годы отмечались некоторые незначительные отклонения как в положительную, так и отрицательную стороны. Это говорит о том, что в экономической, политической, социальной и других сферах общественной жизни региона присутствует определенная стабиль-

ность, соответствующая современным общественно значимым критериям жизни населения.

Однако сохраняется наличие потенциальной тревоги среди значительной части населения. В первую очередь люди опасаются за благополучие семьи и будущее своих детей (68,5% в 1998 г. и 54,0% в 2004 г.), при этом наметившаяся положительная тенденция статистически незначима ($p > 0,05$).

Показатель, характеризующий опасение людей стать жертвой преступления, вбирает в себя мнение каждого четвертого опрошенного, что косвенно свидетельствует как о некоторой стабилизации уровня преступности в регионе, так и о застойных явлениях и недостатках в работе правоохранительных органов. Это также подтверждается относительно высоким числом граждан, считающих, что они могут пострадать от произвола правоохранительных органов (18,0% в 1998 г. и 24,3% в 2004 г.) и произвола со стороны руководства и чиновников (15,3% и 15,3% соответственно в 1998 г. и 2004 г., $p < 0,05$).

Снизилась степень доверия граждан к государственным и общественным институтам, особенно силовым ведомствам. После относительно благоприятной ситуации 1999-2000 гг., когда степень доверия этим структурам была максимальной (практически половина граждан им полностью доверяли), к 2004 г. положение ухудшилось (лишь треть населения испытывают доверие к силовым ведомствам). При этом необходимо отметить, что число граждан, не доверяющих органам внутренних дел, постепенно, хотя и с некоторыми относительными колебаниями, увеличивается (с 21,5% в 1998 г. до 27,3% в 2004 г., $p < 0,05$).

Наименьшим доверием у населения по-прежнему пользуются общественно-политические движения (половина граждан им не доверяли как в 1998 г., так и в 2004 г. – 52,7% и 45,7% соответственно), средства массовой информации (соответственно 49,7% и 40,0%), профсоюзы (46,2% и 30,3%) и церковь (24,8% и 37,7%). Однако высокий процент недоверия указывает на то, что население постоянно обращает на них внимание, пользуется их услугами, их деятельность во многом формирует современное массовое сознание. Эти организации, как правило, достигают своих целей в работе с населением.

Как негативную следует отметить тенденцию снижения удовлетворенности населения региона деятельностью ОВД после относительно благоприятной ситуации 2000 г., когда более 50% опрошенных оценивали их деятельность удовлетворительно. Число граждан, оценивающих деятельность ОВД в основном неудовлетворительно, увеличилось с 26,2% в 1998 г. до 29,0% в 2004 г.,

то есть практически каждый третий опрошенный высказался отрицательно по поводу эффективности деятельности ОВД.

Число обратившихся в милицию по поводу преступных посягательств, совершенных в отношении них, является ярким показателем доверия к этому институту. За изученный период времени далеко не все граждане в сложных ситуациях обращались за помощью в ОВД (в 1998 г. – 56,7%, в 2004 г. – 53,2%), и, как правило, это делается в крайних случаях. Одной из сложных проблем является регистрация заявлений и сообщений граждан. В 1998 г. были зарегистрированы только 67,6% обращений граждан за помощью в ОВД, в 2004 г. этот показатель еще ухудшился на 4%. У каждого двадцатого заявление было принято сотрудниками правоохранительных органов, но не зарегистрировано, либо его не приняли вообще. Все это говорит о невысокой служебной ответственности сотрудников и снижает их авторитет в глазах населения.

О значительном уровне латентной преступности в регионе свидетельствует тот факт, что более трети граждан из числа пострадавших от преступлений не обращались в органы внутренних дел (43,3% – в 1998 г. и 37,6% – в 2004 г.). Следует особо отметить, что за эти годы значительно выросло число лиц, не обратившихся в милицию по поводу совершенных преступных посягательств в отношении них из-за неверия в возможности и желание работников милиции оказать помощь (53,8% – в 1998 г., 50,0% – в 2004 г.). Многие опрошенные боятся волокиты (38,5% – в 1998 г. и 25,0% – в 2004 г.).

Особо настораживает тот факт, что из обратившихся за помощью в ОВД граждан при совершении в отношении них преступных посягательств число полностью удовлетворенных мерами, предпринятыми ОВД по поводу обращения, незначительно и имеет резко отрицательную динамику (с 23,5% – в 1998 г. до 0% – в 2004 г.) при одновременном росте доли неудовлетворенных лиц (44,1% – в 1998 г. и 58,5% – в 2004 г.). Это позволяет сделать вывод о том, что уровень зарегистрированной преступности в регионе не отражает реальную картину и на самом деле он существенно выше.

Результаты опроса населения о деятельности ОВД позволили обозначить ряд факторов, вызывающих серьезную озабоченность и требующих принятия экстренных мер. Необходимо отметить, что удовлетворенность населения деятельностью отдельных подразделений ОВД остается низкой. При этом прослеживается неблагоприятная тенденция: если до 2000 г. по сравнению с уровнем 1998 г. возрастало число лиц, удовлетворенных деятельностью практически всех подразделений ОВД, то в 2003-2004 гг. оно вер-

нулось к исходному уровню 1998 г., а по отдельным подразделениям ситуация ухудшается. Многие граждане не удовлетворены деятельностью участковых инспекторов (с 19,1% – в 1998 г. до 24,7% – в 2004 г.) и патрульно-постовой службы (с 16,8% – в 1998 г. до 32,0% – в 2004 г.). В последние годы наметилось снижение доверия граждан региона к работникам паспортно-визовой службы, что коррелирует с ростом числа нарушений и злоупотреблений сотрудниками данного ведомства в последние годы в целом по России.

В какой-то мере сложившееся положение объясняется тем, что респонденты довольно часто являлись свидетелями нарушений сотрудниками ОВД прав граждан, причем ситуация изменяется к худшему (рост с 35,2% – в 1998 г. до 42,3% – в 2003 г.). По-прежнему население особо беспокоят грубость и бестактность сотрудников ОВД в отношении граждан, причем наблюдается рост этой негативной тенденции (с 55,2% до 63,8%). Практически каждый третий гражданин указывает и на другие нарушения со стороны сотрудников ОВД. При этом если доля некоторых индикаторов снизилась (проявления жестокости – с 43,8% – в 1998 г. до 26,8% – в 2004 г., попытки исказить факты соответственно с 25,7% до 21,1%, использование служебного положения в личных целях – с 37,1% до 28,7%), то вымогательство, взяточничество, поборы возросли (соответственно с 26,7% до 33,9%).

Несмотря на негативную оценку деятельности ОВД, население по-прежнему видит в милиции гарант безопасности и стабильности в регионе. И в случае возникновения какой-либо опасности для жизни, здоровья или благополучия большинство граждан все же обратятся за помощью в ОВД (66,0% – в 1998 г. и 58,0% – в 2004 г.), хотя каждый четвертый рассчитывает на собственные силы. Стабильно высоким сохраняется число лиц, готовых оказывать помощь сотрудникам ОВД (в 1998 г. – 66,7% и в 2003 г. – 63,3%). Такой настрой граждан является резервом для конструктивного сотрудничества и расширения сферы позитивного взаимодействия. Правда, следует отметить негативную тенденцию в плане снижения числа граждан, готовых оказывать эту помощь безоговорочно (с 22,7% – в 1998 г. до 19,0% – в 2004 г.).

Обобщая результаты исследования, сформулируем несколько предложений, позволяющих, на наш взгляд, повысить эффективность деятельности региональных органов внутренних дел современной России. Это, во-первых, совершенствование законодательства, направленного на защиту прав и интересов граждан, а также сотрудников правоохранительных органов, исполняющих служеб-

ные обязанности; во-вторых, решительное искоренение бюрократизма, формализма и волокиты, равнодушия и недостаточной оперативности в работе сотрудников правоохранительной сферы; в-третьих, осуществление более жесткого подбора кадров в ОВД и повышение профессионализма кадрового состава; в-четвертых, решение проблем социальной защищенности, улучшение социально-бытовых и жилищных условий, медицинского обслуживания, доведение до каждого сотрудника перспективы его служебного роста, улучшение материально-технического оснащения ОВД; в-пятых, активизация деятельности пресс-служб (пресс-групп ОВД, инспекторов по связи со СМИ) в плане сотрудничества со средствами массовой информации с целью формирования позитивного образа сотрудника милиции; в-шестых, обеспечение научно обоснованного мониторинга общественного мнения о деятельности ОВД с введением его в число критериев оценки деятельности милиции.

Реализация данных предложений может послужить основой для трансформации милиции из института принуждения в институт социальной помощи населению, реализации на практике принципа социального партнерства, искоренения в милицейской среде негативных процессов.

---

[1] Милиция и население: анализ взаимоотношений // Преступность: что мы знаем о ней. Милиция: что мы думаем о ней / Отв. ред. И.Б.Михайловская. – М., 1995. – С.49.

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ИСТОКИ ПРЕСТУПНОСТИ

Кудашов В.И., д.ф.н., профессор
Сибирский юридический институт МВД России

Кудашова И.В.
Сибирский юридический институт МВД России

Нелепо представлять себе эволюцию человека только как путь совершенствования того начала, которое можно назвать этическим. Во многих ситуациях избирательно выживал и оставлял больше потомства тот, в ком довлели инстинкт самосохранения, чистый эгоизм. Если отбор повел человечество по пути создания эмоционального комплекса совести, то это вовсе не значит, что он не шел па-

раллельно на разнообразие, в том числе на эгоизм, и развивающееся общество неизменно создавало такие социальные ниши, в которых усиленно размножались и антисоциальные генотипы.

Однако комплекс этических эмоций и инстинктов, подхваченный отбором в условиях той специфики существования, оказался необычайно широким и сложным, причем многие противоестественные с точки зрения вульгарного дарвинизма виды поведения на самом деле совершенно естественны и наследственно закреплены. Наследственно закрепляются не эмоции вне времени и пространства, а нормы реакции, системы восприятия и преломления в психике потока информации, поступающей в мозг с момента рождения, то есть это способность воспринимать информацию с позиций самосоздающихся этических критериев, важных для сохранения группы.

Что же касается общепринятого представления, по которому этические нормы всецело определяются средой и воспитанием, то оно опирается на ошибочное отождествление понятий, порождающее силлогизм: врожденный, следовательно, наследственный; не врожденный, значит, не наследственный, «благоприобретенный». Однако множество индивидуальных особенностей, определяющихся генами, реализуются отнюдь не к моменту рождения, а позже, например только в старости. Кстати, отбор никогда не мог идти на проявление этики именно в младенчестве, а также вне социальной среды. Достижение возраста активности и наличие социальной среды – необходимые условия для проявления наследственных этических эмоций, закрепленных естественным отбором.

Эволюционно-генетический анализ показывает, что человечество с самого начала своего развития проходило жесточайший естественный отбор на закрепление тех инстинктов и эмоций, которые мы называем альтруистическими и этическими, что оно проходило жесткий отбор на становление общечеловеческого чувства справедливости, что этот естественный отбор связал все человечество единым органом – совестью. Нельзя это чувство трактовать как следствие дальних пережитков религиозного воспитания, как результат массового подавления индивидуальных стремлений к борьбе за свое место в жизни, нельзя это чувство рассматривать как признак слабости, неполноценности, как защитную психологическую реакцию по отношению к сильным захватчикам.

Это естественное, природное чувство совести можно временно заглушить у части или у многих. Тот, кто его лишен, легко купит единомышленников. Он может захватить власть и создать могучую систему массового обмана и дезинформации. Но страна, ко-

торая это допустит, обрекается на деградацию. К бессовестной власти быстро «присасываются» бессовестные исполнители, и начинается цепной процесс.

Нормальная система этических реакций, подобно любому виду психической деятельности, осуществляется при условии нормального состояния огромного количества генов. Существуют ли среди людей наследственные дефекты одной из тех систем, которые обеспечивают совокупность этичного поведения? Насколько эти дефекты часты, какова их социальная роль? Являются ли в своей массе преступники тяжелые, рецидивирующие, профессиональные жертвами воспитания, среды или же можно обнаружить биологические, наследственные особенности, толкающие на подлинные преступления?

Своеобразным резервуаром для преступного мира являются юноши с синдромом Кляйнфельтера, который характеризуется набором половых хромосом XXY (вместо нормального XY), недоразвитием семенников, евнухоидной конституцией, высоким ростом, умственной вялостью. Юноши с синдромом Кляйнфельтера составляют около 0,2% мужского населения, а среди преступников – около 2%, то есть на каждые 50 преступников приходится один такой больной.

Генезис преступности здесь довольно элементарен: умственная вялость, отсталость, безынициативность приводят к неуспеваемости в школе, обрекают такого подростка на роль третируемого. Неспособность справиться с мало-мальски сложными житейскими ситуациями, низкий образовательный и профессиональный уровни, пассивность, зависимость, внушаемость превращают этот конституциональный тип в очень легкий материал для вербовки в пособники преступлений. Отсюда, кстати, вытекает целесообразность ранней диагностики синдрома и ограждения больных от конфликтных ситуаций с помощью подбора профессиональной ниши.

Во всех этих случаях грубый дефект хромосомного аппарата оказывает столь властное влияние на формирование личности, что все остальные воздействия могут лишь слегка модифицировать основную типологию. Важно здесь не противопоставление социальных факторов наследственности, а то, что преступность в значительной мере порождается отклонением от нормального генотипа. Склонность к преступлению (а преступление обычно бумерангом оборачивается против преступника, и здравый смысл ему должен это подсказать) порождается в значительной мере типоло-

гией, нередко наследственной, а реализация этой тенденции во многом уже зависит от социальных условий.

Однако надо помнить, что преступность вовсе не во всех случаях порождается дефектами наследственного аппарата либо социальными факторами. Многие болезни мозга травматического, воспалительного и сосудистого характера вызывают такие нарушения личности, особенно в период полового созревания, что, освободившись от авторитета родителей и семьи, подростки с повреждением мозга легко используются преступниками.

Повреждения лобной доли мозга ведут к уплощению, обеднению мысли, падению активности. Известны также такие травматические повреждения лобных долей, при которых, наряду с полным сохранением умственных способностей, неудержимо возникали преступные сексуальные тенденции, жестокость, алкоголизм. Некоторые повреждения височной доли мозга вызывают душевную холодность, жестокость, растормаживание низменных инстинктов и асоциальную агрессивность. Это, разумеется, вовсе не значит, что таким образом нащупывается локализация этических эмоций, а значит лишь то, что не внешние, а внутренние, в том числе наследственные, поражения структур мозга могут породить так называемую «бессовестность».

В связи с этим может возникнуть вопрос: что общего между профессиональными преступниками-рецидивистами, нередко просто малообразованными, тупыми, примитивными, с их легко удовлетворяемыми страстями, и властителями, повелителями народов, завоевателями, партийными боссами, поднятыми на самую вершину социальной лестницы? Нечто общее есть – это бессовестность, а разница сводится к масштабам, то есть определяется возможностями.

Если «бытовой» преступник убивает или обворовывает единицы, десятки, то завоеватель – сотни тысяч или миллионы. Известно, например, что Великая французская буржуазная революция выдвинула немало блестящих полководцев и политических деятелей, но императором стал самый хищный, а его ближайшими министрами – самые вероломные: Фуше и Талейран. Несомненно, что в основе социального успеха личности нередко лежат энергия, целеустремленность, талант. Но решающим фактором, решающим преимуществом является бессовестность – страшное оружие, которым обладает будущий деспот.

ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА ЗАПАДА И РОССИИ: ПРОБЛЕМА ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Маслодудова Н.В., к.ф.н., доцент
Сибирский юридический институт
МВД России

Рассмотрение права исключительно в качестве института, предназначенного для регулирования жизни общества, не дает возможности ответить на вопрос: почему западная правовая культура на российской почве выглядит как нечто инородное и искусственно прививаемое? Почему, несмотря на созданные в соответствии с западной структурой социальные и правовые институты, в России нет и не может быть правового государства в том понимании, в каком оно существует на Западе? Все это, несомненно, выглядит совершенно непонятным, но только до тех пор, пока мы не начнем рассматривать право не только как социальный институт регулирования, но и как форму общественной духовности. Единого понятия духовности не существует. В поисках ее сущности каждый исследователь избирает, как правило, ту сферу человеческой жизнедеятельности, которая ему наиболее близка. Одни понимают духовность как историческое сознание, другие – как целостность психической деятельности человека, третьи – как синтез эстетизма, этизма и теоретизма, четвертые – как некое целое истины, добра и красоты, пятые – как единство всех нравственных сил человека, шестые связывают духовность с миром эмоций.

Мы же, исходя из того, что духовность включает в себя два важнейших компонента – стремление к истине и стремление к добру, рассматриваем духовность как характеристику внутреннего мира человека, связанную с гносеологическими и социальными потребностями. Речь идет о двух типах потребностей: гносеологической потребности «для себя» и социальной потребности «для других». Первая связана с поиском истины, самостоятельностью мысли, независимостью суждений, чувством собственного достоинства, вторая – с бескорыстием, альтруизмом, способностью к сочувствию, состраданию и жертвенности. С этих позиций духовность представляет собой диалектическое единство этих двух видов потребностей, поэтому духовность можно рассматривать как способ соединения образа мира с нравственным законом личности. На наш взгляд, ценность этого подхода заключается в том, что он раскрывает объективные основания духовности. Можно сказать, что духовность – это способность человека открывать, восприни-

мать и переживать истину, добро и красоту, усваивать их, преломляя через свое «Я», и в соответствии с этим строить свое поведение и всю жизнедеятельность. Это личный, интимный мир человека, его заинтересованность и добровольное исполнение норм нравственности. Духовность связана с высшими потребностями человека, поэтому человек духовен в той степени, в какой эти потребности становятся доминантами его поступков и поведения.

Таким образом, духовность, будучи качественной характеристикой идеального бытия людей, представляет собой важнейший элемент общественной культуры. Духовная же культура общества является смысловым каркасом, в рамках которого существует и развивается любая форма сознания, в том числе и правосознание. Именно поэтому особенности правовой культуры того или иного общества определяются базовым сочетанием различных сторон духовной культуры.

По мнению многих исследователей, западноевропейская духовность отличается доминированием рационализма и политичности. Именно поэтому идеи свободы, гражданского общества, естественных прав и закона играют системообразующую роль в западной правовой культуре. Причем закон воспринимается как нечто устанавливаемое в соответствии с природой социальной жизни и человека, как то, что является условием равнозначности людей в правовом отношении, условием правового равенства, гарантией правового отношения и формой его существования. Вот почему мысль о законе на Западе неразрывно связана с идеей свободы, обоснованной еще в конце XVIII в. Кантом и Гегелем. В рамках такой интеллектуальной установки жизнь по закону воспринимается не просто как неизбежная, но и как естественная, а сами законы оцениваются как практические и целесообразные.

В сознании западного человека закон является гарантом права свободы, то есть разумное ограничение воспринимается человеком как возможность реализации своей личной свободы. Именно поэтому формируется так называемая законопослушность западного человека, для которого наличие на лобовом стекле автомобиля штрафа за неправильную парковку является неоспоримым основанием для обязательной оплаты. При этом, учитывая вышесказанное, необходимо отметить, что в данном примере на первое место выходит не обязанность оплаты, а право свободы выбора: можно было не оставлять автомобиль и, следовательно, не платить штраф, но человек выбрал неправильную парковку, а значит, вместе с ней и штраф. Если впоследствии, увидев квитанцию, он и злится, то не на государство, установившее этот штраф, а на само-

го себя за неправильный выбор. В понимании этого и кроется колоссальное отличие правосознания западного и российского человека, так как для последнего само наличие штрафа воспринимается как подавление его свободы.

Таким образом, системообразующие идеи западноевропейской культуры в своем единстве демонстрируют первичность прав человека и вторичность его обязанностей и ответственности. Поэтому и право на Западе выступает сферой и формой социальных притязаний людей.

Своеобразие российской духовности заключено в базовом сочетании религиозности и моральности. Смысл же российской моральности можно свести к следующему: пассивно-критическое восприятие социальной реальности; ориентация на идеальное должествование; готовность человека к отклонению от моральных предписаний при отсутствии внешнего давления; негативное отношение к рационально-прагматическому образу жизни, а в особенности – к достатку и обогащению; разорванность между идеально-моральной и нравственно-обычной сторонами жизни.

Наиболее полно специфику российской правовой культуры выражают идеи правды, милости, служения и страдания. Причем идея милости является логическим следствием идеи правды, поскольку в такой интерпретации она характеризует способ достижения и реализации правды и ее непосредственного воплощения – справедливости. Таким образом, правда реализуется не вследствие внутренне присущей ей ценности, а по прихоти наделенного властью и полномочиями учреждения или отдельной личности. То есть человек оказывается не обладающим, а одаренным правом (поэтому и отнято оно у него может быть в любой момент).

Понимание этого делает очевидным тот факт, что служение в сознании российского человека оказывается не следствием проявления гражданских добродетелей человека, а следствием благодарения за оказанную милость. Именно поэтому российский человек потенциально готов к терпению и мучению. Эти системообразующие правовые идеи, содержание которых непосредственно обусловлено особенностями российской духовности, являются смысловыми основами правовой мысли на всех этапах ее развития. Они образуют цементирующий слой общественного правосознания, на основе которого и строится правовая практика.

Для западного правосознания характерна рационально-целевая направленность, а для российского – нерационально-идеальная направленность. Рациональность же в России ассоциируется в первую очередь с эгоизмом, и в рамках такой установки

закон оценивается здесь как неоднозначный по своей целесообразности, а право воспринимается как искусственное образование, сотворенное в чьих-то интересах. А раз оно не в моих интересах, значит, и подчиняться ему я не обязан. Вот в чем сущность российского правового нигилизма, а вовсе не в правовой безграмотности и в отсутствии эффективной системы борьбы с преступностью, как считают многие современные юристы.

Все это означает, что выстраивать способы и методы борьбы с преступностью, опираясь на западные образцы, по меньшей мере безрезультатно, гораздо правильнее было бы обратиться к собственному российскому опыту, даже если кому-то он кажется менее гуманным. Следует, наконец, признать, что мы живем в России, а не на Западе, а это, действительно, иное общество, которое уже, наверное, надо перестать переделывать по образу и подобию других, а просто научиться в нем жить.

О НЕКОТОРЫХ ОСНОВАНИЯХ ПРЕСТУПНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Рубчевский К.В., д.ф.н., доцент
Сибирский юридический институт МВД России

Преступность является весьма разнородным и разноплановым явлением, анализировать которое, сотрудничая, должны представители всех наук, социальная же философия должна с собственных позиций подходить к рассмотрению данного явления, опираясь на данные конкретных наук. Очень сложно в рамках тезисов исследовать феномен преступности и едва ли возможно произвести сколько-нибудь глубокое исследование, тем более в целях, например, систематизации с выработкой определенных, пусть даже самых общих, рекомендаций. Тем не менее представляется целесообразным хотя бы остановиться и подчеркнуть, насколько это возможно, некоторые аспекты этой чрезвычайно острой проблемы.

Говоря о сегодняшней России, мы часто повторяем: наше время – эпоха перелома. Термин «переходный период» (иногда не совсем удачно) часто используют для обозначения нестабильного временного периода, характеризующегося укреплением новых общественных ценностей, ориентиров, установлением нового (относительно, конечно) духовного климата и социально-экономических отношений. В «переходные периоды» нередко

происходит такое, что просто не могло случиться в нормальный, т.е. стабильный период развития общества. Естественно, что беззаконие, разного рода произвол, насилие и несправедливости случаются в «переходные периоды» гораздо чаще, чем в стабильные времена. И само собой разумеется, что «переходные периоды» - это наиболее «радостное» время для руководителей всех мастей, начиная от директоров школ, заводов, фирм и до высшего лица в государстве, уже хотя бы потому, что в такие времена больше возможностей заработать и уйти от ответственности. Именно в такое время мы и живем сейчас. Во многом «благодаря» именно этому «переходному периоду» мы и имеем проблемы с преступностью гораздо более серьезные, нежели, скажем, в советское, относительно спокойное и стабильное время. Хочется лишь высказать озабоченность по поводу: а не слишком ли затянулся этот самый «переходный период», мы вправе, очевидно, считать его началом незабываемый 1985 год. Правда, всем ясно, что «сильные мира сего» весьма заинтересованы в том, чтобы «переходный период» длился как можно дольше, что, в общем-то, мы и наблюдаем.

Нестабильность, тяжелое положение в социально-экономической, политико-правовой, духовной сферах во многом обусловлены «переходным периодом». Хотя понятно, что глупо было бы во всем винить наше «смутное время».

Тяжелое и никак не улучшающееся положение в экономике, социальной сфере является самой благодатной почвой для бурного роста преступности. Безработица, полное отсутствие всякой экономической перспективы, безысходность, нищенская заработная плата существенной части населения нередко доводят людей до психических срывов, до отчаяния, до крайних мер, до преступных действий. То же самое можно сказать и о социальной незащищенности, просто беззащитности многих людей перед системой, перед произволом начальников, особенно частных предприятий, часто не выплачивающих ни пособия, ни отпускные, существенно задерживающих заработную плату. Растет число бездомных. Очень многие утратили малейшую надежду на решение жилищной проблемы. Не только безработные, но и имеющие работу не в состоянии «поднять» своих детей. Что же можно ждать от людей в такой ситуации? Такое положение по меньшей мере не способствует укреплению у людей веры в закон, убеждения во всех случаях следовать закону. Несовершенство правовой системы способствует появлению огромного числа самых разных мошенников, стремящихся обойти закон, а фантастическая гуманность нашего суда облегчает

формирование у преступников мотивации на совершение тяжких и особо тяжких преступлений.

Особый акцент в этой работе хотелось бы сделать на том плачевном положении, которое сложилось в духовной сфере нашего общества. Ни социальный заказ для системы образования, ни идеология нашего общества государством не выработаны. Понятие «патриот» не имеет в нашем государстве определенного содержания. Хорошо по этому вопросу выразил свое мнение Б.Ф.Славин: «Подлинный патриот может не только гордиться своей страной, но и испытывать стыд за нее, когда официально представляющие ее люди ведут себя неподобающе. Достаточно вспомнить в этой связи поведение Бориса Ельцина за границей, когда он в нетрезвом виде дирижировал оркестром или мочился у трапа самолета. Бывает стыдно и больно за свою родину, когда ее народ плохо и бедно живет, когда за слабость ее перестают уважать другие страны и т.д. Часто такой стыд и такая боль могут порождать подвижничество и глубоко нравственные поступки людей.

Таким образом, будущая идеология России должна включать в себя такое понимание патриотизма и других общегражданских ценностей, которые способствуют активности людей, поднимают их на созидательную и творческую деятельность, приносящую благо стране и ее народу. Только такая идеология может просветить, вдохновить и объединить россиян»[1]. Да, действительно, без идеологии, без осознанного и прочувственного мировоззрения у России печальные перспективы. Человек должен во что-то верить, что-то уважать, что-то любить. Наше общество – это общество тотального неверия и недоверия, разочарования и нигилизма. Во что теперь верят люди, выступавшие в 1991 году за демократизацию общественной жизни, за либерализацию экономики? А во что сейчас верят большинство подростков? Более того, весьма значительная часть людей не просто не уважают власть, но испытывают к ней омерзение, которое лишь подпитывает преступность. И разве может быть у нас по-другому? Как можно относиться к власти, дающей частным строительным фирмам разрешение на снос детских площадок и городков для строительства домов для богатых (придумали, однако, более благозвучный термин – «элитное жилье»), как можно относиться к такой власти, которая поставила того же Ельцина выше закона?

Власть глумится над простыми людьми (тем более над теми, кто посмел поднять голову), унижая и втаптывая их в грязь, и осознанно, целенаправленно («всяк сверчок знай свой шесток»), и бессознательно, чувствуя свою безнаказанность, развлекаясь. Дей-

ствительно, у нас правит «кулачное право», «кто смел, тот и съел» – сильные мира сего и являются полновластными и ничем не ограниченными хозяевами и в городах, и тем более в районах. Такая раскованная жизнедеятельность злит и раздражает население, толкает многих на противоправное поведение. Если сильным мира сего позволено безнаказанно попирать закон, то и простым смертным закон не писан – так оправдывают себя некоторые преступники.

Самое же грустное – в том, что «света в конце тоннеля» не видно. Одним из наиболее существенных оснований роста преступности является не просто неспособность власть предержащих решать острейшие неотложные проблемы нашего общества, а ярко выраженное нежелание делать это. Им это выгодно. Не создано ни одной серьезной программы, которая оставляла бы народу хоть какую-то надежду на небольшое улучшение жизни – ни в сфере промышленности или в сельском хозяйстве, ни в сфере борьбы с нищетой, ни в сфере оздоровления ситуации в молодежной среде (большинство окончивших учебные заведения не могут без «связей» устроиться на работу по специальности – что им делать?). В отношении же молодежи приведем лишь один прискорбный пример. В 1997 году в городе Владимире В.А.Попов и О.Ю.Кондратьева проводили социологическое исследование. Итоги таковы: «Почти 80 % респондентов указали, что основной целью жизни является обеспечение материального благополучия, причем 40 % опрошенных в качестве жизненного идеала называют возможность «жить беззаботно, развлекаться». 50-60% подростков и молодых людей связывают мотивацию трудовой деятельности исключительно с деньгами и стремлением зарабатывать их любыми средствами, в том числе и противоправными». Удрученные ученые указывают на заметное сходство полученных ими данных, касающихся основных компонентов мотивационной сферы современных подростков и юношей, с данными опроса несовершеннолетних преступников 70-х годов.[2]

От высшей власти требуются честность и воля в целях эффективной борьбы с преступностью, и прежде всего для решения социально-экономических проблем общества. На беду нашего народа эти качества у нее, видимо, отсутствуют совершенно.

---

[1] Славин Б.Ф. Какая идеология нужна России? // Социально-гуманитарные знания. – 2004. – №4. – С.21.

[2] Попов В.А., Кондратьева О.Ю. Изменение мотивационно-ценностных ориентаций учащейся молодежи // Социс. – 1999. – №6. – С.96-97.

ПРАВОВОЕ СОЗНАНИЕ И ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО

Нескрябина О.Ф., д.ф.н., профессор
Сибирский юридический институт
МВД России

Понятие «гражданское общество» в политическом дискурсе последних лет приобрело значение, которое до него выражали словосочетания: «процесс демократизации», «правовое государство» и т.п. Когда говорится о необходимости создания гражданского общества, то подразумевается, что страна не собирается реставрировать старую систему и отказываться от курса реформ. Однако новые слова, как правило, содержат новые смыслы.

Вхождение понятия «гражданское общество» в язык политической коммуникации и публицистики свидетельствует об изменениях в российском менталитете. Язык не только отражает объективные процессы. Он выполняет также и компенсаторную функцию, замещая отсутствующие элементы реальности. Можно предположить, что идея «гражданского общества» призвана в какой-то мере компенсировать тенденцию усиления роли государства в современном российском обществе.

Все согласны с тем, что в России сегодня нет гражданского общества, и все единодушны в том, что оно должно быть. Но никто толком не может сказать: что оно такое и как его нужно создавать. По нашим данным, большинство студентов затрудняются дать определение гражданского общества. Думается, причина такой неопределенности кроется не столько в недостатках политико-правового просвещения, сколько в отсутствии общественных процессов или состояний, релевантных данной идее. Как известно, плохо усваиваются понятия, не наполненные конкретными образами.

В западной философии концепция гражданского общества создавалась в рамках либерально-демократической доктрины. По мнению некоторых авторов, в политической науке термин «гражданское общество» в XIX веке приобрел свои главные и окончательные черты: «во-первых, это часть общества, независимая от государства; во-вторых, гражданское общество обеспечивает права индивидов, и в частности право собственности; в-третьих, в гражданском обществе независимо от государства действует множество автономных экономических ассоциаций...»[1].

Данные черты гражданского общества имеют ясный смысл в ситуации, когда они отражают исторические события и структуры. Это относится к европейским странам, где политическая теория

следовала за реальным политико-правовым процессом. Какая реальность может соответствовать этим чертам, если прилагать их к российской действительности, неясно. Неудивительно, что российское массовое сознание имеет весьма расплывчатое представление о том, что такое гражданское общество.

Когда эта тема обсуждается, скажем, в телевизионной программе, становится ясно, что люди ассоциируют гражданское общество с особыми институтами. Участники обсуждения говорят о создании каких-то новых общественных организаций. Но очертания предлагаемых структур очень неотчетливы. В общественном сознании работает стереотип: чтобы решить какую-то проблему, надо создать комитет, комиссию, орган. И хотя практика показывает, что такая стратегия обычно непродуктивна, мысль движется по этому привычному руслу.

Опрос по проблеме гражданского общества, проведенный в студенческой аудитории, выявил и другие варианты ее представления и решения. Среди ответов респондентов нам попалось высказывание, которое представляет данную проблему в новом ракурсе: «Я считаю, что сейчас гражданского общества у нас нет. На вопрос: кем ты себя считаешь в своей стране, мало кто ответит, что он гражданин». Думается, здесь проявлен важный элемент психосемантики термина. Гражданское общество – это общество людей с чувством собственного достоинства, отражающим состояние правового поля данного социума.

Наличие гражданского общества напрямую связано с реальным действием принципа разделения властей. Обязательным условием существования гражданского общества являются независимый суд, сильная адвокатура, способная влиять на суд, а также независимые средства массовой информации. Все эти элементы гражданского общества взаимозависимы, они обеспечивают существование друг друга в относительной автономии от государства.

Гражданское общество предполагает развитое правовое сознание граждан, в частности сформированное представление о сущности правовой нормы. Определенность и устойчивость понятия юридической нормы связаны с представлением о норме как таковой. «Легитимность» и «рациональность» – между этими категориями существуют тесные логические и исторические отношения. Парадигма легитимности в теории права формировалась под воздействием философии позитивизма, которая, как известно, отстаивала идеал строгой научной рациональности. Признание законности юридической нормы осуществляется при условии понимания ее разумности и целесообразности.

«Норма – общее для всех, принятое большинством правило поведения» – такова, по данным опроса студенческой аудитории, наиболее частая версия данного понятия. В ходе обсуждения вопроса о сущности нормативности выявляется, что многие молодые люди склонны считать достаточным обоснованием нормы то обстоятельство, что большинство признает ее таковой. Далее по частоте фиксирования следует временная характеристика – давность происхождения. Многие респонденты подчеркивают историческую изменчивость норм.

Целесообразность – не так часто упоминаемая характеристика нормы. «Нормально то, что правильно», «норма – это наиболее оптимальные способы поведения», «норма – что-то полезное, приспособительное, она содержит и некоторое усреднение, в котором фиксируется опыт предшествующих поколений».

По нашим данным, мало кто из опрошенных признает авторство нормы. «Норма устанавливается изначально специалистами, но лишь в определенных сферах» – отмечено одним из респондентов. Анонимность нормотворчества – явно преобладающая черта образа нормы в массовом сознании. Довольно много анкет содержат утверждения, индивидуализирующие норму: «норма для каждого своя», «люди по-разному понимают, что соответствует норме» и т.п. Индивидуализация нормы относится к ее истолкованию и применению, а не к созданию. Вероятно, здесь мы имеем дело с проявлением «коллективизма» российского менталитета, хотя можно сказать, что это проявление недоверия к личности.

Особенностью образа нормы в массовом сознании является противопоставление нормы и патологии. Как выразился один из опрошенных нами студентов: «Нормально – значит не патологично». В публичном дискурсе о сущности девиантного поведения нередко отсутствует разграничение между моральной, юридической и медицинской нормами. Думается, в ряду причин данного явления действует и мотив психологической защиты. В защите нуждается чувство социальной справедливости. Если состояние правоохранительной системы таково, что не удовлетворяется потребность в справедливости (одной из базовых социальных потребностей), люди начинают уповать на судьбу, природу или некие высшие силы.

Средства массовой информации в угоду публике рисуют образ преступника, движимого комплексом неполноценности. Если преступник – личность ущербная, с детства обделенная любовью и сознающая свою никчемность, то это значит, что он уже был наказан – хоть какая-то видимость расплаты, спасающая идею спра-

ведливого мира. Та же тенденция проявляется в оценке личности террориста. Он описывается как человек с психопатическими отклонениями либо как зомби, то есть как индивид, лишенный личности.[2]

Гражданское общество предполагает чувство причастности к нормотворчеству и нормоприменению. Пока что в массовом сознании преобладает иной взгляд на отношение личности и общества. Следовательно, необходима работа над развитием гражданской ответственности как в сфере правовых отношений, так и в духовной сфере.

---

[1] Гражданское общество: истоки и современность / Научн. ред. проф. И.И.Кальной. – СПб., 2000. – С.34.

[2] Ольшанский Д. Психология терроризма. – СПб., 2002. – С.127.

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ИМИДЖА ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ В ДАЛЬНЕВОСТОЧНОМ РЕГИОНЕ

Бондаренко Т.А., к.психол.н.
Дальневосточный юридический институт МВД России

Исследование имиджа органов внутренних дел как одной из высокоэффективных форм социально-психологического воздействия на правосознание граждан приобретает особую актуальность в современный период, когда благодаря демократическим преобразованиям, осуществляемым в нашей стране, на смену командно-административным методам управления приходят методы, основанные на решениях субъектов, принимаемых ими самостоятельно.

Необходимо отметить, что в зарубежной и отечественной научной литературе проблема имиджа рассматривается в нескольких аспектах: педагогическом, социологическом, психологическом, социально-психологическом. В социальной психологии под имиджем понимают «социально-психологическое явление, отражающее влияние не только сознательного, но и бессознательного компонентов психики различных социальных групп, мотивации их поведения, а также формирование образов, которые затребованы сегодня народными массами»[1].

Исследование проводилось в Дальневосточном регионе, который имеет определенные региональные особенности, поэтому, по нашему мнению, и результаты имеют региональные особенно-

сти. Так, к характеристикам Дальневосточного региона мы относим географическую удаленность от федеральных органов власти, что, в свою очередь, значительно ослабляет контроль за деятельностью административных аппаратов, их формальной подотчетностью; исторически обусловленный высокий уровень криминальной «зараженности» населения.

Выборка составила 587 респондентов – жителей Хабаровского края и Амурской области в возрасте от 16 до 68 лет. Исследованием были охвачены работники социальной и производственных сфер, аппарата управления, пенсионеры, безработные, сотрудники правоохранительных и силовых ведомств, студенты, жители села и города.

Проводя исследование в рамках социальной психологии, для изучения имиджа органов внутренних дел мы использовали прямой метод психосемантического исследования – ассоциативный эксперимент. Суть его заключалась в следующем: респонденту предъявлялось слово-стимул «милиция», на которое требовалось назвать первые пришедшие на ум ассоциации.

Приступив к обработке полученного материала, мы учитывали тот факт, что «когда речь идет о семантической обработке, подразумеваются процессы выявления смысла или раскрытия плана содержания информации, при этом главное внимание исследователей уделяется несознаваемым процессам, происходящим на ранних этапах восприятия»[2]. В нашем исследовании мы подвергли анализу вербальные формы – представление значения в словах.

Как отмечает В.П.Белянин, «при большом количестве испытуемых и большом наборе слов кластер-анализ позволяет дополнительно выявить важные семантические закономерности»[3], соответственно, при классификации слов по категориям мы рассматривали следующие категории:

- положительная – нейтральная – отрицательная оценка деятельности милиции;
- служба – сотрудники.

Таблица 1

АССОЦИАЦИИ, ВЫЗЫВАЕМЫЕ СЛОВОМ-СТИМУЛОМ «МИЛИЦИЯ»

Образ	Общественное мнение		
	Положительное	Отрицательное	Нейтральное
Служба	237	295	601
Сотрудники	64	343	194
Всего	301	638	795

Прежде всего рассмотрим имидж органов внутренних дел как социальной организации. Из таблицы можно заключить, что мнение граждан о службе в основном нейтральное, получившее свое выражение в таких словах и словосочетаниях, как «преступление», «погоня», «наган», «дознание», «следствие», «турникет», «вытрезвитель», «служба», «алиби», «кара», «угоны», «ГАИ», «розыск», «воровство», «форма», «расследование», «низкая заработная плата», «социальная незащищенность сотрудников», «снятие отпечатков пальцев» и т.п. Положительная оценка гражданами выражалась в следующих определениях – «порядок», «защита», «безопасность», «помощь», «закон», «власть», «сила», «место защиты», «последняя надежда», «благородные цели», «поимка преступников», «охранять», «нужная сфера», «защищать», «профилактика» и т.п.; отрицательная – «продажность», «недоверие», «безнаказанность», «бюрократия», «обман», «коррупция», «беззаконие», «анархия», «бездействие», «опасное», «страшное», «подкупная», «бумажная волокита», «много и без толку», «частое нарушение законов», «превышение власти», «толстое руководство», «неуспешность», «прикрывает», «настораживает», «избиение» и т.п.

Настораживает тот факт, что отрицательных отзывов в отношении сотрудников милиции больше в пять раз, чем положительных. Положительная оценка сотрудников милиции отражалась в следующих определениях – «сильный», «молодой», «защищает», «найти», «задержать», «решать» и т.п.; отрицательная – «тупость», «брезгливость», «бутылка», «взятка», «волокита», «пьянство», «оборотни», «менты в законе», «хамство», «ложь», «ненависть», «разгильдяи (не все)», «испорченный», «безнаказанный», «неопытный» и т.п.; нейтральное – «милиционер», «участковый», «оперативник», «дежурный», «образование», «физическая подготовка», «практика», «безденежье» и т.п.

Поскольку, на наш взгляд, сама деятельность ФСБ вызывает больше положительных ассоциаций, чем сами сотрудники, работающие в ней, мы посчитали необходимым применить корреляционный анализ для подтверждения своей гипотезы. Для этого мы использовали таблицу сопряженности 2х2 (положительные – отрицательные ассоциации граждан; служба – сотрудники), применив коэффициенты Юла и контингенции.

Опираясь на полученные данные, нами была выдвинута гипотеза о существовании различий между положительными и отрицательными отзывами граждан в отношении милиции и ее сотрудников, которая получила свое подтверждение. Так, величина коэффициентов Q1 и Q2 $\eta = 0,62$ свидетельствует о заметной корреля-

ционной зависимости. Следовательно, отрицательная оценка граждан больше связана с оценкой самих сотрудников милиции, а положительная, наоборот, в большей степени ассоциируется с самим силовым ведомством, выполняющим правоохранительные функции. Обобщив различные подходы, мы выделяем образ «необходимая служба, но плохая работа сотрудников».

Результаты исследования позволяют сделать вывод о том, что авторитет МВД в иерархии силовых ведомств самый низкий, и вызвано это такими факторами, как отрицательная оценка личностных качеств сотрудника милиции, а также частое нарушение законности при исполнении служебных обязанностей. Данное обстоятельство указывает на необходимость включения в перечень методик, применяемых при отборе на службу в милиции, тестов по выявлению ценностных ориентаций, а также улучшения воспитательной работы среди личного состава.

---

[1] Федоркина А.П., Ромашкина Р.Ф. Проблемы имиджа в контексте социального психоанализа // Имидж госслужбы. – М., 1996. – С.84.

[2] Психология XXI века / Под ред. В.Н.Дружинина. – М., 2003. – С.268.

[3] Белянин В.П. Психолингвистика. – М., 2003. – С.147.

ПРАВОСОЗНАНИЕ КАК ДИАЛЕКТИЧЕСКОЕ ЕДИНСТВО ОСОЗНАННОГО И НЕОСОЗНАННОГО

Бармашова Т.И., к.ф.н., доцент
Красноярский государственный
аграрный университет

Проблемам противоправного поведения личности заслуженно уделяется пристальное внимание. Знание источников, детерминирующих факторы асоциальной активности субъектов, помогает не только в борьбе с преступностью, но и в профилактике. При этом акцент делается, как правило, на сознательной стороне бытия личности, в результате чего неосознанные проявления человеческой активности оказываются вне поля зрения, в то время как они играют заметную роль во всех сферах жизнедеятельности человека, в том числе и в правовой сфере. Как справедливо замечает Л.С.Мамут: «… никак нельзя признать нормальным то, что все еще слабо научно-теоретически разработаны такие смежные категории, как «осознание права», «глубина и полнота отражения пра-

ва», «знание права», «правопонимание» и др., что не может не влиять отрицательно на исследование познавательной функции правосознания»[1]. В связи с этим важным является диалектический дискурс рассмотрения проблемы, где правосознание предстает как неразрывное единство осознанных и неосознанных составляющих.

В правовой области нередко имеет место неосознанное отражение объективных закономерностей, которые и делают возможным существование тех или иных систем права. Причем неотрефлексированность может быть присуща всякому социуму, будь то отдельный человек, социальная группа или общество в целом как субъект правосознания. По этому поводу Ф.Энгельс замечает в письме К.Шмидту: «Отражение экономических отношений в виде правовых принципов точно так же необходимо ставить … на голову. Этот процесс отражения происходит помимо сознания действующего; юрист воображает, что оперирует априорными положениями, а это всего лишь отражения этих отношений»[2].

Рассматривая эту разновидность гносеологических отношений «осознанное – неосознанное», можно заметить, что она почти никаким образом не сказывается на социальных процессах. Осознание этого факта юристом не внесет никаких изменений в его отношение к кодексу права. Иными словами, отсутствие понимания корреляционной связи базисных общественных отношений и правовых норм само по себе еще не порождает ни правового, ни противоправного поведения. Но роль степени осознанности в различных правовых сферах и у различных носителей правового сознания неравнозначна. В ряде случаев она существенным образом влияет на протекание процессов, не только инициируя активность субъекта, но и определяя характер этой активности. Это связано с неоднозначностью правового сознания, которое дифференцируется по субъекту, по способу и по сферам отражения.

Так, несоизмеримы осознанное и неосознанное в обыденном и теоретическом правосознании. Обыденное или практическое правосознание, являясь отражением права в сознании людей посредством таких феноменов общественной психологии, как чувства, настроение, установки, стереотипы, предрассудки, предубеждения и пр., олицетворяет собой образец некритичности, неосмысленности, неосознанности. Теоретическое же правосознание, сформированное на базе рационально-рефлексивного постижения социальной действительности, предполагает, как правило, глубокое, осознанное понимание происходящего.

При этом одновременно следует отметить, что не существует прямой связи между уровнями правосознания и адекватностью от-

ражения действительности. В пользу этого утверждения свидетельствуют различные варианты противоречий между существующим правом и правосознанием. Первый вариант характеризуется тождеством права и правосознания. Причем адекватностью отражения может отличаться не только носитель теоретического правосознания, но и обыденного.

Второй вариант выражает ситуацию, при которой правосознание опережает в своем развитии систему права. В данном случае теоретическая рефлексия законодательного субъекта уступает рефлексии рядового исполнителя права. Отдельный индивид или социальная группа осознают диссонансные отношения между правовой действительностью и правовой рефлексией. Это часто является выражением оппозиционного правосознания. В этом отношении законопослушность не всегда является выражением прогрессивного, передового правосознания. Она порой выражает шаблонность, стереотипность, отсутствие творческого, критического отношения к устаревшим, консервативным нормам права.

Третий вариант касается ситуаций, в которых правосознание отстает от системы права. Например, законодательство запрещает охоту на редкие виды животных. Но на каждом шагу этот закон нарушается, обнаруживая низкую степень сознательности определенной группы граждан. Неосознанность такого плана носит уже не чисто гносеологический характер, а приобретает черты морального характера. Поскольку речь зашла об этических основах степени осознанности правового субъекта, будет правомерным упомянуть понимание правосознания известным русским философом И.А.Ильиным, акцентирующим аксиологический аспект проблемы.[3]

В противовес традиционным интерпретациям правосознания как сознания или осознания, связанным с этимологией этого слова, философ осуществляет более глубокий подход к анализу правосознания, связывая его с нравственной категорией совести, со стремлением к совершенству и видя его корни в иррациональной глубине души, в подсознании. Мыслитель правомерно выступает против сведения правового сознания только к сознанию. Можно осознавать, но тем не менее действовать вопреки осознаваемому, если отсутствуют моральные принципы. В этом смысле он с полным на то основанием различает верное, совестное и запущенное, уродливое правосознание. Подчеркивание значимости морального, ценностного вектора правосознания наполняет данное понятие гуманистическим содержанием.

Правосознание необходимо рассматривать также в преломлении к мировоззрению субъекта, его социальному статусу, к клас-

совой, национальной, этнической принадлежности. На его формирование оказывают сильное влияние и интересы субъекта. Правовая культура человека, немыслимая без зрелого правосознания (выражающего максимальную степень гносеологической и этической осознанности), представляет собой комплексное явление в единстве мысли и действия. Она формируется не только посредством направленного правового воспитания, но и всем фоном общественной жизни, в котором осуществляется жизнедеятельность личности. В этом отношении правомерно говорить не только об индивидуальном, социально-групповом и общественном правосознании, но и о правосознании поколения, эпохи, выражающем общие тенденции рефлексивного взаимодействия социального субъекта с системой права и с социальной жизнью в целом, присущей данным временным рамкам. Такое правосознание также не лишено вкраплений неосознанности.

Таким образом, необходимо строить систему правового воспитания не только в соответствии с принципом единства сознания и деятельности, как это принято считать, но также с учетом многообразных неосознанных проявлений человеческой активности. Нельзя игнорировать тот момент, что система правовых отношений развивается не только благодаря потребностям общественной жизни, но и благодаря противоречию между осознанными и неосознанными составляющими правосознания. «Зародыши» многих правонарушений кроются именно в потаенных уголках подсознания. Только в том случае, если правосознание будет пониматься последовательно диалектически, в единстве его противоречивых сторон и тенденций (в частности, осознанного и неосознанного), можно будет рассчитывать на эффективность мер, направленных на предотвращение асоциального поведения личности, на сокращение преступности.

---

[1] Общественное сознание и его формы / Под ред. В.И.Толстых. – М., 1986. – С.124-125.

[2] Энгельс Ф. Письмо Конраду Шмидту от 27 октября 1890 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. – 2-е изд. – Т.37. – С.418.

[3] См.: Бармашова Т.И. Идея бессознательного в философии И.А.Ильина // Вестник КрасГАУ. Вып.2. – Красноярск, 2003. – С.167-171.

ПРАВОВОЕ ВОСПИТАНИЕ КАК СРЕДСТВО ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ПРАВОНАРУШЕНИЙ И ПРЕСТУПНОСТИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Ткаченко А.В., к.ю.н., доцент
Сибирский юридический институт МВД России

Воспитание граждан, защита их прав и законных интересов являлись задачей и непременным долгом любого общества во все времена. Но сегодняшний период для России особый. Она переживает один из самых сложных, болезненных, но вместе с тем и динамичных этапов своей истории. Происходят процессы коренной реорганизации экономической и социальной сфер. Именно начало девяностых годов прошлого века в силу характера политических, социально-экономических и правовых преобразований принято именовать в России началом переходного периода. Здесь же, к сожалению, лежит и точка отсчета значительного роста преступности несовершеннолетних и молодежи.

Именно эта часть российского общества явилась своеобразной жертвой социальных процессов, стала носителем искаженного общественного сознания.

Господствующий в обществе правовой нигилизм как следствие недоверия граждан государству и неверия в правовые способы защиты их прав; ориентация граждан на материальное благополучие, достигаемое в том числе любыми средствами; отсутствие должной замены ушедшей советской идеологии – это лишь часть распространенных общественных установок и проблем, негативно отразившихся на правосознании несовершеннолетних и молодежи.

Отсутствие жизненного опыта, неспособность противостоять негативному воздействию псевдоценностей, криминальной субкультуры и криминальных групп представляют собой один из основных блоков причин субъективного характера в преступности несовершеннолетних и молодежи.[1]

Изложенное свидетельствует о падении уровня группового общественного сознания несовершеннолетних и молодежи и как следствие – уровня их правосознания. От того, что знает несовершеннолетний о праве, как он реализует эти знания, зависит его дальнейшее поведение, в том числе правомерное либо противоправное.

По мнению М.Н.Марченко: «Правосознание есть отражение правовой жизни общества, правовых отношений, сущности и роли правовых установлений в сознании общества, социальной группы,

личности. Правосознание есть знание о праве, оценка действующего права и мысли, идеи о желаемых изменениях в праве, то есть правосознание – не только результат отражения объекта, но и средство воздействия на объект, на всю правовую систему государства»[2].

В связи с изложенным небезынтересными представляются данные об источниках правовых знаний несовершеннолетних.

По результатам специальных исследований С.В.Стецура отмечает: «Основным источником получения информации о праве для 42,8% подростков являются средства массовой информации, 26,5% опрошенных получают данную информацию в результате общения с друзьями, 6,5% – с сотрудниками милиции и 3,5% – из специальной литературы. 20,7% несовершеннолетних не знают права, но и не стремятся к этому»[3].

Как видно из приведенных данных, наибольшей удельный вес падает на средства массовой информации как источник знаний о праве. При всей внешней позитивности этого источника, представляющего, согласно распространенному общественному заблуждению, «четвертую власть», нельзя переоценивать роль средств массовой информации (СМИ) в этом просвещении. Сегодня СМИ, к сожалению, чаще, чем это допустимо, выступают источником знаний о насилии и жестокости. Не случайно депутаты Государственной Думы не раз поднимали вопрос о цензуре средств массовой информации именно по этому поводу.

Частная собственность на СМИ также ставит под сомнение позитивность влияния этого источника знаний о праве на правосознание несовершеннолетних и молодежи. Неспособность СМИ слышать мнение большинства населения в зависимости от установок владельцев СМИ и их нравственных позиций вносят существенное раздражение в общество, подпитывая агрессивную атмосферу, блокируя усилия отдельных граждан к сохранению терпимости, к поиску компромиссов. Это не может негативно не отразиться на правосознании несовершеннолетних и молодежи как наиболее активной части населения.

26,5% несовершеннолетних получают знания о праве из общения с неформальными группами несовершеннолетних и молодежи. Однако полноценность данного источника также сомнительна, и, безусловно, вряд ли можно говорить о качестве знаний о праве из такого источника, как неформальная группа.

Эту и без того тревожную картину усугубляют данные о том, что 20,7% опрошенных признают, что вообще не имеют представлений о праве.

Вместе с тем, по данным С.В.Стецуры, многие несовершеннолетние осознают неполноту своих знаний о праве и необходимость их получения. Об этом свидетельствуют цифры: 43,5% школьников осознают необходимость изучения права и хотели бы посещать предмет «Правоведение» хотя бы на факультативном уровне.[4]

Таким образом, можно сделать неутешительный вывод о том, что формирование правосознания несовершеннолетних и молодежи в современном российском обществе – процесс неуправляемый, а система его формирования отсутствует.

Не меньшую проблему представляет и вопрос: «кому учить?».

Специалистов, особенно в системе воспитания несовершеннолетних правонарушителей, явно недостаточно. Ни для кого не секрет, что в подразделениях органов внутренних дел, занимающихся профилактикой правонарушений несовершеннолетних, в основном работают выпускники педагогических вузов, не имеющие достаточной правовой подготовки.

Как нам представляется, в порядке постановки данной проблемы можно выделить следующие организационные формы получения правовых знаний несовершеннолетними: правовое информирование, правовая пропаганда и правовое обучение.

Рамки настоящей статьи не позволяют подробно осветить каждую их этих форм. Однако основные направления на этом пути можно обозначить.

Правовое информирование представляет собой систематическое и последовательное воздействие на правосознание несовершеннолетних и молодежи, целью которого должно являться ознакомление с действующим правом. Средствами достижения этой цели могут выступать мероприятия воспитательного характера в образовательных учреждениях (встречи с юристами, преподавателями юридических вузов, ролевые игры, викторины и диспуты на правовые темы), а также программы радио- и телепередач на правовые темы для несовершеннолетних и другие мероприятия.

Правовая пропаганда – это более высокая ступень деятельности по организации правового воспитания, заключающаяся в целенаправленном последовательном воздействии на сознание несовершеннолетних и молодежи, направленном не только на повышение информированности о праве, но и на формирование убежденности в целесообразности соблюдения законов, предупреждения правонарушений. При организации правовой пропаганды возможны различные способы и средства. Однако при этом необходимо учитывать следующее: во-первых, потребности конкретной группы несовершеннолетних в знании права; во-вторых, необхо-

димую интенсивность проводимых мероприятий; в-третьих, работа должна быть направлена на устранение пробелов в знании тех или иных разделов права; в-четвертых, способ доведения информации до воспитуемых должен учитывать социально-психологические особенности аудитории.

Правовое обучение представляет собой планомерное, систематизированное формирование устойчивых знаний о праве в рамках специальных учебных программ, предполагающих по результатам их освоения итоговой контроль соответствия определенным квалификационным требованиям (знания, умения, навыки). Правовое обучение может проводиться в традиционной для современных образовательных учреждений форме – изучение в школах дисциплин: «Основы правовых знаний», «Основы Конституции Российской Федерации», «Правоведение», «Обеспечение жизнедеятельности». Однако правовые знания могут даваться с учетом интересов несовершеннолетних, их профессиональной ориентации по отдельным курсам, с отражением содержания по потребностям.

Не менее важным моментом, как уже отмечалось выше, выступает задача обучения обучаемых.

В связи с этим представляется целесообразным:

1. Распространение в вузах МВД России в рамках образовательной программы 021100 Юриспруденция специализации «Организация предупреждения правонарушений несовершеннолетних» по опыту Воронежского юридического института МВД России.

2. Введение на факультете повышения квалификации Сибирского юридического института МВД России подготовки специалистов ООРППН по аналогичной программе.

3. Проведение на базе СибЮИ МВД России или ГУВД КК научно-практических семинаров и конференций по проблемам правового воспитания несовершеннолетних.

4. Проведение лекций для сотрудников ООРППН по указанным проблемам.

5. Систематизация и выработка единой концепции по подготовке силами преподавателей СибЮИ МВД России и соответствующих служб ГУВД КК и ГУВД г.Красноярска специальной литературы о правовом воспитании несовершеннолетних.

В значительной части предлагаемые меры уже известны. Однако их систематизация и целенаправленная реализация с учетом реалий современного российского общества может явиться новым этапом в снижении уровня правонарушений и преступности несовершеннолетних и молодежи.

[1] Плешаков В.А. Криминологическая безопасность и ее обеспечение в сфере взаимовлияния организованной преступности и преступности несовершеннолетних. – М., 1998. – С.43.

[2] Теория государства и права: Учебник. – 3-е изд., расш. и доп. / Под ред. М.Н.Марченко. – М., 2002. – С.577.

[3] Стецура С.В. Уголовно-правовое воспитание как средство предупреждения преступности несовершеннолетних: Дис. … канд. юрид. наук. – Красноярск, 2003. – С.13.

[4] Там же. – С.12.

ВЛИЯНИЕ ФИЛОСОФСКО-ЭТИЧЕСКИХ ЗНАНИЙ НА ОТНОШЕНИЕ К ПРЕСТУПНОСТИ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

Ветренко И.А., к.ф.н., доцент
Омский институт предпринимательства и права

Глубокий кризис, который переживает современное российское общество, а именно поиск новой мировоззренческой доктрины, формирование рыночных отношений, определение приоритетной концепции образования и т.п., не может не отразиться на отношении граждан к преступности как социальному явлению и к преступлению как к деянию.

Нельзя констатировать, что преступность для россиян стала нормой жизни, но такого негативного и осудительного отношения сегодня, как ранее в социалистической действительности, она не находит. Более того, в сознании наших граждан понятие «хороший юрист» изменило свое содержание практически до антипода, то есть квалифицированным юристом считается тот, кто может ловко обходить законы или при их нарушении способен избежать соответствующего наказания. В данном случае к такой характеристике лучше подходит понятие «бандит», а не «юрист». Проблема попустительского отношения к преступности не есть проблема только юристов, скорее всего, им уже приходится работать с конечным результатом деятельности всего социума.

Российское законодательство находится на этапе своего становления, поэтому не отличается последовательностью и устойчивостью, что в свою очередь проецирует негативное отношение к закону у наших граждан.

Мы не ставим перед собой глобальной задачи – выяснить объективные и субъективные причины правового нигилизма в современном обществе. Наша задача носит конкретный характер – показать возможности изменения отношения к преступности в сторону осуждения, неприятия на основе актуализации философско-этических знаний в современном обществе.

По нашему мнению, одной из главных причин сложившегося положения является недостаточное внимание и не столь важное отношение граждан к философско-этическим знаниям, которые накапливались и складывались в течение всей истории существования человеческой цивилизации. Они претерпевали изменения, корректировались и, вообще, призваны служить идеалами для восприятия и оценки социальных действий.

Современная действительность диктует жесткие нормы жизни: стремительное социальное расслоение, люмпенизация, незаконная приватизация, жесткая конкурентная борьба в сфере бизнеса и др. Несмотря на все эти процессы, человек должен оставаться человеком в полном смысле этого слова, он не вправе отвергать все то, что создали до него как в материальной, так и духовной сферах.

Философско-этические знания дают личности высокую культуру, в том числе и правовую, развитое мышление, интеллект, собственную нравственную позицию, определенный уровень социальной зрелости и осознанности. Для обеспечения граждан подобными знаниями необходимо подключение всех социальных каналов: семья, школа, клубы по интересам, общественные организации, и в первую очередь системы среднего и высшего профессионального образования, которые обладают наибольшими потенциями в данном направлении.

Процесс овладения философско-нравственными знаниями, по нашему мнению, должен проходить три взаимосвязанных этапа:

I. Внесение в сознание личности нравственных ориентиров, под которыми выступают заведомо положительные нормы поведения в социальной действительности. Как отмечает преподаватель юридической этики С.В.Денисенко, на данном этапе происходят целенаправленное воздействие на личность, коррекция уже сформированных нравственных установок.[1]

II. Превращение философско-этических знаний личности в собственные убеждения, которые становятся ее витагенным опытом. На этом этапе возникает сложный момент, связанный с тем, что философско-нравственные знания вступают в противоречие с тем, что есть в реальном окружающем мире, и здесь наступает последний этап.

III. Расстановка ценностных акцентов в нравственных жизненных ориентирах. Социальная среда, условия быта, труда – способы исказить философско-нравственные знания и даже привести их к отрицанию. Если в обществе будет идти постоянная актуализация этих знаний, обращение к ним как к лучшему наследию или, в конце концов, просто упоминание о них, то отторжения философско-этических знаний происходить не будет, они просто пройдут социально-историческую корректировку, а смысл и глубина останутся неизменными. Как отмечает философ современности Е.В.Золотухина-Аболина: «Ценности не рушатся, они меняются, они всю историю человечества менялись, как бы линяли, сбрасывали старую шкуру, а ведь глубинная основа – остается. Жизнь, мир, человечность, долг – по-разному «одеты» в разные эпохи, но как тогда, так и теперь всем понятны»[2].

Все вышеизложенное приводит нас к выводу, что наши сограждане тогда будут четко понимать, что преступность – это беда, преступление – это зло, а соблюдение и уважение закона – норма жизни, когда точно осознают содержание каждого из этих понятий, что плохо, а что хорошо. Критерии оценки изобретать не надо, их давно изобрели до нас, еще во времена Конфуция и Сиддхартхи Гауттамы, их необходимо помнить и знать. Философско-этические знания нас не тянут в прошлое, они, скорее, обеспечивают нам верное будущее.

---

[1] Денисенко С.В. Изучение юридической этики как фактор совершенствования личностных качеств будущего специалиста // Международные юридические чтения: Материалы научно-практической конференции. – Омск, 2004. – С.37

[2] Золотухина-Аболина Е.В. Страна философия. – Ростов-на-Дону, 1995. – С.159.

ИСТОРИЧЕСКОЕ ПОЗНАНИЕ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ ПРАВОСОЗНАНИЯ

Нагорный Н.Н.
Сибирский юридический институт МВД России

Целью данной работы является осмысление влияния исторического познания на формирование одной из форм общественного сознания – правового сознания в обществе.

Анализ эволюции общественного сознания, важной функциональной подструктурой которого выступает историческое познание, помогает выявить зависимость толкования понятия «историческое познание» от онтологического, гносеологического и аксиологического аспектов рассмотрения данного феномена.

Марксистская философия дает следующее определение общественного сознания: «духовная сторона исторического процесса представляет собой не совокупность индивидуальных сознаний членов общества, а **целостное духовное явление, обладающее определенной внутренней структурой** (выделено мною – Н.Н.), включающей различные уровни (теоретическое и обыденное сознание, идеология и общественная психология) и формы сознания (политическое и правовое сознание, мораль, религия, искусство, философия, наука)»[1].

Специфика научного знания вообще и исторического знания в частности, как известно, заключается в том, что на всех стадиях своего развития оно в той или иной форме включает рефлексию, то есть способность «смотреть на себя со стороны», внутреннюю критику процесса получения знания. Кроме содержательной стороны, историческая наука имеет, таким образом, и формальную сторону – развитие познания истории. «Искусство историописания» представляет собой, по мнению М.А.Барга, процесс восприятия и упорядочивания опыта прошлого с целью истолкования этого опыта современностью, а кроме того, метод реализации данной программы, открывающий доступ к новому знанию, к его развитию. Учитывая данную точку зрения, мы можем говорить о динамике формальной стороны исторической науки во времени и о возможности мировоззренческого и методологического переосмысления исторического знания с позиций современности.

Формирование социального самосознания, на наш взгляд, тесно связано с понятиями «историческое сознание» и «историческое познание», генетически связанными между собой, но тем не менее, они не совпадают полностью. Историческое сознание играет в обществе роль, подобную роли памяти индивида, обеспечивая связь поколений, их преемственность, создавая условия для общения, взаимопонимания и согласованных действий отдельных индивидов в социуме. Историческое познание является формой, при помощи которой общество превращает прошлое в компонент собственного самопознания, для выработки социального (коллективного) правосознания. Исходя из трактовки исторического познания как составляющей общественного сознания, мы приходим к следующему выводу: историческое познание, являясь важной

функциональной подструктурой общественного сознания, характеризуется обособлением рациональной, когнитивной (познавательной) деятельности, ориентированной исключительно на изучение прошлого. Носителем этой рациональности является особая профессиональная группа – историки, занимающиеся историческими исследованиями, а исторические знания – результат их деятельности – включаются в содержание различных форм общественного сознания, в том числе и правосознания. Необходимо подчеркнуть тот факт, что общественное сознание, выступая как объект эпистемологического анализа, реализуется в эмпирически фиксируемой языковой форме и предстает перед нами в виде текстов. Исторически устные тексты, как известно, предшествуют письменным, но, рассматривая прошлое, мы имеем дело только с письменными текстами. Отсюда важным фактором, знаменующим переход от стихийной стадии становления исторического познания к сознательной, являются переход от поэтической формы к прозаической и запись устного текста, что хронологически можно связать с новой формой греческой прозы и именем Геродота как одного из ее создателей.

Постепенный переход к письменным текстам выражал установку не на запоминание, а на повторное возвращение к тексту, на его анализ. Именно это дало основание современным исследователям исторического познания считать равнозначными как логические, так и нарративные методы исследования. Начиная с этого времени историческое познание использует некоторые, хотя и не всегда четко сформулированные, правила, критерии и установки, то есть историческую рациональность. Поскольку понятие «рациональность» многозначно, необходимо локализовать его значение, использовав понятие «историческая рациональность». Историческая рациональность, изменяясь в различные исторические эпохи, включает в себя различные эталоны и критерии. В связи с этим необходимо рассмотреть проблему общеупотребительности контекстов общественного сознания в определенных исторических границах.

Из этого следует, что продукты индивидуальной интеллектуальной деятельности входят в контекст общественного сознания, фиксируя идентичные виды деятельности по достижению общих целей. Именно это делает отдельные тексты понятными для всех членов данной социальной общности. Только в этом смысле имеется основание говорить об общеупотребительности контекстов общественного сознания в определенных исторических рамках,

что дает возможность обществу обрести общепринимаемые и общевыполняемые моральные и правовые нормы.

Таким образом, историческая рациональность и свойство общественного сознания изменять познавательные парадигмы (общеупотребительные контексты) во времени позволяют прийти к следующему выводу: диалектика смены теоретических структур в историческом познании в конечном счете только отражает диалектику изменения социальных структур.

Это свойство исторического познания предопределяет его концептуальность и ставит в зависимость от проблематики исторической эпохи. Следовательно, для определения специфики исторического познания в современном ее понимании следует определить факторы, характеризующие современность. Таким образом, историческое познание представляет собой специфическую форму духовного освоения действительности и характеризуется способностью субъекта к самопознанию и самоопределению в историческом времени и социальном пространстве современности.

Благодаря историческому познанию в общественном сознании происходит формирование одной из его форм – правосознания, так как опыт прошлого несет социально значимую информацию и негативную оценку любых проявлений деструктивного социального поведения (негативной девиантности), в том числе и криминальных проявлений.

---

[1] Философский энциклопедический словарь. – М., 1989. – С.434.

ВОСПИТАТЕЛЬНОЕ ЗНАЧЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ В ПРОФИЛАКТИКЕ НЕГАТИВНОГО ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ

Лыскова М.И.
Тюменский юридический институт МВД России

Социально-экономические преобразования в конце XX – начале XXI веков затронули все сферы жизни общества. Наряду с позитивными изменениями, стимулирующими развитие многих областей жизнедеятельности человека, в российском обществе усилились такие негативные тенденции, как резкое снижение востребованности духовных ценностей, усиление социальной и психологической отчужденности, утрата нравственных ориентиров,

имущественное неравенство, сложная криминогенная обстановка. Крах привычной мировоззренческой картины истории привел к отказу от вековых народных традиций, некорректному отношению к историческому прошлому и настоящему, девальвации ценностного отношения к истории. Все это особенно болезненно отражается на социализации детей, подростков и молодежи, так как именно они наиболее восприимчивы к изменениям. Противоречия общественного развития нарушают взаимодействие личности с социальной средой и являются одной из причин негативного девиантного поведения (преступности, алкоголизма, наркомании и др.).

Тревожные проявления социальных девиаций свидетельствуют о необходимости усиления и совершенствования профилактической деятельности всех социальных институтов, создания целостной системы профилактики девиантного поведения вышеперечисленных возрастных групп. Не вызывает сомнений тот факт, что в современных условиях требуется «комплексное решение этой проблемы на системной, межведомственной основе, с опорой на исторический опыт ее решения, особенности национального менталитета и сложившуюся практику взаимодействия государственных и общественных структур, науки и образовательных учреждений»[1]. В исследованиях социально осуждаемого отклоняющегося поведения важное место отводится выявлению и изучению его причин, возможностей его предупреждения.

Нельзя забывать о том, что девиантное поведение является комплексной проблемой, причины которой не сводятся к одному обстоятельству – экономическому, психологическому, социальному и т.д. По нашему мнению, одним из факторов, детерминирующих данное явление, является недостаточная воспитательная работа, проводимая с подростками и молодежью. Это, в частности, относится и к патриотическому воспитанию. Крушение господствующей идеологии повлекло за собой утрату традиций воспитательной работы, направленной на данный аспект, и привело к фактическому отсутствию патриотического воспитания в школах и вузах. Создавшийся вакуум достаточно быстро заполнился бездуховностью, социальной апатией, деформацией ценностных ориентиров. А ведь именно патриотическое воспитание может сплотить общество и стать одним из способов укрепления единства страны, необходимость которого сегодня особо актуальна. Сплоченное гражданское общество является основой мощного и сильного государства.

Формирование ценностного отношения к истории является одной из основных задач патриотического воспитания. Опреде-

ляющее место в этом процессе принадлежит историческому сознанию, которое можно определить как осознание человеком своей сопричастности истории родной страны и всемирной истории; как осознание себя субъектом исторического процесса; как совокупность исторических представлений, присущих каждому человеку и обществу в целом. Целостное историческое сознание, интегрирующее и консолидирующее различные поколения, является фактором социальной стабильности.

Воспитание историей необходимо для формирования духовного мира личности, ведь оно связано с нравственным и этическим осмыслением уроков истории, всеобщих для всех поколений. Формирование мировоззрения человека немыслимо без определения его отношения к наследию прошлого и окружающему его настоящему. Важное место в этом процессе занимает изучение истории, которая «питает нравственное чувство и праведным судом своим располагает душу к справедливости, которая утверждает наше благо и согласие общества»[2]. Влияние истории на формирование нравственного сознания личности очевидно. Познание прошлого через призму настоящего может превратиться в поиск социальных ценностей, в обретение человеком социальных ориентиров. Таким образом, историческое сознание является необходимым компонентом аксиологической ориентации человека.

Осмысление ценностного ресурса исторического сознания приобретает особую актуальность в ситуации духовного кризиса общества. Обращение к лучшим примерам истории своей страны обогащает историческое сознание человека, наполняет его достойным содержанием, что является основой формирования патриотизма.

В свою очередь историческое сознание как неотъемлемый элемент индивидуального самосознания является одним из факторов формирования системы ценностей человека. Позитивное историческое сознание оказывает непосредственное влияние на поведение человека, его взаимодействие с окружающим миром. Ценностное отношение к истории способствует тому, что такие нравственные и этические категории, как ответственность, достоинство, патриотический долг, гуманизм, самоотверженность становятся приоритетами аксиологической ориентации человека. Такой человек не склонен к негативному девиантному поведению. Таким образом, система ценностей, детерминированная историческим сознанием, является важным компонентом духовной культуры, препятствующим негативным социальным девиациям.

Историческое сознание формируется всеми социальными институтами, которые должны учитывать его воспитательное значение. Не следует также забывать о том, что формирование исторического сознания неразрывно связано с патриотическим и гражданским воспитанием, с позитивной социальной практикой.

---

[1] Ранняя профилактика девиантного поведения детей и подростков: Интегративная социально-педагогическая деятельность учреждений дополнительного образования и общеобразовательной школы: Учебное пособие / Под ред. А.Б.Фоминой. – М., 2003. – С.5.

[2] Карамзин Н.М. История государства Российского. В 12 т. Т.1 / Под ред. А.Н.Сахарова. – М., 1989. – С.13.

АСОЦИАЛЬНОЕ ПОВЕДЕНИЕ: ОСОБЕННОСТИ ПОДРОСТКОВОЙ АГРЕССИИ

Круглянина О.Н., к.с.н.
Сибирский юридический институт МВД России

События 90-х годов XX в. в нашей стране были связаны с перестройкой всех сфер жизнедеятельности страны. В обществе обострилась социальная поляризация.

Председатель Всесоюзного Совета по народному образованию В.А.Караковский справедливо отмечал: «В общественном сознании последних лет произошли трагические деформации: никогда прежде нужды образования, воспитания и культуры так откровенно, а порою и цинично не оттеснялись нагнетанием потребительских страстей. Такого общество не позволяло себе даже в годы войны и разрухи… Необходимо остановить процесс нравственного разрушения общества».[1]

45% опрошенных россиян в начале 90-х годов прошлого века ассоциировали падение нравов в России с резким возрастанием насилия и жестокости.[2] Превращение определенной части подростков в маргиналов видится как угроза обществу. Все острее звучат вопросы выживания семьи и школы как основных институтов социализации личности. Прошло более десяти лет, а проблема успешной социализации подростков остается актуальной.

Процесс социализации состоит в развитии привычных ответных реакций, принятых в обществе, в котором индивид живет. При этом считается, что основания развития и закрепления агрессив-

ного поведения ребенка следует в первую очередь искать в том, как родители воспитывали своих детей в первые годы жизни, а также и в более поздние периоды, включая и собственно подростковый возраст.

Установлено, например, что если у ребенка сложились негативные отношения с одним или обоими родителями, если тенденции развития позитивности самооценки и Я-концепции не находят поддержки и опеки, то вероятность делинквентного, противоправного поведения существенно возрастает, ухудшаются отношения со сверстниками, проявляется агрессивность по отношению к своим родителям.

Согласно теории привязанности маленькие дети различаются по степени ощущения безопасности в своих отношениях с матерью. У надежно привязанного ребенка – надежное, устойчивое и чуткое отношение со стороны матери. Такой ребенок склонен доверять другим людям, имеет хорошо развитые социальные навыки, склонен к конструктивному общению, неагрессивен. Ненадежно привязанный или тревожащийся по поводу своей привязанности ребенок отличается несговорчивостью, сопротивляется контролю, склонен к проявлению физической агрессии. Для таких детей характерны аффективные вспышки, импульсивность поведения.

Подобные рассуждения в контексте современной семейной политики (или, точнее, отсутствия таковой) приобретают особое значение. Родители озабочены не столько особенностями взаимоотношений со своими детьми, сколько вопросами выживания, зарабатывания денег (оплатить коммунальные услуги, кредиты, учебу, одеться, прокормиться и т.д.). В этом процессе участвуют на равных оба родителя, дети часто оказываются без надзора, отправляясь на улицу в общество таких же неприкаянных сверстников, где могут совершенно свободно покупать (или красть) спиртные напитки, сигареты, а то и приобщаться к наркотикам. Замученные «гонкой за выживание» родители часто не знают «закулисную» сторону жизни своих детей. Общая социальная, экономическая ситуация в стране не меняется в течение многих лет, и сколько бы не заявляло правительство об очередных социальных экспериментах, «воз и ныне там».

В условиях урбанизации матери трудно выполнять свою социальную роль, хотя установлено, что снижение положительного отношения к матери, увеличение негативных характеристик при описании матери коррелирует с общим ростом негативизации всех социальных отношений личности.

Нельзя не остановиться на связи между самооценкой подростка и его агрессивностью. Общая тенденция здесь заключается в наличии прямой связи: чем выше уровень самооценки, тем выше показатели общей агрессии и различных ее составляющих. Оппозиционная манера поведения, направленная против авторитетов и установившихся правил, в большей степени характерна именно для подростков с высокой самооценкой своих лидерских потенций, а также для подростков, высоко оценивающих свою физическую привлекательность. При этом наиболее агрессивные подростки чаще имеют крайнюю, экстремальную самооценку – либо очень высокую, либо крайне низкую.

Для понимания подростковой агрессии важное значение имеет не только рассмотрение самой по себе самооценки личности, но и анализ соотношения самооценки и внешней оценки, которая дается референтными лицами (учителями, родителями, сверстниками). Если самооценка не находит должной опоры во внешнем социальном пространстве, если оценка подростка значимыми лицами из ближайшего окружения всегда (или преимущественно) ниже его самооценки, то такая ситуация неизбежно будет фрустрирующей.[3] Подростки с конфликтным соотношением самооценки и внешней оценки имеют также и более высокий уровень физической агрессии.[4]

Внутри подросткового возраста как у мальчиков, так и у девочек существуют периоды наиболее сильно проявляющейся агрессии: у мальчиков – 12 и 14-15 лет, у девочек – 11 и 13 лет. У мальчиков агрессия чаще выражается в прямой физической и прямой вербальной (словесной – проклятия, угрозы, крик), у девочек – в прямой вербальной и косвенной вербальной формах.

Предметом одного исследования (А.А.Реан, 1997) было выявление взаимосвязи уровня агрессии с определенными характерологическими особенностями подростков 14-17 лет. Подтвердилась гипотеза о том, что «возбудимость» положительно коррелирует с вербальной агрессией, раздражительностью, спонтанной агрессией и косвенной (направленной на другое лицо окольным путем) агрессией, так как особенностью возбудимой личности является импульсивность. Такая же связь выявилась между демонстративной личностью и агрессией, хотя, казалось бы, «демонстративность» личности должна скорее проявляться в желании быть в центре внимания, привлечь к себе окружающих через тщеславное поведение, самовосхваление.[5]

Нужно учитывать, что современный подросток социализируется в совершенно других условиях по сравнению с подростком

80-х годов XX в. Современный подросток живет в кризисном социуме. Ему трудно без поддержки взрослых, особенно без помощи профессиональных педагогов, психологов. Без помощи таких специалистов трудно и родителям. Сегодняшние попытки экспериментировать со школой не решают и эти вопросы. Школа отчуждена от общества. Материальное положение педагогов остается плачевным. Профессия учителя по-прежнему непрестижна. Изменить это положение (как и положение семьи) опять-таки можно только на государственном уровне.

Как же реагировать родителям и учителям на агрессию подростков? Агрессивные действия, поступки нужно оставлять без внимания или за них наказывать? Игнорирование подростковой агрессии может превратить ее в привычную форму поведения, поскольку отсутствие реакции взрослых на акты агрессивного поведения уже само по себе может стать позитивным подкреплением агрессии. Когда же родители слишком сурово наказывают своих детей за агрессивное поведение, то в дальнейшем они (особенно мальчики) склонны к большему проявлению агрессии, чем их сверстники.

Формирование просоциального, неагрессивного поведения подростка связано не столько с механизмами «наказания за агрессию – игнорирования агрессии», сколько с *научением неагрессивной форме поведения, умением конструктивными способами разрешать противоречия.*

---

[1] Караковский В.А. Авансируйте учителю признание // Московская правда. – 1990. – 6 февраля.

[2] Завражин С.А., Староверова М.Н. Жестокость и подросток // Социологические исследования. – 1991. – №12.

[3] Фрустрация – психическое состояние, вызываемое объективно непреодолимыми (или субъективно так воспринимаемыми) препятствиями, возникающими на пути к достижению цели. Проявляется в виде гаммы эмоций: гнева, раздражения, тревожности, чувства вины и т.п.

[4] Психология подростка. Полное руководство / Под ред. чл.-корр. РАО А.А.Реана – СПб., 2003.

[5] См.: Там же. – С.281-282.

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПРОФИЛАКТИКИ ПРАВОНАРУШЕНИЙ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ СРЕДСТВАМИ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ И СПОРТА

Филиппович В.А.
Сибирский юридический институт МВД России

Денискин В.В., к.пед.н., доцент
Сибирский юридический институт МВД России

Панов Е.В., к.пед.н.
Сибирский юридический институт МВД России

Актуальность и необходимость разработки программы профилактики правонарушений подростков очевидна и обусловлена рядом причин: снижением жизненного уровня населения, расслоением общества, переоценкой социальных ценностей, изменениями в системе воспитания и обучения подрастающего поколения, вызвавшими в последние годы небывалый рост преступности детей и молодежи.

Рост преступности несовершеннолетних вызывает тревогу у населения, родителей, педагогов, сотрудников правоохранительных органов. Однако средства борьбы с преступностью отстают от тех процессов, которые происходят в обществе, и часто подростки, которые ранее считались благополучными, попадают в число трудновоспитуемых или потенциальных правонарушителей.

По данным ряда авторов (В.А.Кабачков, С.АБеличева, А.И.Михеев), наибольшую тревогу в криминальном плане вызывают дети и подростки, относящиеся к группе социального риска. По сведениям МВД России, около 20% таких подростков состоят на учете в органах милиции и на их долю приходится большая часть правонарушений. К группе социального риска в условиях школьного учебно-воспитательного процесса относятся так называемые педагогически запущенные подростки.

Согласно экспериментальным данным, полученным специалистами ВНИИФКа, процесс дезадаптации – обратимый процесс. При определенных средствах и методах педагогического воздействия отклонения в физическом и психофизическом состоянии подростков выравниваются, что отчасти способствует и профилактике правонарушений. Для восстановления социального статуса

подростка, переориентации антиобщественной направленности его поведения необходимы специальные мероприятия, направленные на своевременное выявление, диагностику и коррекцию отклоняющегося поведения.

Одно из важных мест в системе профилактики правонарушений, педагогической и социальной запущенности, трудновоспитуемости принадлежит физической культуре и спорту. Использование средств и методов физического воспитания в работе с детьми группы социального риска обусловлено тем, что в структуре их интересов и потребностей занятия физическими упражнениями занимают одно из ведущих мест, а 80% подростков отдают им предпочтение.

Из этого следует, что для работы с подростками необходимы специальные учебно-воспитательные программы, в которых занятия физическими упражнениями следует рассматривать с трех основных позиций: во-первых, как средство оздоровления; во-вторых, как способ организации досуга и отвлечения подростков от улицы; в-третьих, как средство коррекции физического и психоэмоционального состояния.

По данным педагогов, инспекторов ПДН, основной причиной совершения подростками противоправных действий (хулиганства, драк, мелких краж) является не столько социальное и материальное положение родителей, сколько моральный климат семьи. В семьях, где один из родителей употребляет спиртное, существуют конфликты между родителями и детьми, дети из этих семей конфликтуют с учителями и сверстниками. Потребности и интересы подростков из группы социального риска заключаются в основном в просмотре телепередач, прослушивании музыки, гулянии с друзьями. Последнее может привести к созданию уличных компаний и как следствие – к дракам, хулиганству, мелким кражам, что служит основанием для постановки их на учет в органы милиции.

По данным профессора В.А.Кабачкова, у «трудных подростков» в физической подготовленности хуже показатели в видах испытаний, требующих проявления волевых усилий: бег на 1000 м и подтягивание на перекладине.

К личностным особенностям «трудных подростков» относятся повышенный уровень тревожности, агрессивности, заниженная самооценка, низкая мотивация к учебной деятельности, нежелание или отсутствие мотивационных установок к проявлению волевых усилий в трудных ситуациях.

Методика физического воспитания педагогически запущенных подростков характеризуется следующими особенностями:

– важным этапом профилактической работы следует считать вовлечение учащихся в спортивную деятельность, при этом необходимо учитывать мотивы прихода в секцию, отрицательные наклонности, положительные качества, на которые следует опираться в воспитательной работе;

– учебный процесс должен характеризоваться длительностью (год, два и т.д.), непрерывностью (круглогодичностью), систематичностью (3-4 раза в неделю), занятия следует проводить в удобное для учащихся время;

– учебно-тренировочный процесс должен иметь оздоровительно-профилактическую направленность;

– средства и методы физического воспитания должны быть адекватны личностным особенностям занимающихся, отвечать их интересам и потребностям;

– подбор средств, методов и педагогических приемов должен способствовать формированию интереса к систематическим занятиям физическими упражнениями, снижению уровня тревожности, агрессивности, повышению мотивационных установок, самооценки личности;

– на начальном этапе в качестве средств физического воспитания следует использовать упражнения аэробной направленности, умеренной интенсивности, исключая элементы единоборств, особенно рекомендуются туризм и атлетическая гимнастика;

– усложнение упражнений, увеличение нагрузки должны осуществляться постоянно, но постепенно, по мере формирования интереса к занятиям физическими упражнениями;

– учебный материал должен быть доступен и понятен занимающимся, но освоить они его должны не легко, а с определенным усилием, в противном случае процесс обучения теряет свою привлекательность;

– начиная с первого занятия следует предъявлять одинаковые требования ко всем занимающимся;

– своевременно и педагогически правильно применять методы принуждения, наказания, поощрения;

– на начальном этапе основным методом проведения занятий является круговой, повторно-серийный;

– по мере формирования интереса к систематическим занятиям физическими упражнениями на первый план выходят методы: «до отказа», соревновательный, самостоятельный;

– тестирование физического и психоэмоционального состояния целесообразно проводить дважды: после первого месяца занятий и в конце учебного года, с последующим составлением психолого-педагогической характеристики на каждого занимающегося.

По данным ряда ученых, педагогов, специалистов в области физического воспитания (В.А.Кабачков, Ю.И.Зотов, В.К.Петров и др.), своевременная профилактика правонарушений несовершеннолетних средствами физической культуры и спорта, целенаправленная коррекционно-профилактическая работа по формированию личностных качеств социально дезадаптированных подростков позволит:

– снизить уровень агрессивности, тревожности, повысить самооценку личности подростков;

– уменьшить количество несовершеннолетних с отрицательным отношением к учебе, снизить число неуспевающих;

– увеличить число подростков, охваченных различными формами физического воспитания и организованным режимом дня;

– уменьшить количество подростков, конфликтующих с родителями;

– устранить вредные привычки у 50% подростков;

– снять с учета в ПДН определенное количество педагогически запущенных подростков.

На кафедре физической подготовки Сибирского юридического института МВД России проводится работа по привлечению подростков к занятиям физической культурой и спортом. Работают секции бокса, дзюдо, вольной борьбы, в которых занимаются не только дети сотрудников института, но и дети, проживающие в близлежащих районах города. Хочется верить, что в скором будущем эти ребята пополнят ряды законопослушных граждан, а не правонарушителей, и в этом будет, хотя и небольшая, заслуга преподавателей кафедры физической подготовки.

ПРОБЛЕМЫ ПРОФИЛАКТИКИ ДЕВИАНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ ОБУЧАЕМЫХ ВУЗОВ МВД РОССИИ

Горбач Н.А., д.м.н., доцент
Сибирский юридический институт МВД России

Лисняк М.А., к.м.н., доцент
Сибирский юридический институт МВД России

Эффективность деятельности сотрудников ОВД, направленной на пресечение преступности, во многом зависит от их профессиональных и личностных качеств. Несмотря на достаточно стро-

гий медицинский и психологический отбор в вузы МВД России[1], в процессе которого отсеваются лица, имеющие грубые проявления социально неодобряемого девиантного поведения (алкоголизм, наркомания и т.п.), курсантами становятся некоторые абитуриенты, имеющие личностные предпосылки к развитию подобных девиаций. При специфических условиях обучения и прохождения службы не все курсанты успешно проходят адаптационный период. Даже в условиях строгой дисциплины и постоянного надзора не удается полностью предотвратить различные проявления социально неодобряемого девиантного поведения обучаемых. Наблюдаются нарушения дисциплины, эпизодическая алкоголизация. Поэтому проблема профилактики и коррекции личностных качеств, способствующих формированию такого поведения, весьма актуальна.

Результаты проведенного исследования[2] позволяют утверждать, что основой профилактики девиантного поведения курсантов и слушателей является комплекс мероприятий, включающий в себя:

– выявление акцентуантов и лиц, склонных к девиантному поведению, при проведении профессионально-психологического отбора (с помощью методик: индивидуально типологический опросник, разработанный Л.Н.Собчик, многоуровневый личностный опросник – адаптивность, предложенный А.Г.Маклаковым, С.В.Чермяниным);

– диагностику обучаемых первого курса для уточнения типа акцентуации (с помощью личностного опросника Шмишека);

– организацию учебно-воспитательного процесса с минимизацией факторов, способствующих развитию девиантного поведения;

– учет типа акцентуации характера при организации индивидуальной работы с обучаемыми, при общении с ними;

– разработку индивидуальных и групповых коррекционных программ для лиц с акцентуациями характера и лиц, склонных к девиантному поведению;

– индивидуальное психологическое консультирование и сопровождение лиц с акцентуациями характера и лиц, склонных к девиантному поведению, практическими психологами во время обучения в вузе.

Применяемый в образовательном учреждении инструментарий позволяет при профессионально-психологическом отборе определить круг лиц, имеющих акцентуированные личностные черты. Доказано, что нарушения дисциплины совершаются в основном лицами, имеющими те или иные акцентуации. Удельный вес

акцентуантов среди отчисленных также высок. Следовательно, при проведении профессионально-психологического отбора в образовательные учреждения МВД России необходимо более жестко выдерживать критерии отбора. Лиц, имеющих акцентуированные личностные черты, зачислять на обучение в последнюю очередь, так как, несмотря на успешную сдачу вступительных экзаменов, в дальнейшем они склонны совершать девиантные поступки, начальным проявлением которых можно считать нарушения дисциплины. В основном акцентуанты отчисляются из образовательного учреждения, а государство несет неоправданные затраты.

Диагностика обучаемых на выявление конкретных акцентуаций характера с помощью теста Шмишека позволяет определить лиц, склонных к девиантному поведению, что дает возможность разрабатывать коррекционные программы на индивидуальном и коллективном уровнях.

С лицами, склонными к девиантному поведению, и девиантами наиболее целесообразно проводить тренинг личностного роста и специально разработанный групповой тренинг, задачами которого являются: обучение навыкам внутренней психической саморегуляции; развитие навыков продуктивного межличностного общения; обучение приемам убеждающего воздействия, навыкам эффективного взаимодействия в конфликтной ситуации, умению применять на практике приемы самоанализа. Также лица с акцентуациями характера и лица, склонные к девиантному поведению, нуждаются в индивидуальном психологическом консультировании и сопровождении практическими психологами во время обучения в вузе.

---

[1] Основные виды деятельности и психологическая пригодность к службе в системе органов внутренних дел: Справочное пособие / Под ред. Б.Г.Бовина, Н.И.Мягких, А.Д.Сафронова и др. – М., 1997; Практика оказания психологической помощи курсантам военно-учебных заведений: Методические рекомендации. – М., 1996.

[2] Горбач Н.А., Лисняк М.А. Профилактика девиантного поведения курсантов и слушателей вузов МВД России: Учебно-методическое пособие. – Красноярск, 2004.

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ОГНЕВОЙ ПОДГОТОВКИ СОТРУДНИКОВ ОВД В УСЛОВИЯХ НОВОЙ СОЦИОНОРМАТИВНОЙ ПЕРЕСТРОЙКИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

Ковальчук А.Н., к.т.н., доцент
Сибирский юридический институт МВД России

Необходимость повышения эффективности профессиональной подготовки кадров в органах внутренних дел в современный период определяется, прежде всего, объективной потребностью правоохранительной практики. В настоящее время деятельность органов внутренних дел, с одной стороны, жестко детерминирована особенностями развития преступности, связанными с условиями либерализации основных сфер общественной жизни, а с другой – особенностями функционирования сил правопорядка в системе новой соционормативной регуляции в российском обществе, которая предъявляет к сотрудникам милиции новые требования по обеспечению надежной защиты жизни, здоровья, прав, свобод и имущественных интересов граждан от преступных посягательств, а также обеспечению общественной безопасности.

Современное профессиональное образование сотрудников ОВД представляет собой организованный и целенаправленный процесс овладения и постоянного совершенствования профессиональных знаний, умений и навыков, необходимых для успешного выполнения задач, возложенных на органы внутренних дел Российской Федерации.[1]

В системе профессиональной подготовки сотрудников ОВД установлены следующие основные образовательные уровни, обеспечивающие ее непрерывность:

– специальное первоначальное обучение;

– обучение в образовательных учреждениях среднего профессионального образования МВД России;

– обучение в образовательных учреждениях высшего профессионального образования МВД России;

– дополнительное профессиональное образование;

– обучение в процессе оперативно-служебной деятельности (служебно-боевая подготовка).

В последние годы были предприняты значительные шаги к оптимизации профессиональной подготовки, что позволило:

– привести систему подготовки кадров в соответствие действующему законодательству, нормативным правовым актам МВД России и Министерства образования России;

– повысить эффективность профессиональной подготовки рядового и начальствующего составов за счет совершенствования ее организации и содержания;

– сократить общие сроки профессионального становления молодых сотрудников путем совмещения специального первоначального обучения с испытательным сроком;

– более качественно организовать отбор кадров, поскольку он осуществляется не только на местах, но и в учебных центрах, и к его проведению привлекается большое количество квалифицированных специалистов;

– расширить профессиональные возможности сотрудников за счет многопрофильности их специальной первоначальной подготовки;

– обеспечить формирование и совершенствование реальной готовности личного состава к оперативно-служебной деятельности с учетом приоритетных направлений борьбы с преступностью.

Однако при всех имеющихся достижениях существующая система профессиональной подготовки пока еще не удовлетворяет современным потребностям органов внутренних дел.

В значительной степени это относится к огневой подготовке сотрудников ОВД. Так, на протяжении последних нескольких лет при инспектировании неудовлетворительную оценку по огневой подготовке получили свыше 30% подразделений МВД, ГУВД, УВД субъектов РФ и 50% подразделений внутренних дел на железнодорожном, воздушном и водном транспорте. Огнестрельное оружие подчас применяется неэффективно, допускаются случаи неумелого и небрежного обращения с ним, что приводит к гибели и ранениям личного состава.[2]

Непрерывно растущая на протяжении последних лет криминализация общества обуславливает повышенные требования к профессиональной и в том числе к боевой подготовке работников милиции.

В повседневной служебно-боевой деятельности органов внутренних дел высокая огневая выучка личного состава является одним из важнейших факторов выполнения служебного долга. При проведении специальных операций огонь из штатного оружия зачастую является единственным средством выполнения служебной задачи.

Возросшая частота случаев пресечения правонарушений с помощью табельного оружия определяет огневую подготовку сотрудников ОВД как одну из важнейших составных частей их профессиональной подготовки.

Таким образом, умение профессионально обращаться с табельным оружием можно считать одним из главных компонентов профессиональной подготовленности сотрудников ОВД в современных условиях. Важность данного обстоятельства подтверждается тем, что проведение занятий по огневой подготовке регламентировано отдельным приказом министра внутренних дел России.[3]

В связи с указанным огневая подготовка является обязательным элементом профессиональной подготовки сотрудников ОВД на всех образовательных уровнях обучения. При этом продолжительность, структура и содержание ее для каждой должностной категории сотрудников определяются соответствующими учебными, тематическими планами и программами, разрабатываемыми образовательными учреждениями МВД России и учебными центрами совместно с органами (подразделениями, учреждениями) внутренних дел по направлениям оперативно-служебной деятельности.

На разных образовательных уровнях, которые логически взаимосвязаны, решаются свои специфические задачи, что в итоге позволяет сформировать, поддерживать и совершенствовать огневую выучку личного состава подразделений на протяжении всего срока службы в ОВД.

Система профессиональной подготовки предусматривает закладку базы огневой подготовки в период специального первоначального обучения или в период получения среднего и высшего профессионального образования в образовательных учреждениях МВД России, которая в дальнейшем поддерживается и совершенствуется на следующих уровнях: при повышении квалификации, переподготовке, в процессе служебно-боевой и самостоятельной подготовки.

Насыщенность различных образовательных уровней учебными часами и боеприпасами, затрачиваемыми на огневую подготовку сотрудников ОВД, наглядно представлена на рис. 1.

Как видно из рисунка, наиболее насыщенными учебной нагрузкой являются специальное начальное обучение (СНО), а также высшее (ВПО) и среднее (СПО) профессиональное обучение. Это и логично, поскольку именно здесь закладывается база огневой подготовки сотрудников ОВД. Аналогичная картина наблюдается и с выделением боеприпасов на огневую подготовку. На последующих уровнях профессионального образования (ДПО, СБП) на-

сыщенность учебного процесса как часами, так и боеприпасами заметно снижается. Наибольший дефицит в этих составляющих испытывает служебно-боевая подготовка (СБП). В связи с этим такие уровни профессионального образования, как ДПО, СБП, не выполняют в полной мере своего предназначения.

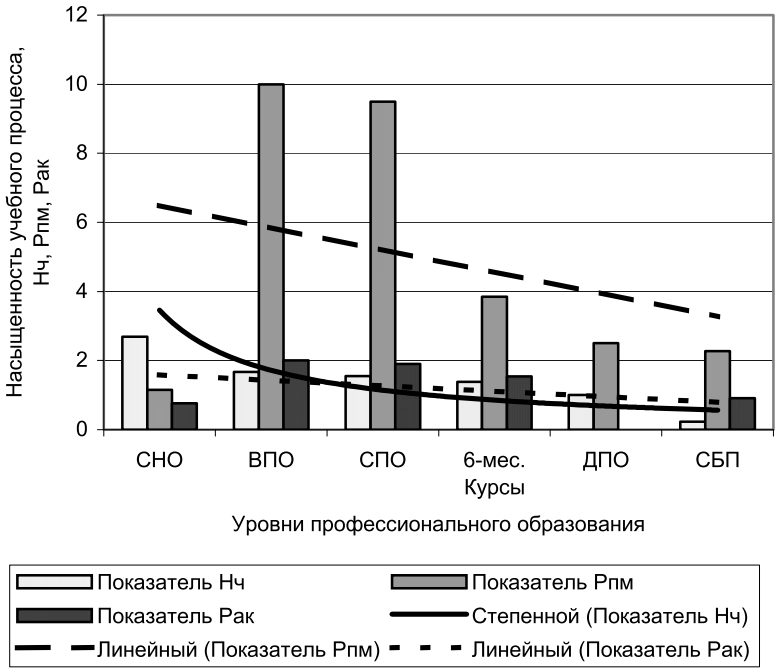

Рис. 1. Насыщенность различных образовательных уровней учебными часами и боеприпасами, затрачиваемыми на огневую подготовку сотрудников ОВД:

$Н_ч$ – показатель, характеризующий отношение бюджета времени, выделенного на дисциплину «Огневая подготовка» (часов), к общему сроку обучения (недель); $Р_{пм}$ – показатель, характеризующий отношение расхода пистолетных патронов (штук) к общему сроку обучения (недель); $Р_{ак}$ – показатель, характеризующий отношение расхода автоматных патронов (штук) к общему сроку обучения (недель).

Практика показывает, что навыки стрельбы из оружия, полученные сотрудниками ОВД при обучении в средних и высших образовательных заведениях МВД России либо при первоначальной подготовке в учебных центрах, впоследствии при прохождении службы не совершенствуются и не подкрепляются регулярными занятиями. В подразделениях ОВД огневая подготовка проводится нерегулярно (от одного раза в месяц до одного раза в год), зачастую недостаточно квалифицированными сотрудниками и сводится, как правило, к выполнению одного-двух простейших упражнений

Курса стрельб. При этом на одного обучаемого расходуются в среднем 3-4 патрона. Такое ограничение количества боеприпасов, выделяемых на учебные стрельбы ввиду их дефицита, также не способствует улучшению положения.

Таким образом, у работников ОВД наблюдается постепенное ослабление навыков стрельбы, полученных во время первоначальной подготовки и обучения в образовательных заведениях МВД России, что подтверждается сравнительным анализом по основным оценочным показателям контрольных стрельб.

Анализируя вышеизложенную информацию, можно сделать вывод, что наиболее слабым звеном в системе профессиональной подготовки сотрудников ОВД является служебно-боевая подготовка в подразделениях.

Основным программным документом совершенствования служебно-боевой подготовки в органах внутренних дел является «Концепция совершенствования профессиональной подготовки кадров в органах внутренних дел Российской Федерации», которая предлагает для этого следующие пути:

– развитие системы управления СБП, что предусматривает реорганизацию управленческого аппарата, организационно-структурные изменения в образовательных учреждениях МВД России в целях объединения преподавания тактико-специальной, огневой и физической подготовки в единый процесс формирования готовности выпускников к правомерному применению мер принуждения, разработку единой методологии сбора и обработки информации о состоянии СБП в органах внутренних дел;

– регулярное обновление, в соответствии с изменяющейся ситуацией, нормативных правовых актов и иных документов, регламентирующих организацию, проведение, содержание СБП, а также стимулирование работы по ее улучшению;

– широкое распространение передового опыта и современных технологий обучения, в том числе формирование у сотрудников, курсантов и слушателей образовательных учреждений моделей правомерного применения огнестрельного оружия, специальных средств и физической силы для решения различных оперативно-служебных задач, привитие навыков выживания и обеспечения личной безопасности в экстремальных ситуациях;

– совершенствование системы обучения, профессиональной переподготовки и повышения квалификации кадров, осуществляющих служебно-боевую подготовку в органах внутренних дел, организации обучения специалистов СБП на основе соответствующего Государственного образовательного стандарта;

– повышение роли и места физической культуры и спорта в СБП сотрудников, развитие и пропаганда служебно-прикладных видов спорта, реорганизация управления спортивно-массовой работой в МВД России;

– развитие учебно-материальной базы СБП в органах внутренних дел, что предполагает совершенствование финансирования из бюджетных и внебюджетных источников, переработку нормативных правовых актов и других документов, регламентирующих табельную положенность, материально-техническое и финансовое обеспечение СБП.

---

[1] Об утверждении Наставления по организации профессиональной подготовки сотрудников органов внутренних дел: Приказ МВД Российской Федерации от 08.10.2002 г. №965.

[2] Концепция совершенствования профессиональной подготовки кадров в органах внутренних дел Российской Федерации. – М., 2003.

[3] Об утверждении Наставления по огневой подготовке в органах внутренних дел Российской Федерации: Приказ МВД Российской Федерации от 11.09.2000 г. №955.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОВД И ПРОБЛЕМА БЕЗОПАСНОСТИ ИХ СОТРУДНИКОВ В СИБИРСКОМ РЕГИОНЕ

Губайдуллин Р.М.
Сибирский юридический институт МВД России

Проблема безопасности сотрудников органов внутренних дел при решении ими профессиональных задач или в ситуациях, связанных со служебной деятельностью, приобретает в настоящее время особую остроту и актуальность.

Риск, как физический, так и психологический, является сегодня объективной составляющей профессиональной деятельности сотрудников правоохранительных органов, и специальная работа по обеспечению их безопасности, то есть целенаправленному уменьшению такого риска до реально возможного предела, чрезвычайно важна.

В настоящее время предпринимаются важные меры в этом направлении. Укрепляются правовая и нормативная базы. На это ориентированы ряд положений законов Российской Федерации: «О милиции» и «О государственной защите судей, должностных лиц

правоохранительных и контролирующих органов», а также ведомственных актов МВД России. Осуществляются шаги для улучшения материально-технического обеспечения органов внутренних дел. Принимаются меры управленческого характера. Так, особую роль призваны сыграть подразделения собственной безопасности, которые обеспечивают безопасность органов внутренних дел в целом.

Значительную роль в этой системе играет психологический компонент. Развертывание психологической службы в органах внутренних дел, психологическое обеспечение профессиональной деятельности, психологическая коррекция, ослабление влияния эмоционально-психологических перегрузок и стрессов являются важными задачами практических психологов органов внутренних дел. Решение этих задач не может не способствовать повышению уровня психологической безопасности сотрудников, что напрямую связано и с уровнем их физической безопасности. Здесь необходимо лишь добавить, что все чаще психологи работают в этом направлении совместно с ведомственными медиками, для которых вопросы преодоления негативных последствий эмоционально-психологических перегрузок и стрессов у сотрудников органов внутренних дел в последние годы также становятся все более острой профессиональной проблемой.

Особое место в системе обеспечения безопасности сотрудников занимают меры педагогического характера. Как показывает отечественный и зарубежный опыт деятельности правоохранительных органов, уровень безопасности сотрудника в значительной мере зависит от степени его общей профессиональной подготовленности и наличия профессионального опыта.

Если под педагогической технологией обучения понимать совокупность частных принципов, средств, методов и форм обучения, направленных на реализацию определенной педагогической идеи, то технология «педагогики безопасности» должна содержать конкретные ответы на следующие вопросы: чему учить, кого учить, как учить, где учить, кто будет учить сотрудников органов внутренних дел с целью использования всего комплекса педагогических средств для снижения уровня профессионального риска в практической деятельности.

Вопрос «Чему учить?» сегодня ключевой. В связи с этим есть смысл вновь обратиться к практике деятельности ОВД и специально рассмотреть проблему взаимосвязи профессиональной защищенности сотрудников. Обеспечение безопасности сотрудников органов внутренних дел, то есть осуществление системы мер, на-

правленных на снижение уровня профессионального риска до реально возможного минимума, – проблема комплексная.

Несомненно, первейшее условие обеспечения безопасности сотрудников правоохранительных органов – это их защищенность от посягательств преступных элементов. Однако понятие «защищенность сотрудников» значительно шире. Вряд ли правомерно сводить понятие защищенности только к *проблеме защищенности от преступных действий*, хотя оба эти понятия в реальности неразрывно связаны.

Профессиональная защищенность сотрудников ОВД – явление многоплановое, включающее в себя целый комплекс взаимосвязанных, но самостоятельных компонентов. Среди них можно назвать следующие.

Экономическая защищенность – соответствие материального обеспечения сотрудника ОВД его объективным материальным и иным потребностям.

Правовая защищенность – соответствие правовой и нормативной базы деятельности ОВД объективным условиям и задачам этой деятельности. Она определяет уровень правового обеспечения профессиональной деятельности сотрудника и возможности его правовой защиты при решении им профессиональных задач или личных проблем, связанных с данной деятельностью.

Материально-техническая защищенность – соответствие материально-технического обеспечения профессиональной деятельности сотрудников ее объективным условиям и задачам.

Социальная защищенность – соответствие социального статуса правоохранительных органов в государстве и социального статуса сотрудников правоохранительных органов значимости тех государственных задач, которые они выполняют.

Социально-психологическая защищенность – соответствие общественного мнения о деятельности МВД объективным оценкам и соответствие «образа сотрудника ОВД» реальным профессиональным и личностным типам сотрудников. Особым аспектом социально-психологической защищенности является стабильный положительный эмоционально-психологический климат в коллективах сотрудников.

Кадровая защищенность – соответствие уровня профессиональной надежности личного состава (т.е. нравственных, интеллектуальных, эмоционально-волевых качеств сотрудников и их профессиональной компетентности) требованиям, предъявляемым к личности сотрудника системой МВД, и задачам.

Информационная защищенность – соответствие возможностей получения информации, необходимой для эффективной профессиональной деятельности (в том числе научных и практических знаний, умений и навыков), реальной необходимости иметь такие знания для решения профессиональных задач и обеспечения профессиональной защищенности и личной безопасности. Специальным компонентом информационной защищенности сотрудника является пресечение утечки информации о профессиональной деятельности или личной жизни, которая могла бы препятствовать решению профессиональных задач или повышать степень личного риска для него и его близких.

Специальная защищенность – эффективность специальных мер оперативно-розыскного, контрразведывательного и иного характера, действий подразделений собственной безопасности по защите органов внутренних дел от деструктивных воздействий преступных элементов.

Психологическая защищенность – соответствие специальных мер, направленных на профилактику и предотвращение психологической деформации личности сотрудника, степени реального воздействия на него психотравмирующих факторов, связанных с профессиональной деятельностью.

Физическая защищенность – соответствие комплекса правовых, материально-технических, управленческих и иных мер, обеспечивающих сохранность жизни и здоровья сотрудников при решении (или в связи с решением) ими профессиональных задач, реальным возможностям снизить этот риск до объективного предела.

Таким образом, как система МВД в целом и ее конкретные подразделения, так и отдельный сотрудник в значительной мере выступают в качестве объекта обеспечения защищенности, т.к. решение многих вышеназванных экономических, материально-технических, правовых и социальных проблем находится вне компетенции системы МВД и тем более – отдельного сотрудника. Активная субъектная позиция здесь может выражаться в проявлении определенных инициатив и формулировании предложений в те инстанции, которые эти вопросы решают. Создание необходимого уровня защищенности – процесс сложный и многоплановый, во многом зависящий от деятельности системы МВД в целом.

ВОСПРИЯТИЕ ПРОСТРАНСТВЕННО-ПРЕДМЕТНОЙ СРЕДЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОТРУДНИКАМИ ОВД

Панюков А.И., д.ф.н., профессор
Сибирский юридический институт МВД России

Панюкова Ю.Г., д.психол.н., доцент
Сибирский юридический институт МВД России

Проблема проектирования пространственно-предметной среды жизнедеятельности человека в современных исследованиях обозначена различными ракурсами. Среди многих контекстов анализа данной проблематики в качестве самостоятельной выступает проблема восприятия или психологической репрезентации пространственно-предметной среды (пространственного компонента) профессиональной деятельности. При этом пространственно-предметная среда в самом общем виде рассматривается как совокупность структурированных определенным образом пространственно-предметных свойств и отношений, в которых происходит жизнедеятельность субъекта. К числу одной из сред, в которых человек действует и взаимодействует, относится профессиональная среда или среда профессиональной деятельности.

Традиции исследований пространственно-предметного компонента среды жизнедеятельности человека, в том числе и профессиональной деятельности, связаны с изучением взаимодействия индивида и пространственно-предметной среды, в классическом варианте закрепленные в теории «мест поведения» Р.Баркера. В этом же ракурсе выполнены и исследования, связанные с разработкой и определением требований, предъявляемых средоорганизующими институтами и самим субъектом к среде его жизнедеятельности.

Современный этап развития представлений об организации оптимальной среды профессиональной деятельности связан с актуализацией онтологической парадигмы анализа взаимосвязи человека и среды. В качестве примера исследований, проведенных в рамках такой парадигмы, можно рассматривать оформившееся в последние десятилетия прошлого века направление отечественной экологической психологии (Г.А.Ковалев[1], В.И.Панов[2] и др.), где на первый этап выходит проблема субъектности во взаимосвязи человека и среды.

Вместе с тем исследователи констатируют отсутствие системно-структурного анализа пространственно-предметного компонента среды жизнедеятельности человека, в том числе и профессиональной деятельности, рассматривают пространственно-предметную среду как недостаточно отрефлексированную реальность. Восполнение этого дефицита возможно при обращении к современной интерпретации теории психического отражения, в частности к тому факту, что познание наряду с отражением определяется такими атрибутами, как репрезентация, интерпретация и др. По мнению В.А.Лекторского, данные положения формируют особую «ценностно-познавательную установку», сущность которой заключается в обращении к репрезентации как к особой познавательной процедуре, позволяющей субъекту конструировать и моделировать реальность за счет работы внутренних психологических структур, в которых представлены устойчивые инвариантные характеристики и отношения предметного мира.

Применительно к анализу пространственного компонента среды профессиональной деятельности данный подход реализуется через оформление теоретической модели репрезентации пространственно-предметной среды обыденной жизни. В основе данной модели лежит представление о репрезентации пространственно-предметной среды как о феномене сознания, имеющем сложное многоуровневое иерархическое строение с набором свойств, присущих каждому уровню. Структурное содержание репрезентации пространственно-предметной среды определяется существованием чувственного уровня, обусловленного закономерностями внутренней организации восприятия и имеющего базовый характер, и уровня смыслов, актуализирующего ценностную составляющую восприятия, нравственно-этический и эстетический компоненты. Данные уровни репрезентации (чувственный и ценностно-смысловой) имеют иерархическую структуру: чувственный уровень определяется как фундаментальный и рассматривается в качестве основы для формирования и функционирования уровня смыслов.

В качестве самостоятельного положения разработанной теоретической модели рассматривается выделение операциональной единицы анализа психологической репрезентации пространственно-предметной среды – «места-ситуации», представляющей собой конкретизацию общей модели пространственно-временных отношений обыденной жизни и определяемой в качестве ментальной структуры, закрепляющей типичный для субъекта способ представленности пространственно-предметной среды в сознании субъекта, где место

обозначает пространственные характеристики среды, а ситуация – временные ее атрибуты.

Эмпирическая валидизация разработанной теоретической модели позволила выделить параметры или свойства чувственного и содержательного уровней репрезентации пространственно-предметной среды обыденной жизни. Так, содержание чувственного уровня репрезентации проявляется в таких свойствах среды, как ее открытость – закрытость, структурированность – хаотичность, сложность – простота, размер и др. Уровень смыслов в репрезентации пространственно-предметной среды дифференцировался на этическую, прагматическую и эстетическую составляющие, соответственно представленные такими свойствами, как, например, близость – чуждость, освоенность – неосвоенность, привлекательность – непривлекательность.

На основании разработанной теоретической модели репрезентации пространственно-предметной среды обыденной жизни было проведено эмпирическое исследование особенностей репрезентации пространственного аспекта среды профессиональной деятельности сотрудников правоохранительных органов. В результате сопоставительного анализа репрезентации различных локусов пространства профессиональной деятельности были выделены различные соотношения формального и содержательного компонентов, а в рамках ценностно-смыслового компонента – различное соотношение прагматического, этического и эстетического параметров в репрезентации пространственного компонента среды профессиональной деятельности сотрудников правоохранительных органов.

Кроме того, сравнительный анализ особенностей репрезентации пространственного компонента среды профессиональной деятельности с другими типами среды жизнедеятельности человека (жилой, городской, природной и пр.) также позволил обнаружить существенные различия в наборе факторных структур по разным типам пространственно-предметной среды.

Для получения эмпирических данных об особенностях репрезентации пространственного компонента среды профессиональной деятельности была использована методика тематического рисунка, для выполнения которого предлагалась инструкция: «Нарисуйте место, где Вы работаете». Рисунок выполнялся цветными карандашами (6 штук). Каждый рисунок оценивался с помощью разработанного «пространственного» семантического дифференциала экспертами, после чего полученные данные были подвергнуты факторизации.

Результаты, выявленные на основании разработанной теоретической модели репрезентации пространственно-предметной среды и ее эмпирической валидизации, могут стать основанием для моделирования и организации оптимальной пространственно-предметной среды профессиональной деятельности сотрудников правоохранительных органов.

---

[1] Ковалев Г.А. Психическое развитие ребенка и жизненная среда // Вопросы психологии. – 1993. – №1. – С.13-23.

[2] Панов В.И. Введение в экологическую психологию. Ч.1. – М., 2001.

К ВОПРОСУ О СУЩНОСТИ И СОДЕРЖАНИИ КАТЕГОРИИ «ТЕНЕВАЯ ЭКОНОМИКА»

Болва Н.В., к.э.н., доцент
Сибирский юридический институт МВД России

В настоящее время в методологическом отношении при рассмотрении феномена теневой экономики доминирующими являются правовой и экономический подходы.

1. Правовой подход. В рамках правового подхода существуют несколько различных концепций, определяющих сущность теневых процессов с точки зрения правоведов. Следует заранее оговориться, что понимание теневой экономики различными исследователями во многом предопределяется выбором критериев, в соответствии с которыми те или иные экономические отношения могут быть отнесены к теневым. Так, в зависимости от избранных предпочтений возможны формально-правовой и криминологический анализы реальных экономических связей.

1.1. Формально-правововая концепция. Сторонниками формально-правового подхода теневая экономика как общее понятие может быть конкретизирована по меньшей мере по трем направлениям: по отношению к государственной регистрации (неучтенная), по отношению к государственному контролю (нерегламентированная) и по отношению к нормативной системе регулирования (противоправная).

В рамках первого критерия к теневой экономике будут отнесены любые экономические отношения или деятельность, скрываемые от государственной регистрации.

Так, П.А.Ореховский, рассуждая о теневой экономике, использует достаточно определенный критерий – отсутствие государственной регистрации сделок. По мнению В.О.Исправникова и В.В.Куликова, термином «теневая экономика» логично обозначать всякую экономическую активность, не зарегистрированную официально уполномоченными органами.

Такое понимание теневой экономики, по мнению авторов электронного учебника «Теневая экономика и экономическая преступность» А.К.Бекряшева и И.П.Белозерова, легло в основу контрактной (договорной) и трансакционной концепции теневой экономики.

Контрактная (договорная) *концепция* истолковывает теневую экономику как деятельность, направленную на уклонение от официальной регистрации коммерческих договоров или умышленное искажение содержания договоров при регистрации. Данный подход к определению теневой экономики является необоснованно узким, поскольку общепринятое понимание коммерческого контракта исключает из анализируемой сферы трудовые отношения, большинство экономических преступлений и сектор запрещенных видов экономической деятельности. Кроме того, данное определение неявно предполагает, что в составе теневой экономики учитываются лишь коммерческие договоры, которые должны быть официально зарегистрированы.

Трансакционная концепция (концепция незарегистрированных государством сделок). Введение понятия сделки как первичной единицы теневой экономической деятельности расширяет границы теневой экономики по сравнению с контрактной концепцией, поскольку договор является лишь частным случаем сделки. Вместе с тем концепция необоснованно ограничивает сферу теневой экономики лишь сделками, которые не зарегистрированы государством. Данное определение является также чрезмерно узким уже потому, что исключает из нее неформальную и нелегальную экономику, а также криминальный сектор.

Вместе с тем данное определение теряет из виду саму теневую экономическую деятельность, что не позволяет нам считать его полностью удовлетворяющим требованиям современного подхода.

В рамках второго направления формально-правового подхода в качестве теневых будут признаны любые экономические отношения или деятельность, не контролируемые государством. Последнее выражается в недоступности экономической информации для получения открытыми контрольными методами.

С.Д.Головнин определяет теневую экономику как фактически неконтролируемое обществом производство, распределение, обмен и потребление товарно-материальных ценностей и услуг.

Наконец, реализация третьего критерия будет означать, что теневыми могут быть признаны запрещенные законом противоправные экономическая деятельность либо отношения.

Так, А.Нестеров и А.Вакурин под теневой экономикой понимают «деформацию экономических отношений, которые не находят отражения в законодательстве, не признаются правонарушениями, а их совершение не влечет юридической ответственности».

И, наконец, С.Головнин, А.Шохин, определяя понятие теневой экономики, сделали попытку синтезировать имеющиеся точки зрения, утверждая, что «теневая экономика представляет собой совокупность неучтенных, нерегламентированных (отличающихся от зафиксированных в нормативных документах и правилах хозяйствования) и противоправных видов экономической деятельности».

1.2. Криминологическая концепция. В рамках правовой концепции отдельные авторы считают возможным выделение так называемого криминологического подхода, в пределах которого реальные экономические отношения могут быть отнесены к теневым при реализации двух критериев: общественной опасности действий и нетрудового характера доходов. Нам представляется, что такое выделение является ошибочным, поскольку критерий общественной опасности носит достаточно размытый характер и не позволяет однозначно оценить исследуемые явления. Кроме того, один из представленных критериев имеет скорее экономический, чем криминологический характер, а характер получения доходов обладал принципиальным значением в ортодоксальной политико-экономической теории и в настоящее время не является актуальным.

Таким образом, правовой (юридический) подход к анализу проблем теневой экономики был сформирован во второй половине 1980-х годов усилиями В.Д.Головнина, Т.И.Корягиной, А.Н.Шохина, А.М.Яковлева и др. Юридическая концепция теневой экономики сохраняет доминирующие позиции и сегодня. Она выступает теоретической основой исследований, вошла в ряд учебников и учебных пособий. В настоящее время правовая концепция теневой экономики последовательно развивается в работах А.Вакурина, В.М.Есипова, В.О.Исправникова, А.А.Крылова, В.В.Куликова, А.Нестерова и др.

Мы полагаем, что при всей познавательной ценности попытки определить теневую экономику только через правовые призна-

ки (нерегистрируемая, нерегламентированная, противоправная) страдают некоторой ограниченностью.

Вместе с тем, как показывает практический опыт, значение и острота проблемы теневой экономики возрастают по мере осуществления экономических преобразований. В частности, следует согласиться с мнением Б. Дружинина, который считает, что стремление к правовой «рафинированности» определения не способствует пониманию сути явления.

2. Экономический подход. «Тайна» экономической сущности категории «теневая экономика» была приоткрыта К.А.Улыбиным и Ю.И.Курочкиным – авторами «экономического» подхода. Для решения проблемы было предложено анализировать не специфику теневых экономических отношений, а специфику результатов теневой экономической деятельности, и с этой целью использовать три основополагающих признака – полезность и характер доходов субъектов и отношение к системе статистического учета.

2.1. Полезность. Теневая экономика, по мнению К.А.Улыбина и Ю.П.Курочкина, – это деструктивная экономика, которая включает в себя все виды бесполезной экономической деятельности, то есть те виды, которые носят негативный и деструктивный характер и наносят вред обществу и его членам. Полезность как экономическая категория обозначает способность приносить пользу, то есть удовлетворять потребность. Б.А.Дружинин предлагает использовать данную категорию в качестве исходного критерия отнесения различных видов экономической деятельности к теневой или легальной. Всякая деятельность, приносящая пользу человеку и обществу, должна быть освобождена от запретов, дискриминаций и легализована.

Вместе с тем нам трудно согласиться с так называемым «романтическим» толкованием теневой экономики, которая отождествляется с образцами высокоэффективного хозяйствования. Данная точка зрения поддерживает идею о полезности теневой экономики, поскольку та представляет структуру, главная функция которой – не мешать, а помогать официальной экономике, когда в ней возникают расстройства и сбои (изготовление ремесленных подделок, нелицензированная продажа товаров).

По нашему мнению, такой взгляд не учитывает сложности реального взаимодействия в экономической системе, поскольку действительные отношения теневой и официальной экономики далеки от столь идеализированной схемы.

2.2. Характер доходов. Всякая хозяйственная деятельность предполагает вознаграждение и совершается в расчете на него.

Б.А.Дружинин считает, что к доходам теневой экономики, «нетрудовым» доходам, следует относить только доходы, полученные в результате деятельности, удовлетворяющей вредные и деструктивные потребности.

Мы разделяем точку зрения В.О.Исправникова и В.В.Куликова, считающих, что к доходам теневой экономики следует относить доходы, полученные от «скрытой» (или «теневой»), «неформальной» (или «неофициальной) и «нелегальной» деятельности. Безусловно, все три понятия довольно близки по смыслу, а в каких-то отношениях даже пересекаются между собой, но одновременно, на наш взгляд, каждое обозначает отличный от других круг явлений. Кроме того, именно эти понятия используются в международной статистике.

К доходам, получаемым в результате «скрытой» деятельности, следует относить доходы, полученные от участия в разрешенной законом деятельности, которая официально «не показывается» или преуменьшается осуществляющими ее субъектами с целью уклонения от уплаты налогов, внесения социальных взносов или выполнения определенных административных обязанностей (получение лицензий). Эта деятельность возможна практически во всех отраслях экономики.

Доходами, получаемыми от деятельности в рамках «неформального» («неофициального») сектора, являются доходы от «неформальной занятости», где отношения между работодателем и наемным работником не закреплены формально, то есть каким-либо договором или другим юридическим документом.

И, наконец, нелегальными доходами являются доходы от нелегальной деятельности, к которой относятся незаконное производство и сбыт продуктов и услуг (например, производство оружия или наркотиков).

2.3. Отношение к системе статистического учета. В реальной жизни отношения теневой и официальной экономики переплетены, их практически невозможно разграничить без специальных методов проверки и анализа информации о хозяйственных процессах. Именно поэтому возможно при определении теневой хозяйственной деятельности использовать еще один критерий теневых экономических явлений – их неучитываемость, то есть отсутствие учета результатов (товаров, услуг) их деятельности органами официальной государственной статистики. Наиболее последовательно используется этот показатель в учетно-статистической концепции, основанной на методологии системы национальных счетов (СНС ООН).

Преимуществом данного подхода являются возможность количественной оценки скрытой части производственной экономической деятельности на основе общепринятой методологии СНС и использование результатов расчетов при создании экономических прогнозов. Результаты расчетов параметров теневой экономики по методологии СНС являются исключительно ценными для формирования социально-экономической политики, особенно в сложившейся в России ситуации, когда проблема контроля над теневой экономикой перешла в разряд экономико-политических.

Вместе с тем данный подход не лишен недостатков. Во-первых, в рамках концепции СНС не удается сколько-нибудь удовлетворительно оценить масштабы, структуру и влияние криминальной деятельности, не связанной с производством реального ВВП. В частности, в состав теневой экономики, с одной стороны, включаются все виды как общеуголовных, так и экономических преступлений, что чрезмерно расширяет границы теневой экономики, а с другой – их учет ограничивается тем влиянием, которое они оказывают на производство и потребление ВВП текущего года, и используется только для уменьшения статистической погрешности при расчете ВВП.

Существует также категория экономических правонарушений и преступлений, которым в рамках данной методологии количественная оценка не может быть дана в силу их специфического воздействия на экономическую систему. Это происходит в том случае, если в результате их совершения имеет место либо перераспределение, не приводящее к изменению общего объема ВВП, либо упущенная выгода экономики в целом или отдельных субъектов в результате недобросовестной конкуренции, монополизации рынка, возрастания инвестиционных рисков.

Серьезной проблемой при использовании этого подхода может стать отсутствие или несовершенство информационной базы статистических расчетов. К примеру, масштабы теневой экономики в России являются заниженными, поскольку Госкомстат России при расчетах объема ВВП не учитывает влияния отрицательных внешних эффектов в связи с отсутствием информации. По мере совершенствования информационной основы расчетов статистический подход может быть более эффективно использован для оценки роли теневой экономики не только в производстве, но и в потреблении.

Таким образом, экономический подход к определению теневой экономики может быть эффективно использован для выявления производительных секторов экономики, оценки их масштабов

и формирования экономической политики. Однако признание основой существования теневой экономики только экономического начала является главным методологическим недостатком экономического подхода, поскольку не дает возможности охватить все формы ее проявления, понять, «как в липкой паутине теневой экономики оказываются при ближайшем рассмотрении вполне здоровые, общественно полезные секторы экономики».

КОЛИЧЕСТВЕННАЯ ОЦЕНКА МАСШТАБОВ ТЕНЕВОЙ ЭКОНОМИКИ В ПРОИЗВОДСТВЕННОМ СЕКТОРЕ КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ

Болва Н.В., к.э.н., доцент
Сибирский юридический институт
МВД России

Шерстяных А.С., к.т.н., доцент
Сибирский юридический институт
МВД России

Выявлять размеры теневой экономики – все равно, что разглядывать черного кота в темной комнате: «теневики», как известно, не сообщают статистическим органам, какой у них хозяйственный оборот. Прямая и стопроцентная статистически достоверная оценка масштабов «затенения» невозможна. Одной из главных задач в исследовании теневой экономики является проблема количественной оценки ее масштабов, составляющая основу повышения прозрачности экономической деятельности.

Решить эту непростую задачу позволяют статистические методы, основанные на использовании методологии системы национальных счетов (СНС ООН 1993), в частности методики оценки скрытого производства товаров и услуг.

Например, для оценки масштабов скрытой производственной деятельности, которая для промышленных предприятий является наиболее типичной и распространенной, вполне приемлемой может оказаться методика, основанная на использовании известных параметров, учитываемых официальной статистикой. Она была предложена исследовательским коллективом ИСАРП в рамках проекта «Неформальный сектор в российской экономике: формы существования, роль и масштабы»[1]. В основе методики лежит предположение об отражении в статистической отчетности пред-

приятий всех затрат как на легальную, так и скрытую официальную деятельность.

Действительно, продукция большинства промышленных предприятий преимущественно является материалоемкой. Для организации производства неучтенной продукции необходимо предварительно создать излишки материальных ресурсов. Это делается путем списания их стоимости на затраты производства официально учитываемой продукции.

Преобладающей целевой установкой субъектов теневой деятельности является выведение наличных денежных средств в нелегальный оборот с последующим использованием их для личного потребления (неучтенная заработная плата наемных работников, теневые доходы собственников и высших менеджеров).

Обычно такие операции сопровождаются подменой расходов на оплату труда затратами материального характера, которые находят отражение в официальной отчетности предприятия.

Таким образом, общая сумма затрат на производство продукции складывается из затрат на официально учтенную и скрытую деятельность. Следовательно, величина искажения объема продукции в статистической отчетности (ΔQ^1) равна разнице между общим объемом произведенной продукции (Q^1) и объемом продукции по данным статистической отчетности продукции(Q), что и обуславливает величину скрытой от налогообложения прибыли (ΔP^1):

$$\Delta Q^1 = \Delta P^1 = (Q^1 - Q), \qquad (01)$$

где Q^1 – общий объем продукции с учетом сокрытия;

Q – общий объем продукции по данным статистической отчетности.

Для нахождения объема продукции с учетом сокрытия за отчетный период (ΔQ^1_i) возможно использовать несколько вариантов.

С целью нахождения объема скрытого производства возможно использовать показатель динамики физического объема произведенной продукции и ее стоимости:

$$\Delta Q^1_i = Q^1_0 \times Jq \times Jp, \qquad (02)$$

где Q^1_0 – объем продукции с учетом сокрытия в базисном периоде;

Jq – индекс физического объема продукции в базисном периоде;

Jp – индекс цен на продукцию в базисном периоде.

В формуле 02 используется индекс физического объема продукции, который можно рассчитать только на основе данных официальной статистической отчетности, то есть без учета искажения:

$$Jq = Jpq : Jp, \qquad (03)$$

где Jpq – индекс стоимости произведенной продукции, рассчитанный по официальным статистическим данным;

Jp – индекс цен на продукцию.

Если темпы изменения учетного и скрытого оборота примерно одинаковы, то в расчетах объема сокрытия можно использовать фактическое значение Jq. Однако темпы изменения в этих показателях чаще всего не совпадают, тогда в качестве альтернативного возможно использовать иные показатели, к примеру: индекс потребления электроэнергии, особенно в энергоемких отраслях Jэ. Следовательно, объем скрытого производства возможно определить по формуле.

Для определения объема продукции с учетом сокрытия могут быть использованы данные о нормальном уровне рентабельности в отрасли[2]. Объем продукции с учетом сокрытия в базисном периоде может быть рассчитан на основе данных о нормальном уровне рентабельности продукции в отрасли:

$$Q^1_0 = Z_O \times (R_O+1),$$

где Z_O – затраты на производство продукции в базисном периоде;

R_O – нормальный уровень рентабельности продукции за базисный период.

Нормальный уровень рентабельности согласно существующей методике определяется как средняя величина за несколько лет, **предшествующих базисному периоду.** Смысловое содержание показателя нормального уровня рентабельности заключается в том, что он отражает минимально допустимую границу доходности производства, при которой сохраняется целесообразность функционирования предприятий данной отрасли.

Таким образом, расчет объемов сокрытия производства можно произвести четырьмя способами, оперируя показателями индекса физического объема производства, индекса потребления электроэнергии, показателями среднего и фактического уровней рентабельности.

Первый способ позволяет рассчитать сокрытие объема производства и прибыли на основе использования показателей нормального уровня рентабельности (R_0 = 0,25475 = const) и индекса физического объема производства (J^0 qj).

Второй способ основан на расчете скрытого объема производства на основе показателей нормального уровня рентабельности (R_0 = 0,25475 = const) и индекса потребления электроэнергии (Jэj).

Третий способ позволяет рассчитать долю скрытого производства и прибыли с использованием показателей фактического

уровня рентабельности (R_i) и базисных индексов фактического объема производства (J_{qi}^0).

И, наконец, согласно *четвертому способу* объем сокрытия рассчитывается с учетом фактического уровня рентабельности (R_i) и индекса потребления электроэнергии (Jэj).

Объектом апробации методики нами выбрана промышленность Красноярского края, включая Таймырский (Долгано-Ненецкий) и Эвенкийский АО, на долю которой в промышленности России приходилось в 2001 году 3,2% (5-е место в Российской Федерации), а в промышленном производстве Сибирского федерального округа – 30,6% (1-е место в СФО).[3]

В качестве базисного периода взят 1998 год, поскольку именно он определил всю ценовую динамику в последующие годы.

При подготовке базы исходных данных использованы официальные статистические материалы, опубликованные в соответствующих бюллетенях и сборниках за 1998-2003 гг.

На основании произведенных расчетов можно предположить, что в период с 1998 по 2002 годы в промышленности Красноярского края отмечалась тенденция к снижению сокрытия объемов производства с 17,9% в 1999 г. до 13,6% в 2002 г.; эта тенденция совпадает с общероссийской, где также наблюдается снижение доли теневого оборота с 27,2% в 1999 г. до 18,8% в 2002 г. Незначительные расхождения в оценках, полученных при применении различных методик, и использование различных источников первичной информации свидетельствуют об удовлетворительной степени достоверности приведенных расчетов. Прогноз уровня теневой активности не может быть достаточно точным, поскольку невозможно учесть важные факторы институционального характера, оказывающие влияние на поведение хозяйствующих субъектов (административно-хозяйственная реформа). Однако учитывая общую тенденцию к некоторому снижению показателя доли сокрытия объема производства, можно определить прогнозные параметры в самом общем виде – в течение 2005-2006 гг. будет сохраняться тенденция незначительного снижения объемов теневой экономической деятельности. В 2006 г. прогнозируемая доля скрытого от учета объема производства в промышленности Красноярского края составит 10-13%.

Если бы в перспективе обозначилась и сохранилась тенденция к снижению теневой активности, то каждый процентный пункт такого снижения был бы эквивалентен увеличению налоговых поступлений на млн. руб. (00000: 00,0), в том числе в бюджет Красноярского края (0000:00,0).

Таким образом, для принятия управленческих решений на государственном, региональном, отраслевом и корпоративном уровнях необходимо располагать достоверной информацией о реальном состоянии дел в управляемой или подконтрольной сфере. Возможности количественной оценки масштабов теневой деятельности в промышленности и их практическая реализация обеспечивают более высокий уровень достоверности информации, используемой при принятии конкретных решений.

Предложенная методика количественной оценки объема теневого оборота в промышленности может быть использована в работе административных структур, правоохранительных органов и органов региональной статистики. При условии ее адаптации к другим отраслям экономики появится возможность производить досчет показателя регионального валового продукта с учетом теневой компоненты с большей точностью. При этом точность будет обеспечиваться использованием отраслевых показателей долей сокрытия объемов производства с учетом удельного веса каждой отрасли в общем объеме произведенного продукта.

---

[1] Неформальный сектор российской экономики / Ред. Т.Г.Долгопятова. – М, 1998 – С.145-160; Неформальный сектор в российской экономике // Приложение к журналу «Предпринимательство в России». – М., 1998; Рябушкин Б.Т., Чурилова Э.Ю. Методы оценки теневого и неформального секторов экономики. – М., 2003. – С.78-82.

[2] Для нахождения величины ΔQ^I_1 предлагается и второй способ: объем продукции с учетом сокрытия за базисный период определяется исходя из данных анкетирования на основе формулы:

$$\Delta Q^1_i = \Delta Q_{1:} (1-k),$$

где ΔQ_1 – объем продукции за базисный период по отчетным данным;

k – доля неформальных работ в общем объеме продукции предприятия.

Доля неоформленных работ в общем объеме продукции предприятия определяется либо на основе анкетирования руководителей предприятий, либо экспертным путем.

[3] Несмотря на то что условия переходного периода осложнили экономическую ситуацию в стране, созданный на протяжении сотен лет экономический потенциал края оценивается достаточно высоко. При удельном весе в 2% населения в крае создается около 3% валового внутреннего продукта России. По объему промышленного производства к началу 1990-х годов край занял седьмое место в России, второе – в Сибири и на Дальнем Востоке. В крае производится более 40% промышленной и аграрной продукции Восточно-Сибирского региона. Продукция с маркой красноярских предприятий экспортируется в десятки стран и более чем 200 тыс. адресатов в России, ближнем и дальнем зарубежье.

СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НЕЗАКОННОЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО

Машарова Ю.Ц.
Красноярский филиал Университета РАО

Уголовная ответственность за незаконное предпринимательство предусмотрена ст.171 УК Российской Федерации. При применении этой нормы закона у следователей и судей нередко возникает проблема определения понятия предпринимательской деятельности. Дело в том, что в уголовном и гражданском праве это понятие определяется по-разному, что влечет существенные противоречия.

В соответствии со ст.2 ГК Российской Федерации под предпринимательством понимается самостоятельная, осуществляемая на свой риск деятельность, направленная на систематическое получение прибыли лицами, которые зарегистрированы в качестве предпринимателей в установленном законе порядке. Из содержания данной статьи могут быть выделены несколько признаков предпринимательской деятельности:

1) эта деятельность связана с использованием имущества, продажей товаров, выполнением работ или оказанием услуг;

2) эта деятельность осуществляется самостоятельно на свой риск;

3) эта деятельность направлена на систематическое получение прибыли;

4) эта деятельность может осуществляться только теми лицами, которые зарегистрированы в установленном порядке.

Для того чтобы какая-либо деятельность была признана предпринимательской, необходима совокупность этих признаков, а отсутствие хотя бы одного из них означает, что данная деятельность либо не является предпринимательской, либо осуществляется незаконно.

Субъектами предпринимательской деятельности в Российской Федерации являются граждане и юридические лица. Субъектами ответственности за незаконное предпринимательство могут быть только граждане, которым право заниматься предпринимательством предоставлено ст.23 ГК РФ. Данная статья является юридической гарантией конституционного права граждан свободно распоряжаться своими способностями и использовать имущест-

во для предпринимательской и иной, не запрещенной законом деятельности (ст.34 Конституции Российской Федерации). Нормы УК РФ (ст.ст.169-175) призваны охранять предпринимательскую деятельность от любых нарушений.[1]

Одним из элементов понятия незаконного предпринимательства является осуществление предпринимательской деятельности без регистрации. Государственная регистрация субъектов предпринимательской деятельности осуществляется на основании нескольких нормативных актов, основными из которых являются Федеральный закон от 08.08.2001 г. №129-ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» и Федеральный закон от 09.07.1997 г. №160-ФЗ «Об иностранных инвестициях в Российской Федерации». Государственная регистрация – это акт уполномоченного федерального органа исполнительной власти, который заключается в том, что сведения о лице вносятся в Единый государственный реестр. Данная функция в настоящий момент осуществляется Федеральной налоговой службой Российской Федерации.

Таким образом, необходимо обратить внимание на то, что предпринимательской деятельность можно считать, только в том случае, если она осуществляется лицом, которое зарегистрировано в установленном порядке. И тут обнаруживается своего рода парадокс: незаконное предпринимательство, осуществляемое в том числе и без регистрации, – это, прежде всего, деятельность, которая имеет все остальные признаки и по самому своему определению должна быть зарегистрирована. На это несоответствие обратили внимание адвокаты, которые считают действия своих подзащитных непреступными. Если согласиться с доводами защиты, то действие ст.171 УК РФ существенно ограничится. Для решения указанной проблемы необходимо сослаться на правило, выработанное теорией права: институты, понятия и термины одной отрасли законодательства, используемые в конкретном нормативном акте, применяются в том значении, в каком они используются в этих отраслях законодательства, если иное не предусмотрено указанным нормативным актом. Это бы позволило устранить указанное противоречие.[2] Еще одним возможным выходом из данной ситуации является деление признаков предпринимательской деятельности на содержательные и формальные. К числу формальных признаков следует отнести не только требование об обязательной государственной регистрации, но и установление в законе форм предпринимательской деятельности. Такой подход позволил бы четко обозначить, что от отсутствия или наличия данных призна-

ков зависит признание предпринимательской деятельности законной или незаконной. Если будут отсутствовать содержательные признаки, то деятельность вообще нельзя рассматривать как предпринимательскую, а если будут отсутствовать формальные признаки, то деятельность по своему характеру является предпринимательской, но не может считаться законной.

Из всего вышеуказанного следует вывод: уголовный закон заимствует из гражданского права только содержательные признаки предпринимательской деятельности, к числу которых относятся указанные нами первый, второй и третий признаки.

---

[1] Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть: Учебник / Под ред. Л.В.Иногамовой-Хегай. – М., 2004. – С.218.

[2] Горелов А. Признаки незаконного предпринимательства // Законность. – 2003. – №4. – С.34.

ПРОБЛЕМЫ ЗАНЯТОСТИ НАСЕЛЕНИЯ В РОССИИ

Мядзелец О.А.
Ленинский районный суд г.Красноярска

В соответствии с Законом Российской Федерации «О занятости населения в Российской Федерации» (далее – Закон)[1] граждане, признанные в установленном порядке безработными, имеют право на пособие по безработице. В Законе указано два варианта определения размера пособия по безработице: в процентном отношении к среднему заработку гражданина по последнему месту работы и в размере 30% от величины прожиточного минимума, установленного в субъекте Российской Федерации.

Первый вариант распространяется на тех граждан, кто в течение 12 месяцев, предшествовавших началу безработицы, имел оплачиваемую работу не менее 26 календарных недель на условиях полного рабочего дня (недели) или на условиях неполного рабочего дня (недели) с соответствующим пересчетом. При этом военнослужащим, уволенным с военной службы без права на пенсию и признанным безработными, пособие назначается вне зависимости от получения ими социального пособия или оклада по воинскому званию за счет средств Министерства обороны. Пособие по безработице гражданам начисляется в следующем порядке: первые три месяца – в размере 75% среднемесячного заработка граждани-

на, исчисленного за последние три месяца по последнему месту работы; следующие четыре месяца – в размере 60% и оставшийся оплачиваемый период – в размере 45%, но во всех случаях не ниже 30% величины прожиточного минимума, сложившегося в регионе. Всем остальным гражданам пособие выплачивается в размере 30% (минимальное пособие по безработице) от величины прожиточного минимума. Для граждан, проживающих в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях, при начислении пособия по первому варианту его размер увеличивается с учетом регионального коэффициента.

Величина пособий по безработице в России, по сравнению как с развитыми странами, так и восточно-европейскими странами с переходной экономикой, чрезвычайно низка. В среднем пособие по безработице в 2001 г. составляло 30% величины прожиточного минимума и повысилось до 35% в 2002 г. Данный показатель в большинстве восточно-европейских стран в начале 90-х гг. был 40-60%, а к 1999 г. сократился до 35%. Половина зарегистрированных безработных граждан в России имеют право на получение минимального пособия по безработице. В среднем величина пособия по безработице достигает только 30-50% регионального прожиточного минимума. Коэффициент охвата, то есть отношение численности получающих пособие по безработице или социальную помощь в связи с безработицей к общему числу безработных, в России очень низкий – только около 0,23 в 1997 г. В странах Организации экономического сотрудничества и развития (далее – ОЭСР) данный показатель также не является высоким – он составляет около 0,4. Однако причины низкого коэффициента охвата в России и в странах ОЭСР различны. В государствах ОЭСР существуют ограничения на право получения пособия по безработице, в то время как в России большинство безработных не регистрируются в службах занятости, поскольку не верят, что это даст им какие-либо преимущества. Пособия по безработице по размеру являются маленькими, вероятность получения хорошей работы с помощью службы занятости мала, в то время как издержки, связанные с регистрацией, весьма высоки. В результате отношение численности зарегистрированных безработных к общему числу безработных, согласно определению Международной организации труда, является очень низким: 0,33 в 2000 г. и 0,25 в 2002 г.

Можно назвать, по крайней мере, шесть причин нежелания граждан, потерявших работу, обращаться в центры занятости, вследствие чего они исключаются из официальной статистики безработицы:

1. По информации Департамента занятости РФ в России создано около 2500 центров занятости. По оценкам специалистов это явно недостаточно для такой огромной страны, как Россия. Население плохо информировано о территориальном расположении данных служб, значительна удаленность центров занятости от ряда населенных пунктов, особенно в сельской местности, где расстояние до ближайшего центра занятости может превышать 100 км.[2]

2. В соответствии с Законом граждане России, получившие выходное пособие при увольнении, не могут претендовать на пособие по безработице. Это означает, что многие из числа потерявших работу и получивших выходное пособие как минимум в течение двух месяцев не видят смысла обращаться в центр занятости, то есть немалая часть краткосрочных безработных граждан, по-видимому, исключается из официальных данных.

3. Предполагается, что предприятие, высвобождающее работников, должно информировать их о необходимости регистрации в районном центре занятости. Однако у предприятий нет ни стимулов, ни обязанности выполнять эту функцию. Более того, предприятие, сокращающее занятых, как правило, само находится в трудном экономическом положении, и для него выгоднее не информировать работников, поскольку в таком случае оно не будет выплачивать им выходное пособие за третий месяц.

4. Возможности центра занятости по трудоустройству безработных граждан весьма ограниченны. Большинство руководителей не прибегают к услугам центра занятости при поиске и найме рабочей силы, предпочитая самостоятельно искать необходимых работников, тем самым невольно скрывая информацию о вакансиях.

5. Размер пособия по безработице для многих граждан, обратившихся в центр занятости, по-прежнему невелик. Многие граждане считают, что размер выплачиваемых пособий по безработице не стоит усилий по их получению.

Новым явлением в сфере занятости населения последних лет является неформальная занятость. Не рассматривая уголовно-правовой аспект этого явления, остановимся на экономическом. По нашему мнению, под неформальной занятостью подразумевается экономическая деятельность граждан, которые не платят налогов и которые работают в хозяйственных структурах, не зарегистрированных в установленном порядке. Четкого определения понятия «неформальная занятость» пока не сложилось; представляется, что наиболее приемлемым является отнесение к неформально занятым лиц, не зарегистрировавших в соответствии с законодательством экономическую деятельность и не платящих налогов. В

самом неформальном секторе занятости трудно выделить теневую и криминальную занятость, нет теоретического обоснования и статистики этих явлений. Количественно оценить размер неформальной занятости можно лишь косвенным путем. Международная организация труда рассматривает неформальный сектор как совокупность очень мелких единиц, производящих и распределяющих товары и услуги и состоящих, главным образом из независимых, самостоятельно занятых производителей. Многие из них используют труд членов семьи, нескольких наемных работников или учеников. Внутри неформального сектора можно выделить следующие, наиболее известные разновидности профессиональной занятости: частные уроки, медицинские услуги, строительные работы, ремонт бытовой техники, пошив одежды, «челночный» бизнес, мелкая торговля. Неформальную занятость часто имеют как лица, потерявшие работу, так и не имеющие полной нагрузки на основном рабочем месте, что в определенной мере компенсирует потерю их заработка.

---

[1] О занятости населения в Российской Федерации: Закон Российской Федерации от 19 апреля 1991 года (в ред. Федерального закона от 20 апреля 1996 года) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – №17. – Ст.1915; 2001. – №53. – Ст.5024.

[2] См.: Павлов В.С. Вопросы занятости населения в работе территориальных органов законодательной власти // Работодатель, государственная служба занятости – партнеры на рынке труда: проблемы на рынке труда: Материалы научно-практической конференции. – Новосибирск, 1999. – С.113.

ПРАВОВЫЕ ВОПРОСЫ КАЧЕСТВА: ОТЕЧЕСТВЕННАЯ И ЗАРУБЕЖНАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ

Павлова С.А., к.т.н., доцент
Сибирский юридический институт МВД России

Качество пронизывает все стороны жизни и является основополагающим фактором социального устройства и деятельности людей.

Правовое регулирование представляет собой совокупность законодательных и нормативных документов и актов, которые устанавливают основные правила развития и функционирования

рынка и его структур. Цель правового регулирования – упорядочить развитие рыночных отношений, придать им наиболее цивилизованные формы, обеспечить защиту интересов как отдельных потребителей, так и всего общества в целом.

Развитие движения в защиту прав потребителей в научной литературе делят на три этапа.

Первый этап приходится на начало XX в., когда появились первые законодательные акты в защиту населения от обмана производителей и торговых корпораций.

Второй этап – на конец 20-х – начало 30-х гг., он связан с взвинчиванием цен на товары производителями.

Третий этап начался в 60-е гг., когда президент США Джон Кеннеди заложил основы потребительской политики в своем специальном Послании о защите прав потребителей (1962 г.).[1] В этом послании Конгрессу США он выделил четыре основных правила:

1. Право на безопасность товаров и услуг – на защиту в случае продажи товаров, опасных для жизни и здоровья.

2. Право на информацию – на защиту в случае мошеннических ложных или вводящих в заблуждение информации, рекламы, надписей на товарах либо иной подобной практики и на сообщение фактов, необходимых для осуществления обоснованного выбора.

3. Право на выбор – иметь, по возможности, доступ к разным товарам и услугам по конкурентоспособным ценам.

4. Право быть услышанным – быть уверенным, что интересы потребителей будут полностью и благожелательно учтены при разработке политики правительства, а их жалобы будут своевременно рассмотрены административными органами.

Появление свода правил было реакцией на проявление в мировой экономике монополии изготовителя. Экономически развитые страны пришли к пониманию, что ущемление экономических прав потребителя и неограниченные права изготовителя наносят значительный экономический ущерб всему национальному хозяйству. Причем ущерб, причиняемый монополией изготовителя, не ограничивается чисто экономическими потерями, он охватывает техническую и социальную области. Монопольное положение изготовителя сложилось не сразу, оно формировалось постепенно, достигнув культа в начале 80-х. Особенно глубоко этот процесс затронул нашу страну.

Жестко централизованная система экономической жизни не способствовала решению вопросов качества и, следовательно, удовлетворению запросов потребителей.

Преимущество рыночных условий хозяйствования и состоит в том, что с их помощью можно перевернуть пирамиду «изготовитель всегда прав» на «потребитель всегда прав». Только рыночный подход и способствовал выдвижению качества на передний план, разрушив монополию производителя путем:

– ликвидации плановой системы распределения ресурсов, заменив ее созданием соответствующей рыночной инфраструктуры, в частности товарных бирж;

– организации альтернативных монопольных предприятий;

– выхода предприятий на внешний рынок;

– постепенного накапливания валютных средств и перехода к конвертируемости национальной валюты.

Проблема качества особенно актуальна для национального хозяйства России, для процессов ее преобразования.

Закон Российской Федерации «О защите прав потребителей» (как в первоначальной, так и в ныне действующей его редакции) дал потребителям весьма широкие права и наделил необходимым юридическим инструментарием для осуществления и защиты этих прав.

Таким образом, соответствующие правовые рамки защиты потребителей уже созданы. Но чтобы заработали правовые механизмы, надо применять и новый подход к понятию качества.

Новая стратегия качества, основанная на всемерном удовлетворении потребностей потребителей, что в конечном счете улучшает качество их жизни, характеризуется рядом моментов:

– обеспечение качества понимается не как техническая функция, реализуемая каким-то подразделением, а как систематический процесс, пронизывающий всю организационную структуру фирмы;

– новому понятию качества должна отвечать соответствующая организационная структура предприятия;

– вопросы качества актуальны на всех стадиях жизненного цикла продукта;

– качество должно быть ориентировано на удовлетворение требований потребителя, а не изготовителя;

– повышение качества требует применения новой технологии производства, начиная с автоматизации проектирования и кончая автоматизированным измерением в процессе контроля качества;

– всеобъемлющее повышение качества достигается только заинтересованным участием всех работников.

Все это может быть осуществимо только тогда, когда действует четко организованная система управления качеством на всех

этапах жизненного цикла продукции, направленная на интересы потребителей.

В России сложилась не характерная для развитых стран ситуация, при которой увеличение физических объемов импортной продукции сопровождалось снижением его качества и повышением потенциальной опасности для потребителей. Это принципиально противоречит практике других развитых стран, в которых увеличение объемов импорта (при должной организации работ по контролю безопасности) ведет к улучшению его качества, так как вовлечение более крупных финансовых средств экономически позволяет обосновать ужесточение требований к качеству и безопасности.

В Директиве 85/374/ЕЭС[2] по сближению законов, правил и административных актов государств – членов ЕЭС, касающихся ответственности за выпуск дефектной продукции (далее – Директива), обосновывается позиция Евросоюза в подходе к определению ответственности изготовителя. Отмечается, что в условиях растущей технической оснащенности справедливое распределение риска, неразрывно связанного с современным технически сложным производством, возможно лишь на основе установления принципа ответственности изготовителя за ущерб, причиненный дефектной продукцией потребителю, независимо от вины изготовителя.

При сравнении этого положения Директивы с подходом к этому вопросу в законодательстве Российской Федерации отмечается их идентичность. В нашей стране, согласно правовым нормам, вред, причиненный вследствие недостатков товара, подлежит возмещению продавцом или изготовителем товара по выбору потерпевшего; вред, причиненный вследствие недостатков работы или услуги, подлежит возмещению исполнителем.

Важным, по-нашему мнению, является определение категории продукции, на которую распространяется действие Директивы. Согласно Директиве принцип ответственности изготовителя, независимо от вины, следует применять только к движимым вещам, произведенным промышленным способом. В сравнении с российским законодательством Директива, с одной стороны, имеет более узкую сферу применения, поскольку не охватывает случаи ущерба при выполнении работ и оказании услуг, а с другой – распространяет свое действие на гораздо больший круг продукции, поскольку в законодательстве РФ (Закон РФ «О защите прав потребителей») охвачены только те товары (работы, услуги), которые предназначены исключительно для личных (бытовых) нужд, не связанных с извлечением прибыли.

Важным, с нашей точки зрения, является также вопрос, касающийся определения субъекта, который несет ответственность за дефектную продукцию. В Директиве подчеркивается, что защита интересов потребителя требует, чтобы все субъекты, участвующие в производственном процессе, несли ответственность за дефекты поставляемой ими готовой продукции, комплектующих изделий или исходных материалов; ответственность должны нести также те, кто импортирует продукцию на территорию Сообщества, и те лица, которые представляют себя в качестве изготовителя путем указания на продукции своего имени (наименования), товарного знака или иного индивидуализирующего признака, так же как и поставщик продукции, изготовителя которой нельзя установить.

В свете перечисленных требований становится понятным, почему, например, при массовой закупке у российских предприятий важных комплектующих или оптовом приобретении крупной партии продукции, предназначенной для последующей розничной продажи, западноевропейские заказчики занижают закупочную цену до 30%, если у предприятия-производителя нет сертифицированной системы качества. Эта цена страховки повышенного риска ответственности, связанного с невысокой степенью гарантии устойчивости требуемого качества, так как в соответствии с Директивой на территории стран Европейского Союза тот, кто вводит продукцию в оборот, также несет ответственность за причиненный ущерб.

Что касается нашей страны, то в Законе РФ «О защите прав потребителей» под изготовителями (продавцами, исполнителями), на которых распространяется ответственность, понимаются те, кто производит продукцию (продает продукцию, выполняет работы или оказывает услуги), предназначенную исключительно для личных (бытовых) нужд потребителя.

В Директиве дается и определение дефектной продукции. Директива определяет, что продукт считается дефектным, когда он не обеспечивает того уровня безопасности, на который человек вправе рассчитывать с учетом всех обстоятельств, в том числе:

а) как продукт был поставлен потребителям;

б) разумно предполагаемые функции, которые продукт может выполнять;

в) время выпуска продукта в обращение.

В российском законодательстве понятие «безопасность» товара (работы, услуги) появилось лишь в 1996 г. в новой редакции Закона «О защите прав потребителей». При этом возмещению подлежит вред, причиненный жизни, здоровью или имуществу по-

требителя вследствие как недостатков товара (работы, услуги), так и необеспечения безопасности товара (работы). В этом смысле Закон «О защите прав потребителей» подходит к понятию дефектной продукции фактически так же, как и Директива ЕЭС.

Из приведенного сравнения следует, что российское законодательство по вопросам обеспечения прав потребителей подходит к установлению ответственности изготовителя за причиненный ущерб с той же, и даже большей степенью жесткости по отношению к изготовителям, что и европейское право. Это означает, что проблемы обеспечения безопасности выпускаемой продукции и стабильно высокого качества, вышедшие на первый план в последние десятилетия в странах Европейского Сообщества, становятся не менее важными и для российских предприятий. Учет данного обстоятельства вынуждает производителей и экспортеров продукции принимать меры эффективного управления качеством, включая внедрение современных систем менеджмента качества и методов менеджмента рисков ответственности.

---

[1] Потребительское право и защита прав потребителей. – М., 2003.

[2] Качалов В.А. Ответственность за дефектную продукцию: Россия идет по пути Европы // Стандарты и качество. – 1998. – №11.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ О ПРОБЛЕМЕ ТЕРРОРИЗМА

Коновалова О.В., к.и.н., доцент
Сибирский юридический институт МВД России

На современном этапе развития человечество создало себе еще одну проблему, становящуюся глобальной, – мировой терроризм. Приобретая всеобщий характер, террор становится вездесущим. Сегодня от него не застрахованы ни правительство, ни армия, ни мирное население. Но если использование террористических методов борьбы против двух первых объектов предполагает четкую организацию и специальную подготовку, то подвергнуть насилию простых граждан не составляет большого труда. Не случайно проведение террористических актов на улице, в метро и других многолюдных местах становится, к сожалению, нередким явлением.

Что движет террористами? Почему Высшие Силы позволяют насилие над мирными людьми? Что происходит с миром? Такие вопросы задают себе люди разных национальностей и вероисповеданий.

Попытаться ответить на них возможно, опираясь на накопленный человечеством опыт веры, любви и знания, использовав данные различных наук. Можно верить в существование Высших Сил и нематериального мира, признавать истинной концепцию Вернадского о ноосфере и единстве всего живого и неживого мира, использовать данные физико-математических наук, знаменитые законы сохранения энергии, отражения света (угол падения равен углу отражения) и т.д., чтобы понять, что в мире действуют три важных закона: Равновесия, Соответствия и Притяжения.

Для понимания мировых законов человечеству понадобилось пройти через многие испытания: войны, революции, научно-технический прогресс. Завоевание территорий, борьба за справедливость, проведение научных исследований и экспериментов – все это было разными сторонами процесса познания этих законов. И в материальном, и духовном мирах человечеству давалось понять, что нарушенное равновесие – «перетягивание одеяла на себя» – в процессе исторического развития обязательно восстанавливается. Система мира подвижна, динамична, но она постоянно стремится к равновесию – балансу сил.

По субъектам развития такой процесс происходит на индивидуальном, групповом, общественном и общечеловеческом уровнях. Причем точкой отсчета (основанием пирамиды мира) является индивид. Индивидуальное сознание находится в основе группового и массового сознания. Все уровни сознания тесным образом связаны, переплетены и оказывают воздействие друг на друга по принципу элементов системы. Изменение одного из них на определенном этапе приводит к трансформации других в рамках философского закона перерастания количественных показателей в качественные.

В разные исторические эпохи у отдельных народов складывался свой тип соотношения индивидуального, группового, общечеловеческого сознания. В рамках западной цивилизации доминировало индивидуальное начало, в восточном и российском типах культуры – коллективистские (групповые) ценности; на современном этапе происходит формирование общечеловеческих ценностей. Но в основе всех типов сознания лежит представление индивида о себе, своей роли в коллективе, мире. Не случайно в процессе своей эволюции человечество пришло к осознанию того, что каждая человеческая личность уникальна и самоценна.

Эпохи Нового и Новейшего времен являются важными периодами в процессе духовного пробуждении человечества, ведущими к расширению сознания, к самопознанию. Народ становится субъектом политической жизни, демонстрируя свои силу и мощь в революционные эпохи. В революционных событиях нарушенное равновесие в жизни общества со стороны власти восстанавливается в ходе стихийных революционных событий народом. Если в процессе управления обществом власть «перегибает палку», широко используя далеко превзошедшие необходимость методы насилия и репрессий, то с неизбежной закономерностью бумеранг насилия ударяет по ней самой. Закон Равновесия и соответствия вступает в силу. «Что посеешь, то и пожнешь». То, что отдашь миру, людям, то получишь вдвойне. «Посеешь ветер – пожнешь бурю». «Поступай с другими так, как хочешь, чтобы поступали с тобой».

Закон Соответствия тесным образом связан с Законом Равновесия. В истории развития человеческой мысли он высказывался в виде знаменитой фразы Гегеля: «Все разумное – действительно, все действительное – разумно» и тезиса Жозефа де Мэстра: «всякий народ имеет то правительство, которое он заслуживает». Если отбросить политическую конъюнктуру и цель, с которой они были высказаны, то в принципе Закон Равновесия налицо: все, что тебя окружает, все, что с тобой происходит, соответствует твоему духовному уровню. Все проблемы, которые создает себе человечество, соответствуют его уровню развития. Научиться их решать и не создавать новые возможно, перейдя лишь на другой качественный уровень миропонимания и мироощущения.

Третий закон мира – Закон Притяжения – действует в гармонии с двумя предыдущими. Смысл его заключается в том, что человек, группа, общество и т.д. представляют собой своеобразный энергетический магнит с определенными свойствами, «притягивающий» к себе людей, ситуации и т.д., которым он соответствует. «Подобное притягивает к себе подобных». Закон этот в обществе реализуется в стремлении людей к объединению в группы – семья, друзья, экономические, политические, культурные и др. общественные союзы.

В осознании механизма действия универсальных законов мира важное место принадлежит пониманию Принципа Ответственности. За то, что с нами происходит, какими мы являемся, какую ситуацию и людей мы «притянули», – несем ответственность только мы сами. «Мы в ответе за все». Совершая ошибки, мы ответственны за них, и только мы их можем исправить. Не перекладывать ответственность за проблемы и просчеты на кого-то друго-

го – человека, власть, другой народ, объективные обстоятельства и т.д., а взять ответственность на себя, подумать и решить, что ты можешь сделать в этой ситуации.

Осознание мировых законов, Принципа Ответственности и построение практической деятельности в соответствии с ними делает человека *свободным*, творцом своей судьбы и судьбы человечества и мира.

Политическая сфера – особая сфера, в рамках которой происходит управление обществом, формируется и функционирует механизм власти. Это та область деятельности, в которой вместе с положением в обществе увеличивается и степень ответственности за происходящее, та сфера, которая отвечает за политическое равновесие в стране. Принять ситуацию такой, какой она есть, понять причины ее возникновения и предложить обществу пути его решения – такова задача политической власти в решении проблемы терроризма на территории нашей страны, а значит, и разрешения чеченского конфликта. Но нельзя перекладывать на власть решение этого вопроса. Без общественной поддержки проблема терроризма не разрешима. Имея глубокие исторические, культурные, социально-экономические и политические корни, она уходит в историю взаимоотношений между народами, народ российский тоже ответственен, как и народ Чечни, за решение этой ситуации. Разрешение чеченской проблемы невозможно без взаимопрощения, уважения, поиска компромисса и согласованности интересов обеих сторон, договоренности о способах и методах урегулирования конфликта.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ СОСТАВЛЯЮЩИЕ ТЕРРОРИЗМА

Козаченко И.Я., д.ю.н., профессор,
заслуженный деятель науки РФ
Уральская государственная юридическая академия

Понятия терроризма, террора, террористического акта, акта терроризма, террориста, террориста-смертника и т.д., вызывают естественное чувство биологического страха, перемешанного почти с физическим восприятием запаха крови невинных жертв. Можно ли измерить глубину трагедии оставшихся в живых, масштабы причиненного актом терроризма горя, силу его разрушительности, наконец степень циничного хладнокровия террористов,

решившихся на столь жестокий акт мести и устрашения живых. Можно, но лишь относительно. Даже законодатель, устанавливая уголовную ответственность за терроризм и выражая нередко характер и степень его общественной опасности в абсолютных элементах санкции соответствующей статьи Уголовного кодекса РФ, дает лишь относительную уголовно-правовую оценку указанного социально-правового явления.

Объяснить это в определенной мере можно тем, что внешняя, ужасающая, сторона акта терроризма – это лишь материализованная часть субъективно-психологической конструкции, невидимые контуры которой трудно поддаются даже абстрактно-аналитической фиксации. И порой трудно сказать, какая из составляющих в целом терроризм более губительна и потому особенно опасна – внешняя, физическая часть или скрытая, психологическая. Ясно одно, что даже безупречная уголовно-правовая оценка соответствующего акта терроризма не способна отразить его сложную и зачастую противоречивую психологическую матрицу. Психология терроризма и террориста – это один из многих парадоксов, которые неумолимо сопровождают человеческую цивилизацию на всех ее социально-исторических этапах развития, так как практически невозможно вникнуть в психологию людей, которые щедро «сеют» смерть, чаще всего среди невинных жертв, в целях выражения личных амбиций или ради решения политических проблем.

Если упростить психологическую структуру терроризма, схематично она заключает две основные составляющие, векторы которых обращены к различным адресатам. Одна составляющая, содержанием которой выступает «психология страха», обращена к двум адресатам. В роли первого, как правило, выступают либо конкретные должностные лица властных государственных структур, либо соответствующие органы государства. Психологический заряд террористического воздействия всегда и в концентрированных дозах направляется указанным адресатам. Однако поскольку для террористов нужен положительный и очень скорый эффект, в качестве катализатора своего успеха они прибегают к таким средствам, которые порождают у массового адресата (социума) не только психологию страха, но прежде всего психологию ужаса, порождающего паническое состояние и доводящего очевидцев акта терроризма нередко до психологического шока. Психология физической аффектации акта терроризма, помноженная на психологию страха, ужаса и паническое состояние неопределенной массы людей, зачастую неодолимой силой воздействует на психологию представителей властных структур, от действий (бездействия) ко-

торых террористы ожидают положительный для себя или для других лиц эффект.

Итак, психология страха в структуре терроризма обладает критической динамикой взрывного характера, мгновенно доходит до сознания тех, кому она адресована. Особенностью этой психологической составляющей терроризма является то, что она всегда склонна к последующему «затуханию» и ее заменяет «психология привыкания». Как ни парадоксально это звучит, но для террористов «психология привыкания» масс достаточно досадный, если не сказать, опасный факт. Объясняется это в определенной степени тем, что в таком случае террористы теряют главный свой козырь – эффект устрашения, без которого терроризм, что еж без иголок.

Вторая психологическая составляющая терроризма выполняет субъективно-внутреннюю функцию и действует по принципу бумеранга, так как ее источник и адресат выступают в одном и том же лице. Эту составляющую можно образно назвать психологией неперсонифицированной мести. Если первая психологическая составляющая терроризма функционально сориентирована на цель, ради достижения которой и совершается соответствующий акт терроризма, то вторая психологическая составляющая терроризма органично вплетена в содержательную часть мотивации, побудившей конкретных лиц решиться на столь циничный и безжалостный акт.

Естественно, что мотив мести не единственный мотив, который может вызревать в «террористическом бульоне». В основе конкретного акта терроризма могут лежать мотивы личного неимущественного, имущественного или политического характера, однако на самом динамичном этапе осуществления акта терроризма, когда масса накопленных действий достигает критического момента, доминирующим все же выступает мотив мести. Именно психология мести дает в руки террористов тот самый смертельный заряд, с помощью которого они не только причиняют смерть десяткам и сотням невинных людей, но и нередко в знак особой фанатичной привязанности к психологической идее мщения вместе с невинными жертвами убивают и себя. К сожалению, террорист-смертник, как равно и терроризм, сегодня уже не утопия и не миф. Это жестокая реальность, и наша задача найти пути эффективной борьбы с этим явлением.

СИСТЕМНЫЙ ПОДХОД К ОРГАНИЗАЦИИ АНТИТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Минкин А.Н., к.т.н., доцент
Сибирский юридический институт МВД России

Терроризм в любых формах своего проявления превратился в одну из опасных по своим масштабам, непредсказуемости и последствиям общественно-политических и моральных проблем, с которыми человечество вошло в XXI столетие. Терроризм и экстремизм в любых их проявлениях все больше угрожают безопасности многих стран и их граждан, влекут за собой огромные политические, экономические и моральные потери, оказывают сильное психологическое давление на большие массы людей, уносят жизни ни в чем не повинных людей.

Терроризм ищет новые, все более жестокие и масштабные способы устрашения. Последние события в нашей стране показывают, что объектом нападений террористов могут быть школы, больницы, театральные центры, жилые (многоэтажные) дома, то есть те объекты, захват или уничтожение которых вызовет огромный общественный резонанс и повлияет на всю общественную жизнь. Кроме того, перечисленные учреждения, с точки зрения антитеррористической безопасности, относятся к числу наиболее уязвимых сфер террористической деятельности. Поэтому эти объекты были и будут оставаться одними из наиболее предпочтительных направлений террористических устремлений.

Террористы переступили принципиальный рубеж – прибегли (как, например, в японском метро) к использованию средств массового уничтожения. По оценкам зарубежных экспертов, террористы и прежде не раз уже делали попытки «нащупать» пути к оружию массового уничтожения, пытались овладеть им или изготовить, проникнуть в ядерные учреждения или на объекты, применить сильнодействующие токсические средства, совершить диверсии против действующих и строящихся атомных установок и АЭС.

Для эффективного противодействия терроризму необходима государственная политика, активная работа специальных служб, антитеррористическая позиция средств массовой информации, активная антитеррористическая работа религиозных концессий и активная позиция граждан.

Опасность распространения терроризма актуальна абсолютно для всех стран мира. Помимо работы спецслужб, необходимо пе-

ресмотреть отношение гражданского общества к этой проблеме. Граждане должны стараться не проявлять беспечности.

Сейчас террористы уверены в том, что у них всегда есть «невольные союзники» – средства массовой информации (СМИ), которые все покажут и всех устрашат. И, увы, чем лучше работают СМИ, чем больше информации они дают, тем эффективнее устрашение, тем больше у террористов шансов получить то паблисити, которое они хотят получить. Иногда СМИ смещают акценты в сторону подачи сенсационной информации, забывая о боли, крови, моральной стороне. До сих пор имеет место «романтизация» деятельности террористов. Некоторые западные СМИ освещают деятельность чеченских боевиков как партизан, борцов за независимость. В 1999 году взрывы домов в Москве и события 11 сентября в Нью-Йорке заставили международное сообщество взглянуть на терроризм по-новому и объединить усилия. «Террорист он и есть террорист, без национальности, религиозной принадлежности и мотивации. Когда гибнут люди, нам его мотивация совершенно неинтересна»[1].

Ни одна религия мира не поддерживает терроризм. Поэтому одной из основных задач религиозных концессий является просвещение своих верующих. Того, кто изучал священную книгу, невозможно одурачить и заставить взять в руки оружие.[2]

Важное направление в деле предупреждения терроризма – выявление каналов связей отечественных преступных группировок с международным терроризмом, каналов финансирования, поступления вооружения и преступных террористических групп.

Наиболее эффективным является синтез правовых и силовых мер. В отношении террористических группировок необходимо применять жесткие силовые методы, вплоть до физического уничтожения террористов. Нельзя забывать и о важности регулирования правового законодательства; параллельно должна вестись борьба с причинами возникновения терроризма.

Можно говорить о некоторых универсальных принципах государственной политики по отношению к терроризму:

1) принцип упреждения террористических актов за счет правильно поставленной заблаговременной оперативной деятельности, распознания теракта на стадии замысла, планирования, подготовки и срыва намеченных террористических действий;

2) принцип минимальных уступок террористам. В связи с этим в ходе переговоров могут допускаться лишь частные, тактические уступки, позволяющие выиграть время, провести подгото-

вительные мероприятия для проведения наиболее эффективной операции в создавшихся условиях;

3) принцип минимизации жертв и ущерба в ходе антитеррористической операции;

4) принцип неотвратимости наказания за террористическую деятельность;

5) принцип защищенности объектов (необходимо обратить внимание на антитеррористическую защиту школ, дошкольных учреждений).

Важнейшим условием борьбы с терроризмом являются решительность, непримиримость и жесткость ответных действий, наличие хорошо обученных, натренированных, технически хорошо оснащенных и экипированных специальных подразделений. Но этого недостаточно. Зачастую важнее бывает наличие политической воли и готовности высшего руководства страны к решительным действиям. В связи с этим можно привести пример России, когда руководству страны не хватило политической воли для наказания террористов, виновных в бойне, унесшей жизни 150 мирных граждан Буденновска.

Эффективность борьбы может быть достигнута только при системном подходе к организации антитеррористической деятельности на государственном уровне. Имеющееся в государстве достаточное количество специализированных структур можно назвать подготовленными к борьбе с терроризмом лишь условно, поскольку они в большей степени сориентированы на проведение силовых акций, когда преступление уже совершено. Между тем борьба с терроризмом – это прежде всего заблаговременная оперативная работа, позволяющая выявлять террористические организации на стадии возникновения, а террористические акты пресекать на стадии планирования и подготовки. При правильной постановке оперативной работы силовые ведомства могли бы обеспечить своевременный и в достаточном объеме сбор и использование текущей оперативной информации, что позволило бы предупредить совершение террористических актов на самой ранней стадии.

---

[1] Народ не готов к борьбе с терроризмом // Страна.Ru (http://www.strana.ru). 15.12.04 г.

[2] Религия и СМИ (www.religare.ru). Алексей Макеев, Александр Костерев. Коран-антитеррор 09.03.04 г.

ОСОБЕННОСТИ БОРЬБЫ С ТЕРРОРИЗМОМ

Сушенцев В.В.
Главное управление МВД России по Сибирскому федеральному округу

Рост терроризма в России происходит на фоне общего роста числа его проявлений в мире. Терроризм по своей сути является сложным социально-политическим явлением, аккумулирующим в себе имеющиеся противоречия, достигшие в России уровня конфликта.

Систематические насильственные акции с использованием огнестрельного оружия, различного рода взрывных устройств, с захватом заложников, похищением людей позволяют рассматривать терроризм как широкомасштабное явление, представляющее угрозу жизненно важным интересам личности, общества и государства.

Все это требует создания общегосударственной системы мер борьбы с терроризмом, которая должна включать в себя организационно-политические, правовые, воспитательные и специальные меры.

Основными формами террористических проявлений в Сибирском федеральном округе (СФО) являются:

– использование в террористических целях взрывных устройств;

– ложные сообщения об актах терроризма;

– захват заложников, незаконное лишение свободы.

В целях реализации положений Федерального закона «О борьбе с терроризмом», Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности», положений Концепции национальной безопасности, директивных требований руководства Министерства, ГУ МВД России по СФО был разработан План мероприятий органов внутренних дел округа по предупреждению и противодействию экстремизму и терроризму. Аналогичная работа на уровне как МВД, ГУВД, УВД, так и горрайорганов проведена во всех субъектах округа.

Особый акцент в организации работы нами сделан на обеспечение взаимодействия со всеми субъектами антиэкстремистской и антитеррористической деятельности.

Оперативная обстановка на территории Сибирского федерального округа по линии терроризма и экстремизма и незаконного оборота оружия по-прежнему остается противоречивой, с некоторой тенденцией к обострению, особенно в отношении экстремистских проявлений.

Анализ оперативной обстановки свидетельствует о том, что факторы, влияющие на рост преступлений террористического ха-

рактера, экстремизма в его различных проявлениях и незаконного оборота оружия сохраняются. Этому способствуют сложные социальные проблемы.

Сибирский федеральный округ образован 13 мая 2000 г. Территория Сибирского федерального округа составляет 30% территории России, население – 20,5 млн. человек (14,5% населения России).

По числу субъектов Российской Федерации Сибирский федеральный округ занимает 2-е место после Центрального федерального округа.

СФО граничит с тремя государствами по южной границе – с Республикой Казахстан, Республикой Монголия, Китайской Народной Республикой.

Протяженность государственной границы – 7,269 км.

На территории СФО проживают представители более 130 национальностей, действуют более 500 национально-культурных автономий и центров, более 1800 религиозных организаций, около 40 конфессий.

Как показывает практика, на приграничных территориях активно действуют организованные преступные формирования, в том числе террористической и экстремистской направленности, которые извлекают максимальную выгоду из неудовлетворительного состояния охраны государственной границы, отсутствия должного взаимодействия с правоохранительными органами сопредельных государств и слабой правовой урегулированности внешнеэкономической деятельности.

Группировки преступников, действующие в республиках бывшего СССР, налаживают контакты с криминальными структурами России с целью провоза на территорию России наркотиков, оружия и других предметов, запрещенных к свободному обращению на территории страны.

Значительную опасность представляют группировки, сформировавшиеся по этническим признакам, имеющие прочные связи с представителями своих диаспор как за рубежом, так и на территории России; их активность растет высокими темпами.

Исходя из оценки оперативной обстановки и поступающей информации, в настоящее время на территории субъектов СФО происходит концентрация граждан из числа беженцев, вынужденных переселенцев и иных лиц Северо-Кавказского и Азиатского регионов, прибывающих в поисках рабочих мест. Данный социальный фактор позволяет участникам незаконных вооруженных формирований, находящихся в федеральном и международном ро-

зыске за пределами стран СНГ и иных государств, скрываться среди вышеуказанной категории граждан.

Так, проведенными оперативными мероприятиями на территории поселка «Тисуль» Кемеровской области 17 января текущего года сотрудниками ГУВД области был задержан Юнусов Харон Ахмедович, 1965 года рождения. Он являлся заместителем командира исламского полка особого назначения Арби Бараева и разыскивался за участие в похищениях сотрудника ФСБ России по Республике Ингушетия М.С.Демильханова, полномочного представителя Президента РФ Валентина Власова, российских и иностранных журналистов, а также как участник незаконных вооруженных формирований. Юнусов скрывался на территории Кемеровской области под видом разнорабочего строительной артели, имея при этом законную регистрацию по месту проживания.

Более года сотрудниками Оперативно-розыскного бюро совместно с УУР МВД Республики Таджикистан и БК БОП стран СНГ проводились розыскные мероприятия в отношении скрывающегося в Новосибирской области и других городах России террориста Мирова, кличка «Кабир». Он являлся участником экстремистской партии «Нахзати-Ислом» и совершил ряд убийств государственных деятелей Республики Таджикистан. 16 июня 2004г. данный гражданин был задержан на территории Пензенской области, где он проживал последнее время по поддельным документам.

Всего в период начиная с 2003 г. сотрудниками органов внутренних дел СФО были задержаны 14 участников НВФ, но надо полагать, что эта цифра далеко не соответствует реальному числу находящихся на территории СФО террористов и их пособников. В ПТК «Розыск-Магистраль» нами выставлены 235 человек, обоснованно подозреваемых в совершении преступлений террористической направленности.

Кроме этого, организована интенсивная работа всего личного состава, независимо от направлений деятельности, на получение упреждающей информации о террористических актах.

С оперативными подразделениями проведены занятия по особенностям работы с негласным аппаратом, о своевременном и качественном получении достоверной информации о замыслах террористов и их пособников.

Активизирована работа ОБЭП КМ и УНП ОВД СФО по выявлению и пресечению каналов финансирования террористических и экстремистских формирований, по обеспечению безопасности особо важных предприятий и предприятий с опасным видом производства.

На сегодняшний день на территории СФО находится более 1300 потенциально опасных техногенных объектов экономики, обеспечение безопасности которых должно осуществляться по отдельным планам с привлечением сил и средств органов государственной власти. 21 предприятие относится к юрисдикции Третьего управления ГУВДРО СОБ МВД России.

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ БОРЬБЫ С ТЕРРОРИЗМОМ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Шабельникова Н.А., д.и.н., доцент
Владивостокский филиал Дальневосточного юридического института МВД России

Терроризм, в течение веков использовавшийся в качестве незаконного, но острого и эффективного оружия в политической борьбе, превратился в XX столетии в серьезную проблему для всего мирового сообщества. Он перерос границы отдельных государств, его масштабы достигли таких размеров, а конкретные проявления, опирающиеся на современные достижения науки и техники, приобрели такие общественно опасные формы, что его иногда называют «чумой XX века», – так велики исходящие от него угрозы и возможные негативные, разрушительные для прогрессивного развития человечества последствия. Никто сегодня не застрахован от всепроникающей опасности терроризма: ни простые граждане, ни самые защищенные из политических и государственных деятелей (примеры тому – убийства ряда президентов США, премьер-министров: Италии – А.Монро, Испании – К.Бланко, Индии – Индиры и Раджива Ганди, Израиля – И.Рабина).

Приходится констатировать, что с началом бурных и противоречивых изменений, захлестнувших общественную и политическую жизнь России в последнее десятилетие, терроризм стал в нашей стране повседневной реальностью, которая ежедневно напоминает о себе страшными, жестокими примерами. В связи с этим организация действенной борьбы с этим опасным социально-политическим явлением, представляющим серьезную угрозу для Российской Федерации, превратилась в одну из приоритетных задач общества, государственных правоохранительных органов и спецслужб.

Специалисты подтверждают, что с конца 80-х годов страна начала утрачивать и ныне практически лишилась иммунитета против терроризма. Каковы же причины разрастания угрозы терроризма в России в современных условиях?

Начнем с того, что в условиях происходивших в последние годы в Российской Федерации болезненных и противоречивых преобразований, ломки сложившихся схем и отношений в области политики, экономики, права, социальной и иных важных сферах жизни государства и общества утрачены прежние, вырабатывавшиеся и шлифовавшиеся десятилетиями механизмы упорядочения и конституционного регулирования отношений между государством, обществом и личностью. Прежняя, социалистическая, идеология на государственном уровне предана анафеме, а новой обществу, потерявшему ориентиры, не предложено. Девальвированы, а по существу – утрачены такие дисциплинирующие и цементирующие общественную жизнь начала, как патриотизм, чувство долга, коллективизм, нравственность и мораль, интернационализм. Разрушен механизм профилактики преступлений; перманентная реорганизация правоохранительных служб, и особенно органов безопасности, привела к ослаблению последних, утрате профессионализма со стороны большей части сотрудников. В связи с неоправданно поспешным стремлением подменить общегосударственные интересы страны приоритетом общечеловеческих ценностей у России вдруг «исчез» внешний противник, а в разряд друзей и надежных партнеров Российской Федерации автоматически были включены США и все ведущие западные державы.

Вряд ли стоит доказывать политическую близорукость таких шагов, не прибавивших России авторитета на международной арене. Отметим лишь, что США и другие капиталистические страны, приложив максимум усилий для инспирации и реализации процесса разрушения некогда мощного государства – СССР, отнюдь не изменили стратегического курса своей внешней политики, базирующегося на собственных национальных интересах. И для защиты этих интересов активно проводится линия на дальнейшее ослабление политической, экономической и военной мощи Российской Федерации.

Для того чтобы убедиться, что это не просто рассуждения чисто гипотетического свойства, достаточно вспомнить об антироссийском по существу курсе западных стран, проводимом ими на территории бывшей Югославии, о поощрении акций антироссийской направленности в странах Балтии, на Украине, о постоянных попытках внести раскол в СНГ, о стимулировании сепарати-

стских настроений в регионе Северного Кавказа, включая практически открытую поддержку чеченских боевиков и вмешательство во внутренние дела Российской Федерации, и т.д. Заметим, что все перечисленные обстоятельства, помимо прочих негативных для России последствий, прямо или косвенно стимулируют рост экстремизма и терроризма в стране.

И все же, не отрицая факта существования инспирации акций терроризма на территории Российской Федерации извне, о чем свидетельствует практика наших спецслужб, приходится признать, что сегодня основные детерминанты политически мотивированного насилия имеют внутреннюю природу и произрастают на российской почве. Даже фиксируемая сегодня широкомасштабная разведывательно-подрывная деятельность в отдельных регионах России со стороны некоторых зарубежных государств, преследующих свои геополитические цели, во многом объясняется внутренними причинами:

– ослабление в ходе многочисленных непродуманных реорганизаций отечественных спецслужб и правоохранительных органов;

– отсутствие соответствующих административных режимов;

– недостатки законодательной регламентации порядка пребывания иностранцев;

– деятельность зарубежных организаций на территории Российской Федерации и другие.

Что же касается базисных внутренних факторов, формирующих неблагополучную обстановку в области противодействия терроризму, то к их числу следует отнести:

– исключительно противоречивый, не имеющий стратегического стержня характер экономических и политических преобразований в стране в последние годы, обострение политической борьбы, в которую втягиваются как представляющие значительные слои населения партии и общественные объединения, так и немногочисленные группы, лидеры которых преследуют узкокорыстные интересы;

– резкое расслоение граждан по уровню материального благосостояния, порождающие социальную напряженность и открытые столкновения на этой почве;

– криминализацию общества, стремление прорваться к рычагам власти со стороны организованной преступности, причем достижение этой цели зачастую осуществляется и с применением методов террора;

– высокую степень коррумпированности властных структур, порождающую возможность использования в политическом про-

тивоборстве чисто криминальных методов борьбы в духе мафиозных разборок;

– отсутствие демократических традиций в управлении государством и обществом;

– историческая приверженность российских властей к тоталитарным методам управления; правовой нигилизм, получивший распространение во всех слоях общества, включая и властные структуры;

– амбициозность и некомпетентность многих чиновников высшего эшелона исполнительной власти, принимающих непродуманные и не просчитанные по своим социально-экономическим и политическим последствиям решения.

Существует целый ряд обстоятельств, характеризующих современную российскую действительность, которые, хотя и не могут быть квалифицированы как факторы, прямо или косвенно порождающие терроризм, однако благоприятствуют реализации террористических намерений и иных политически мотивированных насильственных проявлений. К ним следует отнести:

– ослабление целого комплекса режимных мер в стране, облегчающих заинтересованным лицам доступ к огнестрельному оружию, взрывчатым, радиоактивным, ядовитым и иным веществам, которые могут быть использованы в качестве совершения террористических акций;

– возрастание социальной напряженности в обществе;

– обострение межнациональных противоречий;

– распространение идеологии сепаратизма;

– увеличение количества лиц, имеющих опыт военных действий, полученный в Афганистане, Чечне и других «горячих точках» бывшего Советского Союза;

– тотальную коммерциализацию, значительно облегчающую на фоне утраты обществом защитных морально-нравственных механизмов вербовку граждан в экстремистские, криминальные и террористические организации.

Борьба с терроризмом – сложнейшая, многоплановая и актуальная для Российской Федерации задача общегосударственного масштаба. Ее решение только силами органов безопасности и внутренних дел просто невозможно. Нужна кропотливая работа по выявлению и ликвидации самих факторов, детерминирующих терроризм, необходимо взаимодействие всех здоровых сил в стране, государственных институтов, общественных объединений, партий, церкви, трудовых коллективов, средств массовой информации, всех граждан.

«ТЕЛЕФОННЫЙ ТЕРРОРИЗМ» КАК СОЦИАЛЬНАЯ ПРОБЛЕМА СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

Матюхин В.А., к.т.н., доцент
Сибирский юридический институт МВД России

В последнее время терроризм приобретает все более угрожающие масштабы и превратился в одну из наиболее опасных угроз национальной безопасности России. Масштабность и многообразие террористических проявлений оказывают дестабилизирующее влияние на социально-политическую обстановку в стране и безопасность населения. Террористические акты приносят массовые человеческие жертвы и наносят крупный материальный ущерб.

Как отмечается в правовой литературе, понятие «терроризм» не имеет точного или широко принятого единого определения. Это связано с тем фактом, что такое понятие может означать и террор, и варварство, и устрашение, а также целую серию различных актов насилия.

Слово «террор» пришло из латинского языка (terror) – страх, ужас. Терроризму свойственны такие признаки, как преднамеренное создание обстановки страха, подавленность, напряженность. О терроризме можно говорить лишь тогда, когда смыслом поступка являются устрашение, наведение ужаса.

Терроризм отличается от других порождающих страх преступлений тем, что здесь страх возникает не сам по себе и создается виновным не ради самого страха, а ради других целей, и служит своеобразным объективным рычагом целенаправленного воздействия, при котором создание обстановки страха наступает не в качестве цели, а в качестве средств достижения цели.

К одному из видов криминального терроризма относится «телефонный терроризм». Применение терроризма в такой форме ведет к дестабилизации в обществе, создает атмосферу страха, нарушает деятельность предприятий, организаций и учреждений. Явление это породило и «шутников» – лиц, делающих ложные сообщения о подготовке террористического акта.

В результате анализа аналогичных преступлений в различных регионах России установлено, что в Архангельской области в 2003 г. зарегистрировано 49 случаев «телефонного терроризма». Из них 29 звонков произвели несовершеннолетние. В Смоленской области ежегодно регистрируется около 50 телефонных звонков с

явной угрозой взрыва (из них около 40 – в областном центре). В 2003 г. в ОВД Беларуси поступило 127 ложных сообщений о минировании и за 9 месяцев 2004 г. – 92 анонимных звонка о минировании объектов в различных городах республики. С января по август 2003 г. в Хабаровском крае возбуждены 48 уголовных дел по статье 207 УК РФ (заведомо ложное сообщение об акте терроризма), а за аналогичный период 2004 г. – 182 подобных дела.

Из вышесказанного следует, что многочисленные факты «телефонного терроризма» имеют место как в России, так и в других странах, что указывает на актуальность данной проблемы и требует комплексного подхода для ее решения. Для того чтобы выяснить причины и впоследствии предпринимать конкретные меры по снижению уровня данного вида преступлений, необходимо провести анализ достаточной выборки анонимных телефонных звонков о готовящемся акте терроризма.

В Красноярском крае за 11 месяцев 2004 г. зарегистрированы 250 (из них в г.Красноярске – 162) анонимных телефонных звонков о минировании какого-либо объекта. Тенденция роста аналогичных преступлений в г.Красноярске наблюдается на протяжении последних пяти лет: 2000 г. – 52 случая; 2001 г. – 53; 2002 г. – 65; 2003 г. – 94. Следует сразу оговориться, что в 100% случаев на место происшествия выезжали подразделения оперативных служб города (края) и группа разминирования ОЭР ГУ ГОЧС края. В результате оперативно-розыскных мероприятий взрывные устройства обнаружены не были.

При анализе данных по анонимным телефонным звонкам о минировании за 11 месяцев 2004 г. по Красноярскому краю было установлено, что ложному минированию подвергались следующие объекты:

1) средние образовательные учреждения (школы) – 141;
2) жилые здания – 26;
3) предприятия торговли и общепита – 16;
4) медицинские учреждения – 15;
5) кинотеатры и развлекательные комплексы – 10;
6) средние специальные образовательные учреждения – 9;
7) железнодорожные вокзалы и депо – 7;
8) высшие учебные заведения – 4;
9) пассажирские поезда – 4;
10) администрация Красноярского края – 2;
11) телекомпании – 2;
12) военные комиссариаты – 2;
13) аэропорт – 1;

14) телефонная компания –1;

15) прочие объекты – 10.

Очевидно, что подавляющее число анонимных сообщений о ложном минировании (56,4%) приходится на средние образовательные учреждения.

В результате проведенных оперативно-розыскных мероприятий и следственных действий установлено, что в большинстве из этих случаев телефонные звонки исходили от несовершеннолетних с целью срыва учебных занятий. Это можно объяснить низкой правовой грамотностью и правосознанием школьников.

Если отследить хронологическую динамику активности «телефонных террористов» (по данным за 11 месяцев 2004 г.), то обнаружим явный всплеск в период учебного года – более 90% (см. рис. 1), что в очередной раз указывает на преобладающее участие в данном виде преступления учащихся.

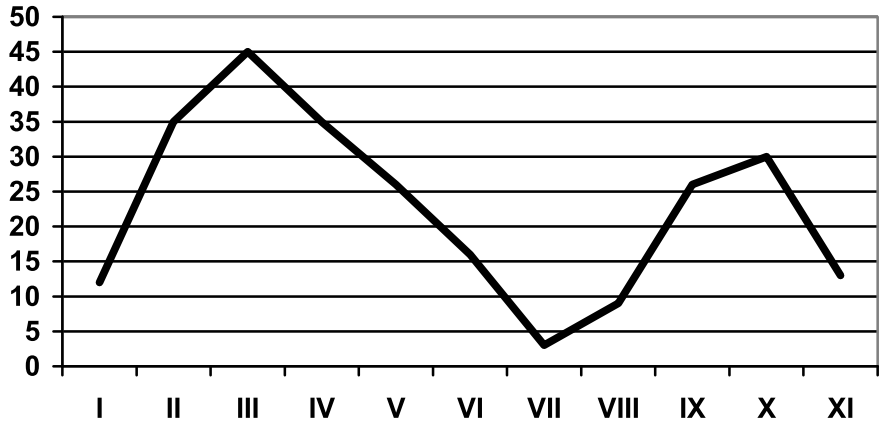

Рис.1 Динамика сообщений о минировании в Красноярском крае за 11 месяцев 2004 г.

Наибольшее количество звонков о минировании поступают в первую половину недели, и отмечается их явный спад в выходные дни (см. табл.1).

Представляет интерес анализ исследуемых звонков по часам в течение суток. Основная их часть (около 75%) поступила с 6:00 до 18:00.

Таблица 1

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ АНОНИМНЫХ ЗВОНКОВ О МИНИРОВАНИИ ПО ДНЯМ НЕДЕЛИ

	понед.	вторн.	среда	четверг	пятн.	суббота	воскр.	всего
кол-во	43	52	48	40	33	18	16	250
%	17,2	20,8	19,2	16,0	13,2	7,2	6,4	100

Таким образом, в результате анализа анонимных звонков о готовящемся террористическом акте было установлено, что доминирующую часть «телефонных террористов» представляют учащиеся средних образовательных учреждений. Причины девиантного поведения несовершеннолетних правонарушителей могут быть следующие:

– низкий уровень правосознания школьников;

– недостаточная разъяснительная работа со стороны родителей, педагогов, психологов, общественности и СМИ;

– обострение психических заболеваний у школьников в зимне-весенний период;

– применение формальных или минимальных мер наказания за совершенное деяние.

С целью сокращения актов терроризма, в том числе и «телефонного», для населения и должностных лиц разработаны и доведены соответствующие инструкции и памятки. В образовательные учреждения переданы методические рекомендации по профилактике терроризма и действиям при обнаружении предметов, похожих на взрывное устройство. Большое внимание уделяется усилению службы безопасности образовательных учреждений, оснащению администрации телефонами с АОН и звукозаписывающим устройством, позволяющими идентифицировать голос абонента.

Но, как показывает практика, предпринимаемых мер явно недостаточно для эффективной профилактики «телефонного терроризма». Для этого требуется дополнительно к повышению правовой культуры и правовой грамотности населения:

– тщательно изучать причины и мотивы, побудившие каждого из исполнителей сделать заявление о минировании объекта, и обобщать материалы в единую аналитическую справку для проведения наиболее действенных профилактических мероприятий;

– разработать схему возмещения материального ущерба и утвердить для этого сметы с закреплением данных документов как правовой основы на федеральном уровне с пролонгацией на региональном;

– к каждому конкретному факту подобного преступления подходить с точки зрения максимального наказания виновных в соответствии со ст.207 УК РФ (заведомо ложное сообщение об акте терроризма), которая предусматривает наказание в виде штрафа в размере до двухсот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до восемнадцати месяцев, либо исправительные работы на срок от одного года до двух лет, либо арест на срок от трех до шести месяцев, либо ли-

шение свободы на срок до трех лет (в ред. Федерального закона от 08.12.2003 г. №162-ФЗ);

– в средствах массовой информации освещать не только факты телефонных звонков о ложном минировании, но и доводить до населения информацию о высоком проценте раскрываемости данного вида преступлений и мерах наказания, принятых в отношении виновных лиц.

РЕЛИГИОЗНЫЙ ТЕРРОРИЗМ КАК ОБЪЕКТ ПРОФИЛАКТИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

Бондаренко Т.А., к.психол.н.
Дальневосточный юридический институт МВД России

Жуйков А.В., к.ю.н., доцент
Дальневосточный юридический институт МВД России

Российское общество еще в недавнем прошлом обладало устойчивым иммунитетом к терроризму, однако в настоящее время он утрачен. Объясняется это тем, что терроризм, «являясь по своей сути сложным социально-политическим явлением, аккумулирует в себе социальные противоречия, достигшие в нашем обществе уровня конфликта»[1].

В настоящее время непрерывно усложняется характер терроризма, все быстрее возникают новые методы проведения террористических актов, усиливаются антигуманность и жестокость. В создавшихся условиях более актуальным становится вопрос предупреждения террористических актов.

Как показывает анализ криминогенной обстановки на Дальнем Востоке, из имеющихся разновидностей терроризма – экономического, национального, политического, религиозного, экологического, духовного – определенную опасность на сегодняшний день представляет религиозный терроризм. В значительной степени он является реакцией наиболее фанатичных приверженцев религий на изменения, происходящие в нашей стране, сопровождающиеся приспособлением религиозных объединений, модернизацией догматики и культа. Религиозный терроризм, как правило, проявляется в приверженности некоторых религиозных организа-

ций к крайним толкованиям своих вероучений и методам действий, основанным на нетерпимости к представителям других видов религий.

Проблема религиозного терроризма на Дальнем Востоке, несмотря на отсутствие самих террористических акций, является одним из приоритетных направлений профилактической деятельности правоохранительных органов. Еще совсем недавно ученые говорили о том, что в России нет проявлений религиозного терроризма[2], современная же ситуация свидетельствует о наличии данной проблемы.

В настоящее время в Дальневосточном федеральном округе (далее – Округ) зарегистрировано 965 религиозных организаций. Согласно информации территориальных органов юстиции Округа, существующие религиозные организации на Дальнем Востоке представлены практически всеми конфессиями.

Наряду с религиозными объединениями христианского вероисповедания в среде китайской диаспоры, сконцентрированной в основном в приграничных районах, а также стратегически важных индустриальных центрах, значительное распространение получила псевдобуддистская секта «Фалуньгун», кроме того, анализ положения дел свидетельствует о том, что помимо религиозных организаций, прошедших государственную регистрацию в органах юстиции, в Округе действуют около 500 религиозных групп, среди них такие, как «Аум Синрике», группы сатанистов, движение «Нью Эйдж», рериховцы, виссарионовцы, «Белое братство», которые по своей сути являются деструктивными религиозными объединениями, разрушительными по отношению к естественному гармоническому состоянию личности: духовному, психическому и физическому, а также к созидательным традициям и нормам, сложившимся социальным структурам, культуре, вероисповеданию, порядку в обществе в целом.

В результате активной деятельности китайских миссионеров, в том числе через Интернет, увеличивается количество русских последователей Ли Хунч Жи (основателя и лидера «Фалуньгун», скрывающегося в США). В настоящее время секта добивается государственной регистрации в Министерстве юстиции Российской Федерации. В самом Китае продолжается противостояние секты и правительства КНР, обвиняющего «Фалуньгун» в антигосударственной деятельности и нанесении вреда психическому и физическому здоровью граждан. По официальным данным, секта причастна к смерти 1700 человек, среди которых – отказавшиеся от лечения, покончившие жизнь самоубийством и убитые последо-

вателями культа. Зафиксированы случаи самосожжения сектантов в КНР. Учитывая, что указанная организация осуществляет свою деятельность практически исключительно на средства иностранных миссионеров, данная деятельность представляет собой явную угрозу национальной безопасности Российской Федерации.

Поступающие в правоохранительные органы материалы свидетельствуют о том, что религиозные экстремисты продолжают усиливать свою деятельность, меняя формы и методы работы, подстраиваясь под существующее законодательство, культивируя асоциальность и отрицание конституционных обязанностей. И хотя круг полномочий органов юстиции по контролю законодательно сформулирован как контроль за соответствием деятельности религиозной организации уставным целям, органы юстиции как уполномоченные контролирующие органы в рамках своей компетенции в целях обеспечения общественной безопасности должны уделять особое внимание деятельности «нетрадиционных» религиозных организаций и при осуществлении контрольных функций разрабатывать мероприятия по взаимодействию с органами Минобразования, прокуратуры, а также органами внутренних дел.

---

[1] Чуфаровский Ю.В. Психологические основы обеспечения безопасности сотрудников правоохранительных органов. – М., 2003. – С.20.

[2] Бондарь Е.О. Терроризм в России. История и современность // Мировое сообщество в борьбе с терроризмом: Материалы II международной научно-практической конференции 12-13 ноября 2001 г. – М., 2001. – С.217-221; Киреев М.П. Терроризм на воздушном транспорте: анализ и проблема. – М., 1993.

ОБЩЕСТВЕННАЯ ПОДДЕРЖКА УГОЛОВНОГО СЫСКА КАК ПОКАЗАТЕЛЬ УРОВНЯ РАЗВИТИЯ И ЭФФЕКТИВНОСТИ ПОЛИЦЕЙСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Рубцов С.Н., д.и.н., профессор
Сибирский юридический институт МВД России

Уголовный сыск в российском государстве традиционно обеспечивался достаточно широкой общественной поддержкой. Причем она была тем сильнее, чем менее развитой и эффективной оказывалась полицейская деятельность. Эта закономерность особенно ярко проявлялась в тех районах страны, где «общественное розыскное начало» заявляло о себе наиболее значимо.

В досоветское время одним из таких районов была Восточная Сибирь. На ее территории сыск уголовных преступников сельские общества нередко вели исключительно по собственной инициативе, что объяснялось необходимостью защититься от большого количества потенциально опасных бродяг и беглых каторжников.

Обращает на себя внимание стремление местной администрации инициировать появление добровольных «сыщиков» путем материального стимулирования их деятельности. Так, в своих исследованиях И.Прыжев описывает случаи, когда «за каждого пойманного преступника начальство Петровского завода платило 10 рублей ассигнациями, а за убитого – 5 рублей». И это при том, что согласно действовавшему законодательству «за поимку арестантов, бежавших как с места заключения, так и с пути следования, выдавалось только лишь по три рубля за каждого»[1].

К уголовному сыску привлекались не только сельские жители, но и городские обыватели, обеспечивавшие, как тогда говорили, «десяточный караул». Официально главной обязанностью ночных сторожей являлось «предупреждение пожаров и успокоение умов граждан-обывателей». Неофициально – противодействие уголовным преступникам.

Между тем накал социальных противоречий, имевших место в российском обществе, достиг к началу XX в. своей кульминации. В Сибири, как и во всей России, в 1905 г. замаячил призрак гражданской войны. Произошло несколько острых столкновений противоборствовавших общественно-политических сил, сопровождавшихся обоюдной жестокостью. В большинстве своем это были правительственные или антиправительственные силы.

Совершенно уникальная ситуация сложилась в Иркутске. Здесь тоже заявили о себе революционеры: в 1905 г. эсеровские боевики убили чиновника, исполнявшего обязанности иркутского полицеймейстера, и ранили вице-губернатора В.А.Мишина.[2]

26 декабря был убит исполнявший дела иркутского полицмейстера А.П.Драгомиров.[3] Тем не менее в отличие от других районов страны решающее воздействие на жизнь города оказало противоборство не про- и антиправительственных сил, а криминального мира и местного общества.

Специальным расследованием Иркутской судебной палаты от 12 ноября 1908 г. «не внушающим сомнения [было] установлено, что в ноябре и декабре месяцах 1905г. жители г. Иркутска, вследствие усилившихся до крайних пределов грабежей, разбоев, убийств и погромов, оказались в весьма опасном положении, опасность была тем более грозна, что вследствие крайне ограниченного

и недостаточного штата чинов полиции и отсутствия войск некому было охранять имущественные и личные интересы граждан…»[4].

Полиция не могла успешно противостоять преступникам. Неудивительно поэтому, что осенью 1905 г. иркутская общественность начала брать в свои руки дело поддержания элементарного правопорядка в городе. Кроме того, по наблюдениям чиновников Губернского правления, «в обществе постоянно раздавались голоса о необходимости принятия со стороны Городского Общественного Управления мер к личной и имущественной безопасности обывателей»[5].

Характерно, что эти требования обращались не к исполнительной власти, а к общественному самоуправлению. Оно и взяло на себя соответствующую инициативу после обсуждения, с одной стороны, на совещаниях у губернатора, а с другой – на чрезвычайных заседаниях Городской Думы вопроса о том, «как выйти из крайне тревожного и опасного положения, какие принять меры к охране города, как помочь общему бедствию»[6].

17 ноября 1905 г. на заседании Думы под председательством городского головы П.А.Гаряева было выслушано заявление И.И.Попова с предложением организовать в Иркутске «народную милицию … ввиду тревожного состояния жителей, находящихся под страхом грабежей и погромов, и непригодности правительственной полиции как органа защиты имущественной и личной безопасности граждан»[7]. После оживленных прений было решено организовать городскую самооборону, заменив правительственную полицию городской милицией.

В Иркутске появилась милиция, то есть согласно определению «Нового энциклопедического словаря» 1916 года издания – обывательские дружины, создаваемые для несения полицейской службы и охранения порядка в тех случаях, когда правительственная власть силою обстоятельств лишается возможности правильно оправлять свои функции.[8]

Вскоре после создания «караула», 27 декабря, Дума приняла специальное постановление о том, чтобы просить губернатора узаконить его деятельность. Однако на эту просьбу последовали и категорический отказ и требование о немедленном роспуске уже действовавшего «караула». Обсудив сложившееся положение дел, гласные на своем чрезвычайном заседании 7 января постановили «городской караул распустить, и с тех пор более этого караула не существовало»[9].

Тем не менее сам факт возникновения (и пусть непродолжительной, но все-таки деятельности) городской милиции убедительно

свидетельствовал как о гражданской состоятельности иркутского общества, так и противоречивости практики привлечения сельских жителей и городских обывателей Восточной Сибири к уголовному сыску. Чем сильнее зависела ее организация от официальной власти, тем меньшим было участие общества. И наоборот: чем сильнее проявлялось организующее начало общества, тем слабее была заинтересованность официальной власти в этом участии.

---

[1] Прыжов И.Г. 26 московских пророков, юродивых, дур и дураков. И другие труды по русской истории и этнографии. – СПб., 1996. – С.187; Устав о паспортах и беглых // Свод законов Российской Империи. – СПб., 1857. – Т.14. – №604.

[2] Иркутская хроника. Покушение на губернатора // Восточное обозрение. – 1905. – 24 декабря. – С.1.

[3] Иркутская хроника. Убийство и.д. полицмейстера // Восточное обозрение. – 1905. – 28 декабря. – С.1.

[4] ГАИО, ф. 245, оп. 3, д. 524, л. 114.

[5] ГАИО, ф. 245, оп. 3, д. 524, л. 14.

[6] Там же.

[7] Там же; Иркутская хроника. Из думской залы // Восточное обозрение. – 1905. – 19 ноября. – С.2.

[8] Соловей Ю.П. Правовое регулирование деятельности милиции в Российской Федерации. – Омск, 1993. – С.21.

[9] ГАИО, ф.245, оп.3, д.524, л.115.

СУДЬБА ПОЛИТИЧЕСКИХ ССЫЛЬНЫХ В ЕНИСЕЙСКОЙ ГУБЕРНИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.

Логачева Л.К., к.и.н., доцент
Сибирский юридический институт МВД России

«Реформы второй половины XIX в., проведенные Александром II, носившие, несомненно, прогрессивный характер, далеко не решили назревавших к тому времени общественных проблем. Будучи недостаточно последовательными, они не сняли того напряжения в общественно-политической жизни страны, которое заметно нарастало к концу столетия»[1].

В центральных частях империи и на ее окраинах активизировались революционные волнения.

В январе 1863 г. вспыхнуло восстание в Польше. Восставшие требовали от власти как большей самостоятельности в области по-

литического устройства, так и экономической свободы. Они не желали мириться с теми полумерами, которые отводили им Великими реформами.

Подавлением восстания в Польше и других местах занималась политическая полиция. Для нее период реформ 60-х гг. XIX в. обернулся серьезными проблемами – необходимо было разобраться, что представляет из себя противник.

Политическими делами в Российской империи занимались III Отделение Собственной Его Императорского Величества Канцелярии и Корпус жандармерии, усилившие надзор на местах по всей империи, и в том числе в Варшаве.

Наиболее эффективным действующим органом политической полиции являлось «Отделение по охране общественного порядка и безопасности», первоначально существовавшее только в столице, затем образованное и в других городах. Отделения играли роль своеобразных лабораторий политического сыска, в которых возникали и отрабатывались приемы и методы работы, позволявшие не отставать от развития антиправительственной борьбы.

К лету 1864 г. восстание в Польше было подавлено.

В январе 1866 г. начальнику Енисейской губернии были направлены Правила «По устройству быта политических ссыльных, сосланных в Восточную Сибирь из Царства Польского и западных губерний»[2], где излагались все условия пребывания политических ссыльных.

Дореволюционная Сибирь была «краем изгнания» – местом каторги и ссылки. Для царского правительства каторга и ссылка по уголовным делам были мерами наказания, одной из форм земледельческой колонизации Сибири, источником получения рабочей силы для казенных заводов и рудников.

В отношении политических ссыльных правительство преследовало следующие цели: расправиться со своими политическими противниками, сломить их волю к борьбе, изолировать от основных очагов революционного движения.

Правила «По устройству быта политических ссыльных, сосланных в Восточную Сибирь из Царства Польского и западных губерний» были дополнены решением Комитета 15 октября 1866 г. «По устройству быта политических ссыльных», наполненного мерами по устройству быта политических ссыльных и правилами надзора за ними.

В Енисейскую губернию для выполнения этих Правил был командирован состоящий при генерал-губернаторе майор Кулен-

ков. Он должен был наблюдать за бытом политических ссыльных и их поведением.

Правила состояли из 52 параграфов. Остановимся на наиболее важных, на наш взгляд.

Места водворения политических заключенных.

Политические ссыльные были направлены в Енисейскую губернию: Канский, Минусинский и другие округа, где могли заниматься сельской промышленностью.

Ремесленники, мастеровые и политические преступники направлялись в Енисейскую губернию: в Красноярск, Енисейск и Минусинск. В города назначались только те из них, которые не были лишены прав состояния или лишены только частично.

Те политические преступники, которые не имели собственных средств к существованию, обязаны были работать в особо надежных пунктах.[3]

Надел землею и угодьями.

Политические преступники, которые желали заняться на местах водворения земледелием или приступали к строительству дома в селениях, пользовались лесами и получали в надел землю по общим основаниям.

Желающие ссыльные могли заняться промышленностью в городах, или в пригородах, или вблизи промышленных пунктов, получать в надел землю только в размерах, необходимых для усадьбы или огорода.

О занятиях.

Политическим ссыльным согласно их категории разрешались на местах их водворения все занятия, дозволенные законом, с некоторыми ограничениями.

Наем политических преступников как на службу и в услуги к частным лицам, так и на золотые промыслы возможен был только при наличии поручительства тех лиц, которые нанимали их на работу. Работа на золотых приисках в своих округах разрешалась только с согласия исправников.

Политическим ссыльным запрещалось:

1. Заниматься воспитанием детей и преподаванием им наук.

2. Заниматься обучением детей искусствам и мастерствам.

3. Иметь аптеки, типографии, литографии и фотографии, равно как заниматься в этих и подобных им заведениях; а также жить в тех домах, где помещаются почтовые и телеграфные станции.

4. Иметь какого бы то ни было рода занятия во всех правительственных учреждениях, принимать на себя даже временно такие обязанности, которые имеют какое-либо официальное значение.

5. Наниматься в работники на золотые промыслы.

6. Заниматься торговлей вином и быть сидельцами в питейных домах.

7. Заниматься медицинскою практикой даже докторам, не лишенным дипломов.

8. Заниматься извозом как самостоятельным промыслом.[4]

Для занятий бессемейные политические ссыльные, которые проживали в одном пункте, могли составлять артель на общем законном основании и с разрешения начальника губернии. Артель должна была состоять из 3-х членов, в каждой артели избирался староста из этого состава, который отвечал за поведение остальных членов артели.

Пристальное внимание благонадежности политических заключенных уделялось со стороны генерал-губернатора: 22 марта 1864 г. он распорядился особо о том, чтобы наблюдения за всеми корреспонденциями политических ссыльных производились точно на основании высочайше утвержденных 2 января 1864 г. правил и других распоряжений Министерства Внутренних Дел.[5]

В Правилах были также оговорены следующие положения для политических ссыльных: об имуществе, об образовании детей, о сиротах, о надзоре, об отлучках, о круговой поруке, о порядке приведения в исполнение правил и т.д.

Все вышеизложенное подтверждает – указания Правительства были выполнены: 1) сосланные в Сибирь политические заключенные участвовали в освоении земледельческой колонизации Сибири; 2) являлись источником рабочей силы на казенных заводах и рудниках.

В то же время, несмотря на все, казалось бы, принятые меры со стороны Правительства – ссылка мятежников на каторгу и поселение их в Сибири, которые отрицательно сказались на революционном движении, – борьба против царского режима продолжалась; никакие репрессии не смогли ее подавить.

---

[1] Перегудова З.И. Политический сыск России (1880-1917). – М., 2000. – С.17.

[2] ГАКК, ф. 595, оп.1, д.5756, л.67.

[3] Там же. – Л.68.

[4] Там же. – Л.70.

[5] Там же. – Л.72.

Секция
УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ И КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ БОРЬБЫ С ПРЕСТУПНОСТЬЮ

СООБЩЕНИЯ И ВЫСТУПЛЕНИЯ

ПРИНЦИПЫ ПООЩРЕНИЯ И ИХ РЕАЛИЗАЦИЯ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ

Сабитов Т.Р., к.ю.н.
Новосибирский институт экономики и менеджмента

В осуществлении функций уголовного права основное место занимает метод государственного принуждения. Наукой уголовного права сформулированы соответствующие основные принципы применения такого принуждения. Однако данный метод для рассматриваемой отрасли права не является единственным способом борьбы с преступностью. В уголовном праве применяется также метод поощрения позитивного поведения, воплощаясь в нормах о полном или частичном освобождении лиц от обязанности нести уголовную ответственность. Однако теория принципов этого поощрения на данном этапе находится лишь в стадии зарождения. Публикации по рассматриваемой теме в уголовно-правовой литературе весьма редки. Вместе с тем формулирование уголовно-правовых принципов имеет не только теоретическое, но и важное практическое значение. «Противоречащее своим же принципам, а потому и основным гуманистическим ценностям уголовное законодательство будет восприниматься обществом как чуждое ему инородное социальное явление, как несправедливый, а следовательно, и малоэффективный инструмент управления социумом.»[1]

Ю.В.Голик выделяет следующие принципы поощрения: экономии стимулов, выгодности, шанса, своевременности, информативности, понятности, наличия расчетов, борьбы мотивов, персонализации, соразмерности, гарантированности.[2] Однако, по справедливому замечанию И.А.Тарханова, значительная часть выделенных Ю.В.Голиком и другими авторами положений учитывается законодателем при конструировании соответствующих норм как некие исходные идеи, но не все они являются принципами.[3] Рассмотрим лишь те выделяемые в литературе исходные идеи, которые, по моему мнению, имеют характер принципов уголовно-

правового поощрения и реализуются в нормах уголовного права и правоприменительной практике.

Принцип гарантированности поощрения в литературе иначе трактуется как принцип обязательного реагирования на позитивное поведение уголовно-правовыми средствами.[4] Он означает, что соответствующий государственный орган обязан рассмотреть и положительно решить вопрос о поощрении лица, заслужившего его. Если принцип неотвратимости ответственности предполагает обязательное привлечение лица, совершившего общественно опасное деяние, к уголовной ответственности, то принцип гарантированности поощрения, соответствуя принципу справедливости, предусматривает обязанность государства позитивно реагировать на положительное уголовно-правовое поведение данного лица.

В связи с этим в позитивном свете выглядит законодательное изменение ч.1 ст.79 УК РФ, согласно которой лицо, отбывающее содержание в дисциплинарной воинской части или лишение свободы, *подлежит* условно-досрочному освобождению, если судом будет признано, что для своего исправления оно не нуждается в полном отбывании назначенного судом наказания. Употребление слова «подлежит» в данном случае представляется вполне уместным, поскольку четко свидетельствует об обязанности суда применить рассматриваемую меру поощрения в случае отпадения необходимости в отбывании лицом наказания. Прежняя же редакция ч.1 ст.79 УК РФ предусматривала не обязанность, а право суда на осуществление условно-досрочного освобождения по своему усмотрению, поскольку в соответствии с данной нормой лицо, отбывающее соответствующее наказание и доказавшее свое исправление суду, лишь *могло* быть освобождено условно-досрочно. Следовательно, старая редакция ч.1 ст.79 УК явно противоречила принципу гарантированности поощрения.

Однако не ясно, почему оставлена без изменений ч.5 ст.79 УК РФ, согласно которой лицо, отбывающее пожизненное лишение свободы, *может быть* освобождено условно-досрочно, если судом будет признано, что оно не нуждается в дальнейшем отбывании этого наказания и фактически отбыло не менее двадцати пяти лет лишения свободы. Отсутствие твердой гарантии заслуженного условно-досрочного освобождения снижает эффективность уголовно-правового поощрения, лишает осужденных дополнительного стимула вести себя позитивно и также противоречит принципу гарантированности поощрения.

Противоречие названному принципу в данном случае влечет необоснованное отсутствие единых критериев условно-досрочного

освобождения от отбывания наказания в ч.1 и ч.5 ст.79 УК РФ. Почему при одних и тех же обстоятельствах (судом признано, что лицо не нуждается в дальнейшем отбывании наказания) согласно ч.1 ст.79 УК РФ лицо, отбывающее наказание, *подлежит* условно-досрочному освобождению, а в соответствии с ч.5 этой же статьи лишь *может быть* освобождено по усмотрению суда? Казалось бы, можно сослаться на разницу в общественной опасности преступлений, за которые отбывают наказание осужденные. Между тем критерий общественной опасности преступления в данном случае не может являться конституирующим, поскольку он не положен в основу и самой ч.5 ст.79 УК РФ, которая не дает твердых гарантий освобождения ни для одного из лиц, отбывающих пожизненное лишение свободы.

Следует признать, что в ч.1 и ч.5 ст.79 УК РФ необходимо использовать единый критерий – признание судом отсутствия необходимости в дальнейшем отбывании лицом наказания и подчинить указанные нормы одному принципу – принципу гарантированности поощрения.

Поэтому представляется более верной следующая редакция ч.5 ст.79 УК РФ: «Лицо, отбывающее пожизненное лишение свободы, *подлежит условно-досрочному освобождению*, если судом будет признано, что оно не нуждается в дальнейшем отбывании этого наказания и фактически отбыло не менее двадцати пяти лет лишения свободы…».

Аналогичны аргументы противоречия принципу гарантированности поощрения и ч.1 ст.74 УК РФ: «Если до истечения испытательного срока условно осужденный своим поведением доказал свое исправление, суд по представлению органа, осуществляющего контроль за поведением условно осужденного, *может* постановить об отмене условного осуждения и о снятии с осужденного судимости». При этом на неудачность приведенной формулировки в юридической литературе уже обращалось внимание.[5] Следовательно, и в данном случае есть необходимость отказаться от не дающего никаких гарантий понятия «может».

Согласно принципу экономии стимула, который также можно именовать *принципом экономии мер поощрения*, данные меры необходимо использовать экономно. Качественно поощрение позитивного поведения не должно превращать отрасль уголовного права из карательной в наградную. Количество же поощрительных норм, также соответствуя указанным задачам, не должно нарушать баланса «кара-поощрение». Ведь «при перенасыщении стимулами могут происходить обратные процессы: сначала стимул перестает

быть стимулом, а затем начинает стимулировать прямо противоположное поведение – возникает так называемый "комплекс награжденного"»[6].

Принцип экономии мер поощрения проявляется в ряде норм УК РФ. Так, согласно ч.1 ст.74 Кодекса условное осуждение может быть отменено не в любой момент, а только по истечении не менее половины установленного испытательного срока. Данное нормативное требование является важной гарантией поддержания необходимого статуса уголовной ответственности. Отсутствие минимального предела испытательного срока, с которого суд имеет возможность отменить условное осуждение, обесценило бы как институт условного осуждения, так и эффективность поощрительных норм в уголовном праве.

Наличие указанных минимальных пределов поощрения в уголовном законе свидетельствует о проявлении именно идеи экономии мер поощрения как самостоятельного принципа, отличного от принципа экономии мер репрессии. Если последний подразумевает применение судом более жесткой меры репрессии по отношению к осужденному только в случае, когда менее жесткая не сможет обеспечить целей наказания, то принцип экономии мер поощрения сдерживает суд от излишне широкого использования этих мер.

Принцип экономии мер поощрения в паре с принципом гарантированности призваны способствовать правильному и взвешенному решению судами вопроса о поощрении. Данное положение нашло отражение, например, в позиции Пленума Верховного Суда СССР. В п.6 постановления от 19 октября 1971 г. № 9 «О судебной практике условно-досрочного освобождения осужденных от наказания и замены неотбытой части наказания более мягким» (в ред. от 21 июня 1985 г.) Пленумом отмечено, что в практике судов не должны иметь место случаи как неправильного условно-досрочного освобождения, так и необоснованного отказа в освобождении от наказания осужденных, доказавших свое исправление.[7]

Принцип персонализации, который иначе можно воспроизвести как *принцип персонального поощрения*, во-первых, означает использование мер поощрения только в отношении конкретного лица, заслужившего его. Данные меры должны применяться сугубо индивидуально. Данное положение находит поддержку, например, в позиции Пленума Верховного Суда СССР, который в п.2 вышеназванного постановления указал судам на их обязанность разрешения вопроса о возможности применения условно-досрочного освобождения от наказания или замены неотбытой

части наказания более мягким наказанием с обеспечением строго индивидуального подхода к каждому осужденному.[8]

Во-вторых, недопустимо применять поощрение к другим лицам (например, родственникам и близким поощряемого), а также к осужденному, но за положительное поведение других лиц, пусть и направленное на возмещение причиненного вреда.

В-третьих, необходимо отметить, что содержанием уголовно-правового поощрения всегда являются меры личного, а не имущественного характера. По справедливому высказыванию В.М.Галкина, «даже когда наказание могло бы выразиться в имущественной форме (штраф и др.), суть освобождения от него – не в облегчении материального положения виновного, а в сохранении определенного социального статуса»[9].

Таким образом, на мой взгляд, к специальным принципам поощрения позитивного поведения в уголовном праве можно отнести принципы гарантированности, экономии мер поощрения и персонального поощрения. Однако в целях поддержания системности уголовного закона нужна дальнейшая разработка вопросов принципов поощрения в уголовном праве и проверка поощрительных уголовно-правовых норм на предмет соответствия этим принципам.

---

[1] Мальцев В.В. Принципы уголовного права. – Волгоград, 2001. – С.4.

[2] См.: Голик Ю.В. Уголовно-правовое стимулирование позитивного поведения: Вопросы теории. – Новосибирск, 1992.

[3] См.: Тарханов И.А. Поощрение позитивного поведения в уголовном праве. – Казань, 2001. – С.86.

[4] См.: Сабитов Р.А. Посткриминальное поведение (понятие, регулирование, последствия). – Томск, 1985. – С.166.

[5] См.: Курс уголовного права. Т.2: Общая часть. Учение о наказании / Под ред. Н.Ф.Кузнецовой, И.М.Тяжковой. – М., 2002.

[6] Голик Ю.В. Указ. работа. – С.57.

[7] См.: Сборник постановлений Пленумов Верховного Суда Российской Федерации (СССР, РСФСР) по уголовным делам. – М., 2001. – С.86.

[8] Там же. – С.85.

[9] Галкин В.М. Система поощрений в советском уголовном праве // Советское уголовное право. – 1977. – №2. – С.95.

О СОДЕРЖАНИИ ПРОТИВОПРАВНОСТИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Винокуров В.Н., к.ю.н., доцент
Сибирский юридический институт МВД России

Противоправность относится к формальным признакам преступления как выражение общественной опасности и заключается в нарушении установленных государством запретов. Вместе с тем противоправность имеет как внешнюю (формальную), так и внутреннюю (материальную) стороны, которые можно выделить при анализе данного понятия. Это положение прослеживается с дореволюционного периода развития отечественного уголовного права. Так, Н.Д.Сергиевский отмечал: «Преступное деяние, являясь по своей отвлеченной природе нарушением норм закона и посягательством на интересы всего правопорядка, в конкретной своей форме всегда заключает в себе конкретный вред или конкретную опасность»[1]. Представитель советского и российского (постсоветского) уголовного права А.А.Тер-Акопов также отмечал: «В уголовно-правовом нарушении выделяется материальная сторона, включающая процесс причинения (непосредственного или опосредованного) вредных последствий, и правовая – как нарушение порядка, правил, установленных нормой уголовного закона»[2]. В.Н.Кудрявцев, рассматривающий совершение преступления как нарушение общественных отношений и правовых отношений, складывающихся вокруг этих общественных отношений (правовая оболочка), отмечал, что нельзя забывать о существовании этой правовой оболочки, т.к. это ведет к недооценке противоправности как признака преступления, и в то же время необходимо анализировать скрытые за ней фактические общественные отношения.[3] Запреты, сформулированные в нормах уголовного права, должны стимулировать развитие общества или, по крайней мере, не препятствовать этому. Наличие запретов презюмирует их обоснованность и полезность. Однако в ряде случаев их нарушение с целью достижения полезного результата с соблюдением условий, указанных в ст.41 УК РФ, преступлением не является. Кроме этого законодатель может ошибиться, установив определенные запреты. По справедливому замечанию И.В.Шишко, «если сформулированные в нормативно-правовых актах экономические решения ошибочны, ошибочна и охрана «встроенных» в соответствии с этими актами общественных отношений: их нарушение не представляет общественной опасности»[4]. Однако на практике нередко встречаются ситуации, когда

нарушение запрета не связано ни с достижением социально полезной цели, ни с ошибкой законодателя и поэтому нередко рассматривается как преступление.

Следует отметить, что значение соотношения формы и содержания противоправности проявляется различно в зависимости от способа воздействия на объект преступления. Наибольшую сложность представляют собой ситуации, когда, во-первых, происходит нарушение запрета посредством изготовления предметов (ст.ст.222, 327 УК РФ) или нахождения в обращении запрещенных веществ (ст.228 УК РФ) и когда, во-вторых, лицо уклоняется от выполнения конкретных обязанностей, вытекающих из нормативных предписаний или решений суда.

Рассмотрим первый случай, когда уголовно-правовой запрет нарушается посредством изготовления предметов, в частности документов. Так К., имея достаточный трудовой стаж для получения пенсии по инвалидности, в связи с отсутствием документа, подтверждающего этот стаж, предоставила подложную справку о работе уборщицей. Поскольку К. не преследовала цели обманным путем получить пенсию, на которую она имела право, Московский городской суд квалифицировал ее действия только как использование подложного документа.[5] Таким образом, несмотря на то что произошло лишь формальное нарушение запрета, суд признал такие действия общественно опасными.

Рассмотрим ситуации, когда субъект нарушает порядок владения запрещенными к обороту веществами. Речь идет о нарушении правил хранения оружия и наркотических средств, выражающемся в просрочке сроков действия лицензии, т.е. происходит нарушение запрета (ст.228^2 УК РФ). Так, прокуратура Красноярского края в указании ГСУ ГУВД Красноярского края отметила, что при решении вопроса о возбуждении уголовного дела и привлечении к уголовной ответственности по ст.228^2 УК РФ следует устанавливать не только сам факт отсутствия лицензии на хранение лекарств, являющихся наркотическими веществами, но и наличие нарушений порядка учета, отпуска и сохранности указанных препаратов. Если указанный порядок учета и расходования наркотикосодержащих препаратов не нарушен, их хранение происходит в надлежащих условиях, согласно установленным правилам, т.е. не может привести к использованию наркотических средств в преступных целях, представляется неправильным расценивать одно лишь отсутствие лицензии в лечебном учреждении либо несвоевременное продление им срока ее действия как уголовно наказуемое деяние.[6] Таким образом, уголовно наказуемым следует при-

знавать такое нарушение правил, когда создается реальная опасность причинения вреда объекту уголовно-правовой охраны.

Также следует рассмотреть ситуации, когда вред объекту преступления причиняется посредством невыполнения субъектом отношений возложенных на него обязанностей. Проблема состоит в том, можно ли признать виновным лицо, уклонившееся от выполнения неправомерно возложенных на него обязанностей. Так, В.Н.Кудрявцев анализирует случай, когда военнослужащий, который неправильно был призван в армию (не подлежал по возрасту), покинул воинскую часть и два года разъезжал по селам. Военная коллегия Верховного Суда СССР отметила, что призыв на действительную военную службу по ошибке вследствие неправильного установления возраста призывника не может служить обстоятельством, освобождающим это лицо от уголовной ответственности за дезертирство, но вместе с тем, принимая во внимание явку с повинной и другие обстоятельства дела, нашла нецелесообразным отменять решение Военного трибунала, который не признал в действиях военнослужащего состава преступления. Такое решение Военной коллегии, по мнению В.Н.Кудрявцева, является верным. Аналогично, по его мнению, должен поступать суд и в случае, когда побег совершает лицо, которое затем было признано невиновным.[7] Это мнение основывается на том, что при квалификации преступлений с «формальными» составами установление объекта обеспечивается путем установления противоправности совершенного деяния, а причинение вреда фактическим общественным отношениям презюмируется, причем эта презумпция в большинстве случаев является неопровержимой.[8] Однако при оценке рассмотренного выше примера вряд ли можно согласиться с мнением В.Н.Кудрявцева. Представляется, что в этом случае прав А.А.Тер-Акопов, который полагал, что такие действия не должны признаваться преступными.[9] В подтверждение можно привести пример из судебной практики: Клыков, будучи осужден за спекуляцию (ст.154 УК РСФСР), отбывал наказание в колонии-поселении. С целью уклонения от отбывания наказания 15 декабря 1993 г. он покинул вахтовый участок, расположенный на территории колонии-поселения, и скрывался в лесу в охотничьей избушке. 25 декабря 1993 г. самовольно покинул место расположения колонии, сел в проходящий поезд, но был снят с него войсковым нарядом. За совершение этих действий Клыков был осужден по ст.188[1] УК РСФСР (ст.313 УК РФ) к 10 месяцам лишения свободы. Однако с учетом того, что Законом РФ от 1 июля 1993 г. №5304-1 «О внесении изменений и дополнений в законодательные акты Российской

Федерации в связи с упорядочиванием ответственности за незаконную торговлю», вступившим в силу 11 августа 1993 г., ответственность за спекуляцию была декриминализирована, Клыков подлежал освобождению от дальнейшего отбывания наказания.[10] Следовательно, в действиях Клыкова отсутствовал состав преступления, предусмотренный ст.188[1] УК РСФСР, т.к. нет объекта преступления – правоотношений между государством в виде органов, исполняющих наказание, и осужденным.

В рассмотренных примерах речь шла о правонарушениях с так называемым формальным составом. Проблема оценки усложняется при совершении правонарушений с так называемым материальным составом. Так, Костоев был признан виновным в превышении должностных полномочий (ст.286 УК РФ). Являясь дежурным по изолятору временного содержания Сунженского РОВД, он в нарушение требований приказа МВД России незаконно вывел из камеры следственного изолятора Саутиева, задержанного по подозрению в совершении преступлений, предусмотренных ч.2 ст.330 и ч.4 ст.166 УК РФ, и отпустил его на ночь домой. Как было указано в приговоре суда, Костоев своими действиями существенно нарушил интересы государства, выразившиеся в подрыве авторитета деятельности государственного органа в лице прокуратуры Республики Ингушетия. Однако 12 августа 1998 г. прокуратурой Республики Ингушетия уголовное дело в отношении Саутиева, обвиняемого в совершении преступлений, предусмотренных ч.2 ст.330 и ч.4 ст.166 УК РФ, было прекращено за отсутствием в его действиях состава преступления. Кроме того, суд, вопреки требованиям закона, не отметил в приговоре, какие именно существенные нарушения охраняемых законом интересов государства повлекли действия должностного лица – Костоева. На основании вышеизложенного Судебная коллегия указала, что в действиях Костоева отсутствует уголовно наказуемое деяние и он должен нести ответственность в порядке служебной подчиненности, поэтому производство по делу прекратила.[11] Представляется, что в данном случае оценку содеянному следовало давать с учетом субъективного критерия – знал ли Костоев на момент совершения указанных действий о невиновности Саутиева или нет.

Таким образом, подводя итог, можно отметить, что выделение таких признаков преступления, как общественная опасность и противоправность, возможно лишь при теоретическом анализе понятия преступления на научном и законодательном уровнях. На уровне правоприменителя существует проблема оценки действий, нарушающих определенные уголовно-правовые запреты, но не

представляющих ярко выраженную опасность. Поэтому указанная проблема требует своего разрешения.

---

[1] Сергиевский Н.Д. Русское уголовное право: Пособие к лекциям. – СПб., 1896. – С.291

[2] Тер-Акопов А.А. Ответственность за нарушение специальных правил поведения. – М., 1995. – С.11.

[3] Кудрявцев В.Н. Объективная сторона преступления. – М., 1960. – С.146.

[4] Шишко И.В. Экономические правонарушения: Вопросы юридической оценки и ответственности. – СПб., 2004. – С.31. Представляется, что именно для таких случаев и предусмотрена ст.80[1] УК РФ (освобождение от наказания в связи с изменением обстановки). Этим также, по всей видимости, объясняется определенная частота объявлений амнистий за преступления в сфере экономической деятельности.

[5] Бюллетень Верховного Суда РСФСР. – 1964. – №11. – С.15.

[6] Письмо прокуратуры Красноярского края от 28.05.01 г. №15/380-01.

[7] Кудрявцев В.Н. Теоретические основы квалификации преступлений. – М., 1963. – С.167-169.

[8] Кудрявцев В.Н. Общая теория квалификации преступлений. – М., 1999. – С.132.

[9] Российское уголовное право. Общая часть: Учебник. – М., 1997. – С.229-230.

[10] Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ по делу Клыкова // Законность. – 1996. – №6. – С.58-59.

[11] Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2003. – №9. – С.19.

ДИСПОЗИТИВНОСТЬ ДИСПОЗИЦИИ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ НОРМЫ
(к вопросу о существе уголовно-правового запрета)

Сумачев А.В., к.ю.н., доцент
Тюменский юридический институт
МВД России

Если исходить из общетеоретических положений (пригодных и в основе своей разделяемых в отраслевой науке) *диспозиция уголовно-правовой нормы* – это определенное (предполагаемое) поведение (например, убийство, то есть умышленное причинение смерти другому человеку, – ч.1 ст.105 УК РФ).

Можно заметить, что при описании преступного действия (бездействия) российский законодатель использует, как правило, дефинитивную форму, «расшифровывая» содержание того или иного понятия (конкретного преступления), например: кража – *то*

есть тайное хищение чужого имущества либо название статьи Особенной части УК РФ целиком, например: нарушение неприкосновенности жилища – незаконное собирание или распространение сведений о частной жизни лица … и др. И лишь в некоторых, достаточно редких, случаях законодатель просто использует общепонятные (общедоступные) термины: похищение человека; посягательство на жизнь сотрудника правоохранительного органа и др. (так называемые простые диспозиции).

Но во всех этих случаях законодатель определяет диспозиции уголовно-правовых норм (Особенной части УК РФ) в форме *описания* поведения. Прямых указаний на запрет такого поведения в диспозиции статей Особенной части УК РФ нет. Следовательно, форму изложения законодательного материала в этих случаях можно признать *диспозитивной*, хотя прежде следует определиться с термином «диспозитивность».

По мнению авторов «Юридического энциклопедического словаря», «диспозитивность» (от лат. dispono – располагаю, устраиваю) является одним из основных демократических принципов советского гражданского процессуального права, означает, что стороны и другие участвующие в деле лица могут свободно распоряжаться своими материальными и процессуальными правами.[1] Таким образом, с одной стороны, диспозитивность следует рассматривать как общий принцип правового регулирования, определяющий правовую способность частного лица самостоятельно решать вопросы о пользовании теми или иными правомочиями в конкретной сфере правового регулирования. Второй аспект диспозитивности в праве связывают со специфическим методом правового регулирования. Соответственно этому диспозитивность как метод правового регулирования выражается в нормативно предусмотренной возможности выбора поведения в зависимости от усмотрения частного лица. С общетеоретических и общеметодологических позиций диспозитивность рассматривает как «особую модель построения правовой материи» С.С.Алексеев: «…ее суть – в предоставлении лицу возможности самому, своей волей определять собственное поведение, что открывает простор для действий лица по своему усмотрению, по своей воле и в своих интересах»[2].

Независимо от того, в каком качестве рассматривается «диспозитивность» (как принцип права, как метод правового регулирования либо как особая модель построения правового материала), суть ее в одном – волеизъявление лица определяет возможные правовые последствия для него.

Описательная форма преступного поведения и отсутствие прямых указаний на запрет такового в диспозиции статей Особенной части УК РФ свидетельствует о том, что человек волен действовать так, как указано в диспозиции, либо волен воздержаться от такого поведения. Иными словами, вменяемое физическое лицо, достигшее возраста уголовной ответственности (а в некоторых случаях обладающее дополнительными признаками специального субъекта), само (по собственной воле) способно определять возможность наступления для самого себя негативных уголовно-правовых последствий. Следовательно, совершение преступления (его не совершение) является *правом* лица. Видимо не случайно, анализируя наказание, Гегель выводил природу наказания из природы преступления, где наказание является правом преступника.[3] Итак, *диспозиции* норм (статей) Особенной части УК РФ изложены в *диспозитивной* форме.

Принятие данного положения влечет возникновение другого вопроса: почему нормы Особенной части Уголовного кодекса России называют уголовно-правовым запретом (отдельные ученые определяли уголовно-правовую норму (Особенной части УК) в качестве «нетипичного уголовно-правового запрета»[4]. Последователи теории Биндинга говорят о том, что норма уголовного права не содержит запрета деяния и преступник не только не нарушает нормы, а, наоборот, выполняет описанные в диспозиции нормы действия, то есть осуществляет своими действиями состав преступления.[5] С точки зрения буквы закона так оно и есть: лицо действует в соответствии с предписаниями диспозиции уголовно-правовой нормы, более того, действует осознанно (виновно), реализуя свое право вести себя определенным образом (пусть даже и преступным). Так где же запрет?

«Нетипичность» уголовно-правового запрета (его сущность) проявляется не в прямом законодательном запрещении конкретных действий (бездействия), а выявляется посредством системно-логического анализа как структурных элементов уголовно-правовой нормы, так и посредством ее соотношения с другими нормами (нормами-принципами, нормами-дефинициями и т.п.). Так, например, источник запрета одни авторы видят в наличии санкции статьи Особенной части УК[6]; другие – «запрет всякого поведения» выводят из такого признака преступления, как «противоправность» (*включение статьи о преступлении (или его части) в Уголовный кодекс*), а равно из прямого указания (например, в ч.1 ст.14 УК РФ) на *запрещенность деяния настоящим Кодексом*[7].

Не слишком ли это упрощено или, наоборот, усложнено? Удачная ли это попытка «найти» объяснение категории «уголовно-правовой запрет» (найти его источник)? Может быть и удачная. Но только зачем искать объяснение тому, чего юридически (de jure) (в уголовном законе) не существует? Еще раз укажем, в тексте закона (статьи Особенной части УК РФ) определяется лишь *вид поведенческих актов*, совершение которых может повлечь применение санкций (наказания или иных мер уголовно-правового воздействия). Но и где же здесь уголовно-правовой запрет? Его, на наш взгляд, нет. По крайней мере, он (запрет) в уголовном законодательстве не сформулирован. С позиций законодательной техники юридический запрет, диспозиция статьи, например, предусматривающей ответственность за убийство (ч.1 ст.105 УК), должна звучать следующим образом: «*Запрещается убийство*, то есть умышленное причинение смерти другому человеку, которое – наказывается лишением свободы на срок от шести до пятнадцати лет». Если бы диспозиция уголовно-правовой нормы была сформулирована в таком виде, мы могли бы говорить об уголовно-правовом запрете.

В свое время Н.С.Таганцев, анализируя сущность преступления (как нарушение какой-либо границы – нарушение заповедей и норм), обращался к заповедям (нормам) нравственного, религиозного и правового характера. При этом он указывал, что нарушения (несоблюдение) норм нравственности и религии не могут быть абсолютно тождественными нарушениям преступным. В итоге Н.С.Таганцев отмечал, что преступление есть посягательство на норму права.[8] Но и здесь, на его взгляд, не все просто: что есть нарушение нормы права – *нарушение* ли *обязанности* (с одной стороны – общей («подчиняться требованиям авторитетной власти», «нормам права» или «не вредить ближнему»), с другой – специальной («не убивать», «не красть», «соблюдать санитарно-общественные требования» и т.д.)) или *нарушение* установленного и охраняемого нормой *законного права* (интереса). Анализ этого вопроса позволил ему сделать вывод о необходимости «обратиться к другому, положительному, моменту нормы, к установленным и охраняемым ею правам»[9], причем правам не субъективным, а реализованным, воплощенным в индивидуальную или общественную жизнь (правовая норма в *ее реальном бытии*).[10] В конечном счете Н.С.Таганцев формулирует понятие преступления, порой критикуемое, порой разделяемое в науке, но известное каждому, кто занимается проблемами уголовного права, – «преступление есть посягательство на норму права в ее реальном бытии». Что из этого

следует? А следствие, даже в части предмета нашего разговора, достаточно важное. Во-первых, норма права, нарушаемая в результате преступного посягательства, может (а в большинстве случаев так оно и есть[11]) не являться уголовно-правовой нормой. Даже беглый взгляд на структуру и статьи Особенной части Уголовного кодекса РФ позволяет с уверенностью констатировать тот факт, что все права и свободы человека и гражданина, относящиеся к объекту уголовно-правовой охраны, определены и гарантированы *нормами* Конституции России. Интересы государства (в самом широком смысле), выступающие в качестве объекта посягательства, также определены *нормами конституционного права*. Достаточно большой массив правил (выражаясь словами Н.С.Таганцева, «заповедей») определен *техническими правовыми нормами*: правила оказания медицинской помощи, правила дорожного движения и пожарной безопасности, санитарно-эпидемиологические правила и т.п. И именно в этих нормах (нормах иных отраслей российского, а равно международного) права практически всегда четко и прямо (de jure) определяется запрет общественно опасного поведения:

- ч.5 ст.13 Конституции России: «*Запрещается* (курсив наш. – А.С.) создание и деятельность общественных объединений, цели и действия которых направлены на насильственное изменение основ конституционного строя и нарушение целостности Российской Федерации, подрыв безопасности государства, создание вооруженных формирований, разжигание социальной, расовой, национальной и религиозной розни» – ст.ст.278, 279, 275, 208, 282 УК РФ и др.;
- ч.2 ст.19 Конституции России: «*Запрещаются* (курсив наш. – А.С.) любые формы ограничения прав граждан по признакам социальной, расовой, национальной, языковой или религиозной принадлежности» – ст.136 УК РФ;
- ч.2 ст.30 Конституции России: «*Не допускается* (читай – «запрещается». – А.С.) экономическая деятельность, направленная на монополизацию и недобросовестную конкуренцию» – ст.178 УК РФ;
- ч.3 ст.35 Конституции России: «*Никто не может быть* (читай «запрещается». – А.С.) лишен своего имущества иначе как по решению суда» – глава 21 УК РФ;
- ч.2 ст.37 Конституции России: «Принудительный труд *запрещен*» – ст.127^1 УК РФ;
- ст.45 «Основ законодательства Российской Федерации об охране здоровья граждан»: «Медицинскому персоналу *запрещает-*

ся (курсив наш. – А.С.) осуществление эвтаназии – удовлетворение просьбы больного об ускорении его смерти какими-либо действиями или средствами, в том числе прекращением искусственных мер по поддержанию жизни. Лицо, которое сознательно побуждает больного к эвтаназии и (или) осуществляет эвтаназию, несет уголовную ответственность в соответствии с законодательством Российской Федерации»[12] – ст.105 УК РФ.

И такого рода примеров великое множество.

Таким образом, нормы уголовного права (в диспозиции статей Особенной части УК РФ) описывают лишь вид (способ) преступного поведенческого акта. Поведенческий акт, исходя из смысла преступления, должен быть виновным, а соответственно, волевым. Воля предполагает выбор вида поведения: в нашем случае преступного или непреступного. Следовательно, диспозиция уголовно-правовой нормы выражена в диспозитивной форме и уголовно-правового запрета не содержит. Запрет на совершение общественно опасных деяний содержится в нормах иных отраслей как российского, так и международного права.

---

[1] Юридический энциклопедический словарь. – 2-е изд., доп. – М., 1987. – С.107.

[2] Алексеев С.С. Право: азбука – теория – философия: Опыт комплексного исследования. – М., 1999. – С.589.

[3] В частности, Гегель утверждал: «… государство должно утвердить – с согласия отдельных людей или без их согласия – не только понятие преступления, разумность этого понятия в себе и для себя, но и в деянии преступника заключена и формальная разумность, воление единичного человека. В том, что наказание рассматривается как содержащее его собственное право, преступник почитается как разумное существо. Эта честь не будет ему воздана, если понятие и мерило его наказания не будут взяты из самого его деяния; также и в том случае, если рассматривать его, как вредного зверя, которого следует обезвредить или стремиться запугать и исправить его» (Гегель. Философия права / Пер. с нем.; ред. и сост. Д.А.Керимов и В.С.Нерсесянц; авт. вступ. ст. и примеч. В.С. Нерсесянц. – М., 1990. – С.148).

[4] Такую формулировку использовал профессор В.А.Никонов в устных беседах с участием автора данной статьи.

[5] Цит. по: Курс советского уголовного права. В 6 т. Т.1: Уголовный закон. – М., 1970. – С.184 (См. также: Томашевский Н.П. О структуре правовой нормы и классификации ее элементов // Вопросы общей теории советского права. – М., 1960. – С.217-219).

[6] См., напр.: Курс советского уголовного права. – С.184.

[7] См., напр.: Общая теория государства и права. Академический курс. В 2 т. / Под ред. М.Н. Марченко. Т.2: Теория права. – М., 1998. С.224-225.

[8] Таганцев Н.С. Русское уголовное право.– Тула, 2001. – Т.1. – С.41-47.

[9] Там же. – С.48.

[10] Там же. – С.49.

[11] К уголовно-правовым нормам, нарушение которых возможно посредством совершения преступления, относятся лишь те, которые предусматривают непреступное причинение вреда в различных состояниях (необходимой обороны, при задержании преступника, крайней необходимости и т.п.).

[12] Основы законодательства Российской Федерации об охране здоровья граждан от 22 июля 1993 г. в редакции от 2 декабря 2000 г. // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. – 1993. – 15 августа. – №33. – Ст.1318.

ЮРИДИЧЕСКАЯ ПРИРОДА И ОСНОВНЫЕ ЧЕРТЫ ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОГО ТОЛКОВАНИЯ УГОЛОВНОГО ЗАКОНА

Морозов Б.П.
Новосибирская средняя специальная школа милиции МВД России

Правоприменительное толкование уголовного закона относится к числу недостаточно разработанных в науке уголовного права понятий. Это произошло потому, что данное понятие является комплексным и сложилось в результате синтеза двух научных направлений: теории правоприменения и теории толкования в рамках теории уголовного права. Однако, несмотря на близость и сопряженность породивших его двух проблем уголовно-правовой науки, они существенно различаются по объектам, способам и понятийному аппарату познания. Результатом же синтеза применения и толкования норм уголовного права является формулирование особого правоприменительного толкования уголовного закона.

Полагаем, что можно выделить две группы характеризующих его признаков:

1) родовые признаки, общие для всех разновидностей официального и неофициального толкования уголовного закона;

2) видовые признаки, характерные для отдельных видов толкования уголовного закона, сопутствующего правоприменению и обслуживающего правоприменительную деятельность.

Наиболее общими родовыми признаками правоприменительного толкования уголовного закона, по нашему мнению, следует признать:

а) правоприменительное происхождение;

б) целевое назначение;

в) содержание;

г) особенности формы;

д) разнообразие юридических последствий;

е) компетентного субъекта.

Используя концепцию видов юридической деятельности, в качестве факторов формирования правоприменительного толкования уголовного закона следует признать правоприменительную, координационную и контрольную деятельность.

В первую очередь оно «рождено» целями, задачами и самим механизмом правоприменительной деятельности, то есть потребностями урегулирования конкретных жизненных ситуаций, связанных с правовой оценкой фактов, в которых усматриваются признаки преступления. Это своеобразный «побочный» продукт практики рассмотрения и разрешения уголовных дел, имеющий подчиненное значение по отношению к правоприменительной деятельности.

Во вторую очередь оно обусловлено в своем возникновении потребностями в координации и обслуживании правоприменительных процессов и выступает как «основной» продукт управления правоприменительной деятельностью, вызванной событием преступления.

Кроме того, правоприменительное толкование уголовного закона является необходимым условием обеспечения единства и внутренней согласованности уголовного законодательства. На это направлена контрольная деятельность Конституционного Суда, Верховного Суда РФ и федеральных судов общей юрисдикции по установлению соответствия правил применения уголовно-правовых норм действующему уголовному законодательству.

Следует признать, что основная цель правоприменительного толкования уголовного закона – обслуживание процессов реализации норм уголовного права. Дополнительными целями являются: способствование правильному разрешению конкретных уголовных дел и формированию материальных и процессуальных правовых отношений и обеспечение ясности смысла уголовно-правовых

норм, единообразия и стабильности юридической практики по вопросам квалификации преступлений, а также внутренней согласованности действующего уголовного законодательства.

Правоприменительное толкование уголовного закона в качестве особой его разновидности включает в себя традиционные признаки: уяснение, разъяснение и акт толкования.[1] Однако, на наш взгляд, выявляется существенная особенность правоприменительного толкования уголовного закона, а именно его «жизнь» одновременно на двух уровнях – казуальном и общем, нормативном.

Акты правоприменительного толкования уголовного закона имеют внутреннюю и внешнюю формы. Следует отметить, что она характеризуется многообразием и определенной зависимостью от формы правоприменительных актов. Результаты правоприменительного толкования уголовного закона могут иметь различное юридическое значение для всех субъектов уголовного права и уголовного процесса. Оно способно усиливать и высвечивать эффект состоявшегося применения уголовного права, формировать прецеденты толкования и правоположения и, наконец, порождает особые правовые последствия, связанные не только с уяснением и разъяснением смысла действующих уголовно-правовых норм, но и с оценкой самих норм как соответствующих или не соответствующих требованию непротиворечивости и системности законодательства.

Следует обратить внимание и на то обстоятельство, что официальное толкование уголовного закона выступает основной формой жизни правоприменительного толкования уголовного закона, поэтому и основной субъект последнего – это компетентный властный субъект. Таковыми являются органы и должностные лица государства – дознаватель, следователь, прокурор, суд.

На основании изложенного **правоприменительное толкование уголовного закона** определяется как **осуществляемая в связи с правоприменением по факту совершения противоправного деяния и выражающаяся в особых актах познавательная и интерпретационная деятельность управомоченных органов государства – дознавателя, следователя, прокурора, суда, призванная аргументировать и обосновывать квалификацию преступления, обеспечивать внутреннюю согласованность действующего уголовного законодательства, единообразие и стабильность правоприменительной практики квалификации преступлений.**

Классификация указанного толкования на основные подразделения, группы и подгруппы способствует раскрытию его видо-

вых признаков. По нашему мнению, в данном случае следует исходить из двух принципиальных посылок. Во-первых, видовые признаки правоприменительного толкования определяются юридическими свойствами отдельных разновидностей официального и неофициального толкования уголовно-правовых норм, сопровождающего и обслуживающего их применение. Во-вторых, виды и акты – это понятия тождественные, так как каждый вид правоприменительного толкования всегда находит свое выражение в соответствующих ему актах.

Основываясь на положении, высказанном Д.А.Гавриловым[2], можно прийти к выводу о том, что правоприменительное толкование содержит в себе признаки, позволяющие классифицировать его по разным основаниям: а) сфере действия его актов (нормативное и казуальное); б) юридическому значению его результатов (обязательное и рекомендательное); в) способу их выражения и закрепления (устное и письменное); г) правовому положению органа государственной власти (законодательное, административное и судебное) и другим.

Изучение законодательства и современной юридической практики позволяет отметить, что казуальное разъяснение по конкретному делу нередко используется в качестве образца аргументации по аналогичным делам и может рассматриваться в качестве модели потенциально общеобязательного разъяснения. В связи с этим, по нашему мнению, целесообразно ввести в научный лексикон категорию «механизм самосовершенствования правоприменения уголовного закона». На наш взгляд, вполне допустимо рассматривать данное понятие как составную часть механизма правового регулирования побочного, вспомогательного действия, работающую совместно с его главными, ведущими частями – правотворчеством и правореализацией.

Следует признать, что законодательное правоприменительное толкование уголовного закона мало изучается в юридической науке. Это обусловлено нетипичным характером самого правоприменения для деятельности законодательных органов, так как их основной функцией является нормотворчество.

Объектами анализа здесь могут выступать федеральные законы, постановления, запросы, ходатайства, решения и разъяснения органов законодательной власти либо отдельных их депутатов (членов) как акты, фиксирующие законодательное правоприменительное толкование.

Акты судебного правоприменительного толкования являются наиболее интересной и привлекательной в научном отношении те-

мой. Необходимо отметить, что традиционно уголовно-правовая наука акцентировала внимание на изучении актов судебного толкования и достигла в этом значительных успехов.

Акты судебного толкования – это разновидность актов правоприменительного толкования. По нашему мнению, их следует считать актами координационной деятельности вышестоящих звеньев судебной системы по руководству и управлению правоприменительной деятельностью ее нижестоящих звеньев.

По нашему мнению, конкретными функциями правоприменительного толкования уголовного закона выступают: а) информационно-поисковая; б) функция анализа и обобщения; в) квалификационная; г) мотивировочная; д) контрольно-надзорная; е) правоориентирующая; ж) правокорректирующая; з) правосозидательная.

Функции правоприменительного толкования уголовного закона соответствуют трем основным факторам, способствующим его формированию. Вместе с тем они уточняют и конкретизируют содержание общих функций толкования права в сфере правоприменения – познавательной и объяснительной. Исследование этих функций открывает широкие возможности для раскрытия практического значения правоприменительного толкования в механизме правового регулирования общественных отношений в сфере действия.

---

[1] Милюков С.Ф. Российское уголовное законодательство: опыт критического анализа. – СПб., 2000. – С.41.

[2] Гаврилов Д.А. Правоприменительное толкование: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 2000.

ПРОБЕЛЫ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ И ПУТИ ИХ ВРЕМЕННОГО УСТРАНЕНИЯ

Волков К.А., к.ю.н.
Дальневосточный юридический институт МВД России

Стабильность уголовного законодательства является одним из важных условий принципа законности. Вместе с тем постоянное развитие уголовно-правовых отношений часто вызывает потребность в дополнительном нормативном регулировании, то есть возникают пробелы уголовного права.

В.В.Лазарев, анализируя причины пробелов в праве, приходит к выводу, что «право всегда только выражает, протоколирует требование экономических отношений, да к тому же иногда хорошо, а иногда и плохо»[1]. Прежде чем сложиться, право проходит через волю и сознание людей, которые в целом имеют тенденцию отставать в своем развитии от общественного бытия. Существующие требования социально-экономических отношений не могут, таким образом, быть охвачены сразу и во всех подробностях. Какие-то общественные отношения в целом или в части могут оставаться на некоторое время вне действующего права. Сфера социальной жизни настолько многообразна, что невозможно предусмотреть все оттенки ее проявления, все жизненные обстоятельства, с которыми необходимо связать наступление юридических последствий. На эту же особенность обращает внимание В.М.Жуйков, отмечая, что пробелы в праве были, есть и будут всегда, как бы законодатель ни хотел и ни умел принимать необходимые законы, поскольку предусмотреть все отношения, которые нуждаются в законодательном регулировании, просто невозможно. В отдельные исторические периоды даже самое стабильное и хорошо разработанное законодательство, в котором пробелов может быть немного, начинает кардинально обновляться, что неминуемо влечет значительное возрастание количества пробелов, а иногда и образование правового вакуума в регулировании даже очень важных отношений.[2] Не является данный тезис исключением для уголовного законодательства.

Пробелы являются одним из отрицательных явлений в уголовном праве, даже если они возникают с объективной неизбежностью. Это разновидность несовершенства правовой системы. Поэтому установление пробела всегда ставит правоприменительные органы перед необходимостью скорейшего его восполнения – устранения тем самым выявленного недостатка. Безусловно, пробелы в уголовном праве должны устраняться, прежде всего, на законодательном уровне. Однако пока пробел не ликвидирован правотворческим органом, возникает необходимость его преодоления в процессе правоприменительной деятельности. Предпосылкой к этому служит общепризнанное правило, что суд не может отказаться от разрешения уголовного или гражданского дела по существу под предлогом неясности, неполноты или противоречия закона. Когда в судебной практике встречается казус и отсутствует закон, его регулирующий, суд обязан рассмотреть спорный вопрос по духу всего действующего законодательства, на основании его

общего разума. В этом случае будет иметь место решение на основании аналогии.

Юридическая наука знает два способа временного, единичного, преодоления пробелов: аналогия закона – решение конкретного дела на основе правовой нормы, которая рассчитана на регулирование похожих общественных отношений, близких по своему значению и характеру; аналогия права – решение конкретного дела исходя из принципов права в целом, отрасли или института отрасли права.

В отечественной юридической литературе большая часть правоведов категорически утверждают, что ни аналогия права, ни аналогия закона не могут применяться при разрешении уголовных дел. Лишь отдельные правоведы не разделяют этой точки зрения. Следует отметить, что отказ от аналогии в уголовном праве в юридической литературе оправдывается необходимостью укрепления принципа законности, так как в соответствии с ч.2 ст. 3 УК РФ «применение уголовного закона по аналогии не допускается». Сразу оговоримся, что действующее уголовное законодательство устанавливает запрет на применение аналогии уголовного закона, а не аналогии уголовного права. Что же касается возможности применения аналогии права при временном устранении пробелов, то в связи с этим уместно будет обратиться к анализу социально-психологической природы законности, где идея законности воспринимается как убежденность в необходимости строгого следования правовым нормам, закрепленным в УК РФ. По мнению В.Н.Кудрявцева, «…идея законности как важной ценности укрепляется только при наличии ряда условий, к числу которых относят полноту законодательного урегулирования общественных отношений, стабильность основных правовых норм и институтов…»[3]. Полнота законодательного урегулирования общественных отношений служит базой для последовательного осуществления принципа законности. Если важные элементы уголовно-правовых отношений не урегулированы нормами права либо эти нормы не упорядоченны (разрозненны), неизбежно создаются условия для случайных решений, от которых до произвола один шаг. Думается, что многие недостатки и ошибки следственно-судебной практики можно предупредить посредством использования судебного нормотворчества (прецедента).

На наш взгляд, применение аналогии права в уголовном праве допустимо, но она должна применяться не для усиления репрессии в уголовно-правовых отношениях (например, выделения новых видов преступлений или наказаний, увеличения числа отяг-

чающих обстоятельств и т.п.), а для ее смягчения. В тех случаях, когда применение по аналогии ухудшает положение обвиняемого, Верховный Суд не имеет права принять разъяснение – он должен использовать право законодательной инициативы о внесении изменений в уголовное законодательство.

Такое решение указанного вопроса вполне соответствует принципу законности и прямо вытекает из него. Так, ч.1 ст.3 УК РФ закрепляет положение, согласно которому «*преступность деяния, а также его наказуемость и иные уголовно-правовые последствия* (выделено мною. – К.В.) определяются только настоящим Кодексом». Таким образом, в действующем уголовном законодательстве существует прямой запрет на аналогию в отношении только преступности деяния, его наказуемости, но никак не в отношении возможного устранения или смягчения преступности и наказуемости деяний.

В подтверждение возможности правотворческой деятельности Верховного Суда РФ служат и многочисленные примеры подобной деятельности в отечественной правовой системе. Еще до принятия УК РФ в судебной практике рассматривались уголовные дела, связанные с умышленным причинением вреда при задержании преступника, а также с уголовно-правовой оценкой общественно опасных деяний психически незрелых несовершеннолетних. Вместе с тем никаких юридических оснований для применения названных институтов в уголовно-правовом смысле не было. Это было пробелом уголовного закона. Между тем Верховный Суд[4] фактически легализовал их, дав им соответствующую правовую регламентацию.

Поэтому еще задолго до своего законодательного закрепления в нормах уголовного закона институты уголовно-правового задержания и «возрастной невменяемости» нашли широкое применение в правоприменительной практике.

Мы рассмотрели только некоторые вопросы, связанные с возможностью временного восполнения пробелов уголовного права. Однако из сказанного уже ясно, что, сталкиваясь с пробелами уголовного закона и разрешая противоречия уголовно-правового регулирования, суды вынуждены создавать (творить) право, иначе их деятельность станет не просто неэффективной, а приведет к результатам, противоположным тем, которые от него вправе ожидать общество: они будут не защищать права, а способствовать их нарушениям.

---

[1] Лазарев В.В. Пробелы в праве и пути их устранения. – М., 1974. – С.17.

[2] См.: Жуйков В.М. К вопросу о судебной практике как источнике права // Судебная практика как источник права. – М., 1997. – С.18.

[3] Кудрявцев В.Н. Закон, порядок, ответственность. – М., 1986. – С.80.

[4] См.: О судебной практике по применению, изменению и отмене принудительных мер медицинского характера: Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 1984 г. №14, п.3; О практике применения судами законодательства по делам о преступлениях несовершеннолетних и о вовлечении их в преступную и иную антиобщественную деятельность: Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 03.12.1976 г. №16, п. 7.

СУЩНОСТЬ УГОЛОВНО-ПРАВОВОГО РИСКА

Бабурин В.В., к.ю.н., доцент
Омская академия МВД России

Анализ основных признаков, свойств уголовно-правового риска, определение его сущности, содержания и формы обязывает рассматривать риск в уголовном праве не с узких позиций отдельного обстоятельства, исключающего преступность деяния, а с общих позиций теории риска в уголовном праве, общего анализа ситуаций риска, возникающих в уголовно-правовой сфере, оснований и условий уголовной ответственности лиц, умышленно создающих опасность причинения вреда общественным интересам.

Разработка общей теории уголовно-правового риска должна проводиться в точном соответствии с концепциями и положениями общей теории риска и в тесном взаимодействии с соответствующими теориями риска в других отраслях российского права. При этом теория уголовно-правового риска должна быть действительно общей, т.е. охватывать и объяснять все возможные в уголовном праве рисковые ситуации и полностью согласовываться со всеми уголовно-правовыми институтами. Нарушение этих условий неизбежно приведет любое исследование риска только к частным выводам.

Следуя вышеназванным положениям, в теории уголовно-правового риска в первую очередь должна быть четко определена сущность уголовно-правового риска. К сожалению, в современной уголовно-правовой литературе сущность риска должным образом не исследуется. Данное обстоятельство обусловлено рядом причин. Прежде всего, это связано с тем, что до настоящего времени в российской науке не выработано единого понятия риска. Сегодня

понятие риска трактуется неоднозначно не только в пределах различных наук, но даже и в рамках одной юридической науки. «Анализ правового аспекта риска осложняется тем, что в юридической литературе и законодательстве термин «риск» используется для обозначения разных правовых явлений. Кроме того, многогранность этой категории ее различное этимологическое значение вызывает к жизни обилие многочисленных и зачастую противоречивых толкований риска.»[1]

Таким образом, определение сущности возможно лишь при разработке целостного понятия риска как социально-правового явления и систематизации его содержательных признаков.

Подавляющее большинство задач, решаемых людьми, связано в различной степени с социальным риском. Полезные свойства риска заключаются в его социальных функциях. Риск, как особый способ действий человека, позволяет, во-первых, снимать всегда имеющуюся и постоянно возникающую неопределенность в окружающей действительности, во-вторых, добиваться поставленных целей, идти вперед по пути развития. При этом, как и любой другой вид активности человека, риск может иметь положительную направленность в виде способа снятия социальной напряженности либо отрицательную – в виде угрозы причинения реального вреда определенным ценностям.

Философский анализ содержания риска свидетельствует о том, что риск реально существует в объективной действительности как самостоятельная категория, как способ действия субъекта, одновременно характеризующий его отношение к окружающей действительности, нормам и правилам, установленным в обществе, т.е. риск представляет собой реальные действия субъекта, сопровождающиеся его сложной психической деятельностью. В целом как объективная категория риск, несмотря на свою неоднозначность, носит положительный, полезный для общества характер.

Исходя из общенаучного понимания риска, в уголовном праве к нему можно отнести любую деятельность физического лица, которая связана с созданием реальной опасности причинения общественно опасного вреда окружающим и возможностью наступления за это негативных уголовно-правовых последствий для этого лица, т.е. граничит с легкомыслием.[2]

Риск как создание опасности фактически проходит через многие институты уголовного права, прослеживается во многих статьях Уголовного кодекса Российской Федерации. Ни слова не говоря о риске, российский Уголовный кодекс фактически подразумевает его во многих статьях. Так, кроме ст.41 УК РФ, преду-

сматривающей понятие обоснованного риска, фактически посвящены вопросам риска статьи: 25, 26, 28. Связаны с риском статьи: 37, 38, 39, 42, п. «ж» ч.1 ст.61 Общей части УК РФ. В Особенной части ряд составов преступлений сформулирован фактически с составом рискованного поведения – ст.ст. 108, 109 ч. 2, 114, 215, 215.1, 216, 217, 218, 225, 246, 247, 248, 249, 255, 257, 263, 269, 340, 341, 342, 343, 349 УК РФ.

Исходя из этого под уголовно-правовым риском следует понимать деятельность субъекта, направленную на достижение определенного желаемого результата, объективно связанную с созданием угрозы причинения значительного вреда общественным отношениям, совершаемую путем реализации субъектом альтернативного выбора при осознании им возможного побочного причинения вреда этим отношениям и наступления уголовной ответственности за сделанный выбор.

Содержание риска (рискования) необходимо раскрывать через взаимосвязь и взаимодействие таких его основных элементов, как ситуация риска и действия рискующего лица.

Сама ситуация, в которой происходит рискование, рискованное действие, именуется ситуацией риска. Ее характеризуют три самостоятельных условия: наличие неопределенности, необходимость выбора альтернатив, возможность оценить вероятность осуществления выбираемых альтернатив. Ситуация риска отличается от абсолютно неопределенной ситуации тем, что в ней существует возможность количественно определить степень вероятности наступления того или иного исхода (последствия). Понятие риска, рискованного действия связано лишь с теми конкретными жизненными ситуациями, в которых наступление тех или иных событий достаточно вероятно. И, соответственно, определить эту возможность может только субъект, обладающий сознанием.

Действия рискующего субъекта, собственно, и являются риском. Это главный элемент риска, имеющий объективную и субъективную части. Особую значимость риск приобретает при разрешении проблем, возникающих в сложной, изменяющейся среде, в которой строго запрограммированные действия нецелесообразны. Вместе с тем риск позволяет решать данные проблемы не на уровне интуиции, а на уровне осознанного регулирования общественных отношений. Риск как объективная категория является неотъемлемой и естественной частью жизни человека, и человек сам способен целенаправленно включать различные виды риска в свое социальное бытие. Риск становится риском только у человека, в его мире. Человеческий разум постигает, что есть риск, ради чего

он рискует и по каким правилам. Учет фактора риска в составе социальных систем является обязательным условием функционирования общественных отношений.

Сущность уголовно-правового риска, таким образом, состоит в осознанном совершении субъектом желаемых действий, реально создающих опасность побочного причинения значительного вреда охраняемым общественным интересам. Уголовно-правовой риск по своей социально-правовой сущности является важным способом снятия социальной и правовой неопределенности, вызывающей напряжение в общественных отношениях. При этом риск необходимо противопоставлять и отграничивать от явных ошибок и необдуманных действий.

---

[1] Альгин А.П. Риск и его роль в общественной жизни. – М., 1989. – С.80.

О НЕОБХОДИМОСТИ ОТДЕЛЬНОГО НОРМАТИВНОГО ЗАКРЕПЛЕНИЯ ПОСРЕДСТВЕННОГО СОВЕРШЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Гордеев Р.Н., к.ю.н.
Сибирский юридический институт МВД России

Традиционно посредственное совершение преступления рассматривается в рамках соучастия. Так, законодатель говорит о виде исполнителя преступления, при котором субъект преступления использует лиц, таковыми не являющихся. В науке уголовного права существует позиция, согласно которой посредственное совершение преступления входит в понятие группового преступления.[1] Правоприменитель же, не дожидаясь законодательного закрепления, безуспешно пытается самостоятельно дать толкование посредственного совершения преступления.[2]

На наш взгляд, закрепление признаков посредственного совершения преступления (или хотя бы его форм) в понятии группового преступления (соучастия) будет противоречить правовой природе группового преступления, так как при посредственном совершении преступления субъект преступления один, а лицо, используемое им, является лишь орудием совершения преступления. При групповом преступлении субъектов преступления должно быть не менее двух, при этом данные лица должны быть объеди-

нены общим интересом, а не быть лишь орудием преступления, как при посредственном совершении преступления.

Необходимость отдельного нормативного закрепления посредственного совершения преступления в уголовном законодательстве связана, на наш взгляд, как с отличием данного института от группового преступления (соучастия), так и с повышенной общественной опасностью данного посягательства.

Несомненно, общественная опасность лиц, совершающих преступление совместно с несубъектами, выше, нежели лиц, действующих единолично, и они заслуживают более сурового наказания. Однако в теории уголовного права нет единого мнения об общественной опасности посредственного совершения преступления. Так, по мнению А.П.Козлова, нет никакой разницы между использованием исполнителем преступления каких-либо предметов, животных и людей, во всех подобных случаях имеет место обычное применение средств совершения преступления; он также указывает на ненужность самого понятия «опосредованное исполнение».[3] Р.И.Михеев отмечает, что посредственное исполнение характеризуется повышенной степенью общественной опасности и занимает промежуточное место между единолично выполненным преступлением и соучастием.[4] Согласно третьей точке зрения, напротив, использование в качестве орудия совершения преступления людей является особой формой преступной деятельности.[5]

На наш взгляд, посредственное совершение преступления имеет повышенную общественную опасность по сравнению с единоличным преступлением. Так, посредственное совершение преступления рождает соответствующие межличностные отношения (психологический контакт, согласованность действий и т.д.) входящих в эту группу лиц, причем характер этих отношений по их глубине и сложности может не отличаться от характера отношений между соучастниками преступления.[6]

Таким образом, посредственное совершение преступления нуждается в отдельном нормативном закреплении, например путем создания статьи 32[1] УК РФ – посредственное совершение преступления.

---

[1] См.: Михеев Р.И. Уголовно-правовая оценка общественно опасных деяний невменяемых при групповых посягательствах // Актуальные проблемы борьбы с групповой преступностью. – Омск, 1983. – С.10-19; Михеев Р.И. Невменяемый. – Владивосток, 1992. – С.111-114; Галиакбаров Р.Р. Квалификация групповых преступлений. – М., 1980. – С.36-

38; Савельев Д.В. Преступная группа в сфере уголовной ответственности: Автореф. дис. …канд.юрид.наук. – Екатеринбург, 2000. – С.13-15.

[2] О судебной практике по делам о преступлениях несовершеннолетних: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 14 февраля 2000 г.

[3] См.: Козлов А.П. Соучастие: традиции и реальность. – Красноярск, 2000. – С.44-46.

[4] См.: Михеев Р.И. Уголовно-правовая оценка общественно опасных деяний невменяемых при групповых посягательствах // Актуальные проблемы борьбы с групповой преступностью. – Омск, 1983. – С.15.

[5] См.: Ковалев М.И. Проблемы учения об объективной стороне состава преступления. – Красноярск, 1991. – С.32-37.

[6] Шеслер А.В. Групповая преступность: криминологические и уголовно-правовые аспекты: Дис. …докт. юрид. наук. – Екатеринбург, 2000. – С.247-248.

ВОПРОСЫ РАЗГРАНИЧЕНИЯ ДОБРОВОЛЬНОГО ОТКАЗА ОТ ПРЕСТУПЛЕНИЯ И ДЕЯТЕЛЬНОГО РАСКАЯНИЯ КАК ОСНОВАНИЙ ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

Шатилович С.Н., к.ю.н., доцент
Тюменский юридический институт
МВД России

При добровольном отказе от преступления и при деятельном раскаянии лицом в некоторых случаях совершаются внешне сходные позитивные действия, различия между которыми можно установить лишь в результате анализа объективных и субъективных признаков совершенного общественно опасного деяния. Однородность совершаемых действий требует установления четкого различия между ними.

В теории уголовного права советского и постсоветского периодов не было ясности в решении вопроса о соотношении добровольного отказа и деятельного раскаяния на стадии неоконченной преступной деятельности.

Так, одни правоведы исключали из деятельного раскаяния удавшуюся деятельность по предотвращению вредных последствий на стадии оконченного покушения, считая это добровольным отказом.[1] Другие – отрицали возможность добровольного отказа при оконченном покушении, считая, что на этом этапе возможно лишь деятельное раскаяние, так как нельзя отказаться от соверше-

ния того, что уже совершено и завершение чего не зависит уже от субъекта.[2] Третьи – включали в понятие деятельного раскаяния случаи добровольного отказа от дальнейшего совершения преступления на стадии оконченного покушения.[3]

В современных научных исследованиях по-прежнему отсутствует солидарность в решении вопроса о соотношении деятельного раскаяния и добровольного отказа. Так, В.В.Сверчков считает, что деятельное раскаяние в процессе криминальной деятельности виновного – на этапах несовершенного до конца преступного поведения, неоконченного состава преступления отражается в добровольном отказе и поэтому является разновидностью последнего.[4] Н.М.Скорилкин настаивает на разграничении добровольного отказа от преступления и деятельного раскаяния, так как в ч.1-3 ст.31 УК РФ перечислены вполне определенные объективные и субъективные признаки добровольного отказа, характеризующие его как самостоятельный уголовно-правовой институт.[5]

Мы придерживаемся последней точки зрения. Для ее подтверждения осуществим уголовно-правовую характеристику положений ч.ч.1-3 ст.31 УК РФ, где перечислены объективные и субъективные признаки добровольного отказа от преступления, характеризующие его как самостоятельный уголовно-правовой институт освобождения от уголовной ответственности. Вот эти положения, приведенные нами с выделением наиболее существенных их моментов:

– добровольным отказом от преступления признается прекращение лицом приготовления к преступлению либо прекращение действий (бездействия), непосредственно направленных на совершение преступления, если лицо осознавало возможность доведения преступления до конца (ч.1 ст.31 УК РФ);

– лицо не подлежит уголовной ответственности за преступление, если оно добровольно и окончательно отказалось от доведения этого преступления до конца (ч.2 ст.31 УК РФ);

– лицо, добровольно отказавшееся от доведения преступления до конца, подлежит уголовной ответственности лишь в том случае, если фактически совершенное им деяние содержит иной состав преступления (ч.3 ст.31 УК РФ).

Основываясь на приведенных положениях, попытаемся отграничить деятельное раскаяние как позитивное посткриминальное поведение от добровольного отказа от преступления.

Во-первых, добровольный отказ от преступления сопутствует лишь умышленной преступной деятельности, он может иметь место только на стадии приготовления и неоконченного покушения,

которые присущи лишь деянию, совершаемому с прямым умыслом. Там, где не может быть предварительной преступной деятельности, там не может быть и добровольного отказа.

Деятельное раскаяние может быть установлено как при умышленном преступлении, так и при совершении преступления по неосторожности. Закон говорит о явке с повинной, способствовании раскрытию преступления, возмещении причиненного ущерба и т. д., не связывая это с формой вины.

Во-вторых, добровольный отказ возможен лишь до момента окончания преступления, то есть при приготовлении к преступлению и покушении (неоконченном) на преступление. Оконченное преступление исключает возможность добровольного отказа от этого преступления, но не исключает возможности отказа от иных неоконченных преступных деяний.

Деятельное раскаяние имеет место как на стадии оконченного покушения на преступление (например, причинение вреда здоровью при покушении на убийство), так и после совершения преступления. Однако для разграничения добровольного отказа и деятельного раскаяния на стадии оконченного покушения на преступление необходимо учитывать, почему именно прекращено совершение этого деяния.

В-третьих, характерным признаком добровольного отказа является прекращение совершения преступления добровольно. Добровольное прекращение лицом совершения преступления на стадии приготовления или неоконченного покушения и последующая его деятельность по устранению или снижению общественно опасных последствий уже не могут изменить природы совершенного – деятельность лица будет подпадать под признаки добровольного отказа.

Отличие же деятельного раскаяния от добровольного отказа на стадии приготовления или покушения состоит в том, что лицо в случае деятельного раскаяния прекращает совершение преступного деяния помимо своей воли и только после этого совершает действия по предотвращению вредных последствий, возмещению причиненного ущерба и т.д. Прекращение преступного деяния лица помимо его воли может произойти в результате пресечения правоохранительными органами или гражданами этой деятельности, а также в результате возникновения различного рода препятствий, помешавших или затруднивших совершение преступления.

В-четвертых, добровольный отказ во всех случаях обязательно освобождает лицо от уголовной ответственности за то деяние, от совершения которого оно отказалось. При деятельном раскаянии такое освобождение носит как возможный (ч.1 ст.75 УК РФ),

так и обязательный характер (примечания к ст.ст.126, 198, 204 УК РФ и т.д.), а в остальных случаях он влечет смягчение наказания (п.п. «и» и «к» ч.1 ст.ст.61, 62, 64 УК РФ).

В-пятых, добровольность отказа свидетельствует о нецелесообразности принудительного исправления лица уголовно-правовыми средствами. Поэтому на основании ст.31 УК РФ лицо освобождается от уголовной ответственности по реабилитирующему основанию, то есть считается, что оно не совершило никакого преступления. В случае деятельного раскаяния лицо освобождается от уголовной ответственности по нереабилитирующему основанию, то есть такое лицо считается совершившим преступление.

Таким образом, добровольный отказ от преступления образует самостоятельный уголовно-правовой институт освобождения от уголовной ответственности, отличный от освобождения от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием.

---

[1] См.: Пионтковский А.А. Учение о преступлении по советскому уголовному праву. – М., 1961. – С.525; Тер-Акопов А.А. Добровольный отказ от совершения преступления. – М., 1982. – С.44-45.

[2] См.: Лясс Н.В. Стадии преступной деятельности по советскому уголовному праву: Дис. … канд. юрид. наук. – Л., 1952. – С.267.

[3] См.: Дурманов Н.Д. Стадии совершения преступления по советскому уголовному праву. – М., 1955. – С.195; Слуцкий И.И. Обстоятельства, исключающие уголовную ответственность. – Л., 1956. – С.29-30.

[4] См. подр.: Сверчков В.В. Место добровольного отказа от преступления в системе уголовного законодательства // Уголовное право. – 2001. – №2. – С.29-31.

[5] См. подр.: Скорилкин Н.М. Добровольный отказ от преступления и его место в системе обстоятельств, освобождающих от уголовной ответственности: Дис. … канд. юрид. наук. – М., 1998. – С.88, 98-99.

НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРИМЕЧАНИЯ К ст. 205 УК РФ

Кириллов И.А., к.ю.н., доцент
Сибирский юридический институт МВД России

Щебляков Е.С.
Красноярский государственный аграрный университет

По нашему мнению, положительную роль в предупреждении терроризма играют соответствующие компромиссные, или так на-

зываемые специальные основания освобождения от уголовной ответственности[1], предусмотренные нормами Особенной части УК РФ с учетом положений ч.2 ст.75 УК РФ.

Криминологическим основанием освобождения, предусмотренного ст.75 УК РФ, является утрата лицом, совершившим преступление, общественной опасности, при этом А.Г.Антонов относит примечания к нормам Особенной части УК РФ к носящим характер чистого компромисса.[2]

Часть 2 ст.75 УК РФ устанавливает, что лицо, совершившее преступление иной категории (имеются в виду тяжкие и особо тяжкие преступления), при наличии отмеченных в ч.1 ст.75 УК РФ оснований может быть освобождено от уголовной ответственности только в случаях, специально предусмотренных статьями Особенной части Уголовного кодекса РФ.

Обращает, однако, на себя внимание, что обстоятельства, указанные в примечании к ст.205 УК РФ, не повторяют всех условий, закрепленных в ст.75 УК РФ, называя лишь своевременное предупреждение органов власти о совершенном преступлении или иным способом способствование его предотвращению.

Следовательно, для освобождения от ответственности за совершение терроризма требование о наличии всех условий не является обязательным, так как это не отражает возможные варианты реальных ситуаций. В жизни возможны самые различные сочетания указанных условий, поэтому требование того, чтобы в действиях присутствовали все основания освобождения от уголовной ответственности, создает такие препятствия, которые делают на практике крайне затруднительным использование данной нормы в борьбе с терроризмом.

Безусловно, правом освобождать от уголовной ответственности, особенно по делам, связанным с преступлениями террористического характера, должен обладать только суд.

Следующий вопрос: что подразумевается под освобождением от уголовной ответственности? Какое оно, условное или безусловное, полное ли – эти вопросы остаются нераскрытыми. К тому же непонятно, почему можно освобождать только от уголовной ответственности: ведь возможна ситуация, когда целесообразно, не освобождая лицо от уголовной ответственности, реализовать ее через меры, заменяющие традиционное уголовное наказание.

И, наконец, на наш взгляд, основное. Данная норма, как и примечание к ст.205 УК РФ действующего законодательства, не содержит четких правовых гарантий для виновного в случае выполнения им всех условий, которые предусматривает закон; воз-

никает ситуация, когда независимо от того, что благодаря исключительно воле виновного то или иное преступление было раскрыто, выявлены все его участники, а также орудия и предметы преступного посягательства, виновный тем не менее не имеет никакой правовой гарантии своего освобождения от уголовной ответственности или фиксированного снижения меры наказания. Виновному при выполнении всех условий остается только надеяться, что он может быть освобожден от уголовной ответственности. Но ведь может быть и не освобожден. Стоит ли говорить об эффективности такого стимула. «Нельзя игнорировать то, что при чистосердечном раскаянии, явке с повинной либо активном способствовании раскрытию преступления человек помогает осуществлению органами правосудия своих функций, хотя и поздно, но стремится помочь государству вести борьбу с преступлениями. Данные обстоятельства свидетельствуют о том, что суд имеет дело с человеком, способным стать полезным членом общества»[3].

Применительно к борьбе с терроризмом компромиссная норма должна способствовать расколу и разобщению террористических организаций. Подобная практика применяется во многих странах мира. Например, итальянское уголовное законодательство предусматривает в весьма широких пределах смягчение наказания, освобождение от него и даже от уголовной ответственности тех участников организованных преступных групп, которые оказывают содействие в собирании доказательств, изобличении сообщников. Учитывая, что норма о добровольном отказе от доведения преступления до конца к рядовым участникам таких групп неприменима, положение закона о существенном смягчении наказания или в некоторых случаях об освобождении от уголовной ответственности становится для них путем к свободе, которую, однако, надо заслужить, помогая разоблачению ядра преступной организации. Кроме того, время обращения в органы власти необходимо ограничить стадией подготовки акта терроризма ввиду большой общественной опасности терроризма.

Учитывая вышеизложенное, можно предложить следующую редакцию примечания к статье 205 УК РФ: «Лицо, участвовавшее в подготовке акта терроризма, освобождается от уголовной ответственности, если оно своевременным предупреждением органов власти или иным способом способствовало предотвращению осуществления акта терроризма либо в процессе предварительного расследования чистосердечно раскаялось и оказало органам расследования помощь в установлении обстоятельств совершенного преступления и при этом полностью предотвратило или возмести-

ло нанесенный ущерб или устранило причиненный вред и если в действиях этого лица не содержится иного состава преступления».

При этом, как нам думается, суд должен принять одно из следующих решений:

– освободить лицо, участвующее в подготовке акта терроризма, от уголовной ответственности;

– постановить об условном неприменении наказания;

– сократить назначенное наказание.

Те же правила должны применяться судом к лицам, являвшимся второстепенными участниками преступления, хотя бы нанесенный преступлением вред и не был полностью предотвращен, возмещен или устранен.

В отношении иных лиц, явившихся с повинной либо в процессе предварительного расследования чистосердечно раскаявшихся и оказавших органам расследования существенную помощь в установлении обстоятельств совершенного преступления, суд может сокращать назначенное наказание на одну треть. Наказание в виде смертной казни в этом случае может заменяться лишением свободы на срок двадцать лет.

Принятие одного из этих решений – это и право, и обязанность суда, то есть государство совершенно определенно гарантирует лицу, участвующему в подготовке акта терроризма, смягчение наказания, если то, в свою очередь, выполнит условия, установленные законом.

Использование идеи компромисса позволит государству избежать избыточных расходов на разоблачение террористических организаций, и, самое главное, государство сохраняет для себя своего гражданина.

Необходимо учитывать: для того чтобы быть информированными о преступной деятельности и выполнить данные им задания, лица, сотрудничающие с оперативными подразделениями, должны совершать какие-то действия, которые формально содержат признаки определенного состава преступления. Только это помогает им избежать расшифровки своих истинных намерений, которые направлены на достижение общественно значимых, позитивных результатов. Однако освободить их от ответственности с помощью правовых средств (из-за их отсутствия) не удается, если не идти на заведомо расширительное и поэтому спорное применение института обстоятельств, исключающих преступность деяния.

Однако практика не знает случаев освобождения от уголовной ответственности по этому основанию лиц, находящихся в преступных формированиях по заданиям должностных лиц, осущест-

вляющих оперативно-розыскную деятельность. В имеющейся уголовно-правовой литературе такие деяния рассматриваются как обстоятельство, смягчающее ответственность,[4] как разновидность поощрительной нормы уголовного законодательства[5] и через призму института компромисса[6]. Представляется, что рассматриваемый институт в большей степени характеризуется компромиссным началом, доказательством чего служит тот факт, что законодатель не придает правового значения мотивам, побудившим виновного на такой посткриминальный поступок.

Что касается способствования предотвращению осуществления, а также раскрытию терроризма, то под этим, по нашему мнению, следует понимать совершение следующих действий: указание на соучастников преступления; оказание помощи в их обнаружении, а в необходимых случаях – задержании; правдивое изложение обстоятельств совершенного деяния; инициативное участие в следственных действиях (таких как опознание, очная ставка, выход на место совершения преступления и т.д.); помощь в отыскании вещественных доказательств; указание на места сокрытия похищенного имущества, каналов его приобретения и сбыта; помощь в установлении лиц, могущих быть свидетелями, и другие действия подобного характера. С другой стороны, мы согласны с А.Г.Калугиным, что способствование раскрытию преступления, в частности акта терроризма, должно выражаться не только в согласии обвиняемого участвовать в производстве тех или иных процессуальных действий, но и в том, что инициатива должна исходить от самого подозреваемого, обвиняемого.[7]

Думается, что предлагаемое решение проблемы будет в большей степени способствовать решению задачи предупреждения терроризма через решение задачи переориентации террориста, так как главное в борьбе с терроризмом – не допустить самого акта терроризма.

---

[1] См. подр.: Калугин А.Г. Применение специальных оснований освобождения от уголовной ответственности: Практическое пособие. – Красноярск, 2004. – С.5-20.

[2] Антонов А.Г. Деятельное раскаяние как основание освобождения от уголовной ответственности: Дис. … канд. юрид. наук. – Томск, 2000. – С.168.

[3] См.: Карпец И.И. Наказание. Социальные, правовые и криминологические проблемы. – М., 1973. – С.204-205.

[4] См.: Барков А.В. Освобождение от уголовной ответственности и наказания как стимулятор явки с повинной // Актуальные проблемы формирования правового государства. – Харьков, 1990. – С.217-216.

[5] См. подр.: Загородников Н.И., Сахаров А.Б. Демократизация советского общества и проблемы уголовного права // Советское государство и право. – 1990. – №12. – С.50-56.

[6] См. подр.: Аликперов Х.Д. Виды норм уголовного законодательства, допускающих компромисс в борьбе с преступностью. – Баку, 1992. – С.37-36.

[7] См. подр.: Калугин А.Г. Освобождение от уголовной ответственности в стадии предварительного расследования: Практическое пособие. – Красноярск, 2003. – С.13-18.

К ВОПРОСУ ОБ АКТУАЛЬНОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ РАБОТ К НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМ

Рогова Е.В., к.ю.н.
Восточно-Сибирский институт МВД России

Актуальность проблемы применения исправительных работ к несовершеннолетним заключается прежде всего в том, что данный вид уголовного наказания не связан с изоляцией от общества, является одним из наиболее эффективных в системе наказания, однако крайне редко применяется к подросткам, совершившим преступления небольшой и средней тяжести, тогда как известно, что одним из основных направлений современной уголовной политики является ее гуманизация.

Несомненно, что лица, признанные виновными в совершении широкого круга преступлений, а также представляющие серьезную опасность для общества и государства, заслуживают наказания в виде лишения свободы. Однако все более очевидными становятся негативные последствия применения этого наказания. По мнению многих авторов, лишение свободы никого не исправляет, оно служит школой повышения криминального мастерства, профессионализма, оно калечит людей не только физически, но и психически.[1] Особенно это относится к людям с несформировавшейся личностью, каковыми являются несовершеннолетние преступники. Любая изоляция подростков от общества и перемещение их в криминальную среду создают многочисленные предпосылки еще более глубокой деформации личности осужденных в сторону ее деградации.

Применение же к ним такого наказания, как исправительные работы, как показало исследование, эффективно достигает целей наказания. Преимущество изученного вида наказания заключается

в том, что впервые оступившийся несовершеннолетний имеет реальную возможность реабилитировать себя вне изоляции от общества, не нарушая его норм и выполняя общественно полезную работу.

Известно, что на практике возникают множество проблем при назначении и исполнении исправительных работ в отношении несовершеннолетних, что связано с социально-экономическими преобразованиями, происходящими в нашей стране. Тот факт, что исправительные работы редко назначаются несовершеннолетним, еще не свидетельствует о том, что их необходимо исключать из наказаний, применяемых к несовершеннолетним. Этот вид наказания удачно сочетает в себе карательное и воспитательное воздействие при правильной организации его назначения и исполнения. Поэтому очевидна необходимость разработки рекомендаций для расширения назначения исправительных работ несовершеннолетним, а также улучшения деятельности по исполнению приговоров к этому наказанию в отношении указанной категории лиц.

Анализ действующего уголовного и уголовно-исполнительного законодательства, регламентирующих понятие и сущность исправительных работ, применяемых к несовершеннолетним, а также практику их применения, позволил прийти к выводу, что необходимо внесение некоторых изменений следующего характера:

1. Размер удержаний из заработной платы несовершеннолетнего следует установить от 5 до 15%.

2. Несовершеннолетним, осужденным к исправительным работам, предоставлять полный ежегодный оплачиваемый отпуск.

3. Исправительные работы следует назначать только тем несовершеннолетним, которые достигли 16-летнего возраста.

4. В настоящее время необходимо законодательно закрепить два вида исправительных работ: по основному месту работы осужденного и в местах, определяемых органами местного самоуправления по согласованию с органами, исполняющими данный вид наказания. Причем в приложении к ст.50 УК РФ следует закрепить понятие основного места работы осужденного, под которым следует понимать то место, на котором осужденный занимается трудовой деятельностью, получая наибольшую заработную плату и затрачивая большее количество времени. Второй вид исправительных работ в настоящее время можно отбывать не только в районе места жительства осужденного, как это закреплено в действующем УК РФ. Поэтому словосочетание «но в районе места жительства осужденного» следует исключить из ч.1 ст.50 УК РФ.

5. В уголовно-исполнительной инспекции необходимо выделить специального сотрудника, который будет заниматься исполнением наказаний, не связанных с лишением свободы, и других мер уголовно-правового воздействия в отношении несовершеннолетних. Нагрузка на такого сотрудника не должна превышать 50 несовершеннолетних.

6. Необходимо:

а) утвердить новый нормативно-правовой акт, регламентирующий деятельность уголовно-исполнительных инспекций, о порядке исполнения наказаний в виде исправительных работ, лишения права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью и осуществления контроля за поведением условно осужденных, осужденных беременных женщин и женщин, имеющих малолетних детей, к которым применена отсрочка отбывания наказания;

б) издать на федеральном уровне закон о взаимодействии органов уголовно-исполнительной системы и органов внутренних дел;

в) утвердить новое положение об общественных инспекторах.

Далее хотелось бы отметить, что выявленные особенности преступлений и личности несовершеннолетних, осужденных к исправительным работам, позволяют говорить о мерах ранней профилактики, а также о специфике системы мер предупредительного воздействия, осуществляемого уголовно-исполнительными инспекциями в период исполнения наказания. Эта специфика заключается в различных особенностях осуществления профилактической деятельности, в частности в определении ее направлений, использовании традиционных и новых методик профилактики. Модель же ранней профилактики, осуществляемой в отношении несовершеннолетних, осуждаемых к исправительным работам, должна содержать следующие элементы: педагогические меры, медицинские, социально-психологические, правовые и организационные меры.

Представляется также, что приоритетными направлениями предупредительной деятельности должны стать трудовое, нравственно-эстетическое, правовое воспитание. Исходя из образовательного уровня несовершеннолетних, важно обращать внимание на совершенствование полученных ими знаний и умений.

Таким образом, можно прийти к следующему выводу: действующее законодательство, регламентирующее порядок назначения и исполнения исправительных работ несовершеннолетним, нуждается в ряде изменений и дополнений, которые, думается, позволили бы расширить сферу их назначения и улучшить исполнение.

[1] См., напр.: Гилинский Я. Криминология: Курс лекций. – СПб., 2002. – С.254; Фуко М. Надзирать и наказывать: Рождение тюрьмы. – М., 1999. – С.339.

К ВОПРОСУ О ЦЕЛЕСООБРАЗНОСТИ ПОВТОРНОГО ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ НАКАЗАНИЯ В СВЯЗИ С ТЯЖЕЛОЙ БОЛЕЗНЬЮ, ПРЕДУСМОТРЕННОГО ч.2 ст.81 УК РФ

Алфимова О.А.
Сибирский юридический институт МВД России

Как показало проведенное исследование материалов личных дел осужденных за совершение преступлений и освобожденных с 1998 по 2004 годы в Красноярском и Алтайском краях от наказания на основании ч.2 ст.81 УК РФ в связи с тяжелой болезнью, около 20% лиц вновь совершили умышленные преступления, за которые были повторно освобождены судом от наказания по тому же основанию. Примечательно, что срок между первым освобождением по болезни и повторным в среднем не превышал двух-трех лет, а средний срок нахождения лица на свободе после первого освобождения по болезни до совершения им нового преступления составил около полутора лет.

Следует отметить, что во всех изученных случаях повторного освобождения осужденных по болезни на основании ч.2 ст.81 УК РФ суды в своих постановлениях не указывали на имеющийся факт предыдущего освобождения по данному основанию, не принимали во внимание, что новые преступления данной категорией лиц совершались, как правило, умышленно по истечении непродолжительного времени после первого освобождения.

При этом суды, назначая наказание за вновь совершенное преступление лицам, ранее освобожденным в связи с тяжелой болезнью, не учитывали факт предыдущего осуждения и не присоединяли неотбытый срок наказания. Парадоксально, но таким осужденным суды, напротив, чаще всего назначали за новые преступления сравнительно небольшие сроки наказания в виде лишения свободы (в среднем от полутора до трех лет), что ставит данные категории в привилегированное положение, так как безнаказанность подталкивает их к совершению новых преступлений.

Анализируя действующее уголовное законодательство, необходимо подчеркнуть, что в нем не закреплено решение вопросов, связанных с повторным освобождением от отбывания наказания по болезни. Не решен этот вопрос и на уровне подзаконных актов (в том числе в Правилах медицинского освидетельствования осужденных, представляемых к освобождению от отбывания наказания в связи с болезнью 2004 г.[1]), а также в постановлении Пленума Верховного Суда РФ. Поэтому можно сказать, что сегодня законодатель не устанавливает запрет на повторное освобождение по болезни.

Суды при таком дозволении закона, обусловленном отсутствием запрета, часто применяют повторное освобождение на основании ч.2 ст.81 УК РФ независимо от тяжести совершенных лицом преступлений, личности осужденного, наличия непогашенной судимости за предыдущее преступление и других уголовно-значимых обстоятельств, хотя анализ уголовно-правовой характеристики освобожденных по болезни лиц показал, что среди вновь совершенных преступлений значительное число составили умышленные деяния корыстной направленности: кражи – около 37%, грабежи – 12,5% и около 6% – разбои; на втором месте – преступления в сфере незаконного оборота наркотиков (около 25%); около 5% – причинение тяжкого вреда здоровью. При этом значительную долю среди новых преступлений составили тяжкие и особо тяжкие преступления (около 32%).

Совершение лицами, ранее освобожденными от наказания в связи с тяжелой болезнью, новых умышленных преступлений свидетельствует об их повышенной общественной опасности, а также о том, что они не пожелали встать на путь исправления. Кроме того, лица, вновь совершившие преступления после освобождения по болезни, несмотря на проявленное к ним снисхождение, не восприняли его, а, напротив, проявили свои низменные качества, совершив новые умышленные преступления. При таких условиях повторное освобождение по болезни может лишь укрепить у осужденных чувство безнаказанности, чему также способствуют небольшие сроки отбытых ими наказаний за первое преступление.

Возникает вопрос: «Целесообразно ли вводить в закон абсолютный запрет на повторное освобождение по болезни или можно разрешить такое освобождение, но с определенными ограничениями, или разрешить его в отношении всех осужденных (что, по сути, имеет место в современной правовой действительности)?».

Мнения ученых разделились. Одни считают, что если лицо ранее освобождалось от отбывания наказания по болезни и совер-

шило новое преступление, то оно не может быть освобождено судом по тому же основанию, поскольку такой осужденный не встал на путь исправления, а совершил новое преступление, не оценив проявленного к нему гуманного акта.[2] Так, А.С.Михлин отмечает, что суд при вынесении приговора за новое преступление должен быть информирован об основаниях предыдущего освобождения, поэтому он, учитывая состояние здоровья, должен назначить наказание за новое преступление, так как при таких обстоятельствах повторное освобождение вряд ли оправданно.[3]

Не выступал за абсолютный запрет повторного освобождения по болезни Ю.М.Ткачевский, указывая при этом, что суд при решении данного вопроса должен быть особенно осторожен, т.к. судебная ошибка может повлечь повторное совершение преступления.[4]

Против предложения о введении запрета на повторное освобождение по болезни лиц, совершивших новое преступление, выступает С.Н.Сабанин, указывая, что лицо после второго осуждения может заболеть болезнью, которая, по мнению суда, абсолютно исключит рецидив, или прежняя болезнь может прогрессировать, что также позволит сделать аналогичный вывод.[5]

Однако, как показала изученная практика, по рассматриваемым делам суды при вынесении обвинительного приговора за новое преступление, как правило, не указывают на наличие у подсудимого тяжелого заболевания, соответственно, не учитывая данное обстоятельство при назначении наказания.

В целом запрет на повторное освобождение по болезни авторы относили лишь к случаям совершения лицом нового умышленного преступления только в отношении осужденных, страдающих тяжелыми соматическими заболеваниями, и в течение неотбытой части наказания.[6]

Представляется, что с приведенными доводами отчасти следует согласиться. Во-первых, повторное освобождение по болезни на основании ч.2 ст.81 УК РФ, действительно, целесообразно в отношении лиц, совершивших новое неосторожное преступление, в силу их меньшей общественной опасности. Во-вторых, следует согласиться с тем, что положение о повторном освобождении по болезни должно распространяться только на осужденных, заболевших иной тяжелой (не психической) болезнью. Так, если лицо, освобожденное в связи хроническим психическим расстройством, наступившим после совершения преступления, совершает новое преступление в период своего заболевания, то оно будет признано невменяемым со всеми вытекающими уголовно-правовыми последствиями.

Вместе с тем представляется, что ограничивать применение запрета на повторное освобождение по болезни в случае совершения нового умышленного преступления периодом неотбытой части наказания было бы неверным. Более оправданно, если такой запрет будет иметь силу в течение срока, установленного законом для погашения судимости. Так, если осужденный ранее совершил тяжкое преступление и был освобожден в связи с тяжелой болезнью, то срок погашения судимости на основании ч.3 ст.86 УК РФ будет составлять шесть лет с момента освобождения от отбывания основного и дополнительного видов наказаний, поэтому повторное освобождение будет возможно лишь после погашения судимости. Следует отметить, что указанная категория лиц не подпадает под действие ч.4 ст.86 УК РФ вследствие того, что под ее действие подпадают лица, освобожденные на основании статей 79 и 80 УК РФ.

Представляется целесообразным закрепить запрет повторного освобождения по болезни лиц, ранее осужденных за совершение тяжкого или особо тяжкого преступления, освобожденных по болезни и вновь совершивших одно из указанных преступлений (если судимости за ранее совершенные преступления не погашены или не сняты в установленном законом порядке). Такие осужденные должны полностью отбывать назначенное им наказание за новое преступление и проходить необходимое лечение в лечебно-исправительных или лечебно-профилактических учреждениях уголовно-исполнительной системы.

Что касается лиц, освобожденных от отбывания наказания в связи с тяжелой болезнью и вновь осужденных за совершение умышленного преступления средней или небольшой тяжести, то последние могут быть повторно освобождены судом по болезни, но с определенными ограничениями, закрепленными в уголовном законе. Указанные ограничения целесообразно связать с истечением определенного времени (к примеру, трех лет) с момента освобождения от наказания по болезни, исходя из фактически отбытого срока. Такое требование в отношении рассматриваемой категории лиц приведено не случайно, а основано на данных исследования, согласно которым чаще всего повторные преступления небольшой и средней тяжести совершались освобожденными лицами в первый (около 63%), во второй (около 23%) и третий (почти 14%) годы после освобождения по болезни.

Кроме того, целесообразно рекомендовать судам не применять освобождение в связи с тяжелой болезнью более двух раз в отношении одного лица независимо от тяжести совершенных им

преступлений. В противном случае гуманное отношение государства к преступнику (хотя бы и больному) может перерасти в не имеющее границы всепрощение.

---

[1] Правила медицинского освидетельствования осужденных, представляемых к освобождению от отбывания наказания в связи с болезнью: Утв. постановлением Правительства РФ от 06.02. 2004 г. №54.

[2] Ералин А.Н. Вопросы совершенствования законодательства об освобождении от отбывания наказания по болезни // Проблемы уголовной ответственности и исполнения наказания: Сборник научных трудов адъюнктов и соискателей. – М., 1982. – №7. – С.43; Кириллова И.А. Освобождение от отбывания наказания по болезни // Проблемы совершенствования законодательства, регулирующего исполнение наказания: Сборник научных трудов. – М., 1981. – №58. – С.47; Перлов И.Д. Исполнение приговора в советском уголовном процессе. – М., 1963. – С.151.

[3] Михлин А.С. Проблемы досрочного освобождения от отбывания наказания. – М., 1982. – С.143.

[4] Ткачевский Ю.М. Досрочное освобождение от наказания. – М., 1962. – С.115.

[5] Сабанин С.Н. Реализация принципа справедливости в институте освобождения от уголовного наказания: Дис. ...канд. юрид. наук. – Екатеринбург, 1993. – С.211.

[6] Михлин А.С. Указ. работа. – С.143; Кириллова И.А. Указ. работа. – С.47; Ералин А.Н. Указ. работа. – С.43; Перлов И.Д. Указ. работа. – С.152.

МОМЕНТ ПОГАШЕНИЯ СУДИМОСТИ

Трухин А.М., к.ю.н., доцент
Юридический институт Красноярского государственного университета

Часть 1 ст.86 УК РФ определяет: «Лицо, осужденное за совершение преступления, считается судимым со дня вступления обвинительного приговора суда в законную силу до момента погашения или снятия судимости». Согласно ч.2 этой статьи лицо, освобожденное от наказания, считается несудимым. Данные положения закона имеют принципиальное значение для судимости как меры уголовной ответственности, поскольку судимость определяет не только конкретные правовые обременения осужденного лица, но и время, в течение которого оно признается осужденным за

содеянное, т.е. признается привлеченным к уголовной ответственности.

Момент возникновения судимости четко определен в законе, и по этому вопросу нет разногласий ни в теории, ни в практике уголовного права. Иначе дело обстоит в отношении момента погашения судимости, под которым следует понимать момент прекращения судимости.

С моментом прекращения судимости мы связываем момент прекращения уголовной ответственности. Именно в этом смысле следует понимать положение, предусмотренное ч.6 ст.86 УК РФ: «Погашение или снятие судимости аннулирует все правовые последствия, связанные с судимостью». С прекращением уголовной ответственности аннулируются все правовые последствия, связанные с наказанием и судимостью. Поскольку возникновение и прекращение судимости жестко связаны с назначением наказания и освобождением от него, возникает вопрос: почему не любой случай освобождения от наказания автоматически освобождает осужденного от судимости и в целом от уголовной ответственности? Почему лицо, полностью отбывшее назначенное ему наказание, считается осужденным, имеет судимость еще в течение определенного ч.3 ст.86 УК РФ срока? Ведь в ч.2 этой статьи четко определено, что лицо, освобожденное от наказания, считается несудимым.

Если в отношении лиц, условно осужденных, п.«а» ч.3 ст.86 УК РФ четко определяет, что по истечении испытательного срока судимость погашается, то в отношении лиц, освобожденных от наказания в связи с болезнью (ст.81 УК РФ), или в отношении лиц, к которым применена отсрочка отбывания наказания (ст.82 УК РФ), такого определения нет. Естественно, возникает вопрос: освобождается ли и от судимости лицо, освобожденное от наказания по этим основаниям? Ни в теории, ни в практике уголовного права однозначного ответа на него нет, хотя все единодушно признают, что он должен определяться с учетом правовой природы вида освобождения от наказания. При этом все виды освобождения от наказания можно подразделить на две группы: освобождение полное и неполное.

Суть данного вопроса заключается в отнесении конкретного вида освобождения от наказания к одной из этих групп. Так, некоторые криминалисты полагают, что указанные выше виды освобождения следует относить к полному освобождению от наказания.[1] А раз это так, то лицо не должно считаться судимым с момента освобождения от наказания при установлении болезни или беременности. Другая точка зрения заключается в том, что закон фак-

тически не урегулировал вопрос о прекращении судимости в отношении таких случаев.[2] На наш взгляд, эти позиции не соответствуют положениям закона по следующим основаниям.

Освобождение от наказания в связи с болезнью (ст.81 УК РФ) есть не что иное, как отсрочка исполнения наказания на время болезни (отсрочка исполнения обвинительного приговора). Если больной выздоровеет, то наказание отбывается при условии, если не истек к этому моменту срок давности, на что прямо указано в ч.4 ст.81 УК РФ. Если же обратиться к отсрочке отбывания наказания, предусмотренной ст.82 УК РФ, то можно увидеть, что данный вид освобождения от наказания является также временным, условным, т.е. неполным, но по сути таким же, как и условное осуждение, предусмотренное ст.73 УК РФ.

Полным освобождение от наказания при отсрочке будет тогда, когда время отсрочки закончится и когда суд не заменит неотбытое наказание более мягким, а полностью освободит осужденную от отбывания наказания. Фактическим основанием для такого освобождения будет надлежащее поведение осужденной в период срока отсрочки, который является испытательным сроком. Здесь так же, как и при болезни, возникает вопрос о сроке давности исполнения наказания (исполнения обвинительного приговора). Думается, что отсрочка может закончиться значительно раньше, чем ребенку исполнится четырнадцать лет, по основанию, предусмотренному ст.83 УК РФ, поскольку отсрочка не предусмотрена в качестве основания для приостановления срока давности исполнения обвинительного приговора.

Что касается нового вида освобождения от наказания, предусмотренного ст.80[1] УК РФ, то он является полным освобождением судом от наказания без его назначения. Эта процедура регламентируется п.3 ч.5 ст.302 УПК РФ. Поскольку данный вид освобождения от наказания аннулирует и судимость, то он является по своей правовой природе видом освобождения от уголовной ответственности.

Особого внимания заслуживает вопрос о погашении судимости в отношении лиц, условно-досрочно освобожденных от отбывания наказания (ст.79 УК РФ), а также лиц, которым произведена замена неотбытой части наказания более мягким видом наказания (ст.80 УК РФ).

Часть 4 ст.86 УК РФ определяет: «Если осужденный в установленном законом порядке был досрочно освобожден от отбывания наказания или неотбытая часть наказания была заменена более мягким видом наказания, то срок погашения судимости исчисля-

ется исходя из фактически отбытого срока наказания с момента освобождения от отбывания основного и дополнительного видов наказаний». В отношении этого положения можно сказать следующее. Все единодушны в понимании только момента, с которого должен исчисляться срок погашения судимости. Все остальное проблематично. Положение закона обычно толкуется следующим образом: «Аналогичное положение имело принципиальное значение в УК 1960 г., в котором срок погашения судимости зависел от размера наказания. В действующем же Кодексе приведенное положение имеет весьма ограниченное значение. Оно существенно для определения момента, с которого начинает течь срок погашения судимости. Это момент окончания отбывания не основного, а дополнительного наказания. А срок наказания, как назначенного, так и ***фактически отбытого*** (курсив мой. – А.Т.), на продолжительность срока погашения судимости никак не влияет»[3].

На наш взгляд, ничего принципиально нового УК РФ по сравнению с УК РСФСР 1960 г. не привнес в регламентацию института судимости. И сегодня, как и прежде, срок судимости зависит от вида и размера назначенного наказания, поскольку только оно может быть критерием тяжести совершенного преступления. При этом форма вины как критерий категории преступления у нас вызывает большие сомнения. Это общее положение. Что же касается специального, то ч.4 ст.86 УК РФ указывает на необходимость определения срока судимости с учетом досрочного освобождения (условного – А.Т.) от наказания или замены неотбытого наказания более мягким. Но как фактически реализовать это положение в судебной практике, никто не знает.

На наш взгляд, данная проблема решается достаточно просто. При замене неотбытой части наказания более мягким видом наказания (ст.80 УК РФ) судимость погашается по истечении одного года после отбытия или исполнения более мягкого вида наказания. При условно-досрочном освобождении от отбывания наказания (ст.79 УК РФ) судимость погашается по истечении испытательного срока, равного сроку неотбытого наказания. Так, если лицо осуждено за умышленное совершение преступления, наказано с учетом его тяжести лишением свободы на срок шесть лет, то в соответствии с ч.4 ст.15 УК РФ совершенное (а не предусмотренное в законе) преступление признается тяжким. На основании положения, предусмотренного п. «г» ч.3 ст.86 УК РФ, судимость за него погашается по истечении шести лет после отбытия наказания. Это общее правило. Если же лицо было условно-досрочно освобождено от отбывания наказания по отбытии половины срока

наказания, то судимость будет погашена по истечении трех лет, поскольку истечет испытательный срок условно-досрочного освобождения от наказания, равный сроку неотбытой части наказания. Пункт «а» ч.3 ст.86 УК РФ должен быть сформулирован следующим образом: «в отношении лиц, условно осужденных и условно освобожденных от наказания, – по истечении испытательного срока».

---

[1] См., напр.: Понятовская Т.Г., Шаутаева Г.Х. Правовое значение судимости. – Ижевск, 2003. – С.112-113.

[2] См., напр.: Грамматчиков М.В. Судимость в уголовном праве России. – Красноярск, 2003. – С.90.

[3] См.: Уголовное право России: Учебник для вузов. В 2 т. Т.1: Общая часть. – М., 2000. – С.515.

ОСОБЕННОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ ПРИНУДИТЕЛЬНЫХ МЕР МЕДИЦИНСКОГО ХАРАКТЕРА В ВИДЕ ПРИНУДИТЕЛЬНОГО ЛЕЧЕНИЯ В ПСИХИАТРИЧЕСКОМ СТАЦИОНАРЕ ОБЩЕГО ТИПА

Попкова Е.А.
Сибирский юридический институт МВД России

Особенности конкретного вида принудительных мер медицинского характера (ПММХ) связаны с психическим состоянием лица, к которому они применяются. При этом необходимо учитывать такие критерии применения определенного вида ПММХ к лицам, страдающим психическими расстройствами, как характер психического расстройства, степень общественной опасности лица и характер совершенного им общественно опасного деяния. В конечном итоге речь идет о помещении психически больного лица в такие условия, при которых он не смог бы причинить вред себе или другим лицам. Принудительное лечение в психиатрическом стационаре общего типа может проводиться в любой из психиатрических больниц, клиник, институтов, научных центров нашей страны, которые оказывают квалифицированную психиатрическую помощь больным, госпитализированным не только в принудительном, но и в добровольном и недобровольном порядке.

Режим содержания лиц, находящихся на принудительном лечении в психиатрическом стационаре общего типа, незначительно отличается от режима содержания больных, не совершивших об-

щественно опасного деяния, в недобровольном и добровольном порядке, поскольку не содержит специальных мер безопасности. Дополнительными условиями являются закрытый характер отделения (отсутствие свободного доступа), проведение прогулок на территории лечебного учреждения и непредоставление отпусков. По данным ГНЦ социальной и судебной психиатрии им. В.П.Сербского, численность психических больных, которым оказывалась психиатрическая помощь в психиатрических стационарах общего типа в России, составила: в 1998 г. – 6470, в 1999 г. – 6642, в 2000 г. – 6181, в 2001г. – 6193, в 2002 г. – 5086, в 2003 г. – 5670 человек. Данные показатели свидетельствуют о том, что принудительное лечение в психиатрическом стационаре общего типа использовалось в среднем более чем в 56% случаев от общей численности психически больных, к которым применялись принудительные меры медицинского характера.

Необходимость принудительного лечения в психиатрическом стационаре обуславливается общими условиями, указанными в ч.1 ст.101 УК РФ: если характер психического расстройства лица требует таких условий лечения, ухода, содержания и наблюдения, которые могут быть осуществлены только в психиатрическом стационаре.

Специальные условия принудительного лечения для каждого типа психиатрических стационаров определены законодателем отдельно, хотя и в самом общем виде. В ч.2 ст.101 УК РФ предусмотрено, что принудительное лечение в психиатрическом стационаре общего типа может быть назначено лицу, которое по своему психическому состоянию нуждается в стационарном лечении и наблюдении, но не требует интенсивного наблюдения.

Более подробно критерии, порядок и условия исполнения каждого вида принудительного лечения закреплены во Временной инструкции «О порядке применения принудительных мер медицинского характера в отношении лиц с психическими расстройствами, совершивших общественно опасное деяние»[1] (далее – Временная инструкция). Однако она морально устарела, поскольку использует терминологию ст.58 УК РСФСР 1960 г. (в редакции Указа Президиума Верховного Совета РСФСР от 5 января 1988 г.), где предусматривалось принудительное лечение душевнобольных в психиатрических больницах с обычным, усиленным и строгим наблюдением. Кроме Временной инструкции критерии применения ПММХ рассмотрены в Методическом письме Минздрава РФ от 23 июля 1999 г. №2510/8236-99-32 «О порядке применения принудительных и иных мер медицинского характера в отношении лиц с тяжелыми психическими расстройствами, совершивших об-

щественно опасные деяния (ст.21 и ч.1 ст.81 Уголовного кодекса Российской Федерации)» (далее – Методическое письмо), которое является ведомственным нормативно-правовым актом министерства здравоохранения. Отсутствие законодательного регулирования порядка и условий исполнения принудительных мер медицинского характера, в том числе и в виде принудительного лечения в психиатрическом стационаре общего типа, обуславливает необходимость закрепить это в новом федерального законе, который будет входить в систему уголовно-исполнительного законодательства.

В то же время в действующих нормативных актах – п.2.7 Методического письма и п.9 Временной инструкции – определено, что принудительное лечение в психиатрическом стационаре общего типа рекомендуется лицам:

а) совершившим общественно опасное деяние и (или) находящимся в данное время в психотическом состоянии, в случаях отсутствия выраженных тенденций к грубым нарушениям больничного режима и благоприятного прогноза в отношении терапевтического купирования психоза, но при сохраняющейся вероятности его повторения (хронические заболевания с частыми обострениями; наличие патологической «почвы», способствующей возникновению временных психотических состояний, например алкоголизма, наркомании, резидуального органического поражения головного мозга и т. п.), а также при недостаточной критике своего состояния, что делает невозможным проведения лечения в стационаре или в амбулаторных условиях на общих основаниях;

б) с явлениями слабоумия, состояниями психического дефекта различного происхождения и другими психическими расстройствами, совершившим деяния, спровоцированные какими-либо внешними неблагоприятными обстоятельствами, без выраженной тенденции к их повторению и грубым нарушениям больничного режима;

в) страдающим временным расстройством, развившимся после совершения общественно опасного деяния, но до вынесения приговора (направляемым на принудительное лечение до выхода из указанного болезненного состояния), при отсутствии выраженных тенденций к совершению новых общественно опасных деяний и грубым нарушениям больничного режима;

г) с хроническими психическими расстройствами или слабоумием после принудительного лечения в психиатрических стационарах (больницах, отделениях) специализированного типа, в том числе с интенсивным наблюдением, в случае улучшения психического состояния и (или) снижения опасности, позволяющих про-

должить принудительное лечение в условиях психиатрического стационара общего типа (в порядке изменения принудительной меры медицинского характера);

д) обнаружившим во время ранее назначенного судом амбулаторного принудительного лечения ухудшение психического состояния и (или) возрастание опасности, если это делает невозможным проведение показанных им лечебно-реабилитационных мероприятий в амбулаторных условиях и требует их перевода в условия психиатрического стационара (больницы, отделения) общего типа (в порядке изменения принудительной меры медицинского характера).

Контингент больных психиатрических стационаров общего типа характеризуется сравнительно легкими формами психических расстройств, которые поддаются лечению обычными психофармакологическими средствами, однако такие лица могут сохранять высокую вероятность повторного совершения общественно опасного деяния, что требует контроля качества и устойчивости ремиссии. Обычно такие больные совершают общественно опасные деяния под влиянием неблагоприятных внешних факторов, носящих временный или случайный характер (например, употребление алкоголя или конфликтная ситуация).[2] Принудительные меры медицинского характера в виде принудительного лечения в стационаре общего типа проводятся или в стационарах вместе с обычными больными, или в случае большого количества таких больных – в функциональных блоках отделений для принудительного лечения. Необходимость принудительного лечения таких психически больных обусловлена тем, что при относительной быстроте выведения больного из психического состояния все же сохраняется вероятность совершения ими повторного общественно опасного деяния либо у них отсутствует критическое отношение к своему состоянию.

Помещение на принудительное лечение в стационар общего типа в случае изменения принудительной меры медицинского характера с более строгой (например, с принудительного лечения в психиатрическом стационаре специализированного типа) обеспечивает закрепление результатов лечения, способствует контролю устойчивости и улучшению психического состояния лица.[3]

Таким образом, особенности применения принудительных мер медицинского характера в виде принудительного лечения в психиатрическом стационаре общего типа связаны в основном с психическим состоянием лица, при котором учитывается характер психического расстройства, степень общественной опасности лица и характер совершенного им общественно опасного деяния.

[1] Утверждена приказом Министерства здравоохранения СССР от 21 марта 1988 г. №225 по согласованию с Верховным Судом СССР, Прокуратурой Союза ССР, МЮ СССР и МВД СССР, с изм. от 11 января 1993 г., 12 августа 1994 г., 13 февраля 1995 г.

[2] Мальцева М.М., Котов В.П. Опасные действия психически больных. – М., 1995.– С.43.

[3] Колмаков П.А. Проблемы правового регулирования: Дис. …докт. юрид. наук. – СПб., 2000. – С.83.

ПРОБЛЕМА КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ С АЛЬТЕРНАТИВНЫМИ СОСТАВАМИ

Винокуров В.Н., к.ю.н., доцент
Сибирский юридический институт
МВД России

Андреев А.С.
Сибирский юридический институт
МВД России

В уголовном праве под альтернативными составами преступления понимаются такие составы, объективную сторону которых составляют несколько различных действий, совершение любого из которых образует преступление. К группе таких преступлений следует отнести составы, предусмотренные, в частности, ст.222, ч.2ст.228, ст.234, ст.238, ст.327 УК РФ.

Например, если проанализировать содержание таких действий, как приобретение, хранение, изготовление и сбыт наркотических средств, боеприпасов, оружия, товаров, то следует признать, что эти действия различаются по степени общественной опасности. А.В.Шеслер считает, что содержание общественной опасности определяется вредоносностью, то есть способностью преступления порождать негативные для общества последствия, и прецедентностью, то есть наличием у преступления свойств человеческой практики, возможности повторения подобных действий в будущем.[1] С указанных позиций наименьшей степенью общественной опасности из действий, перечисленных в указанных статьях, обладает приобретение оружия, боеприпасов, наркотических средств, затем по возрастающей – изготовление и наибольшей – сбыт указанных предметов и веществ. Это связано с тем, что возможности лица, приобретающего запрещенные к свободному обо-

роту вещества и предметы, ограничены по сравнению с возможностями лица, их изготавливающего. Именно поэтому законодатель выделил в отдельную норму ответственность за сбыт наркотических средств. Вместе с тем приобретение и изготовление наркотических средств, по сути, являются приготовлением к их сбыту. По общепризнанному в теории уголовного права мнению, приготовление к преступлению всегда менее общественно опасно, чем оконченное преступление. Соответственно, совершение указанных действий должно влечь за собой различные правовые последствия, применение различных мер наказания. Однако вследствие того, что указанные действия предусмотрены теми же частями указанных статей, действия лица, которое приобрело, а затем сбыло оружие, следует квалифицировать по ч.1 ст.222 УК РФ. Так, Верховный Суд РФ в определении по делу Ю. отменил решение нижестоящего суда, который квалифицировал действия подсудимого, выразившиеся в незаконном приобретении, хранении, ношении и перевозке боеприпасов, а затем попытке их сбыть, по ч.1 ст.222 УК РФ и по ч.3 ст.30 и ч.1 ст.222 УК РФ. При этом Верховный Суд РФ указал, что все действия, совершенные Ю., описаны в ч.1 ст.222 УК РФ и поэтому дополнительной квалификации по ч.3 ст.30 и ч.1 ст.222 УК РФ, так как это противоречит положениям ч.1 ст. 17 УК РФ.[2] В соответствии с ч.1 ст. 17 УК РФ совокупностью преступлений признается и одно действие или бездействие, содержащее признаки преступлений предусмотренных двумя и более статьями Кодекса. С позиции закона это решение верно, но вряд ли правильно с позиции здравого смысла. Кроме того, аналогичные проблемы возникают в ситуации, когда лицо перевозит наркотические средства, а затем выполняет функции пособника при их сбыте. Такие действия также следует квалифицировать только по ч.2 ст.228 УК РФ. Отметим, что в литературе уже высказывались сомнения в целесообразности конструирования подобным образом норм, так как в этом случае нет дифференциации правовых последствий совершения деяний в зависимости от того, сколько лицо совершило действии в рамках одной статьи.[3] Существует выход из сложившейся ситуации: сформулировать ответственность за совершаемые действия в различных частях в зависимости от степени общественной опасности. Раньше в соответствии с УК РСФСР ответственность за изготовление оружия была предусмотрена наряду с приобретением, хранением и ношением оружия в ст.218, законодатель сделал шаг вперед, установив ответственность за изготовление оружия отдельно в ст.223 УК РФ. Таким образом, действия лица, изготовившего оружие и сбывшего его, сле-

дует квалифицировать по совокупности преступлений, предусмотренных ст.223 и ст.222 УК РФ, что позволит суду ужесточить наказание путем сложения санкций указанных статей.

Также следует отметить, что в литературе высказывались предложения по совершенствованию законодательства, предусматривающего уголовную ответственность за совершение преступлений с альтернативными составами. Это, по мнению В.Щепелькова, должно выразиться в том, что в УК РФ должна быть введена специальная норма, предусматривающая правила квалификации преступлений с альтернативными составами.[4] Однако, к сожалению, формулировка содержания такой нормы не приводится. Таким образом, следует отметить, что одной из проблем конструирования объективной стороны составов преступлений, указывающих на совершение альтернативных действий, связанных с распространением запрещенных к обороту предметов и веществ, является отсутствие дифференциации правовых последствий совершения этих действий.

Второй проблемой, связанной с квалификацией преступлений, предусмотренных ст.222, ст.228 ст.234 УК РФ, является сложность разграничения действий, описанных в диспозициях этих статей. Так, в частности, анализ судебной практики показывает, что наибольшие трудности на практике вызывает разграничение таких действий, как хранение, пересылка, перевозка наркотических средств и психотропных веществ, хранение, перевозка, ношение оружия и боеприпасов. Например, по приговору Ленинского районного суда г. Саратова Б. признан виновным в незаконном приобретении, хранении и перевозке наркотического средства в крупном размере (ч.3 ст.228 УК РФ), совершенных при следующих обстоятельствах. Около городского рынка Б. приобрел у неустановленного следствием лица без цели сбыта пакетик с марихуаной весом 2,5 г, положил его в карман куртки и доехал на троллейбусе до остановки «Техучилище», где был задержан сотрудниками милиции.[5] В это же время Железнодорожный районный суд Ульяновской области постановил оправдательный приговор в отношении К., обвиняемого по п. «в» ч.3 ст.228 УК РФ, который приобрел у неустановленного следствием лица наркотическое средство – опий и поехал на трамвае домой. Мотивируя принятое решение, суд указал в приговоре, что сразу после приобретения опия К. поехал домой, намерения сбыть опий не имел, приобрел его для личного потребления, поэтому поездка на трамвае с незаконно приобретенным наркотиком не может рассматриваться как перевозка.[6] Как видим, одинаковым по характеру действиям

суды дают различные правовые оценки, и такие случаи не единичны. Нам представляется, что в целях избежания трудностей в разграничении действий, указанных в ст.ст.222, 228, 234 УК РФ, целесообразно отказаться от излишне подробного перечисления действий, образующих объективную сторону этих преступлений.

Очевидно, следует согласиться с мнением Д.К.Чиркова, С.П.Новосельцева, Н.В.Хамского о необходимости устанавливать ответственность за «обладание»[7].

Во-первых, перевозка, пересылка, ношение оружия, наркотических средств возможна только после их приобретения, изготовления, хищения, и совершение этих действий должно охватываться такими способами получения в фактическое обладание, как приобретение, изготовление и хищение. Во-вторых, ношение, перевозка, пересылка указанных предметов и средств ничем не отличаются друг от друга по характеру и степени общественной опасности, и такая излишняя регламентация не имеет никакого правового значения, представляя в то же время определенные сложности в процессе применения указанных норм. Критерием того, следует ли указывать действия, составляющие незаконный оборот оружия, наркотических средств, психотропных и ядовитых веществ, является характер совершаемых действий.

Таким образом, подводя итог, можно отметить следующее. Мы полагаем, что наказуемость за деяния, описанные в диспозициях указанных нами статей, суть которых состоит в совершении действий, заключающихся в распространении общеопасных предметов и веществ, должна устанавливаться в различных статьях. Во-первых, это позволит реализовать принцип дифференциации ответственности, под которым понимается разделение ответственности в уголовном законе, что выражается в установлении различных правовых последствий в зависимости от типовой степени общественной опасности преступления и личности виновного, что, в свою очередь, позволит соблюсти принцип справедливости.[8] Во-вторых, это позволит ужесточить наказание за совершение таких действий, как приобретение и сбыт оружия, наркотических средств, за счет квалификации таких действий по совокупности. В-третьих, при таком законодательном подходе будет реализовываться сдерживающее воздействие уголовного закона. Так, лицо, которое незаконно изготовило и приобрело наркотические средства, ничем не сдержано от их последующей реализации потому, что, независимо от того, воздержится оно от сбыта или будет интенсивно их сбывать, последствия для него будут одинаковы.

Также мы полагаем, что из диспозиции ст.ст. 228, 222, 234 УК РФ следует исключить такие понятия, как перевозка, пересылка, хранение и ношение. Это позволит избежать в процессе правоприменительной деятельности сложностей при квалификации указанных действий.

---

[1] Шеслер А.В. Содержание общественной опасности преступления // Актуальные проблемы теории и правоприменительной практики: Межвузовский сборник научных трудов. Вып.5. – Красноярск, 2002. – С.31.

[2] Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2000. – №5. – С.12-13.

[3] Григорьев В.А. Классификация юридических фактов в уголовном праве. – Уфа, 1994. – С.116.

[4] Щепельков В. Квалификация преступлений с альтернативными составами // Российская юстиция. – 2001. – №10. – С.71.

[5] Некоторые вопросы судебной практики по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 1998. – №10. – С.7.

[6] Там же.

[7] Новосельцев С.П. Квалификация преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных, сильнодействующих и ядовитых веществ: Научно-практическое пособие / С.П.Новосельцев, Н.В.Хамский, Д.К.Чирков; под ред. Д.К.Чиркова. – Красноярск, 2003.

[8] Лесниевски-Костарева Т.А. Дифференциация уголовной ответственности. Теория и законодательная практика. – М., 1998. – С.52, 70.

ПОНЯТИЕ ПСИХИЧЕСКОГО НАСИЛИЯ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ

Шарапов Р.Д., к.ю.н., доцент
Тюменский юридический институт МВД России

Среди научных категорий современного уголовного права отдельное место принадлежит преступному насилию, которое в общем смысле означает умышленное посягательство на личную безопасность человека вопреки его воле. Преступное насилие, будучи сложной категорией, объединяет большую группу умышленных преступлений, причиняющих физический или психический

вред человеку (насильственные преступления), доля которых в Особенной части УК РФ составляет около 30%.

В теории уголовного права преступное насилие традиционно подразделяется на физическое и психическое насилие. Последний вид насилия оказался наименее изученным, его сколько-нибудь удовлетворительная уголовно-правовая характеристика в науке отсутствует. Представляется, что основу характеристики психического насилия как преступного деяния составляют признаки его объекта и объективной стороны, в то время как субъективные признаки, являющиеся общими для всех видов преступного насилия, играют здесь второстепенную роль.

Видовым объектом психического насилия является психическая безопасность (психическая неприкосновенность) человека – общественные отношения, обеспечивающие его безопасное психическое состояние, а точнее, незыблемость, состояние защищенности (неприкосновенности) таких психических благ, как психическое благополучие, нормальное половое развитие и сексуальное достоинство, честь и человеческое достоинство.

Непосредственным объектом психического насилия является отдельное конституционное отношение, обеспечивающее незыблемость (безопасность) конкретного психического блага человека, – безопасность психического благополучия, безопасность чести и достоинства, безопасность половой свободы и половая неприкосновенность.

С объективной стороны психическое насилие представляет собой неправомерное причинение психического вреда потерпевшему. Традиционно данный вид насилия осуществляется путем информационного воздействия на психику другого человека с использованием психических факторов, а именно информации психотравмирующего характера. Самым распространенным психическим фактором является угроза причинения вреда. Однако не любая информация угрожающего характера составляет содержание угрозы как разновидности психического насилия. Для этого информация должна обладать определенными чертами.

Прежде всего, содержанием угрожающей информации является возможность причинения вреда, как правило, правам и законным интересам личности, общества или государства. В УК РФ названы разные виды угроз, различающиеся по своему характеру, то есть в зависимости от того, совершением какого рода противоправного деяния угрожает субъект, какие правоохраняемые интересы личности он грозится нарушить: 1) угроза физическим насилием («угроза насилием», «угроза убийством или причинением

тяжкого вреда здоровью», «угроза причинением вреда здоровью», «угроза насилием, опасным и не опасным для жизни или здоровья»). Как угрозу физическим насилием следует оценивать и угрозу похищением человека или угрозу изнасилованием, которые, по существу, предоставляют собой запугивание потерпевшего причинением физического вреда; 2) угроза уничтожением или повреждением чужого имущества (в ст.133 УК РФ в единственном случае закреплена угроза изъятием имущества); 3) шантаж – угроза распространения сведений, позорящих потерпевшего или его близких, либо иных сведений, которые могут причинить существенный вред правам или законным интересам потерпевшего или его близких; 4) угроза совершением иного противоправного деяния представляет собой запугивание потерпевшего совершением в отношении него или близких ему людей преступления или другого правонарушения (необоснованно уволить с работы, отчислить из вуза, незаконно возбудить уголовное дело, лишить премии, не исполнить обязательство по договору, оставить без попечения и т.д.).

Еще одной характерной чертой уголовно наказуемой угрозы является то, что опасность, которую она в себе заключает, может касаться как самого потерпевшего, так и его близких или лиц посторонних, но не безразличных потерпевшему. Это следует иметь в виду и тогда, когда в диспозиции статьи нет прямого указания на близких и других лиц (ст.ст. 110, 119, 162 УК РФ и др.). Угроза причинения вреда человеку, который безразличен для «потерпевшего», не способна причинить вред психической безопасности последнего и, следовательно, не может быть действенным способом преступления.

Одним из проявлений психического насилия являются оскорбления, издевательства, травля и другие подобные действия, оказывающие отрицательное воздействие на психику человека. Психическим фактором здесь является информация, унижающая человеческое достоинство потерпевшего, которая способна причинить ему психическую травму не менее серьезную, чем информация угрожающего характера (например, неприличная отрицательная оценка личности потерпевшего, отдание унизительных приказаний, ложное обвинение человека в порочных поступках, злые циничные насмешки, глумление, в том числе незаконное лишение человека крова, средств к существованию и т.п.).

Не менее опасным психотравмирующим фактором для человека является разного рода «шоковая» информация (о смерти близкого, об утрате ценного имущества, о «провале» на вступительных экзаменах в вуз, демонстрация потерпевшему сцен наси-

лия над его близкими и т.п.). Сообщение человеку подобных сведений может вызвать серьезную психическую травму, а при определенных условиях – и физический вред.

Соответствующие деяния могут квалифицироваться как истязание (ст.117 УК РФ) в части причинения психических страданий иными насильственными действиями, а также образуют «особую жестокость», которая является отягчающим обстоятельством преступлений.

Психическое насилие возможно и путем энергетического воздействия на организм человека. Речь идет о таких посягательствах, при которых энергетическое воздействие на органы и ткани потерпевшего превращается в опосредованное воздействие на его психику, исчерпывается психической травмой и не влечет причинения общественно опасных физических последствий. К таковым, по нашему мнению, относится *«оскорбление действием»* – плевок в лицо, пощечина, срезание косы, одергивание ушей или носа, щелчок пальцем по лбу и т.п. Такого рода действия расцениваются как психическое насилие не только в силу преобладающей направленности умысла виновного на причинение психической травмы другому человеку, унижение его чести и достоинства (субъективный критерий). Даже если указанные действия повлекли физическое последствие в виде боли, ее интенсивность настолько малозначительна, что данное деяние не представляет общественной опасности, свойственной для физического насилия (объективный критерий).

Сказанное имеет отношение и к некоторым половым преступлениям, объективная сторона которых связана с совершением *действий сексуального характера* вопреки воле потерпевшего. Половое сношение, мужеложство, лесбиянство и иные действия сексуального характера в насильственных половых преступлениях имеют статус психического насилия, который наиболее отчетливо проявляется в случае совершения данных посягательств с использованием беспомощного состояния жертвы, когда виновный не прибегает к дополнительному физическому или психическому насилию.

Психическое насилие возможно не только путем действия, но и путем бездействия. Показательным в этом плане является такой вид уголовно наказуемых угроз, как вымогательство взятки, которое может носить замаскированный характер, когда должностное лицо умышленно не выполняет входящие в его служебные обязанности действия по удовлетворению законных интересов гражданина, создавая тем самым для последнего обстановку психологиче-

ского прессинга, вынуждающую пойти на материальные уступки для мздоимца.

Преступным результатом психического насилия является *психическое последствие (психический вред)*, которое представляет собой вредное изменение в эмоциональной сфере человека в виде отрицательных психических состояний (эмоциональный стресс). Анализ норм УК РФ позволяет выделить четыре вида психического вреда (психических последствий): опасение преступной угрозы, состояние внезапно возникшего сильного душевного волнения (аффект), негативные эмоциональные состояния, не достигающие степени аффекта, психические страдания.

Опасение преступной угрозы как разновидность общественно опасного последствия является результатом психического насилия в форме преступных угроз и находит законодательное выражение в ст.119 УК РФ, где угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью образует оконченный состав преступления, если имелись основания опасаться осуществления этой угрозы.

Физиологический аффект – опаснейшее последствие психического насилия, способное серьезно дезорганизовать не только психические, но и соматические процессы в организме человека. Его уголовно-релевантная характеристика в теории представлена односторонне. Аффекту отводится роль лишь обстоятельства, смягчающего ответственность. Вместе с тем состояние внезапно возникшего сильного душевного волнения (аффекта) должно быть криминализировано в качестве самостоятельного общественно опасного последствия преступлений, прежде всего насильственных, как обстоятельство, отягчающее наказание.

Уголовно-релевантные свойства негативных эмоциональных состояний, не достигающих степени аффекта, как самостоятельной разновидности психического вреда подтверждаются рядом статей УК РФ, косвенно указывающих на необходимость установления особых психических состояний лица как последствий противоправных деяний. В частности, это отрицательное эмоциональное состояние матери-детоубийцы как следствие психотравмирующей ситуации (ст.106 УК РФ); психическое состояние потерпевшего, предрасположившее его к самоубийству (ст.110, п. «б» ч.3 ст.131 и 132 УК РФ); психические страдания как результат издевательства или иного особо жестокого способа преступления (п. «и» ч.1 ст.63, п. «д» ч.2 ст.105, п. «б» ч.2 ст.111, п. «в» ч.2 ст.112, ст.117, ч.2 ст.302 УК РФ и др.); чувство обиды потерпевшего в связи с унижением его чести и достоинства (ст.130 УК РФ).

Психические страдания – вид психического вреда, получивший законодательное оформление в ст.117 УК РФ и представляющий собой концентрированное выражение всех других видов психического вреда с отметкой проявления особой жестокости. Основным юридическим критерием оценки последствий как психических страданий является скорее не глубина отрицательных психических реакций человека, а время их протекания. Это значит, что негативные эмоциональные состояния в результате насилия человек испытывает более или менее продолжительное время (состояния эмоционального напряжения и эмоционального возбуждения, оказывающие существенное влияние на сознание и поведение, состояние начальной фазы кумулятивного аффекта, длительное и сильное стрессовое состояние, длительное фрустрационное состояние и пр.).

Итак, психическое насилие – это преступное посягательство на психическую безопасность человека в виде умышленного неправомерного причинения психического вреда потерпевшему вопреки его воле.

ПРИГОДНОСТЬ И ПРЕДНАЗНАЧЕННОСТЬ ДЛЯ ПРОЖИВАНИЯ КАК КОНСТРУКТИВНЫЕ ПРИЗНАКИ ПОНЯТИЯ ЖИЛИЩА

Паутов Д.В.
Нижнеингашская прокуратура по надзору за соблюдением законов в исправительных учреждениях прокуратуры Красноярского края

Право на неприкосновенность жилища является неотъемлемой частью основополагающего права человека на неприкосновенность частной жизни. В современном цивилизованном обществе неприкосновенность жилища выступает одним из компонентов свободы личности и служит показателем соблюдения в государстве основных прав и свобод граждан. Поэтому необходимо определиться с тем, что следует понимать под жилищем.

В гражданском праве под жилищем понимаются помещения, пригодные для постоянного проживания (ст.673 ГК РФ). В теории гражданского права вполне обоснованно было высказано мнение, что жилыми следует считать помещения, *предназначенные для постоянного проживания*. Предназначенность помещения для жи-

лищных целей – это изначально заданная функция, обозначенная в соответствующих документах, которая не зависит от характера фактического использования и от сохранения способности удовлетворять жилищные потребности граждан.[1] Так, Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ признала жилым щитовой сборно-разборный дом, в котором истец проживал по договору найма.[2]

В уголовном праве понятие «жилище» традиционно рассматривалось применительно к преступлениям против собственности. Так, согласно постановлению Пленума Верховного Суда СССР от 5.09.1986 г. №14 «О судебной практике по делам о преступлениях против личной собственности» жилище – это помещение, предназначенное для людей (индивидуальный дом, квартира, комната в гостинице, дача, садовый домик), а также те его составные части, которые используются для отдыха, хранения имущества либо удовлетворения иных потребностей человека (балконы, застекленные веранды, кладовые и т.п.). Не могут признаваться жилищем помещения, не предназначенные и не приспособленные для постоянного или временного проживания (например, обособленные от жилых построек погреба, амбары, гаражи и другие хозяйственные помещения).[3]

Согласно примечанию к ст.139 УК РФ под жилищем в данной статье, а также в других статьях Кодекса понимаются индивидуальный жилой дом с входящими в него жилыми и нежилыми помещениями, жилое помещение независимо от формы собственности, входящее в жилищный фонд и *пригодное для постоянного или временного проживания,* а равно иное помещение или строение, не входящее в жилищный фонд, но *предназначенное для временного проживания.*

Почти аналогичное понятие жилища дается в п.10 ст.5 УПК РФ, где указывается, что жилище – это индивидуальный жилой дом с входящими в него жилыми и нежилыми помещениями, жилое помещение независимо от формы собственности, входящее в жилищный фонд и *используемое для постоянного или временного проживания,* а равно иное помещение или строение, не входящее в жилищный фонд, но *используемое для временного проживания.*

Согласно ч.3 ст.1 Закона РФ «Об основах федеральной жилищной политики» жилищный фонд – это совокупность всех жилых помещений независимо от форм собственности, включая жилые дома, специализированные дома (общежития, гостиницы-приюты, дома маневренного фонда, специальные дома для одиноких престарелых, дома-интернаты для инвалидов, ветеранов и

другие), квартиры, служебные жилые помещения в других строениях, *пригодных* для проживания.

Не образуют понятие «жилище» в силу непригодности для проживания межквартирные лестничные клетки, шахты лифта, коридоры, крыши, этажи, подвалы, внутри которых находится оборудование.[4]

Вместе с тем по признаку пригодности для проживания к жилищу следует относить не только каюту судна и купе вагона для обслуживающего персонала, но и купе поезда для пассажиров. Вместе с тем Верховный Суд РСФСР не признал жилищем купе поезда дальнего следования, указав на то, что поезд служит транспортным средством и для проживания в нем людей не предназначен.[5] Однако с учетом того, что объектом преступления, предусмотренного ст.139 УК РФ, является в том числе право человека на уединение, в уголовном праве, исходя из его задач – защиты естественных прав, к жилищу следует относить помещения, пригодные для проживания. Пригодность для проживания является более широким понятием, чем предназначенность. Поэтому представляется, что и купе поезда, и каюту теплохода для пассажиров следует признавать жилищем, т.к. пассажир в купе во время поездки не только комфортно передвигается, но и живет.

Применительно к отечественному законодательству понятие жилища можно определить двумя методами: перечислением всех объектов, которые могут служить жилищем (квартира, дачный домик, каюта теплохода, купе поезда, номер в гостинице, кузов автомобиля, специально предназначенный для временного проживания), и указанием на функциональные признаки жилища. При этом оба метода отнесения помещения к жилищу дополняют друг друга. Мы полагаем, что к функциональным признакам жилища должны быть отнесены следующие: а) приспособленность для проведения ночлега и нахождения в нем определенного имущества для удовлетворения бытовых потребностей[6]; б) отсутствие свободного доступа в помещение (наличие стен, дверей). В то же время наличие имущества в помещении не является обязательным признаком отнесения помещения к жилищу. Вместе с тем понятие жилища не следует трактовать крайне расширительно. К нему не могут относиться чердаки, подвалы, землянки, естественные укрытия природы (гроты, пещеры).[7]

Подводя итог, можно сделать вывод, что под жилищем следует понимать любое помещение, не только предназначенное для постоянного или временного проживания граждан, но и помещения, пригодные для проживания, где обеспечены бытовые потребности проживающих в нем лиц и свободный доступ в которые ограничен.

[1] Кузьмина М. Понятие жилого помещения //Российская юстиция. – 2001. – №3. – С.29-30.

[2] Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2000. – №8. – С.5-6.

[3] Сборник постановлений Пленумов Верховного Суда Российской Федерации (СССР, РСФСР) по уголовным делам. – М., 2000. – С.184.

[4] Бойцов А.И. Преступления против собственности. – СПб., 2002. – С.621.

[5] Бюллетень Верховного Суда РСФСР. – 1986. – №2. – С.14.

[6] Симонов В.И., Татарин В.Р. К вопросу о применении квалифицирующего признака «проникновение в жилище» // Проблемы уголовной ответственности и наказания: Сборник статей / Под ред. А.С.Горелика. – Красноярск, 1995. – С.81.

[7] Елисеев С.А. Преступления против собственности по уголовному законодательству России (вопросы теории). – Томск, 1999. – С.159.

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ В РОССИИ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА СОВЕРШЕНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ, СВЯЗАННОГО С ПРИЧИНЕНИЕМ ИМУЩЕСТВЕННОГО УЩЕРБА ПРИ ОТСУТСТВИИ ПРИЗНАКОВ ХИЩЕНИЯ

Логинова Н.Г.
Сибирский юридический институт МВД России

Российское государство с древних времен обращалось к вопросам охраны имущественных отношений от преступных посягательств. Впервые упоминания по этому поводу мы обнаруживаем в Русской Правде, где встречается понятие «татьба», под которым имелась в виду кража, при этом она была возможна лишь как умышленное преступление.

Достаточно близки к мошенничеству в этот период были несвоевременный возврат долга или отказ от такового. Должник, набравший мошеннически (полагавши) чужих денег и скрывшийся от кредиторов, рассматривался как вор.[1]

Никаких других указаний на присутствие составов преступлений, совершение которых связано с обманом либо злоупотреблением доверием, в Русской Правде нет, равно как и в других памятниках права XIII-XV вв.

Термин «мошенничество» впервые встречается лишь в Судебнике 1550 г. (далее – Судебник)[2], в ст.58 которого указывается: «Мошеннику также казнь, что и татю» (одновременно со словом «мошенник» в той же статье использовалось слово «оманщик»).

Таким образом, мошенничество и кража были равны по степени общественной опасности. Далее в той же статье Судебника законодатель отмечает: «А хто на оманщике взыщет и доведут на него, ино у ищеи иск пропал. А оманщика, как его ни приведут, ино его бити кнутьем». Здесь обращает на себя внимание указание на обман, поскольку «оманщиком» можно было назвать только того, кто совершил обман.[3] Следовательно, законодатель начинает выделять обман как способ совершения хищения чужого имущества. В указанной формулировке прослеживается сходство с современной трактовкой мошенничества.

Вместе с тем Судебник не детализирует мошенничество как вид преступного хищения чужого имущества. Тем не менее само упоминание этого термина представляется знаменательным, поскольку определяет точку отсчета развития этого вида преступного посягательства на отношения права собственности.

Дальнейшее правовое регулирование и развитие понятие мошенничества получает в Соборном Уложении 1649 г., ст.11 гл.XXI которого закрепляла: «Да и мошенником чинить тот же указ, что указ чинить татем за первую татьбу»[4]. Таким образом, мошенничество приравнивалось именно к первой краже.

Однако Уложение также не дополняет состав мошенничества иными характеристиками, в связи с чем объективная сторона этого преступления учеными воспринималась по-разному. Так, по мнению И.Я.Фойницкого, мошенничество в XVI-XVII вв. представляло собой разновидность татьбы и выражалось в виде мелкой кражи через обман, при этом он указывал, что сам термин «мошенничество» происходит от слова «мошна», то есть карман, и в узком смысле мошенничество того периода следовало понимать как кражу мошны.[5]

Со второй половины XVII в. одним из видов кражи являлось воровство-мошенничество – это обмер и обвес.[6]

Потребовалось более ста лет, чтобы российский законодатель четко и ясно определил свою позицию по отношению к мошенничеству. Разъяснение понятия мошенничества было дано лишь в Указе от 3 апреля 1781 г. «О суде и наказаниях за воровство разных родов и о заведении рабочих домов во всех губерниях», в котором идет речь «о трех родах воровства» – грабеже, краже и мошенничестве, при этом мошенничеству уделяется наибольшее внимание (очевидно, потому, что определение грабежа и кражи уже нашло к тому времени закрепление в законодательных актах). Согласно п.5 Указа «мошенничество есть… или обманом, или вымыслом продаст, или отдаст поддельное за настоящее, или весом

обвесит, или мерою обмерит, или что подобное обманом или вымыслом себе присвоит ему не принадлежащее, без воли, без согласия того, чье оно»[7].

Важно отметить, что в определении мошенничества в Указе 1781 г. выделяются и закрепляются его важнейшие признаки, которые и сейчас отличают мошенничество от других видов хищения чужого имущества, – «обман» и «вымысел» как способы совершения данного вида преступления.

В дальнейшем законодатель неизменно выделяет мошенничество как самостоятельный вид преступлений против собственности и детализирует отдельные его характеристики. Сначала в т.XV Свода законов Российской Империи, а затем в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. законодатель достаточно подробно описывает состав мошенничества как вид преступного посягательства против собственности. Следует заметить, что конструкция состава мошенничества в последующих, после издания Уложения в 1845 г., редакциях практически не менялась и, учитывая, что нормы Уголовного Уложения 1903 года о преступлениях против собственности так и не были введены в действие, можно констатировать, что состав мошенничества, сформулированный в 1845 г., сохранялся до падения империи в 1917 г.

В ст. 1626 Уложения выделяется основной признак мошенничества – обман.

В первых советских Уголовных кодексах 1922 г. и 1926 г. причинение имущественного ущерба путем обмана рассматривалось в рамках состава преступления, предусматривающего уголовную ответственность за мошенничество.[8]

Выделение из состава мошенничества причинение имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием при отсутствии признаков хищения произошло в ходе дальнейшей разработки и закрепления института хищения.

В УК РСФСР 1960 г. состав мошенничества получил развитие, из него законодателем была выделена норма, устанавливающая уголовную ответственность за причинение имущественного ущерба при отсутствии признаков хищения (ст.94). Однако данная норма применялась только в отношении причинения ущерба государству либо общественным организациям. Институт охраны государством частной собственности в тот момент должного закрепления на законодательном уровне не отражал. При этом следует отметить, что мошенничество как форма хищения в отношении личного имущества граждан была закреплена в соответствующей

главе о преступлениях против личного имущества граждан (ст.147 УК РСФСР).

В отличие от хищения путем мошенничества, когда виновный путем обмана незаконно завладевает имуществом, при совершении рассматриваемого состава преступления ущерб причиняется не путем безвозмездного завладения имуществом. Преступник извлекает выгоду путем обманного уклонения от уплаты должного государству, общественной организации.[9]

Данная норма просуществовала в УК РСФСР до 1994 г., когда в связи с происходящими в стране социально-экономическими процессами из Особенной части УК РСФСР была исключена глава II «Преступления против социалистической собственности» и внесена дополнительно ст.148[3] в главу V «Преступления против собственности», которая предусматривала уголовную ответственность за причинение имущественного ущерба собственнику, тем самым был решен вопрос об уголовно-правовой защите всех форм собственности в равной степени. Способом совершения, как и ранее, являлись обман или злоупотребление доверием.

Дальнейшее развитие норма о причинении имущественного ущерба при отсутствии признаков хищения получила с принятием УК РФ в 1996 г.[10], в ст.165 которого имеется указание на то, что потерпевшим признается не только собственник имущества, но и иной законный владелец. Статья имеет части 2 и 3, которые устанавливают квалифицирующие признаки, аналогичные квалифицирующим признакам мошенничества (ст.159 УК РФ).

Состав преступления, предусмотренный ст.165 УК РФ, по способу совершения – обман или злоупотребление доверием – сходен с мошенничеством. В свою очередь, мошенничество является формой хищения, поэтому ему присущи все его признаки. Из этого следует, что до закрепления данной нормы в УК РСФСР данное преступное деяние охватывалось изначально понятием кражи, а впоследствии – мошенничества.

Таким образом, анализ основных исторических актов, предусматривающих уголовную ответственность за причинение имущественного ущерба при отсутствии признаков хищения, позволяет говорить о том, что содержание современной нормы во многом обусловлено развитием института защиты права собственности от преступных посягательств, начиная с простой кражи, впервые предусмотренной в X в.

---

[1] Владимирский-Буданов М.В. Обзор истории русского права. – СПб., 1888. – С.260.

[2] Хрестоматия по истории отечественного государства и права. – М., 1987. – С.34-53.

[3] Владимирский-Буданов М.Ф. Указ. работа. – С. 298.

[4] Хрестоматия по истории отечественного государства и права (X век – 1917 год) /Сост. В.А.Томсинов. – М., 1998. – С. 122.

[5] Владимирский-Буданов М.Ф. Указ. работа. – С.260.

[6] Фойницкий И. Мошенничество по русскому праву. – СПб., 1871. – С.42.

[7] Полное собрание законов Российской империи. – Собр.1. – Т.XXI. – №15147.

[8] УК РСФСР с изменениями на 15 ноября 1940 г. Официальный текст с приложением постатейно систематизированных материалов. – М., 1940.

[9] Советское уголовное право. Особенная часть /Под ред. Г.А.Кригера, Б.А.Куринова, Ю.М.Ткачевского. – М., 1982. – С.131.

[10] Уголовный кодекс РФ. – М., 2004.

СУДЕБНОЕ ТОЛКОВАНИЕ СПОРНЫХ ПРИЗНАКОВ НЕЗАКОННОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА И ЛЕГАЛИЗАЦИИ

Шишко И.В., д.ю.н., доцент
Юридический институт Красноярского государственного университета

Признаки составов преступлений, предусмотренных ст.ст.171, 174 и 174[1] УК РФ, получили толкование в постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 18 ноября 2004 г. №23 «О судебной практике по делам о незаконном предпринимательстве и легализации (отмывании) денежных средств или иного имущества, приобретенных преступным путем». Оценивая указанное постановление *с позиции своевременности,* нужно отметить, что, к сожалению, оно принято по окончании основных научных дискуссий по этим составам, а изменения и дополнения в УК РФ, внесенные федеральными законами от 8 декабря 2003 г. и 21 июля 2004 г., внесли определенность и в представления о характере ущерба и его величине.

Исследуем, насколько позволяет объем статьи, содержание нового акта судебного толкования.

Такое исследование, прежде всего, позволяет констатировать, что постановление аккумулировало многие положения, раз-

работанные в науке, и, таким образом, стало «проводником» результатов научных исследований в практику. В нем, в частности, закреплены тождество предпринимательства и предпринимательской деятельности (отдельные авторы доказывали несовпадение этих понятий); необходимость квалификации незаконного предпринимательства по совокупности с преступлениями, предусмотренными ст.ст.171, 180, 238 УК РФ; отсутствие состава незаконного предпринимательства в выполнении обязанностей (кроме руководителя), вытекающих из трудового договора; возможность квалификации по ст.ст.174 или 174[1] УК РФ как оконченного преступления и одной сделки и другие положения.

В то же время ряд признаков незаконного предпринимательства и легализации в науке по-прежнему интерпретировались не единообразно, и, закрепив в постановлении один из вариантов их доктринального толкования, Пленум выполнил уже функцию арбитра, обеспечив унификацию судебной практики. К примеру, в постановлении доход истолкован как выручка от реализации товаров (работ, услуг) *без вычета произведенных лицом расходов,* хотя в науке отстаивалась и другая точка зрения (ее разделил и Президиум Верховного Суда РФ в постановлении по делу Кондратьевой).

Особого внимания в этом контексте заслуживает решение Пленумом двух вопросов, имеющее значение, далеко выходящее за рамки составов незаконного предпринимательства и легализации.

Во-первых, речь идет о том, можно ли, применяя бланкетные нормы УК РФ, обращаться к неуголовным нормативным правовым актам не федерального уровня. По мнению одних авторов, в подобных случаях «основания привлечения к уголовной ответственности в различных субъектах Российской Федерации были бы разными, что недопустимо»[1], по мнению других, обращение к регулятивным нормам правомерно независимо от вида их источников и зависит исключительно от того, в чьем ведении находится правовое регулирование тех общественных отношений, которые охраняются конкретной нормой УК РФ. В п.8 постановления разъяснено, что нормативный правовой акт субъекта Российской Федерации по вопросам, вытекающим из отношений, связанных с лицензированием отдельных видов деятельности, не применяется тогда, когда он принят с нарушением компетенции либо с нарушением федерального закона или когда такое правовое регулирование относится к совместному ведению Российской Федерации и ее субъектов. Следовательно, в отсутствии указанных нарушений *нормативный правовой акт не федерального уровня применим.*

Во-вторых, в науке уголовного права не получил единого решения вопрос о темпоральном действии регулятивных норм, отменяющих запреты или обязанности участников экономических отношений. По мнению большинства криминалистов, бланкетные нормы УК РФ неприменимы к деяниям, которые после их совершения утратили противоправность вследствие изменения регулятивных норм. Часть авторов напротив отстаивают неприменимость ст.10 УК РФ к иноотраслевым нормативным правовым актам, и эта позиция, как известно, нашла отражение в известном определении Конституционного Суда РФ по делу о проверке конституционности примечания 2 к ст.158 УК РФ.

В п.17 постановления от 18 ноября 2004 г. Пленум разъяснил, что если из перечня лицензируемых видов деятельности соответствующий вид деятельности исключен, то в действиях осуществлявшего ее лица состав незаконного предпринимательства отсутствует. На первый взгляд такое разъяснение реанимирует первую из приведенных позиций. Однако это не так. Указанный случай выделяется в ряду других отмен обязанностей регулятивными нормами тем, что исключение обусловлено *необоснованностью самого установления требования* заниматься соответствующим видом деятельности только при наличии лицензии. Поэтому-то осуществление такой деятельности без лицензии не представляло общественной опасности и тогда, когда обязанность получить лицензию еще существовала.

Несомненно, ряд положений, разработанных в науке, в постановлении получил дальнейшее развитие. Так, из предпринимательской деятельности исключена временная сдача в аренду недвижимости, приобретенной для личных нужд, полученной по наследству или договору дарения, если отсутствует необходимость в ее использовании (п.2); определено, что нарушение правил регистрации и предоставление документов, содержащих заведомо ложные сведения, являются альтернативными криминообразующими признаками тогда, когда указанные нарушения дают основания для признания регистрации недействительной (п.3).

Примечательно изменение подхода Пленума к квалификации незаконного предпринимательства при неуплате налогов (сборов) с полученных от него доходов. В отличие от разъяснения, данного в п.4 постановления Пленума Верховного Суда от 4 июля 1997 г. №8 «О некоторых вопросах применения судами Российской Федерации уголовного законодательства об ответственности за уклонение от уплаты налогов», в соответствии с п.16 нового постановле-

ния неуплата налогов (сборов) полностью охватывается составом незаконного предпринимательства.

Из п.27 постановления следует, что факт преступного приобретения имущества может быть установлен при рассмотрении уголовного дела по обвинению в легализации (ст.ст.174 и 174[1] УК РФ).

Признавая в целом позитивное значение постановления, нельзя не отметить его серьезные недостатки и не спрогнозировать негативные последствия.

По смыслу абз.4 п.1 постановления не исключено признание незаконным предпринимательством деятельности, *запрещенной законом.* Можно предположить, что в условиях отсутствия в УК РФ общей нормы об ответственности за осуществление запрещенной деятельности Пленум пытается таким образом «закрыть» пробел. Однако в этом случае судебное толкование является явно распространительным: в соответствии со ст.34 Конституции РФ предпринимательской может быть *только не запрещенная законом деятельность.*

Вызывает недоумение п.22, согласно которому цель придания правомерного вида владению, пользованию или распоряжению преступно приобретенным имуществом не является признаком субъективной стороны преступления, предусмотренного ст.171[1] УК РФ. Такое разъяснение не согласуется не только с п.26 этого же постановления, но и с Федеральным законом «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем». Согласно этому закону деятельность, не направленная на указанную цель, легализацией не является, в то время как из заголовка ст.174[1] УК РФ следует, что она устанавливает ответственность за легализацию.

С учетом значения актов судебного толкования последствием приведенного разъяснения станет неоправданная криминализация *любого* использования имущества, приобретенного лицом в результате совершения им преступления.

К такому же результату ведет и новое толкование «дохода». С учетом высоких цен в России, с одной стороны, и закрепленного значения термина «крупный» – с другой, доход без учета расходов превысит 250 тыс. руб. в *большом* количестве случаев, и в условиях непрекращающейся инфляции их число будет возрастать. Это повлечет избыточную криминализацию незаконного предпринимательства по признаку получения дохода, общественная опасность которого, по мнению многих специалистов, и так весьма сомнительна.

[1] Волженкин Б.В. Преступления в сфере экономической деятельности (экономические преступления). – СПб., 2002. – С.175-176.

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ БОРЬБЫ СО ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯМИ ПРИ ЭМИССИИ ЦЕННЫХ БУМАГ

Вербицкая Н.А.
Юридический институт Красноярского государственного университета

Предметом двух форм преступления, предусмотренного ст.185 УК РФ, выступает проспект ценных бумаг. Процедура подготовки проспекта ценных бумаг к государственной регистрации действующим законодательством не регламентирована. Из анализа норм, регулирующих фондовый рынок, следует, что проспект ценных бумаг сначала должен быть технически подготовлен, затем утвержден компетентным органом эмитента и, наконец, подписан лицами, подпись которых необходима в силу требований Федерального закона «О рынке ценных бумаг»[1] (далее – Закон).

Внесение в проспект недостоверной информации возможно уже на начальном этапе подготовки проспекта к государственной регистрации. Под внесением в проспект заведомо недостоверной информации следует понимать включение в предназначенный для государственной регистрации (а в последующем для опубликования) проспект ценных бумаг предусмотренных законодательством сведений, заведомо не соответствующих реальному положению дел эмитента. Такие сведения могут касаться любых сторон деятельности эмитента.

Вопрос о том, кто должен нести ответственность за внесение заведомо недостоверной информации в проспект ценных бумаг, породил споры в теории уголовного права.

Так, Н.А.Лопашенко считает, что субъектом этого преступления может быть любой работник эмитента, «которому поручена подготовка проспекта эмиссии»[2]. Б.В.Волженкин, напротив, утверждает, что «проспект эмиссии как таковой, как документ, создающий соответствующие последствия, появляется лишь после его утверждения, подписания уполномоченными управленческими органами эмитента. Только в этом случае совершается преступление – внесение в проспект эмиссии ценных бумаг заведомо недостоверной информации»[3]. Однако в этом рассуждении «внесение» и

«утверждение» «слиты» в единое действие, а в диспозиции ст.185 УК РФ эти действия названы как самостоятельные. И, действительно, первое действие хронологически предшествует второму. Поэтому внесение заведомо недостоверной информации в проспект ценных бумаг совершается до его утверждения.

Полагаем, вопрос о субъекте внесения в проспект ценных бумаг заведомо недостоверной информации должен решаться в каждом конкретном случае с учетом анализа содержания внутренних документов эмитента (приказы, должностные инструкции, положения об отделах и т.п.), т.к. сомнительно, что руководитель эмитента лично составляет проспект. Вместе с тем зачастую, доверяя работнику, руководитель подписывает проспект, не углубляясь в его содержание.

Практический интерес представляет решение вопроса о квалификации невнесения предусмотренной Законом информации в проспект ценных бумаг или, иначе говоря, умолчания о тех негативных фактах «биографии» эмитента, зная о которых инвестор не вложил бы свои средства в предлагаемые ему ценные бумаги.

В диспозиции ст.185 УК РФ говорится только о внесении заведомо недостоверных сведений в проспект ценных бумаг (иначе – об активном обмане). За рамками состава преступления находится бездействие (пассивный обман), которое на практике может привести к таким же последствиям, как внесение заведомо недостоверной информации. Однако нераскрытие эмитентом информации в соответствии с требованиями федеральных законов подпадает под действие нормы административного права – ст.15.17 КоАП РФ (недобросовестная эмиссия ценных бумаг). Для приведения проспекта ценных бумаг в соответствие с требованиями законодательства о фондовом рынке эмитенту предоставляется определенный срок для подготовки отчета об устранении нарушений.[4] Эмиссия ценных бумаг на это время приостанавливается. В случае нарушения требований законодательства об обеспечении полноты информации выпуск ценных бумаг может быть признан несостоявшимся либо недействительным.

Утверждение проспекта – это одобрение предложенного варианта документа компетентным органом управления эмитента. Орган управления эмитента, утверждающий проспект ценных бумаг, коллегиальный. При решении вопроса о привлечении виновных к уголовной ответственности за утверждение проспекта с заведомо недостоверной информацией следует исходить из того, что субъектами преступления будут те члены органа управления эмитента, которые, зная о заведомо недостоверном характере инфор-

мации, внесенной в проспект, проголосовали за утверждение такого проспекта. Конечно, те члены органа управления, которые не осознавали заведомо недостоверного характера информации утверждаемого проспекта, не могут быть признаны виновными в совершении преступления, предусмотренного ст.185 УК РФ.

Завершающим этапом подготовки проспекта ценных бумаг к регистрации является его подписание. Согласно Закону подписать проспект ценных бумаг должно лицо, осуществляющее функции единоличного исполнительного органа эмитента. Подписанием проспекта лицо, осуществляющее функции единоличного исполнительного органа эмитента, свидетельствует достоверность и полноту содержащейся в проспекте информации. В обязательном порядке проспект подписывает главный бухгалтер эмитента, который несет ответственность за полноту и достоверность «своей» части проспекта, касающейся финансового состояния эмитента. В предусмотренных Законом случаях проспект ценных бумаг подписывается и другими участниками фондового рынка – аудитором, финансовым консультантом, оценщиком и т.д. Эти лица подтверждают достоверность и полноту информации в указанной ими части проспекта ценных бумаг. На наш взгляд, подтверждение достоверности и полноты информации представляет собой частный случай подписания, т.е. подписание специальной, определенной, части проспекта ценных бумаг. После прохождения всех этих процедур проспект ценных бумаг считается подготовленным к государственной регистрации.

Однако обратим внимание, что в диспозиции ст.185 УК РФ предусмотрено лишь утверждение проспекта ценных бумаг, содержащего заведомо недостоверную информацию, а не его подписание и подтверждение достоверности и полноты содержащейся в нем информации. Из этого следует, что, лица, подписавшие и «подтвердившие» проспект ценных бумаг, содержащий заведомо недостоверную информацию, не могут быть субъектами исследуемого преступления.

Для окончательного решения вопроса об ответственности указанных лиц необходимо вспомнить, что единоличный исполнительный орган общества, а также главный бухгалтер и иные участники фондового рынка (при необходимости подписания проспекта ценных бумаг ими) подписывают уже утвержденный проспект. Их действия в большей мере носят вспомогательный характер, т.к. документ фактически приобретает юридическую силу посредством его одобрения высшим органом управления эмитента.

Но тем не менее без их подписей проспект не является надлежаще подготовленным к государственной регистрации.

Вопрос о возможности привлечения к уголовной ответственности лиц, подписавших проспект ценных бумаг, содержащий заведомо недостоверную информацию, решается по-разному. Если компетентные лица, заранее зная о недостоверности информации, дали свое согласие на подписание и подписали проспект, то они должны нести ответственность как пособники в совершении преступления, предусмотренного ст.185 УК РФ. В том случае, если они заранее не обещали подписать проспект, содержащий заведомо недостоверную информацию, но, осознав, что подписывают «недостоверный» проспект, подписали его, для них возможно наступление уголовной ответственности по нормам, предусматривающим уголовною ответственность за преступления против интересов службы в коммерческих и иных организациях (для руководителя, например, по ст.201 УК РФ (злоупотребление полномочиями)). При отказе единоличного исполнительного органа от подписания заведомо «недостоверного» проспекта уголовная ответственность исключается, т.к. ущерб охраняемым правом интересам не причиняется.

Теоретически можно предположить и такой случай, когда на лиц, компетентных подписать проспект, оказывается воздействие, и вследствие этого они подписывают проспект, содержащий заведомо недостоверную информацию. В этом случае вопрос об уголовной ответственности в каждом конкретном случае следует решать с применением ст.ст. 39, 40 УК РФ.

---

[1] О рынке ценных бумаг: Федеральный закон от 22 апреля 1996 г. №39-ФЗ (в ред. от 28 июля 2004 г. № 89-ФЗ) //Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 17. – Ст.1918.

[2] Лопашенко Н.А. Преступления в сфере экономической деятельности. Комментарий к главе 22 УК РФ. – С.198-199.

[3] Волженкин Б.В. Преступления в сфере экономической деятельности (экономические преступления). – СПб., 2002. – С.109.

[4] Положение о порядке приостановления эмиссии и признания выпуска ценных бумаг несостоявшимся или недействительным: Утв. постановлением ФКЦБ от 31 декабря 1997 г. №45 (в ред. постановления ФКЦБ РФ от 13 августа 2003г. №03-35/пс).

ОСОБЕННОСТИ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА БАНДИТИЗМ ПО ОТЕЧЕСТВЕННОМУ УГОЛОВНОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ СОВЕТСКОГО ПЕРИОДА

Островских Ж.В.
Байкальский государственный
университет экономики и права

Российское дореволюционное законодательство не знало понятий «банда» и «бандитизм», а оперировало термином «шайка». Впервые о бандитизме как уголовно наказуемом деянии говорилось в Декрете СНК РСФСР от 20 июля 1918 г. «О суде».[1] Данное преступление рассматривалось как посягающее на основы государственного управления в области охраны общественной безопасности и правопорядка. Понятие бандитизма раскрывалось в Декрете ВЦИК от 20 июля 1919 г. «Об изъятиях из общей подсудности в местностях, объявленных на военном положении», согласно которому под бандитизмом понималось «участие в шайке, составившейся для убийств, разбоя и грабежей, пособничество и укрывательство такой шайки»[2]. Декрет считал бандой любую преступную группу независимо от того, вооружены ее члены или нет. Не выделяли признаки бандитизма и «Руководящие начала по уголовному праву РСФСР», принятые постановлением НКЮ от 12 декабря 1919 г.[3], в них банда не отличается от других преступных групп, перечисленных в ст.21, – шайки, толпы.

Большая общественная опасность бандитизма объяснялась не только его широким распространением, но и тем, что общеуголовный бандитизм нередко переплетался с политическим и тем самым получил новое содержание, на что неоднократно указывается в научной литературе.[4]

В борьбе с бандитизмом применялись особые меры. В соответствии с Декретом от 19 февраля 1920 г. «О передаче лиц, обвиняемых в бандитизме, суду Военно-революционного трибунала»[5] лица, обвиняемые в вооруженных грабежах, в разбойных нападениях и налетах, передавались судам Военно-революционного трибунала, которым согласно «Положению о революционных военных трибуналах»[6] наряду с делами о преступлениях, совершенных военнослужащими, были подведомственны и дела обо всех гражданах по обвинению их в бандитизме.

Уголовный кодекс РСФСР 1922 г. в ст.76 определял бандитизм как «участие в бандах (вооруженных шайках) и организуемых бандами разбойных нападениях и ограблениях, налетах на го-

сударственные и частные учреждения, остановках поездов и разрушениях железнодорожных путей, безразлично, сопровождались ли эти нападения убийствами и ограблениями или нет». Таким образом, это был формальный состав, в качестве преступного деяния рассматривалось не только само нападение, но и организация и участие в банде, наступления преступных последствий не требовалось. Пособничество банде, укрывательство отдельных членов и банды в целом, а также сокрытие добытого и следов преступной деятельности наказывалось наравне с бандитизмом.

Уголовный кодекс РСФСР 1926 г. в редакции общесоюзного «Положения о преступлениях государственных» внес изменения в содержание понятия «бандитизм», определяя его как «организацию вооруженных банд и участие в них и организуемых ими нападениях на советские и частные учреждения или отдельных граждан, остановках поездов и разрушениях железнодорожных путей и иных средств сообщения и связи». Так как в уголовном праве того периода действовала аналогия, данная норма применялась к деяниям, не являющимся по своей правовой природе бандитизмом, но обладающим повышенной общественной опасностью. Правоприменительная практика свидетельствовала о том, что суды рассматривали как бандитизм деяния, достаточно далеко отстоящие от законодательного его определения. Например, в постановлении Президиума Верховного Суда РСФСР от 4 августа 1933 г. как бандитизм предлагалось квалифицировать систематически совершаемые организованными группами или враждебными элементами кражи домашнего имущества колхозников; в постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 23 октября 1933 г. как бандитизм рассматривались и некоторые случаи самосуда.

Нормы об ответственности за бандитизм содержали весьма строгие санкции, вплоть до расстрела с конфискацией имущества. Это обстоятельство, вкупе с достаточно высокой активностью борьбы с бандитизмом, привело к значительному снижению его уровня.

Следует заметить, что в советский период этот уровень заметно колебался на разных этапах. В первые годы советской власти в силу отмеченных выше причин он был весьма высок, затем в 20-х гг. заметно снизился и вновь возрос в период коллективизации. После коллективизации случаи бандитизма наблюдались гораздо реже, что объяснялось двумя причинами: во-первых, часть деяний, входивших в состав бандитизма, стали квалифицироваться по иным статьям Уголовного кодекса РСФСР и, во-вторых, в значительной мере была подавлена организованная, профессиональная преступность.[7] В послевоенные годы актуальность данной те-

мы вновь возросла. В системе НКВД, а затем МГБ СССР было создано Главное управление по борьбе с бандитизмом. Наибольшее распространение этот вид преступлений получил в западной Украине, Прибалтике, а также в местах лишения свободы. Президиум Верховного Совета СССР 13 января 1953 г. издал Указ «О мерах по усилению борьбы с особо злостными проявлениями бандитизма среди заключенных в исправительно-трудовых лагерях». Таким образом, спады и подъемы усиления борьбы с бандитизмом отражали политическую ситуацию в стране.

Закон СССР от 25 декабря 1958 г. «Об уголовной ответственности за государственные преступления» в ст.14 дал новое определение бандитизма, которое полностью было воспринято Уголовным кодексом РСФСР 1960 г. Конструкция состава, закрепленного в ст.77 УК РСФСР, стала более четкой, в ней оговаривалась цель, ограничивался перечень объектов нападения. Изменилось и понимание признаков бандитизма. Пленум Верховного Суда СССР в постановлении от 17 июня 1960 г. предложил рассматривать устойчивость, наряду с вооруженностью и специальной целью, основными признаками банды.

Однако норма об ответственности за бандитизм, хотя ее и нельзя причислить к разряду «мертвых», применялась весьма редко. Из-за идеологических концепций «развитого социализма» в юридической практике, а скорее в уголовной политике государства, с начала 60-х гг. произошел отказ от квалификации особо дерзких разбоев, совершенных устойчивыми организованными преступными группами с применением оружия, по уголовному закону, предусматривающему ответственность за бандитизм.

В середине 70-х гг. было продекларировано, что борьба с этим видом преступлений увенчалась успехом. Печально знаменитое «дело автоматчиков» – банды Балановского и Зеленкова – было объявлено последним случаем проявления бандитизма в СССР. Однако в действительности это не означало реального отсутствия таких преступлений. Уголовные дела возбуждались не по ст.77 УК РСФСР, а по признакам разбоя – по ст.146 УК РСФСР, а если при этом были убиты люди – по совокупности со ст.102 или ст.103 УК РСФСР.[8]

Уголовное право советского периода стало важным этапом развития института ответственности за бандитизм, закрепив его как уголовно наказуемое деяние, однако были утрачены наработки дореволюционного законодательства, а именно – не проводились четкие связи с институтом соучастия, параллели с организованной группой лиц, хотя такая конструкция была известна Уголовному кодексу РСФСР.

[1] Собрание узаконений РСФСР. – 1918. – №52. – С.589.
[2] Собрание узаконений РСФСР. – 1919. – № 27. – С.301.
[3] Собрание узаконений РСФСР. – 1919. – № 66. – С.311.
[4] См.: Курс советского уголовного права. – М., 1970. – Т.4. – С.158; Каменев С.С. О борьбе с басмачеством // Военно-исторический журнал. – 1995. – №5; Бугай Н.Ф., Гонов А.М. Кавказ: народы в эшелонах. – М., 1998; Дьяков С.В. Государственные преступления (против конституционного строя и безопасности государства) и государственная преступность. – М, 1999. – С.75.
[5] Собрание узаконений РСФСР. – 1920. – №11. – С.71.
[6] Собрание узаконений РСФСР. – 1921. – №54. – С.236.
[7] Шмаров И. Ответственность за бандитизм: проблемы квалификации / И.Шмаров, Ю.Мельникова, Т.Устинова // Законность. – 1994. – №5. – С.5.
[8] Топильская Е.В. Организованная преступность. – СПб., 1999. – С.21-22.

ПРИНЦИП СПРАВЕДЛИВОСТИ В ЗАКОНОДАТЕЛЬНОМ ОПРЕДЕЛЕНИИ ТЕРРОРИЗМА

Доронина Е.Б.
Уральская государственная юридическая академия

Уникальная неповторимость терроризма в его собирательной многоликости. Терроризм может, например, найти свое выражение в диверсиях, нападениях на лиц или учреждения, которые пользуются международной защитой, поджогах, взрывах, угонах воздушных судов или иного транспорта, посягательствах на жизнь государственного или общественного деятеля, массовых убийствах и умышленном причинении тяжкого вреда здоровью, угрозах убийством, похищениях человека и т.п.

Именно в этом, на мой взгляд, кроется правовая (в том числе и уголовно-правовая) неподатливость определения этого феномена, которая неизбежно связана с нарушением принципа справедливости, так как формулируемые понятия не отражали в полной мере тот заряд общественной опасности, который фактически присущ терроризму. Многочисленные попытки ученых, законодателей и правоприменителей подвести под единую понятийную юридическую оболочку необъемный по содержанию и аморфный по формам проявления терроризм завершались безуспешно. Однако число определений его понятия множилось, но это не вело и не приводит к упрощению проблемы, так как содержательная многоли-

кость терроризма в доктринальной и законотворческой трактовке органично усложняется наложением на нее функциональной неопределенности действий, включаемых ими в круг террористических. Причем такое положение с определением понятия терроризма характерно не только для отечественного законодательства, но и для международного уголовного права.

Сравнительный анализ текстов ст.1 Европейской Конвенции по борьбе с терроризмом от 27 января 1997 г., ст.3 Федерального закона РФ от 25 июля 1998 г. «О борьбе с терроризмом» и ст.205 УК РФ 1996 года позволяет прийти к выводу о том, что во всех трех нормативных документах различного уровня речь практически идет о широком перечне не просто преступных деяний, а тяжких либо особо тяжких преступлений, в той или иной мере имеющих террористическую направленность. Иными словами, терроризм в такой трактовке выглядит как собирательное понятие и потому, на мой взгляд, вряд ли может претендовать на удачное правовое, а тем более уголовно-правовое решение. При таком варианте определения правового понятия терроризма составляющие его компоненты содержательно не взаимозависимы и лишь прослеживается зачастую трудно уловимая функциональная связка между ними, заключенная в террористической цели. В связи с этим возникают как минимум два резонных вопроса. Во-первых, если изъятие из, казалось бы, цельной законодательной конструкции терроризма составляющих его, но относительно самостоятельных преступлений, к тому же имеющих собственные санкции, превращает понятие терроризма в пустую, бессодержательную оболочку, то чем тогда объяснить упорство законодателей в попытке выработать такое определение понятия терроризма? Во-вторых, если все же имеется настоятельная необходимость в формулировании определения терроризма, то не лучше ли пойти по пути узкого, но цельного собственного определения понятия «терроризм»?

Принцип справедливости, как известно, исключает возможность двойной ответственности за одно и то же деяние. Из приведенного постулата вытекает и обратное – человек, совершивший деяние, одновременно содержащее признаки нескольких преступлений (идеальная совокупность), либо несколько самостоятельных преступлений (реальная совокупность), должен нести ответственность за каждое из совершенных им преступлений, так как никакая обобщающая санкция не способна отразить тяжесть каждого преступления и одновременно всех их вместе. При этом элементы основного состава терроризма не могут заключать больший заряд

общественной опасности, нежели элемент квалифицирующего либо особо квалифицирующего состава.

В таком случае трудно объяснить логику законодателя, сформулировавшего диспозицию ст.205 УК РФ таким образом, что террористические действия, совершенные путем взрыва или поджога, оказались менее общественно опасными, нежели те же действия, но совершенные, в частности, с применением огнестрельного оружия. Кроме того, не ясно, почему только огнестрельного оружия? А если террористы используют химическое или еще какое-либо оружие, то как в таком случае квалифицировать их действия?

Исходя из принципа справедливости, диспозиции ч.ч.1 и 2 ст.205 УК РФ целесообразно изложить в следующей редакции:

«1. Терроризм, то есть совершение действий, создающих опасность гибели людей, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных общественно опасных последствий, если эти действия совершены в целях нарушения общественной безопасности, устрашения населения либо оказания воздействия на принятие неправомерных решений органами власти, а также угрозы совершения указанных действий в тех же целях, –

наказываются лишением свободы на срок от пяти до десяти лет.

2. Те же деяния, совершенные:

а) группой лиц по предварительному сговору;

б) путем взрыва, поджога или с применением оружия, – наказываются лишением свободы на срок от восьми до пятнадцати лет.»

При этом диспозицию ч.3 ст.205 УК РФ и примечание к ней оставить в прежней редакции. Иными словами, тяжесть преступных деяний должна быть соразмерна тяжести наказания, предусмотренного соответствующей санкцией статьи. Именно в этом проявляется нравственный дух принципа справедливости.

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ, СВЯЗАННЫХ С УСТАНОВЛЕНИЕМ ОБЪЕКТИВНОЙ СТОРОНЫ СОСТАВА ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ПРЕДУСМОТРЕННОГО ст. 222 УК РФ

Кац Е.А.
Учреждение юстиции по государственной регистрации прав на территории Красноярского края

Статья 222 УК РФ устанавливает уголовную ответственность за незаконные приобретение, передачу, сбыт, хранение, перевозку

или ношение оружия, его основных частей, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств.

Значительную трудность при квалификации данного преступления вызывает уяснение термина «незаконность». Объем содержания «незаконности» имеет принципиальное значение, поскольку устанавливает условия признания деяния преступным. При этом «если законодатель придал какому-нибудь выражению специальное значение, то и во всех других статьях закона, где употребляется это слово, оно должно иметь то же значение, пока не будет доказано противное»[1].

Заметим, что определение понятия «незаконность» содержалось в ст.218 УК РСФСР 1960 года, где прямо указывалось, что незаконными являются ношение, хранение, приобретение, изготовление или сбыт оружия, боевых припасов и взрывчатых веществ без соответствующего разрешения. Статья 222 УК РФ данного указания не содержит.

И.Я.Козаченко, Ю.И.Скуратов, В.М.Лебедев, В.Б.Здравомыслов с небольшими расхождениями указывают, что незаконное обращение с предметами вооружения по ст. 222 УК РФ – это совершение их без разрешения или лицензии.[2] По мнению А.В.Наумова, признак наказуемого оборота – нарушение установленного Федеральным законом «Об оружии» разрешительно-лицензионного порядка.[3]

Несколько иной точки зрения придерживается В.С.Комиссаров, считающий, что незаконным является «обращение с оружием, которое полностью изъято из гражданского оборота, либо если действия совершены лицом, которое не имеет лицензии или лицензия выдана на другое оружие»[4]. Кроме того, он указывает, что нарушение правил обращения с оружием, находящимся у лица на законном основании, не должно влечь за собой уголовной ответственности за эти нарушения.

Однако, различая термин «незаконный» и «неправомерный», с приведенной позицией согласиться трудно. Представляется, что под «незаконным» деянием следует понимать деяние, противоречащее действующему законодательству, под «неправомерным» – деяние, совершенное без правовых оснований. С учетом этого положения можно провести различия между деяниями, предусмотренными ст.222 УК РФ, и непреступными действиями с предметами вооружения, а также хищениями данных предметов, в которых незаконность рассматривается только применительно к изъятию или обращению.

Так, при обыске в квартире Попова, подозреваемого в сбыте наркотических средств, было обнаружено 1980 граммов взрывчатого вещества «аммонит №6ЖВ». Данное вещество принадлежало Шевченко, отцу Попова, – мастеру-взрывнику угольного разреза. В нарушение инструкции «О порядке сдачи неизрасходованных взрывчатых веществ», пользуясь бесконтрольностью руководства взрывотехнического отдела, Шевченко после работы принес домой оставшееся количество взрывчатого вещества. Свой поступок он объяснил нежеланием ехать на склад, расположенный в 20 км от места работы, для получения взрывчатых веществ при выполнении очередных взрывных работ.

Органами предварительного следствия действия Шевченко были квалифицированы по ч.1 ст.226 УК РФ. Однако суд переквалифицировал их на ч.1 ст.222 УК РФ, указав в приговоре, что «мастер-взрывник имеет право на получение взрывчатых веществ, тем не менее нарушил порядок их сдачи. Его действия противоречат «Единым правилам безопасности при проведении взрывных работ» и инструкции «О порядке сдачи неизрасходованных взрывчатых веществ». Вместе с тем противоправное обращение взрывчатых веществ отсутствует, так как он на законных основаниях получал взрывчатые вещества и не намеревался присвоить их в дальнейшем. Учитывая, что Шевченко осознавал факт нарушения установленных правил, содеянное им подпадает под незаконные ношение и хранение взрывчатых веществ»[5].

Таким образом, термин «незаконный» следует определять как нарушающий установленные законом и другими правовыми нормативными актами правила и запреты. Нарушение правил при указанном понимании незаконности следует рассматривать как определенную разновидность незаконных действий.

В объем предложенного общего определения незаконности применительно к ст.222 УК РФ попадают и нарушение разрешительной системы, и деяния, вытекающие из заведомо неправомерного получения разрешения (лицензии), и полностью запрещенные действия – например, ношение гражданами оружия при проведении митингов, уличных шествий, демонстраций, пикетирования и других массовых публичных мероприятий.

---

[1] Таганцев Н.С. Русское уголовное право: Лекции. Часть Общая. В 2 т. Т.1. – М., 1994. – С.91.

[2] Уголовное право. Особенная часть / Отв. ред. И.Я.Козаченко, З.А.Незнамова, Г.П.Новоселов. – М., 1997. – С.413; Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. Особенная часть /Под

общ. ред. Ю.И.Скуратова, В.М.Лебедева. – М., 1996. – С.279; Уголовное право России. Особенная часть / Отв. ред. Б.В.Здравомыслов. – М., 1996. – С.266.

[3] См.: Российское уголовное право. Особенная часть /Под. ред. В.Н.Кудрявцева, А.В.Наумова. – М., 1997. – С.260.

[4] Комиссаров В.С. Ответственность за незаконный оборот оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств по новому УК РФ // Законодательство. – 1997. – № 2. – С.56.

[5] Уголовное дело №133932 // Архив Черногорского районного суда Красноярского края за 1998 г.

К ВОПРОСУ О СОДЕРЖАНИИ КВАЛИФИЦИРУЮЩЕГО ПРИЗНАКА «ЛИЦОМ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ СВОЕГО СЛУЖЕБНОГО ПОЛОЖЕНИЯ» В СПЕЦИАЛЬНЫХ ВИДАХ ХИЩЕНИЙ (на примере ст. 226 УК РФ)

Мальков С.М., к.ю.н., доцент
Сибирский юридический институт МВД России

В уголовно-правовой науке отсутствует единое мнение по вопросу о том, кто может быть субъектом преступления, предусмотренного п. «в» ч.3 ст.226 УК РФ.

Одни авторы полагают, что субъектом, образующим данный квалифицирующий признак, могут быть только лица, выполняющие управленческие функции, либо должностные лица, использующие при этом свое служебное положение. При этом особая ссылка на место выполнения обязанностей: государственное предприятие, коммерческая или иная организация – не делается.[1] Другие считают, что субъектом преступления могут быть только должностные лица, которым вверено имущество.[2] Третьи, развивая изложенные позиции, утверждают, что субъектом, образующим данный признак, могут быть, помимо должностных лиц, также иные служащие, использующие свое служебное положение. Так, Б.В.Яцеленко считает, что к этой категории субъектов относятся должностные лица государственных органов, органов местного самоуправления, государственных и муниципальных учреждений, государственные служащие и служащие органов местного самоуправления, а также руководители и служащие коммерческих и некоммерческих организаций, не являющихся государственными

органами, органами местного самоуправления, государственными и муниципальными учреждениями.[3] Ю.И.Ляпунов, комментируя квалифицирующие признаки мошенничества, считает, что им могут быть не только «должностные лица федеральных и муниципальных государственных организаций, но и работники коммерческих структур, использующие свое служебное положение для хищения чужого имущества»[4].

Таким образом, понятие «использование лицом своего служебного положения» не ограничивается единообразным пониманием. Одни авторы расширительно интерпретируют рассматриваемый квалифицирующий признак, отнеся к субъекту преступления любых работников предприятий, учреждений и организаций, использовавших при совершении преступления свое служебное положение. Другие истолковывают его ограниченно, полагая, что субъектом могут быть только должностные лица и лица, осуществляющие управленческие функции. Третьи понимают данный квалифицирующий признак буквально, относя к нему должностных лиц.

Наиболее удачной представляется позиция С.А.Елисеева, использующего грамматическое толкование данного признака: «…речь идет о достаточно определенной ситуации совершения преступления: деяния совершают лица, состоящие на службе»[5].

Важным вопросом при анализе данного квалифицирующего признака является исследование понятия «служащий». Служащий – это субъект, занимающий должность, организационно входящую в состав структурного подразделения соответствующего органа. С.А.Елисеевым дана классификация всех служащих и представлен объем их полномочий. В частности, всех служащих он делит на три группы: а) руководители; б) специалисты; в) вспомогательный персонал. Объем полномочий всех руководителей имеет обязательный элемент – распорядительство. Специалисты – это служащие, исполняющие то, что предначертано данной организации, органу по должностям. Вспомогательный персонал – служащие, обеспечивающие работу средств связи, транспортных средств, осуществляющие техническое обеспечение деятельности данного органа.[6]

Представленная классификация позволяет выделить два признака, присущие субъекту деяния, предусмотренного п.«в» ч.3 ст.226 УК РФ.

Первый состоит в том, что субъектом выступают граждане, состоящие на службе. К ним, в частности, могут быть отнесены должностные лица, лица, выполняющие управленческие функции

в коммерческих и иных организациях, а также все иные служащие (как государственных, так и негосударственных структур).

Ко второму признаку можно отнести наделение этих лиц соответствующими полномочиями. Сложность этого признака заключается в том, что полномочия служащих могут быть самыми разнообразными и по содержанию, и по объему. Вместе с тем отнесение всех служащих к субъекту преступления, безусловно, неоправданно. В таком случае отпадает необходимость дифференциации ответственности виновного, обладающего более конкретными полномочиями в отношении предметов вооружения. Поэтому представляется правильным отнести к ним только тех лиц, которые обладают служебными полномочиями по определению либо исполнению порядка производства, торговли, продажи, хранения, передачи, пользования, перевозки и т.д. оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств. В целях исключения правоприменительных ошибок необходимо специально оговорить это в уголовно-правовой норме.

В судебной практике предприняты попытки толкования анализируемого признака в широком смысле. Так, постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 17 января 1997 г. №1 «О практике применения судами законодательства об ответственности за бандитизм» под использованием лицом своего служебного положения понимает «использование своих властных или иных служебных полномочий, форменной одежды и атрибутики, служебных удостоверений или оружия, а равно сведений, которыми оно располагает в связи со служебным положением»[7]. Не соглашаясь с этим определением, считаем, что при хищении предметов вооружения виновный должен совершить такие действия, которые он мог осуществить именно в силу занимаемого им служебного положения. Таким образом, использование своего служебного положения для хищения предметов вооружения необходимо понимать в узком смысле слова. Это означает, что деяния совершаются виновным только в сфере своих полномочий, но не путем использования авторитета должности, служебных связей, возникающих благодаря занимаемой должности, атрибутике, должностной информации и т.д. Необходимо добавить, что для реализации этой позиции желательно используемый в этом признаке термин «положение» заменить термином «полномочие», грамматическое толкование которого более приближено к узкому содержанию понятия, и изложить п. «в» ч.3 ст.226 УК РФ в следующей редакции: «лицом с использованием своих служебных полномочий в отношении данных предметов».

Особое место в контингенте этого субъекта занимают «должностные лица». К ним уголовное право относит лиц, наделенных властными функциями представителей власти, служащих, осуществляющих распорядительные и административно-хозяйственные функции. Эти функции реализуются через юридически значимые действия.[8] Юридическая литература и судебная практика достаточно полно освещают действия, входящие в круг полномочий должностных лиц. Вместе с тем примечание к ст.285 УК РФ позволяет обратить внимание на такое основание выполнения юридически значимых действий должностного лица, как «по специальному полномочию». Содержание указанного основания вызывает определенные сложности в его установлении.

А.В.Галахова, анализируя понятие должностных лиц, выполняющих функции по специальному полномочию, относит к ним лиц, выполняющих должностные обязанности, занимающих при этом должность, которая не позволяет признать лицо должностным.[9] Таким образом, это означает осуществление функций должностного характера без занятия должности. Основанием для подобного положения являются закон, приказ, соглашение, доверенность и т.д. Полномочия могут предоставляться на определенное время или для выполнения конкретного задания.

В юридической литературе можно встретить позицию, в соответствии с которой не исключаются факты хищения предметов вооружения лицами, не являющимися должностными. Эти предметы были им вверены в пользование.[10] Бесспорно, что такое хищение полностью охватывается рассматриваемыми квалифицирующими признаками. В большей части оно соответствует известным формам хищения чужого имущества – присвоению и растрате, однако не ограничивается ими.

Верховным Судом Российской Федерации в постановлении Пленума от 25 июня 1996 г. №5 были использованы такие термины, как «хищение лицом, которому предметы выданы для служебного пользования» и «хищение предметов, вверенных под охрану».

Содержание первого термина состояло «в хищении лицом, которому предметы выданы персонально и на определенное время для выполнения специальных обязанностей». Под хищением оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств, вверенных под охрану, понималось «хищение их со склада или из другого места хранения не только лицом, выполняющим охранно-сторожевые функции, но также должностным и материально-ответственным лицом, в ведении которого они находились в силу его служебного положения»[11].

В дальнейшем Верховным Судом РФ к хищению оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и взрывных устройств было отнесено «хищение их как лицом, которое наделено служебными полномочиями, связанными с оборотом оружия, в частности его использованием, производством, учетом, хранением, передачей, изъятием и т.д., так и лицом, которому они выданы персонально и на определенное время для выполнения специальных обязанностей (часовым, постовым милиционером, вахтером или инкассатором во время исполнения ими служебных обязанностей и т.п.)»[12].

Приведенное понятие позволяет не только однообразно решить вопрос о квалификации деяний, связанных с хищением вверенного оружия (например, хищение оружия лицом, находящимся в составе караула, дезертирство военнослужащего с оружием)[13], но и обратить внимание на большое количество субъектов, которые включают в себя как материально-ответственных, так и иных лиц. Данная гипотеза нашла подтверждение и в судебной практике.

Так, Красноярским гарнизонным военным судом был осужден военнослужащий воинской части Воробьев. Будучи часовым в составе караула, по предварительному сговору с Эсамбаевым, с целью уклонения от службы оставил территорию воинской части, совершив при этом хищение вверенных ему для служебного пользования автомата АК-74 и 2-х магазинов с боеприпасами. В материалах уголовного дела было обращено внимание на то, что Воробьев не является ни должностным, ни материально-ответственным лицом, однако оружие и боеприпасы были вверены ему для выполнения служебных обязанностей и находились в его правомерном владении. Данные обстоятельства были установлены путем фиксации в материалах дела сведений из постовой ведомости, приказа закрепления за личным составом оружия, журнала выдачи оружия, решения командира части о несении службы в карауле и суточном наряде и т.д.[14]

Изложенное дает возможность с уверенностью говорить о наличии у некоторой категории лиц определенных полномочий по отношению к похищаемым предметам. Исполнение таких полномочий, наряду с должностными и материально-ответственными лицами, осуществляется лицами, которые выполняют конкретную служебную деятельность. Это еще раз подтверждает наш вывод об отнесении к рассматриваемому квалифицирующему признаку значительного количества субъектов.

---

[1] Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. – Ростов-на-Дону, 1996. – С.371-372.

[2] Плохова В.И. Использование полномочий в отношении вверенного имущества для его хищения как обстоятельство, влияющее на криминализацию деяний и дифференциацию уголовной ответственности. – Барнаул, 2000. – С.31.

[3] Уголовное право: Особенная часть / Под ред. Б.В.Здравомыслова. – М., 1999. – С.125.

[4] Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации: Особенная часть / Под ред. Ю.И.Скуратова, В.М.Лебедева. – М., 1998. – С.131.

[5] Елисеев С.А. Преступления против собственности по уголовному законодательству России. – Томск, 1999. – С.170.

[6] Елисеев С.А. Преступления против собственности по уголовному законодательству России: Историко-теоретическое исследование: Дис. … докт. юрид. наук. – Томск, 1999. – С.298.

[7] Сборник постановлений Пленумов Верховных Судов СССР и РСФСР (Российской Федерации) по уголовным делам. – М., 1997. – С.556.

[8] Динека В.И. Уголовная ответственность работников органов внутренних дел за превышение власти или служебных полномочий. – М., 1994. – С.18.

[9] Галахова А.В. Уголовная ответственность за должностные преступления сотрудников органов внутренних дел. – М., 1988. – С.11.

[10] Рустамбаев М.Х. Некоторые вопросы квалификации хищения огнестрельного оружия, боевых припасов или взрывчатых веществ // Криминалистика и вопросы борьбы с преступностью. – Ташкент, 1985. – С.130.

[11] Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 1996. – №8. – С.6.

[12] Российская газета. – 2002. – 19 марта.

[13] Там же.

[14] Уголовное дело №6-92 // Архив Красноярского гарнизонного военного суда за 1992 г.

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ ПРОБЛЕМЫ БОРЬБЫ С ЭКСТРЕМИЗМОМ

Тепляшин П.В., к.ю.н.
Сибирский юридический институт МВД России

Обеспечение уголовно-правовой охраны основ конституционного строя и безопасности государства от различных форм проявления экстремизма остается достаточно актуальной проблемой. Особое внимание она привлекает не только по причине важности

охраняемых общественных отношений, но и в силу сугубо научного к ней интереса. Так, объективная неоднозначность и смысловая глубина многих социально-правовых категорий, наполняющих содержание охраняемых общественных отношений, их широта и многогранность обуславливают наличие как значительной гаммы научных позиций по тем или иным аспектам уголовной ответственности за экстремизм[1], так и до сих пор слабо изученных сторон ее содержания и сложностей толкования признаков уголовно-правовых норм, предусмотренных ст.ст. 280, 282-282[2] УК РФ.

Проблема уголовно-правовой охраны основ конституционного строя и безопасности государства от различных форм проявления экстремизма, к сожалению, еще требует тщательной проработки. Так, следуя логике законодателя и реалиям повседневной жизни, необходимо признать, что за рамками рассматриваемых охраняемых общественных отношений остались посягательства, совершаемые преступными сообществами (преступными организациями) как наиболее сложной формой уголовно-правового соучастия. В связи с этим следует указать, что проблема фактического отсутствия уголовно-правовой охраны конкретных общественных отношений от посягательств, совершаемых преступными сообществами (преступными организациями), уже поднималась на страницах юридической научной печати. В частности, И.А.Кириллов справедливо указывает на необходимость включения в уголовно-правовую норму, регламентирующую ответственность за терроризм, такого особо квалифицирующего признака, как совершение преступления преступным сообществом (преступной организацией).[2] Это обуславливает важность имеющейся принципиальной проблемы и потребность ее дальнейшего научного изучения.

Возникшую проблему, видимо, можно разрешить посредством квалификации действий экстремистского сообщества (организации) как сплоченной организованной группы (организации) либо объединения организованных групп по совокупности преступлений, предусмотренных ст.210 УК РФ и ст.282[1] УК РФ (точнее, одного из перечисленных в диспозиции способов). Однако справедливость и правильность такого решения осложняется рядом обстоятельств. Во-первых, организация преступного сообщества (преступной организации) является посягательством на общественную безопасность, тогда как рассматриваемое деяние – на основы конституционного строя и безопасности государства. Поэтому специфика структуры охраняемых главой 29 Уголовного кодекса РФ общественных отношений и правила квалификации не позволяют осуществлять подобную юридическую оценку содеян-

ного. Безусловно, что отступление от такого запрета возможно, если будет установлена двухобъектность посягательства, что, впрочем, также осложнит общую квалификацию преступления.

Во-вторых, организация преступного сообщества (преступной организации) ограничена специальной целью – совершение тяжких или особо тяжких преступлений, в силу чего невозможна квалификация практически всех преступлений экстремистской направленности, предусмотренных ст.ст. 148, 149, ч.1 ст.213, 214, 243, 244, 280, 282 УК РФ и относящихся к преступлениям небольшой либо средней тяжести, подготавливаемых или совершенных реально существующим преступным сообществом (преступной организацией), вследствие законодательного запрета распространения такового на них. Интересно заметить, что согласно ч.2 ст.3 УК РФ, то есть законодательно запрещенному применению уголовного закона по аналогии, и в соответствии со сформулированными в ч.ч.3 и 4 ст.35 УК РФ самостоятельными формами соучастия квалификация по совокупности ч.2 ст.213 и ст.210 УК РФ также недопустима. Отсутствие тождества между признаками организованной группы и преступного сообщества (преступной организации), по-видимому, должно исключать инкриминирование виновным совершение хулиганства в составе организованной группы, так как преступление, фактически совершенное преступным сообществом (преступной организацией), по существу, исключает квалификацию содеянного как совершенного организованной группой. По всей видимости, эта же причина должна исключать квалификацию содеянного по совокупности преступлений, предусмотренных ч.2 ст.213 и ст.282[1] УК РФ. Справедливости ради надо заметить, что исключение составляет ситуация, когда данная организованная группа являлась одним из элементов (одной из групп) объединения организованных групп, образующего преступную организацию. Однако такой вариант также осложняет квалификацию, позволяет уйти от ответственности руководящему звену преступной организации и не учитывает повышенной общественной опасности преступного сообщества (преступной организации).

И, в-третьих, важно отметить деталь, касающуюся признаков субъективной стороны преступления. Так, организация преступного сообщества (преступной организации) осуществляется в целях лишь совершения определенных преступлений, поэтому за рамками состава и, следовательно, уголовно-правовой охраны находится подготовка таких преступлений. В связи с этим положительной оценки заслуживает указание законодателем в диспозиции престу-

пления, предусмотренного ст.282[1] УК РФ, но совершаемого лишь организованной группой, признаков как совершения, так и подготовки преступлений экстремистской направленности.

Таким образом, коль скоро государство выступает за непреклонную и всемерную борьбу с проявлениями экстремизма, в частности, указывая на приоритет мер, направленных на предупреждение экстремистской деятельности и неотвратимость наказания за осуществление экстремистской деятельности[3], требуется выводить из-под спуда весь имеющийся арсенал уголовно-правовых средств борьбы с данным явлением, потенциал которых, как видится, не исчерпан.

Поставленная проблема требует своего законодательного разрешения. В связи с этим можно предложить следующий вариант уголовно-правовой нормы, предусматривающей ответственность за организацию экстремистского преступного сообщества.

Статья 282[3]. Организация экстремистского преступного сообщества

1. Создание экстремистского преступного сообщества, то есть сплоченной организованной группы лиц для подготовки или совершения по мотивам идеологической, политической, расовой, национальной или религиозной ненависти либо вражды, а равно по мотивам ненависти либо вражды в отношении какой-либо социальной группы преступлений, предусмотренных статьями 148, 149, 213, 214, 243, 244, 278-282 настоящего Кодекса, а равно руководство таким экстремистским преступным сообществом, его частью или входящими в такое сообщество структурными подразделениями, а также создание объединения организаторов, руководителей или иных представителей частей или структурных подразделений в целях разработки планов и (или) создания условий для совершения вышеперечисленных преступлений –
наказываются…

2. Участие в экстремистском преступном сообществе –
наказывается…

3. Деяния, предусмотренные частями первой или второй настоящей статьи, совершенные лицом с использованием своего служебного положения, –
наказываются…

Таким образом, изложенное «проявляет» научно-теоретическую проблему уголовно-правовой охраны основ конституционного строя и безопасности государства от посягательств экстремистского характера и позволяет интенсифицировать ее решение.

[1] См., в частности: Устинов В.В. Правовое регулирование и механизмы противодействия терроризму и экстремизму в Российской Федерации: действующая нормативно-правовая база и перспективы ее совершенствования // Государство и право. – 2002. – №7. – С.40; Красинский В.В. Об основных проблемах применения Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности» // Закон и право. – 2003. – №8. – С.13.

[2] См.: Кириллов И.А. Уголовно-правовой анализ терроризма в России // Уголовное право и современность: Межвузовский сборник научных трудов /Отв. ред. В.И.Горобцов. Вып.4 – Красноярск, 2000. – С.89-93.

[3] См.: О противодействии экстремистской деятельности: Федеральный закон от 25 июля 2002 года №114-ФЗ, ст.2 // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. – №30. – Ст.3031.

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА РЕЛИГИОЗНЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ И СВОБОДА СЛОВА В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ

Димитрова Е.А., к.ю.н.
Сибирский юридический институт МВД России

Понятие религиозного преступления является достаточно неоднозначным и в разные времена учеными трактовалось поразному, в рамках статьи мы обратимся к собирательному и наиболее широкому определению этого понятия, подразумевающему под религиозными преступления, совершение которых в той или иной мере имеет отношение к деятельности религиозных объединений и (или) отправлению религиозных культов.

Уголовно-правовое регулирование таких преступлений видоизменялось по мере изменения социально-экономического и политического строя государства. Для дореволюционной России было характерно тесное взаимодействие государства и церкви. Начиная с древних документов и до самых последних актов самодержавной власти прослеживалась тенденция обеспечения исполнения церковных предписаний мерами государственного принуждения и подкрепления авторитета светских законов под угрозой религиозной кары. Поэтому практика применения уголовных санкций дополнялась и религиозными наказаниями (например, церковное покаяние, заключение в монастырь и т.д.).

Соборное Уложение 1649 года предусматривало ряд преступлений против церкви, таких как оскорбление словом Бога, воспре-

пятствование проведению литургий, сквернословие и иные хулиганские деяния в церкви, немалая часть которых карались казнью или тюремным заключением.[1] Следует отметить, что данные преступления располагались в начале Уложения (в главе 1), что свидетельствовало о главенствующей роли религии в государстве. Во времена Петра I церковь стала частью государственного аппарата, и ее влияние на различные сферы жизни общества приобрело контролируемый характер.

Именно этот период характеризуется интенсивным развитием в России старообрядчества, которое отрицало Русскую Православную Церковь и российское государство, за что жестко преследовалось царской администрацией и официальной церковью. Это преследование, по всей видимости, было в некоторой степени обоснованным, поскольку учения о судьбах мира и человечества, особым образом культивировавшиеся некоторыми старообрядческими общинами, были причиной массовых суицидов (самосожжений). Вместе с тем не стоит игнорировать и роль государственного принуждения в вопросах веры, провоцировавшего, в свою очередь, некоторые акты массовых старообрядческих самоубийств.

Во времена царствования Петра I на фоне объявления веротерпимости (по Указу 1702 г. были признаны и получили покровительство государства ряд неправославных исповеданий: лютеранство, католицизм и другие, которым было разрешено строить храмы в российских городах и свободно проводить свои религиозные обряды) еще более ужесточилось отношение государства к старообрядцам.

Петром I был учрежден Святейший правительственный синод, что означало полное подчинение Русской Православной Церкви государственной власти. Православная церковь в отличие от всех иных занимала безусловно доминирующее положение и особо покровительствовалась государством.

Воинский Артикул 1715 года включал в себя целую главу, посвященную вере. Среди прочих предписаний предусматривалась ответственность за идолопоклонство и чародейство, которые причинили какой-либо вред, за подкуп чародея с целью причинения кому-либо вреда (при этом подстрекатель отвечал как исполнитель), которые карались тюремным заключением или сожжением. В данных нормах прослеживается тенденция к признанию противоправными обрядов, причиняющих вред гражданам (подданным), причем, что довольно обоснованно, в них не указывается доминирующее место православия. Следует полагать, что и православный верующий, причинивший вред, должен был отвечать по этим нормам.

Все религии (за исключением православия, которое было вне конкуренции) в России к концу XIX в. делились на 4 категории: покровительствуемые, дозволенные, или признаваемые, терпимые и нетерпимые. Критериями такого деления являлись: историческая специфика связи религиозной организации с государством; различие в целях и принципах деятельности религиозного объединения и его позиция по отношению к политической и правовой основе государства.

Религии, относившиеся к различным категориям, получали по закону разную степень дозволения в своей деятельности. Так, общество покровительствуемой религии вводилось в состав политической системы, рассматривалось как часть государственного механизма. Причем закон предусматривал не только ограничительные моменты в деятельности таковых, но в полном смысле слова покровительство со стороны высшей власти. Законодательство также защищало целостность данных религиозных обществ путем установления наказаний за совращение со стороны других религий.

Господствующая и покровительствуемые религии имели статус юридического лица, обладали правом собственности, имели налоговые льготы (освобождение от податей). Существовавшая в то время и закрепленная в нормах права иерархия религий наделяла таковые различными степенями религиозной свободы. Причем со временем возможна была перемена статуса религиозной организации в сторону его повышения (незыблемым оставался статус государственной религии). Это указывает на здоровый адаптационный потенциал общества, который мог со временем получить должное развитие. Двигаясь по пути к гражданскому правовому состоянию и стремясь сохранить здоровые этнорелигиозные традиции, общество постепенно расширяло границы религиозной свободы своих подданных.

Специфичным для дореволюционного периода было разделение отступивших от веры или церкви на «совращенных» и «совратителей». В отношении совратителя по указанию царя и власти прокуратурой возбуждалось преследование, назначалось наказание. Совращенный же рассматривался как оступившийся и не подлежал наказанию.[2] Как отмечалось исследователями вопроса взаимоотношений религий и государства[3], в то время введение подобных мер против совратителей, которые действуют посредством насилия, преследования, обмана или другими безнравственными мерами, было логичным. Однако данное положение должно было распространяться и на любой акт совращения в любую иную рели-

гию. Мера наказания в подобных случаях определялась дифференцированно: за прозелитизм («совращение») в пользу разрешенной инославной веры предусматривались лишение всех прав состояния и ссылка на житье в Сибирь, а за совращение в «особенно вредную секту» – ссылка на поселение в Закавказский край отдельно от других поселенцев (ст.ст.187-201 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г.), кроме того, предусматривалась ответственность и за организацию подобной секты (ст.196 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г.).[4]

Стоит отметить, что вредными, или нетерпимыми, запрещенными религиями считались секты, к которым относились хлысты, скопцы, духоборы, молокане, чьи принципы деятельности признавались в обществе преступными. В отношении них принимались законы, издавались правительственные указы, например документ, изданный правительством по итогам деятельности особой следственной комиссии 1836 г., в ходе которой в одной из коммун духоборов были обнаружены помещения с орудиями пыток, грудой человеческих костей.[5]

Важно отметить, что согласно российскому законодательству XIX века преследовались не личные мнения и религиозные убеждения последователей запрещенных сект, а совершенные верующими поступки, предусмотренные уголовным законом. В этом прослеживается тенденция, характерная и для действующего сегодня уголовного законодательства, а именно ответственность не за веру, а за деяния, совершаемые под воздействием этой веры и нарушающие чьи-либо права.[6]

В конце XIX – начале XX века происходил процесс постепенного ослабления правового регулирования в области религиозной деятельности. Значительную роль в расширении реальной религиозной свободы сыграли законодательные акты 1903 и 1905 гг. Так, Указ 17 апреля 1905 г. провозглашал каждому из подданных империи «свободу вероисповедания и молитв по велению его совести»[7].

В этот период обязательным для всех подданных было исповедание какой-либо религии, атеизм как таковой законом не предусматривался. Тем не менее насильственное привлечение граждан к отправлению религиозных культов и участию в богослужениях и обрядах было запрещено нормами Уголовного Уложения 1903 г. и наказывалось тюремным заключением[8]. Данные нормы располагались в начале Уложения, что свидетельствовало о важности охраны этих отношений.

Особое внимание к проблеме расширения религиозной свободы проявила Государственная Дума третьего созыва (1907-1912 гг.), в период работы которой были подготовлены три законопроекта, касающиеся старообрядческих общин, а также отмены ограничений, связанных с лишением или добровольным снятием духовного сана, правовыми последствиями перехода из одного исповедания в другое. Готовился правительственный законопроект об отмене существенного ограничения религиозной свободы. Но осуществлению законотворческих планов помешала первая мировая война и падение Российской империи.

Таким образом, в целом в дореволюционной России постепенно отменялись правовые ограничения религиозной деятельности. Необходимость реформирования законодательства о религиозной деятельности осознавалась и общественностью, и правительством. Именно в дореволюционном российском законодательстве впервые уделяется внимание организации сект и насильственному вовлечению в них последователей.

---

[1] Соборное Уложение 1649 г. // Отечественное законодательство XI-XX веков: Пособие для семинаров / Под ред. проф. О.И.Чистякова. В 2 ч. – М., 1999. – Ч.I. – С.120-262.

[2] Горчаков М.И. Церковное право: Курс лекций. – СПб., 1883. – С.125-126.

[3] См., напр.: Тернер Ф.Г. Свобода совести и отношение государства к церкви // Сборник государственных знаний / Под ред. В.П.Безобразова. – СПб., 1877. – Т.III. – С.44-46 и др.

[4] См.: Развитие русского права в первой половине XIX века. – М., 1992. – С.172-173; Клочков В.В. Закон и религия: от государственной религии в России к свободе совести в СССР. – М., 1987. – С.53-55.

[5] Тайные общества и секты. Культовые убийцы. Масоны, религиозные союзы и ордена, сатанисты и фанатики / Подгот. текста Н.И.Макаровой. – Мн., 1996. – С.401.

[6] Горчаков М.И. Указ. работа. – С.483-488.

[7] Значительный шаг к веротерпимости был сделан при издании Указа 1905 г., когда родителям-иноверцам разрешалось воспитывать детей в той вере, какую они изберут, духовным лицам некоторых ранее запрещенных религиозных объединений предоставлялась возможность освобождения от призыва на действительную военную службу.

[8] Российское законодательство X-XX веков. Т.9: Законодательство эпохи буржуазно-демократической революции. – М., 1994. – С.296-297.

УСЛОВИЯ ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ТЕРРОРИЗМ, ПРЕДУСМОТРЕННЫЕ В ПРИМЕЧАНИИ К ст.205 УК РФ

Дерюгина Ю.Н., к.ю.н.
Московский университет МВД России

В соответствии с примечанием к ст.205 УК РФ лицо, участвовавшее в подготовке акта терроризма, освобождается от уголовной ответственности, если оно своевременным предупреждением органов власти или иным способом способствовало предотвращению осуществления акта терроризма и если в действиях этого лица не содержится иного состава преступления.

По сравнению с предыдущей редакцией (ст.213^3 УК РСФСР) текст примечания практически не изменился. Подобные положения содержатся и в статьях об ответственности за терроризм других государств-участников СНГ (например, в примечании к ст.271 УК Туркменистана и к ст.289 УК Республики Беларусь 1999 года).

Идея предупреждения актов терроризма посредством использования поощрительных норм свойственна законодательству многих зарубежных государств, хотя там чаще всего речь идет не об освобождении от уголовной ответственности, а об освобождении от наказания или о смягчении наказания террористам, активно сотрудничавшим с правоохранительными органами. Так, в УК Франции 1992 года предусматривается освобождение от наказания лица, участвовавшего в подготовке или совершении террористического акта, при условии, если виновный предупреждает административные или судебные власти о готовящемся преступлении и принимает меры, чтобы помешать его совершению, или когда виновный помогает задержать исполнителей или соучастников совершенного преступления. Данные деяния рассматриваются как условия полного освобождения от наказания или сокращения его наполовину, если последующие действия террориста дали возможность предупредить террористический акт (ст.422^1) или позволили избежать причинения смерти или увечья потерпевшим (ст.422^2). Впервые данная норма появилась еще в 1986 году в Законе «О борьбе с терроризмом и посягательствами на государственную безопасность».

Согласно ст.24 Закона Италии от 1982 года №304 «О мерах в защиту конституционного строя» судебные органы имеют право смягчать наказание террористам в случае их деятельного раская-

ния (выдача сообщников и т. п.) как в ходе следствия и судебного разбирательства, так и во время отбывания наказания.

Анализ примечания к ст.205 УК РФ показывает, что для освобождения от уголовной ответственности за терроризм необходимо наличие совокупности следующих условий:

1) лицо участвовало лишь в подготовке акта терроризма;

2) лицо своевременным предупреждением органов власти или иным способом способствовало предотвращению осуществления акта терроризма;

3) в действиях этого лица не содержится иного состава преступления.

В первом пункте говорится о том, что применение данной поощрительной нормы законодатель ограничивает стадией приготовления к терроризму. При покушении на данное преступление или совершении оконченного акта терроризма лицо не может быть освобождено от уголовной ответственности.

Существенного пояснения, на наш взгляд, требует второе условие. В частности, своевременным следует считать такое предупреждение органов власти, которое дает временную или иную физическую возможность последним предотвратить совершение указанных в диспозиции ст.205 УК РФ действий либо наступление общественно опасных последствий. Ю.М.Антонян замечает, что подобное предупреждение может быть открытым или тайным, инициативным или высказанным по заданию спецслужб.[1]

Под иными способами надо понимать как действия самого виновного по предотвращению осуществления акта терроризма, так и привлечение им к этому других лиц (например, обезвреживание взрывного устройства, отговор соучастников, воспрепятствование совершению преступления исполнителем путем его дезинформации, связывания, применения к нему насилия и т.д.).

Но наибольший интерес представляет использованное законодателем словосочетание «способствовало предотвращению осуществления акта терроризма». При его толковании возникает вопрос – необходимо ли обязательное предотвращение акта терроризма, или достаточно того, что лицо пыталось это сделать? Одни ученые полагают, что данная поощрительная норма применима лишь в случае предотвращения терроризма.[2] Другие считают возможным освобождение от уголовной ответственности и тогда, когда попытки лица предотвратить данное преступление завершились неудачей. Причем безуспешными они могут быть «как по вине самого человека, пытавшегося это сделать, так и других лиц, либо случайного стечения обстоятельств»[3]. Подобная расплывча-

тость формулировок недопустима, она, как справедливо отмечает Л.Д.Гаухман, свидетельствует о нарушении правил законодательной техники и тем самым указывает на правовую неграмотность законодателя.[4]

Говоря о последнем условии освобождения от уголовной ответственности, следует подчеркнуть, что в соответствии с предписанием закона применение поощрительной нормы невозможно, если в действиях виновного уже содержится другой состав преступления. Однако в юридической литературе высказывается и противоположная точка зрения, согласно которой в подобных ситуациях лицо освобождается от уголовной ответственности за терроризм, но должно отвечать за совершение другого преступления.[5] Г.В.Овчинникова предлагает третье решение вопроса. По ее мнению, «если лицо добровольно отказалось от акта терроризма и способствовало его предотвращению, но совершило другое преступление, то оно отвечает лишь за это второе преступление. Если лицо вынужденно способствовало предотвращению терроризма (например, *будучи* задержанным), совершив до этого другое преступление, то оно не может быть освобождено от ответственности ни за терроризм, ни за другое преступление»[6].

Все перечисленные проблемы, по нашему мнению, связаны с тем, что примечание к ст.205 УК РФ, формально предусматривая специальный вид освобождения от уголовной ответственности[7], фактически дублирует норму о добровольном отказе от преступления. На это неоднократно указывалось в публикациях, посвященных рассматриваемой теме.[8] Но освободить лицо от уголовной ответственности за приготовление к акту терроризма в связи с добровольным отказом невозможно, так как последний исключает уголовную ответственность за предварительную преступную деятельность. В соответствии с ч.1 ст.31 УК РФ добровольным отказом от преступления признается прекращение лицом приготовления к преступлению либо прекращение действий (бездействия), непосредственно направленных на совершение преступления, если лицо осознавало возможность доведения преступления до конца. А в ч.2 ст.31 УК РФ говорится о том, что лицо не подлежит уголовной ответственности за преступление, если оно добровольно и окончательно отказалось от доведения этого преступления до конца.

Своеобразную формулировку примечания к ст.205 УК РФ ученые объясняют по-разному. Так, М.П.Киреев считает, что данная поощрительная норма «имеет в виду только случаи, когда содействие предотвращению акта терроризма осуществляется преступником не добровольно, а вынужденно (например, будучи изо-

бличенным и привлеченным к ответственности), или когда лицо предотвратило готовящийся акт терроризма в расчете провести его позднее, в более удобное время. Иными словами, примечание к ст.205 УК может быть применено только, если отсутствуют признаки добровольности и окончательности отказа от акта терроризма, потому что в противном случае вступает в действие ст.31 УК, предполагающая не освобождение, а отсутствие самого основания ответственности»[9].

На наш взгляд, поощрительная норма в том виде, в каком она сформулирована в примечании к ст.205 УК РФ, не имеет практического значения. Об этом, в частности, свидетельствуют статистические данные, в которых отсутствует указание на случаи ее применения. В связи с этим вполне обоснованной представляется позиция Л.Д.Гаухмана, предлагающего исключить названное примечание из УК РФ.[10]

Однако нельзя отрицать того, что сложность рассматриваемого нами преступления и тяжесть возможных последствий требуют использования дополнительных путей пресечения и раскрытия актов терроризма. Существенную роль в этом может сыграть поощрительная норма. Только сформулирована она должна быть по-другому. Здесь необходимо учитывать, что в примечаниях к некоторым другим статьям Особенной части УК РФ в качестве условия освобождения от уголовной ответственности предусматривается деятельное раскаяние. Его основное отличие от добровольного отказа состоит в том, что последний может иметь место лишь при неоконченном преступлении, а деятельное раскаяние возможно после окончания преступления.

На основании вышеизложенного предлагаем следующую редакцию примечания к ст.205 УК РФ: «Лицо, совершившее преступление, предусмотренное настоящей статьей, освобождается от уголовной ответственности, если оно своевременным предупреждением органов власти или иным способом предотвратило наступление общественно опасных последствий и если в его действиях не содержится иного состава преступления».

---

[1] См.: Антонян Ю.М. Терроризм. Криминологическое и уголовно-правовое исследование. – М., 1998. – С.287.

[2] См.: Михлин А.С. Новое в уголовном законодательстве: Учебное пособие. – М., 1996. – С.97; Уголовное право. Особенная часть: Учебник / Под ред. А.И. Рарога. – М., 1997. – С.224.

[3] Антонян Ю.М. Указ. работа. – С.287; Кириллов И.А. Уголовно-правовые меры борьбы с терроризмом: Лекция. – М., 1999. – С.19.

[4] См.: Гаухман Л.Д. Проблемы уголовно-правовой борьбы с терроризмом. // Законность. – 2001. – №5. – С.7.

[5] См., напр.: Российское уголовное право. Особенная часть: Учебник / Под ред. М.Л.Журавлева, С.И.Никулина. – М., 1998. – С.223-224.

[6] Овчинникова Г.В. Терроризм: Серия «Современные стандарты в уголовном праве и уголовном процессе» / Науч. ред. проф. Б.В.Волженкин. – СПб., 1998. – С.35.

[7] Об этом говорит, во-первых, использованная в примечании фраза «освобождается от уголовной ответственности»; во-вторых, положение ч.2 ст.75 УК РФ, согласно которому в статьях Особенной части УК РФ предусматриваются специальные случаи освобождения от уголовной ответственности.

[8] См.: Антонян Ю.М. Указ. работа. – С.286; Михлин А.С. Указ. работа. – С.97; Рябчук В.Н. Уголовный кодекс Российской Федерации о борьбе с терроризмом // Актуальные проблемы борьбы ФСБ России и МВД России с терроризмом, организованной преступностью и коррупцией в современных условиях. – М., 1997. – С.216; Киреев М.П. Проблемы борьбы ОВД с актами терроризма // Терроризм: современные аспекты: Сборник научных статей. – М., 1999. – С.10; Гаухман Л.Д. Указ. работа. – С.6-7.

[9] Киреев М.П. Указ. работа. – С.10.

[10] См.: Гаухман Л.Д. Указ. работа. – С.7.

ОБЪЕКТИВНАЯ СТОРОНА ПОСЯГАТЕЛЬСТВА НА ЖИЗНЬ СОТРУДНИКА ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОГО ОРГАНА: ПРОБЛЕМЫ ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ И ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ КОНСТРУКЦИИ ст.317 УК РФ

Сухоруков С.И.
Новосибирская специальная средняя школа милиции МВД России

Жизненно важные интересы государства состоят в незыблемости конституционного строя, суверенитета и территориальной целостности России, в политической, экономической и социальной стабильности, в создании нормальных условий жизнедеятельности человека, семьи, хозяйствующих субъектов, общественных организаций и органов власти, в обеспечении надежной охраны жизни, здоровья и других конституционных прав и свобод граждан от преступных посягательств.

Несомненно, что правоохранительная деятельность является одним из важнейших элементов стабилизации общественных отношений, обеспечения личной и имущественной безопасности участвующих в них индивидов.

Сотрудники правоохранительных органов, решая возложенные на них задачи по обеспечению общественного порядка и общественной безопасности, нередко сталкиваются с активным противодействием со стороны преступников. Именно поэтому выполнение указанных функций невозможно без обеспечения должного уровня охраны жизни, здоровья, чести и достоинства сотрудников.

Уголовная ответственность за посягательство на жизнь сотрудника правоохранительного органа предусмотрена ст.317 УК РФ. Объективная сторона указанного преступления выражается в ст.317 УК РФ через термин «посягательство». В юридической литературе и в правоприменительной практике понятие «посягательство» применительно к ст.317 УК РФ толкуется неоднозначно.

Так, Э.Ф.Побегайло относит к посягательству лишь покушение на убийство, но не само лишение жизни.[1] Такая позиция основывается на том, что словари русского языка толкуют посягательство как не оконченное действие.[2]

Кроме того, в ст.37 УК РФ законодатель, определяя понятие необходимой обороны, указывает, что она возможна от общественно опасного посягательства. При этом термин «посягательство» употребляется законодателем в смысле неоконченного общественно опасного деяния (оконченное общественно опасное деяние не порождает права на необходимую оборону).

Проведенное нами в г.Новосибирске анкетирование сотрудников следственных подразделений ОВД, работников прокуратуры и суда показало, что некоторые из них отождествляют термин «посягательство на жизнь» с оконченным убийством.

П.Ф.Гришанин, М.П.Журавлев полагали, что «посягательство на жизнь может выразиться в убийстве работника… или в покушении на убийство, а равно в нанесении тяжких телесных повреждений»[3]. Аналогичной позиции придерживается С.К.Милюков, который указывает, что по смыслу ст.191[2] УК РСФСР (ст.317 УК РФ) посягательство на жизнь охватывает не только убийство и покушение на него, но и умышленные тяжкие телесные повреждения, опасные для жизни в момент причинения.[4]

Такое толкование справедливо было подвергнуто критике как не основанное на законе. В ст.317 УК РФ ясно сказано, что объективная сторона преступления состоит в посягательстве на жизнь, а не на здоровье сотрудников правоохранительных органов.

По мнению Г.Ф.Поленова и П.С.Елизарова, посягательство на жизнь работника милиции образует не только физическое насилие с целью лишения жизни, но и иные действия, реально способные привести к смерти потерпевшего (например, выталкивание на ходу из поезда, автомашины).[5]

Наиболее распространенной является позиция, согласно которой под посягательством на жизнь сотрудников правоохранительных органов следует понимать как оконченное убийство сотрудников правоохранительных органов, так и покушение на убийство. Такое понимание посягательства было предложено в п.9 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24.09.1991 г. №3 «О судебной практике по делам о посягательстве на жизнь, здоровье и достоинство работников милиции, народных дружинников и военнослужащих в связи с выполнением ими обязанностей по охране общественного порядка» (в ред. постановления Пленума от 21.12.1993 г. №11).

Представляется, что использование законодателем в тексте ст.317 УК РФ термина «посягательство» и предложенное Пленумом Верховного Суда РФ толкование этого термина не совсем удачны.

Во-первых, понимание посягательства как оконченного убийства либо покушения на убийство расходится с толкованием слова «посягательство», данным словарями русского языка, а также использованным в тексте ст.37 УК РФ.

Во-вторых, если понимать под посягательством как оконченное убийство, так и покушение на убийство, обнаруживается парадоксальная ситуация с точки зрения логики конструирования составов - в одной и той же диспозиции, посредством указания на одно и то же деяние смоделированы и формальный, и материальный составы преступлений.

В-третьих, при толковании посягательства как оконченного убийства либо как покушения на него нарушается принцип справедливости, так как подобное толкование допускает возможность назначения одинакового наказания и в случае лишения жизни сотрудника правоохранительного органа, и в случае покушения на его жизнь, когда смерть не наступила.

В-четвертых, существующая конструкция уголовно-правовой нормы об ответственности за посягательство на жизнь сотрудника правоохранительного органа исключает возможность добровольного отказа от преступления при совершении действий, непосредственно направленных на убийство указанного лица. Последнее обстоятельство объясняется тем, что действующая конструкция

уголовно-правовой нормы не позволяет смоделировать стадию покушения на данное преступление.

Представляется, что в целях совершенствования конструкции состава преступления, предусмотренного ст.317 УК РФ, и точного толкования указанной уголовно-правовой нормы, необходимо заменить термин «посягательство на жизнь» на термин «убийство». Полагаем, что такая замена терминов имеет ряд положительных последствий: во-первых, будет устранена двойственность толкования признаков объективной стороны данного преступления и момента его окончания; во-вторых, уголовно-правовая оценка и наказуемость содеянного будут возвращены в традиционное правовое поле, обеспечивающее дифференциацию наказания в зависимости от стадии совершения преступления; в-третьих, новая конструкция уголовно-правовой нормы предоставит лицу возможность добровольного отказа от убийства сотрудника правоохранительного органа даже в случае совершения им действий, непосредственно направленных на совершение преступления.

Анализируя признаки посягательства на жизнь сотрудника правоохранительного органа в действующей редакции ст.317 УК РФ, необходимо заметить, что законодатель не предусмотрел квалифицированные составы данного преступления и не отразил обстоятельства, которые могут существенно повысить общественную опасность содеянного.

В частности, уголовный закон не дает однозначного ответа на вопрос: как квалифицировать посягательство на жизнь сотрудника правоохранительного органа, если это посягательство совершено с особой жестокостью или общеопасным способом. Также трудно дать правовую оценку посягательству на жизнь сотрудницы правоохранительного органа, заведомо для виновного находящейся в состоянии беременности, или квалифицировать посягательство на жизнь двух и более сотрудников правоохранительного органа.

Если указанные случаи квалифицировать только по ст.317 УК РФ, останется не учтенной возросшая общественная опасность содеянного, привнесенная перечисленными обстоятельствами. Квалифицировать содеянное по совокупности преступлений, предусмотренных ст.317 УК РФ и соответствующими пунктами ч.2 ст.105 УК РФ, тоже будет нелогично, так как в указанных случаях имеет место единичное преступление, а не множественность преступлений.

Для решения обозначенной проблемы представляется необходимым предусмотреть в ст.317 УК РФ квалифицированный со-

став преступления, а в качестве квалифицирующих признаков указать следующие:

а) убийство двух или более сотрудников правоохранительных органов, военнослужащих, а равно их близких;

б) убийство сотрудника правоохранительного органа, военнослужащего, а равно их близких, заведомо для виновного находящихся в беспомощном состоянии;

в) убийство сотрудницы правоохранительного органа или военнослужащей, заведомо для виновного находящихся в состоянии беременности;

г) убийство сотрудника правоохранительного органа, военнослужащего, а равно их близких с особой жестокостью;

д) убийство сотрудника правоохранительного органа, военнослужащего, а равно их близких общеопасным способом;

е) убийство сотрудника правоохранительного органа, военнослужащего, а равно их близких, совершенное группой лиц, группой лиц по предварительному сговору или организованной группой.

---

[1] Побегайло Э.Ф. Умышленные убийства и борьба с ними. – Воронеж, 1965. – С.78.

[2] Так, согласно Толковому словарю русского языка С.И.Ожегова и Н.Ю.Шведовой посягательство означает «попытку (незаконную или осуждаемую) сделать что-нибудь, распорядиться чем-нибудь, получить что-нибудь». См.: Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка – М., 1994. – С.561. Согласно Толковому словарю В.И.Даля «посягать» – значит «покушаться, дерзать, замышлять, умышлять, намеревать…». См.: Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. – М., 1956. – Т.3. – С.352.

[4] Гришанин П.Ф., Журавлев М.П. Преступления против порядка управления. – М., 1963. – С.30.

[5] Милюков С.К. К понятию посягательства на жизнь работника милиции или народного дружинника // Социалистическая законность. – 1997. – №9. – С.71.

[6] Елизаров П.С. Ответственность за посягательство на жизнь, здоровье и достоинство работников милиции и народных дружинников: Учебное пособие. – Киев, 1973. – С.27; Поленов Г.Ф. Ответственность за преступления против порядка управления. – М. 1966. – С.40.

К ВОПРОСУ ОБ ОБЪЕКТИВНОЙ СТОРОНЕ ст. 319 УК РФ

Брагина А.Г.
Сибирский юридический институт МВД России

Объективная сторона оскорбления представителя власти выражается в публичном унижении чести и достоинства представителя власти, совершенном во время исполнения им своих должностных обязанностей или в связи с их исполнением. Наступление общественно опасных последствий законом не предусмотрено, однако, если учесть, что так называемых «беспоследственных» преступлений не существует[1], полагаем, что и оскорбление может повлечь наступление общественно опасных последствий. В частности, к ним относится моральный вред, проявляющийся в возникновении у потерпевшего дискомфортного состояния, сопровождающегося такими отрицательными эмоциями, как боязнь, переживания, чувство незащищенности, обида, страх, возмущение, горе, чувство утраты.

Оскорбление представителя власти окончено с момента совершения виновным активных действий и заключается в публичном унижении чести и достоинства лица в неприличной форме, не отвечающей нормам морали и нравственности и состоящей в таком обращении с потерпевшим, посредством которого выражается отрицательная оценка человеческого достоинства в форме, противоречащей установленным в обществе правилам поведения.[2]

Важным представляется и то, что любое оскорбление является одной из разновидностей психического насилия[3] и, следовательно, должно своевременно пресекаться. Особенность общественно опасного деяния данного преступления заключается в том, что физическая целостность органов и тканей потерпевшего при непосредственном воздействии виновного лица не нарушается, но основное влияние направлено на психику потерпевшего, вызывая такие негативные чувства, которые не способствуют улучшению состояния здоровья в целом, а, наоборот, его ухудшают.

Публичное оскорбление представителя власти и оскорбление личности различаются не только тем, что при совершении первого обязательно должно присутствовать третье лицо, а при обычном оскорблении – нет, но и различным моральным вредом, причиненным потерпевшему, который, к сожалению, не учитывается при назначении наказания виновному лицу. Оскорбление представителя власти, по определению законодателя, должно быть совершено

публично. Но, как и в любой другой нелицеприятной ситуации, присутствие постороннего человека, ставшего свидетелем унижения авторитета органов государства, чести и достоинства личности, усиливает негативное воздействие преступления на личность потерпевшего.

Выделяют три формы оскорбления представителя власти – словесную, письменную и действием.[4] Каждая из указанных форм обладает своими особенностями и довольно трудно установить, насколько общественно опасна и более сильна по воздействию на психику каждая. Так, оскорбление словом способно причинить больше страданий, чем пощечина, особенно в том случае, если виновный знает слабые стороны потерпевшего и уверенно пользуется этим.

Грань между оскорбительным (унизительным) характером тех или иных действий и нормой человеческого общения очень тонка, и в ряде случаев установить ее практически невозможно, так как она может зависеть от уровня жизни, образования, принятых форм и средств общения и т.п.

Довольно сложно определить не только то, какой моральный вред причинит тот или иной способ оскорбления, но и установить «усредненный» показатель оскорбительности какого-либо деяния: все зависит от конкретной личности и конкретного выражения общественно опасного деяния, а также морали, царящей в обществе.

Если в дореволюционной России оскорбительным можно было признать обращение «ты» в выражающей презрение и неуважение форме, а повышенной общественной опасностью обладала обида, нанесенная женщине[5], то в настоящее время вряд ли суд вообще посчитает необходимым рассматривать одну из подобных ситуаций как оскорбление или же учтет в качестве отягчающего вину обстоятельства оскорбительное обращение к лицу женского пола. Особенно если принять во внимание, какая манера общения вообще принята среди большей части населения.

Безусловно, нельзя утверждать, что мораль допускает нецензурную брань, и «оценка» личности потерпевшего с ее помощью перестала считаться оскорбляющей человеческое достоинство и наносить ущерб авторитету органов государственной власти. Однако изменения, коснувшиеся общества, не могли не отразиться на морали. Произошло переосмысливание таких общечеловеческих ценностей, как жизнь, свобода, честь, достоинство и др. Мировоззрение значительной части населения кардинально поменялось, что в какой-то степени нашло отражение и в официальной статистике. По данным ГИЦ МВД России, с 1993 по 2001 гг. количество оскорблений, совершенных в отношении представителей власти,

90% которых являются сотрудниками правоохранительных органов, а, следовательно, большая часть – сотрудниками милиции, возросло с 578 до 10117 преступлений, т.е. в 17,5 раз.[6]

Приведенные данные указывают на реальную переоценку обществом некоторых моральных ценностей. Конечно, на статистику влияют множество факторов, среди которых и социально-экономические, и политические, но все-таки общепринятые нормы поведения и человеческого общения подверглись некоторым изменениям.

Представляется, что дальнейшее изучение данного явления немаловажно, особенно в период некоторого дефицита нормального поведения при общении с представителями власти.

---

[1] См., напр.: Новоселов Г. Без преступных последствий нет преступления //Российская юстиция. – 2001. – №3. – С.56; Шарапов Р. Классификация составов преступлений на формальные и материальные: миф или реальность? //Уголовное право. – 2000. – №3. – С.51-54.

[2] См.: Пионтковский А.А., Меньшагин В.Д. Курс советского уголовного права. Особенная часть. – М., 1955. – Т.1. – С.658-659.

[3] См.: Сердюк Л.В. Психическое насилие как предмет уголовно-правовой оценки следователем: Учебное пособие. – Волгоград, 1981. – С.34.

[4] См., напр.: Преступления против порядка управления: Учебное пособие. – М., 1970. – С.25; Сухарев Е.А., Трофимов Н.И. Охрана жизни, чести и достоинства работников милиции и народных дружинников. – М., 1970. – С.48-52.

[5] Неклюдов Н.А. Руководство к Особенной части русского уголовного права. Т.1: Преступления и проступки против личности. – СПб., 1876. – С.30, 35.

[6] См.: Ткаченко В.С., Ревин В.П. Уголовно-правовые средства охраны сотрудников правоохранительных органов: Учебное пособие. – М., 2002. – С.118; Саруханян А.Р. Преступления против порядка управления: общая характеристика, вопросы квалификации: Дис. …канд.юрид.наук. – Ставрополь, 2002. – С.175.

ЛИЧНОСТЬ ПОТЕРПЕВШЕГО ОТ НАСИЛЬСТВЕННОГО ДЕЯНИЯ И ЕЕ КРИМИНОЛОГИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ

Черных Е.В.
Восточно-Сибирский институт МВД России

Репецкая А.Л., д.ю.н., профессор
Байкальский государственный университет экономики и права

Сегодня представляется очевидным, что для установления всех обстоятельств совершения насильственного деяния в каждом конкретном случае необходимо учитывать сложившуюся в момент преступления обстановку (ситуацию), а также личностные особенности насильника и его жертвы и механизм взаимодействия между ними – все здесь взаимообусловлено и взаимосвязано. Именно поэтому характеристика комплекса нравственно-психологических, социальных и демографических свойств жертвы, позволяющая понять, что представляют собой потерпевшие, подвергшиеся насильственному посягательству, является необходимым условием как при разработке рекомендаций по профилактике насильственной преступности, так и для понимания природы и механизма совершения насильственных преступлений.

Определенное значение при выборе варианта поведения имеет пол человека. В результате проведенного автором исследования[1] было установлено, что при распределении потерпевших по признаку пола количество женщин – жертв насильственных преступлений составило 18%. Что касается мужчин, потерпевших от насильственных посягательств, то на их долю пришлось, соответственно 82%, то есть женщины становились жертвами насильственных посягательств более чем в 4 раза реже, чем мужчины. При этом только у 11% женщин и 9% мужчин, пострадавших от рассматриваемых преступлений, было установлено нейтральное поведение. Все остальные потерпевшие способствовали совершению насильственного посягательства против себя.

Кроме того, виктимогенная предрасположенность мужчин в насильственных посягательствах выше, чем у женщин. Думается, это связано с тем, что мужчины обладают большими возможностями к сопротивлению, чем женщины, однако они склонны вступать в более широкий круг контактов, часто кратковременных, и их поведение чаще носит агрессивный характер, а следовательно,

создает обстановку, чреватую возможностью причинения им вреда в процессе оказания противодействия.

Другим характеризующим личность признаком является возраст. По данным проведенного исследования, потерпевшими от насильственных преступлений чаще всего являются люди молодого и среднего возраста. Так, при анализе всех исследованных преступлений было выявлено, что большую часть потерпевших (51%) составили лица в возрасте от 25 до 45 лет. При этом внутри этой группы больше половины пришлось на потерпевших от 36 до 45 лет.

При сравнительном анализе групп с виктимным поведением жертв (Ав) и нейтральным (Ан) было установлено, что для потерпевших, виктимным поведением способствовавших собственной виктимизации, более характерным является молодой возраст: от 25 до 35 лет. Иначе обстоит дело в группе, где поведение жертв в предкриминальной и криминальной ситуации являлось нейтральным (Ан), здесь доминирующую долю составили лица в возрасте от 36 до 45 лет.

Таким образом, несмотря на некоторые возрастные колебания, большинство потерпевших – это взрослые люди, вполне способные осознавать общественную опасность своих действий и нести за них ответственность. Однако наряду с социально-положительными качествами к этому возрасту у определенной категории людей накапливается и формируется совокупность социально-негативных свойств личности, которые деформируют ее, и нередко именно реализация этого вида виктимности влечет причинение вреда такому потерпевшему.

Другой признак, на котором необходимо остановиться, это образовательный и социальный уровень жертв. Так, результаты исследования показали, что в подавляющем большинстве случаев (59%) потерпевшие от насильственных преступлений имели среднее или среднее специальное образование. При этом уровень образования потерпевших, которые своим поведением способствовали совершению преступлений, был несколько ниже образовательного уровня других потерпевших. Также для данной категории жертв характерно и значительно большее число лиц (по сравнению с группой, где поведение жертв было нейтральным), не имеющих образования вообще.

Так, сравнительное исследование образовательного уровня потерпевших в группах с виктимным (Ав) и нейтральным поведением (Ан) выявило, что число лиц, обладающих высшим образованием, в группе (Ан) в 2 раза больше, чем в группе (Ав); число лиц, обладающих средним специальным образованием, в 3,9 раза больше; количество лиц без образования вообще наименьшее именно в группе (Ан) и составляет 5%.

Таким образом, низкий образовательный уровень достаточно очевидно коррелирует с поведением потерпевшего. Малограмотные, с низким уровнем культуры люди значительно чаще оказываются в ситуациях, которые обладают повышенным виктимогенным потенциалом. Кроме того, эти лица в большинстве случаев не способны объективно оценить обстановку и наиболее вероятные последствия своего поведения, а потому не способны предотвратить совершение насильственного посягательства. Именно поэтому особенно пугающей представляется тенденция увеличения в последнее время людей без образования, лишенных простейших жизненных знаний и потому создающих условия и предпосылки для собственной виктимизации.

Исходя из анализа образовательного уровня потерпевших от насильственных преступлений не являются неожиданными и данные, касающиеся социального положения этих людей. Так, согласно полученным результатам, на момент совершения преступления были безработными или без постоянного источника доходов 56% потерпевших, при этом у 93% из них установлено виктимное поведение; вторая по численности группа – представители рабочих специальностей (23%).

Исследование социальной занятости в группе потерпевших с поведением, способствующим совершению преступления, показало, что число лиц, нигде не работающих, и лиц без постоянного источника доходов еще выше и составило почти 60%. Если же учесть, что большая часть потерпевших – это лица трудоспособного возраста, то количество не работающих среди них выглядит угрожающе. Незанятость трудоспособного человека трудом или учебой имеет большое криминогенное (виктимогенное) значение, так как лишает его возможности добывать честным путем средства к существованию, дает много свободного времени, которое может быть использовано им против интересов общества, а также выводит из сферы социального контроля и позитивных связей в коллективе.[2]

В свете общей характеристики лиц, пострадавших от совершения насильственных деяний, является необходимым остановиться на семейном положении этих лиц. Так, анализ полученных данных выявил фактическое превосходство (60%) холостых лиц. Вместе с тем, судя по тому, как распределились данные по двум основным группам, видно, что в группе Ав число холостых потерпевших является наибольшим (61,5%). Тогда как для потерпевших в группе Ан более характерным является нахождение лица в зарегистрированном браке, количество таких лиц составило почти половину – 45%.

Таким образом, напрашивается вывод о том, что отсутствие семьи и детей дает широкую свободу действий, снижает чувство ответственности за свое поведение, что является предпосылкой не только для совершения преступного деяния, но и становления лица жертвой деликта.

Применительно к личности потерпевшего большое значение имеет исследование антиобщественной направленности индивида, так как стойкое систематическое поведение личности, выражающееся в отрицательном отношении к общепринятым социальным идеалам и ценностям, является следствием виктимогенной деформации личности. Прежде всего, к таким показателям следует отнести наличие у лица факта привлечения к правовой ответственности. Так, результаты проведенного исследования показали, что доля ранее судимых потерпевших составила 22,7%, где 6,8% – за насильственные деяния. Особое значение имеет и то обстоятельство, что все эти лица в предкриминальной и криминальной ситуации проявили виктимное поведение. Помимо прежней судимости личность жертвы характеризуют и данные, свидетельствующие об отношении к труду, и поведение в быту. Эти материалы были получены автором из имеющихся в уголовных делах производственных и бытовых характеристик.

В результате было установлено, что по работе лишь 14% всех потерпевших характеризовались с положительной стороны 5% – и с отрицательной. Из 55% имеющихся в делах бытовых характеристик 30% свидетельствовали о положительном и 25% об отрицательном поведении потерпевшего в быту. Вместе с тем в 81% случаев не были запрошены производственные и в 45% случаев – бытовые характеристики.

Анализ тех же данных в зависимости от поведения потерпевшего показал, что количество жертв, характеризующихся с положительной стороны и в быту, и на работе, гораздо выше в группе, где поведение потерпевших в предкриминальной и криминальной ситуации было нейтральным.

Поскольку для нас представляют особый интерес потерпевшие, своим виктимным поведением способствующие совершению преступления, необходимо обратить внимание и на те черты нравственного облика, которые при определенных обстоятельствах стимулируют их виктимное поведение. В результате изучения автором материалов уголовных дел установлено, что большинство насильственных преступлений являются результатом отрицательной нравственно-психологической характеристики и негативных отклонений в поведении самих потерпевших. Кроме того, для большей части потерпевших этой группы свойственно проявление

агрессивности, которая при определенных обстоятельствах проявляется как по отношению к любому человеку из ближайшего окружения, так и к посторонним людям. Также данным потерпевшим свойственны такие качества, как деспотизм, склонность к употреблению алкоголя или наркотиков, нравственная нечистоплотность, склонность к паразитированию, бродяжничеству, неразборчивость в выборе знакомых и т.д.

Делая вывод, необходимо отметить, что для потерпевших, способствовавших своим поведением собственной виктимизации, как правило, характерно наличие определенного комплекса социальных, нравственно-психологических и демографических качеств, проявление которых при сопутствующих условиях, свойственных для насильственных преступлений, обуславливает их типичное поведение и связанную с этим поведением большую, чем для общей массы людей, вероятность пострадать от таких деяний, как убийство и умышленное причинение тяжкого вреда здоровью.

Кроме того, в результате проведенного автором исследования, при котором проводилось изучение не только личностных характеристик лиц, пострадавших от насильственных деяний, но и преступников, совершивших рассматриваемые преступления, было установлено, что, по существу, это лица, обладающие сходными характеристиками, то есть представители одного и того же социального типа.

---

[1] Данные получены в результате выборочного исследования 300 уголовных дел о преступлениях, предусмотренных ст.ст.105, 111 и 112 УК РФ, рассмотренных районными судами г.Красноярска, Иркутска и Шелеховским городским судом в 2001-2003гг.

[2] Пономарев П.Г. Насильственная преступность в семье: криминологическая характеристика / П.Г.Пономарев, А.В.Борбат, А.Н.Ильяшенко // Российский следователь. – 2002. – №1. – С.27.

ПРОБЛЕМЫ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Ковров В.М.
Тюменский юридический институт
МВД России

Предупреждение преступлений в широком понимании есть категория, обозначающая исторически сложившуюся систему преодоления объективных и субъективных предпосылок преступлений, реализуемую путем целенаправленной деятельности всех ин-

ститутов общества по устранению, уменьшению и нейтрализации факторов, способствующих существованию преступности и совершению преступлений.

В узком, более прикладном, значении предупреждение преступлений представляет собой деятельность, направленную на недопущение совершения преступлений путем выявления и устранения причин преступлений, условий, способствующих их совершению, оказание предупредительного воздействия на лиц с противоправным поведением.[1]

При рассмотрении проблем предупреждения преступлений, существующих в настоящее время, необходимо отметить, что многие из них «перешли» еще из советского периода, когда органы внутренних дел в своей деятельности по предупреждению преступлений опирались на энтузиазм общественных формирований, создаваемых комсомольскими и партийными органами, органами государственной власти. Заметную роль в системе предупреждения преступлений играли такие общественные формирования, как советы профилактики трудовых коллективов, общественные пункты охраны порядка, добровольные народные дружины, товарищеские суды.

Но, оценивая в целом систему предупреждения преступлений, сложившуюся в стране в 60-80-е годы прошлого века, следует отметить, что, наряду с большим позитивным потенциалом и положительными результатами, ей были присущи определенные недостатки, пороки и издержки, которые повлияли на деятельность по предупреждению преступлений в настоящее время. Сильными сторонами этой системы были ее высокая управляемость, последовательное обеспечение комплексного подхода, тесная увязка предупредительных мероприятий с планами и программами социально-экономического развития, широкое участие населения в охране правопорядка, достаточно высокая эффективность мер правового воспитания и просвещения, активное использование процессуальных и других правовых средств.

Многие сотрудники органов внутренних дел были психологически не подготовлены к осуществлению планомерной профилактики правонарушений. Этому объективно способствовала, как и в настоящее время, практика оценки работы сотрудников внутренних дел, главным образом, по показателям раскрываемости преступлений. Сотрудники милиции поощрялись и поощряются главным образом за результаты раскрытия и расследования совершенных преступлений и розыск скрывшихся преступников, а не за профилактику правонарушений, которую трудно учесть.

Отмеченные недостатки тем не менее не снижают положительные моменты прежней практики предупреждения преступлений. Но борьба в годы ранней перестройки с лишней заидеологизированностью и формализмом в предупреждении преступлений, роспуск действующих общественных формирований, отказ от участия населения в борьбе с преступностью фактически «обрушили» всю систему предупреждения преступлений

В период конца 80-х – начала 90-х годов произошло свертывание прежней системы предупреждения преступлений: прекратили свою деятельность большинство общественных институтов, являвшихся субъектами профилактики, а правоохранительные органы, суды резко ослабили работу по выявлению и устранению причин, условий, способствующих совершению преступлений. Работа по предупреждению преступлений отошла на второй план, оказалась практически забытой. Значительно ухудшались показатели профилактики, предотвращения и пресечения преступлений.

О том, что в настоящее время Россия стала обществом упущенных возможностей в борьбе с преступностью, прежде всего в превентивном плане, свидетельствует анализ характерных причин и проявлений демонтажа системы предупреждения. К ним, по мнению ученых, относятся следующие факторы:

ослабление роли государства в регулировании общественных отношений, снижение дисциплины в обществе, усиление социальной дезорганизации; снижение роли моральных регуляторов, усиление нравственно-правового нигилизма;

свертывание деятельности общественных формирований профилактической направленности;

усиление социальной апатии значительной части населения; ослабление связей правоохранительных и других государственных органов с населением; самоустранение органов государственной власти от координации усилий субъектов профилактики преступлений (либо ее значительное ослабление);

формы и методы профилактики преступлений не были своевременно видоизменены применительно к условиям жизни общества переходного периода;

представители криминального мира действуют в настоящее время в идеологической сфере более эффективно, чем государственные органы.[2]

В период свертывания работы по предупреждению преступлений (конец 80-х – начало 90-х годов прошлого века) значительно ослабло и ее научно-методическое обеспечение. В настоящее время особо актуально участие ученых, научных и образователь-

ных учреждений в становлении и развитии качественно новой системы предупреждения преступлений, использующей в разумных пределах оправдавший себя опыт советского прошлого. К научным исследованиям проблем предупреждения преступлений кроме юристов необходимо шире и активнее привлекать представителей смежных отраслей знаний (экономистов, политологов, социологов, психологов и др.).

Анализ состояния правового регулирования предупреждения преступлений нормами различных отраслей права показывает, что целостной, завершенной системы этого регулирования не сложилось, с советских времен оно имеет во многом фрагментарный характер, обусловленный в первую очередь отсутствием на федеральном уровне соответствующего нормативного правового акта.

При оценке складывающегося правового регулирования предупреждения преступлений отмечается наличие в нем пробелов, отсутствие федерального закона по данному вопросу, а также отказ первого Президента подписать Федеральный закон «Об общих началах участия граждан Российской Федерации в обеспечении правопорядка», принятый Федеральным Собранием в 1999 году. Оптимальным решением проблемы было бы принятие федерального закона о предупреждении (или основах предупреждения) преступлений.[3]

Кроме этого проблемой предупреждения преступлений остаются и обеспечение фактической неотвратимости наказания для преступников, и формирование на основе этого у остальных граждан представления о «невыгодности» совершения преступлений. В период «дикого капитализма» вопрос о трудовом и бытовом устройстве лиц, отбывших наказание, не только не решается, он фактически снят с повестки дня, что толкает многих из них на повторные преступления.

Возникшие в годы накопления первоначального капитала, детская беспризорность и огромная армия лиц без определенного места жительства и занятия, брошенных на произвол судьбы государством, также не способствуют предупреждению преступлений

С учетом состоявшегося демонтажа системы предупреждения преступлений и необходимости ее воссоздания во многом на новой основе, это требует привлечения разнообразных сил и средств, решения крупных экономических, финансовых, организационных и иных вопросов, особое значение приобретает комплексно-территориальная координация, осуществляемая органами исполнительной власти, в том числе в общегосударственном масштабе.

[1] Криминология / Под ред. д.ю.н. В.Д.Малкова. – М., 2004. – С.116.
[2] Там же. – С. 18-19.
[3] Герасимов С.И. Концептуальные основы и научно-практические проблемы предупреждения преступности: Автореф. дис. … докт. юрид. наук. – М., 2001. – С.15.

ПОНЯТИЕ КОНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ ТЕОРИИ ВИКТИМНОСТИ И ЕЕ ЗНАЧЕНИЕ В ИНДИВИДУАЛЬНОЙ ПРОФИЛАКТИКЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Чирков Д.К., к.ю.н.
Сибирский юридический институт МВД России

Роль конституциональной диагностики в современной антропологии – вопрос сложный и неоднозначный[1], так как изучение внешних проявлений типов строения, форм и расположения органов человеческого тела показало бесконечное число их вариантов. Как известно, нормальное строение человека изучается анатомией и относится к некоторому обобщенному типу, характеризующему человечество в целом, вместе с тем все признаки нормального строения встречаются во множестве вариаций и при этом могут быть единичными и комплексными. Антропология всесторонне изучает нормальную изменчивость признаков морфологического типа человека, видовые вариации строения и закономерности их развития. Соматология изучает самого индивида, то есть составляющие тела: кожный покров, компоненты жировой, мышечной и костной масс, а также параметры и топографию органов индивида. Все разнообразие вариантов Конституциональной теории виктимности, по мнению автора, можно свести к 4 типам наиболее часто выявляемых телосложений: невиктимный тип, минимально виктимный тип, средневиктимный тип, максимально виктимный тип.

В то же время необходимо отметить, что учеными недостаточно внимания уделяется такой проблеме, как индивидуальное состояние индивида в Конституциональной теории виктимности в зависимости от физического развития организма. Учение о локальной конституции требует своего дальнейшего развития, накопления фактических данных, поиска новых уровней знаний.

Изучив отечественную и зарубежную общедоступную и оригинальную научную литературу, самостоятельно проведя комплекс эмпирических исследований (опрошены около 1100 человек, в том

числе 285 сотрудников ОВД, 38 – Министерства юстиции, 176 – осужденных и бывших осужденных, совершивших нижеозначенные преступления), автор предпринял попытку решения на междисциплинарном уровне круга задач, связанных с решением проблем виктимизации определенных слоев населения в зависимости от конституциональных особенностей личности, которые на сегодняшний день представляются не изученными и весьма актуальными.[2]

В связи с этим автор предлагает следующее понятие Конституциональной теории виктимности как концепции частной причины, доказывающей повышенную способность становиться жертвой отдельных видов преступного посягательства в зависимости от особенностей физической конституции человека, в том числе по половому признаку.

Рассматривая (обосновывая) Конституциональную теорию виктимности женщин, автор предлагает рассматривать не все преступления, а некоторые их виды, такие как: умышленное причинение тяжкого вреда здоровью (ст.111 УК РФ); умышленное причинение средней тяжести вреда здоровью (ст.112 УК РФ); умышленное причинение легкого вреда здоровью (ст.115 УК РФ); побои (ст.116 УК РФ); истязание (ст.117 УК РФ); изнасилование (ст.131 УК РФ); насильственные действия сексуального характера (ст.132 УК РФ); понуждение к действиям сексуального характера (ст.133 УК РФ); грабеж (ст.161 УК РФ); разбой (ст.162 УК РФ). Конституциональную теорию виктимности мужчин автор предлагает рассматривать (доказывать) на следующих видах преступлений: убийство (ст.105 УК РФ); умышленное причинение тяжкого вреда здоровью (ст.111 УК РФ); умышленное причинение средней тяжести вреда здоровью (ст.112 УК РФ); умышленное причинение легкого вреда здоровью (ст.115 УК РФ); побои (ст.116 УК РФ); истязание (ст. 117 УК РФ); грабеж (ст.161 УК РФ); разбой (ст.162 УК РФ); вымогательство (ст.163 УК РФ). На другие виды преступлений предлагаемая автором концепция Конституциональной теории виктимности пока не переносится ввиду недостаточности их изучения и доказывания. Кроме того, Конституциональная теория виктимности неприменима в полном объеме (на 100%) в тех случаях, если обозначенные нами преступления: а) имеют заказной характер; б) совершаются лицом, имеющим болезненное психическое расстройство, не исключающее вменяемости, а также лицами, не являющимися субъектами преступления ввиду медицинского (биологического) критерия.

Из вышеизложенного следует вывод: 1) Конституциональная теория виктимности позволит в более объемном ракурсе рассмотреть жертву преступного посягательства; 2) вероятность (способность) стать жертвой преступного посягательства может быть обусловлена также определенными личностными особенностями потерпевших, вопреки Конституциональной теории виктимности, в случаях, когда:

а) потерпевший в силу своего ограниченного состояния здоровья не способен оказать противодействие посягающему;

б) жертвой преступного посягательства является малолетний либо несовершеннолетний;

в) актуализировано особое ситуационное состояние (любой вид опьянения) и др.

Предлагаемая теоретическая концепция позволит открыть широкие возможности в решении вопросов индивидуального подхода в профилактике преступлений.

---

[1] Никитюк Б.А. Важность антропометрического подхода в медицинских исследованиях // Вопросы физической антропологии женщин: Тезисы докладов. - Тарту, 1980. – С.16-18.

[2] Конституциональная теория виктимности находится на стадии разработки, и разработчики будут рады принять все возражения и предложения. Наш электронный адрес: DK8888@mail.ru.

ФАКТОРЫ ЕСТЕСТВЕННОЙ ЛАТЕНТНОСТИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Шиханов В.Н.
Восточно-Сибирский институт МВД России

Определение факторов естественно-латентной преступности имеет важное значение для разработки мер по выявлению латентных преступлений и снижению степени их латентности.

Этот вопрос был достаточно освещен в криминологической литературе.[1] Анализ трудов различных ученых-юристов свидетельствует, что для определения искомых факторов необходимо выявление зависимостей между степенью латентности преступлений и характером преступлений, распространенностью информации о совершенном преступлении, поведением жертв и очевидцев преступлений.

В этих целях криминологами естественно-латентные преступления условно классифицировались на группы. Предлагаемые варианты имеют много схожего, различия же зависят от целей, которые стремились достичь исследователи.

В результате обобщения и систематизации различных точек зрения по рассматриваемой проблеме мы предлагаем альтернативную классификацию естественно-латентных преступлений, исходя из которой определяются факторы, влияющие на степень латентности преступлений.

Однако прежде чем перейти к ее описанию, необходимо остановиться на одном важном условии.

Проводя классификацию, мы опирались на теоретическую модель общества с активной гражданской позицией его членов.[2] Часть общества, прикосновенную к криминогенным ситуациям, можно условно подразделить (статично, по принципу фотографии) на две основные группы:

1) лица, совершившие преступления;

2) потерпевшие, очевидцы и свидетели, противостоящие преступникам.

Но, как известно, четких границ между двумя полярными явлениями не бывает, всегда есть некоторая «средняя», дуалистическая прослойка.

Это справедливо относится и к социуму: люди не делятся однозначно на преступников и «воинствующих законопослушников». Между ними существует прослойка, которая не имеет четких правовых установок. Как правило, это пассивная часть населения, не оказывающая противодействия преступности, но и не совершающая преступлений (хотя отчасти может быть к этому склонна).

Упрощенную проекцию такой структуры общества можно наблюдать в исправительных учреждениях, где контингент также делится на лиц с устойчивой противоправной ориентацией, актив и пассивную часть осужденных.

В дальнейшем для удобства мы будем именовать обозначенные группы, исходя из характера их пассионарности – органичной совокупности личностных характеристик, определяющих социальную активность членов группы, их влияние на окружающих и на характер конкретных событий.[3] Таким образом, первая группа – это девиантные пассионарии (ДП), активная часть второй группы – активные пассионарии (АП), пассивная часть второй группы – пассивные пассионарии (ПП).

Учитывая изложенное, мы получаем следующую зависимость: чем больше людей второй группы (АП и ПП) обладают ин-

формацией о преступлении, тем меньше вероятность латентности этого преступления. Наличие во второй группе пассивных пассионариев не блокирует поступление информации (хотя, несомненно, влияет на ее объем и скорость распространения) в правоохранительные органы: их пассивное поведение компенсируется за счет АП с позитивными правосознанием и морально-этическими установками, что обеспечит огласку и вмешательство уполномоченных государственных органов в нарушенные правоотношения.

Опираясь на описанную модель общества, мы условно подразделяем естественно-латентные преступления на четыре блока.

1. Преступления, которым имманентна латентность ввиду особенностей механизма совершения (нет конкретного потерпевшего[4]: экологические преступления, налоговые преступления, незаконный оборот оружия, наркотических средств и др.). Преступник может принимать меры к сокрытию следов преступления, обеспечивая его латентность. Главное отличие этих преступлений – односторонность, то есть информацией о преступлениях обладают только ДП.[5]

2. Уголовно наказуемые инциденты, которые не восприняты участниками второй или обеих групп как преступные.

3. Происшествия, которые воспринимаются участниками обеих групп в качестве уголовно наказуемых деяний, однако наличие таких уголовно-правовых запретов не находит у них поддержки и не считается девиацией.

4. Преступления, воспринимаемые как таковые, о которых осведомлены участники обеих групп.

Первая совокупность преступлений изначально обладает высокой степенью латентности. Иными словами, если эти преступления есть, то они латентны. Поэтому влияние на факторы латентности таких уголовно-правовых деликтов сводится к влиянию на детерминанты самих преступлений первого блока. Определяющим фактором латентности таких преступлений являются их объективные свойства.

Степень латентности уголовно-правовых деяний из числа второго блока обусловлена уровнем правовой образованности участников общественных отношений. Чем он выше, тем меньше степень латентности таких преступлений. Поэтому в качестве фактора естественной латентности преступлений второго блока мы рассматриваем уровень правовой грамотности общества.

Латентность третьего блока преступлений, как мы видим, обусловлена несовпадением позиции государства с общественным сознанием, нормами морали, обычаями. Наличие преступлений с

подобным фактором латентности служит сигналом для изучения эффективности уголовно-правовых норм, регулирующих эти общественные отношения. Как отмечает А.А. Конев, «законодатель при рассмотрении эффективности применения конкретной уголовно-правовой нормы должен учитывать эти обстоятельства, так как они могут свидетельствовать о нецелесообразности или социальной необусловленности существования данной нормы»[6].

В таких случаях, по нашему убеждению, необходимы тщательные юридические (криминологические, уголовно-правовые), исторические и, возможно, социологические исследования. Результат таких исследований должен позволить уяснить степень общественной вредности социального явления, необходимость его криминализации (декриминализации), необходимую степень пенализации (глубина и характер уголовно-правового регулирования). Определяющий фактор латентности этих преступлений – адекватность и эффективность уголовно-правовых норм.

Вероятность латентности преступлений четвертого блока зависит от уровня правосознания, гражданской позиции, морально-этических установок и принципиальности участников второй группы (соотношение АП и ПП).

Анализ криминологических исследований, в которых освещались вопросы обращаемости населения в правоохранительные органы[7], свидетельствует о серьезных изменениях в рассматриваемой структуре российского социума: в течение прошедших последних 15-20 лет значительное количество граждан «перешло» из разряда АП в прослойку ПП, и даже в ДП. Сказанное позволяет говорить о тенденции к увеличению распространенности естественно-латентных преступлений четвертого блока.

Подобные процессы неизбежно снижают эффективность мер по противодействию преступности и способствуют ее воспроизводству.

Организационной причиной таких структурных общественных изменений является демонтаж существовавшей до 90-х годов XX века системы предупреждения правонарушений.[8] Именно профилактические меры должны обеспечивать позитивную «миграцию» граждан: из преступных слоев – ДП – в ПП, а оттуда – в АП. В результате должна создаваться микросреда, куда преступность вытесняется и удерживается на социально терпимом уровне.

Таким образом, опираясь на проведенную классификацию естественно-латентных преступлений, мы выделяем четыре основных фактора, генерирующих естественную латентность:

1) ограниченность информации о посягательстве на некоторые объекты уголовно-правовой охраны из-за характера и особого механизма совершения некоторых преступлений;

2) уровень правовой образованности населения;

3) степень адекватности и эффективности норм уголовно-правового регулирования;

4) сознательная латентность жертв преступлений, а также свидетелей, очевидцев и иных лиц, прикосновенных к преступлениям.

---

[1] Конев А.А. Преступность и проблема измерения её реального состояния: Дис. …докт. юрид. наук. – М., 1993; Акутаев Р.М. Криминологический анализ латентной преступности: Дис. …докт. юрид. наук. – СПб., 1999; Щеглова Т.К. Латентная преступность и её значение для определения эффективности уголовно-правовых норм: Автореф. дис. …канд. юрид. наук. – М., 1973; Исаев З.М. Проблемы искусственно-латентной преступности: по материалам Республики Дагестан: Дис. …канд. юрид. наук. – Махачкала, 2002; Лунеев В.В. Преступность XX века. Мировые, региональные и российские тенденции. – М., 1997. – С.125-146; Горяинов К.К. Латентная преступность: опыт теоретического и прикладного исследования / К.К.Горяинов, А.П.Исиченко, Л.В.Кондратюк. – М., 1994; Ильин О.С. Преступность в Москве по данным статистики и криминологических исследований // Криминальная ситуация на рубеже веков в России. – М., 1999. – С.117-121; Латентная преступность: познание, политика, стратегия. – М., 1993 и др.

[2] См.: Конев А.А. Указ. работа. – С.96.

[3] Кайтуков В.М. Эволюция диктата. Опыты психофизиологии истории. – М., 1994. – С.7.

[4] Теоретически потерпевшая сторона присутствует всегда (общество, государство), однако в настоящей статье мы не рассматриваем их в качестве жертв преступлений, так как они не принимают участия в конкретных криминогенных ситуациях (не являются элементом механизма совершения преступления), а поэтому сложно спроецировать «потерпевшую сторону» на конкретных членов общества, которые могут быть признаны потерпевшими в рамках современного уголовного судопроизводства

[5] Сюда же относятся преступления, где информацией о преступлении первоначально обладали преступник и потерпевший, но последний погиб либо не имеет возможности сообщить о преступлении (например, удерживается преступником, потерял память)

[6] Конев А.А. Указ. работа. – С.7.

[7] См.: Акутаев Р.М. Указ. работа. – С.162-165; Исаев З.М. Указ. работа. – С.20; Чернов А.В. Современная социально-криминологическая обстановка в Прибайкальском регионе и проблемы борьбы с преступ-

ностью: Дис. …канд. юрид. наук. – СПб., 1995. – С.96; Щеглова Т.К. Указ. работа. – С.8; Конев А.А. Некоторые специфические признаки латентной преступности // Вопросы борьбы с преступностью. – Омск, 1977. – С.143; Лунеев В.В. Преступность XX века. Мировой криминологический анализ. – М., 1997. – С.136; Латентная преступность: познание, политика, стратегия. – М., 1993.

[8] См.: Герасимов С.И Проблемы криминологической профилактики в условиях переходного периода: по материалам г.Москвы: Дис. …канд. юрид. наук. – М., 1999. – С.4-25, 121-144.

К ВОПРОСУ О НЕОБХОДИМОСТИ РЕГИОНАЛЬНОГО ПОДХОДА В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПО ПРОТИВОДЕЙСТВИЮ ПРЕСТУПНОСТИ

Абызов К.Р.
Барнаульский юридический институт МВД России

Преступность, являясь продуктом жизнедеятельности общества как целостного социального организма, выступает в качестве социально опосредованного явления, вмещающего общественно опасные для него последствия. Социальный генезис преступности позволяет сделать и другой вывод методологического характера, согласно которому преступность как социальный феномен представляет собой одну из характеристик состояния общества на конкретном историческом этапе своего развития. Однако простое декларирование принципа социальной обусловленности преступности не позволяет четко объяснить существующие различия в преступности, которые проявляются разнопланово и многоаспектно.

Во-первых, эти различия имеют место в общероссийском масштабе и всегда проявляются, когда криминологи изучают состояние преступности в различные периоды времени на территории всей страны. Во-вторых, различия преступности просматриваются в ее структуре, количественно-качественных характеристиках. В-третьих, различия преступности отмечаются применительно к различным федеральным округам, обладающим специфическими характеристиками географического, демографического, социально-экономического и национально-культурного свойства. Наконец, в-четвертых, нельзя не учитывать различия преступности в отдельно взятых регионах (областях, краях и т.п.), входящих в соответствующие федеральные округа. В данном случае уместно

анализировать и сравнивать уровень жизни населения в регионах, масштабы безработицы, наличие природных ресурсов, состояние и развитие промышленного производства и сельского хозяйства, социальную защищенность и культурно-образовательный срез населения. Поэтому одним из важных подходов к исследованию этого антисоциального явления выступает территориальный аспект его изучения.

В 60-70-х годах прошлого века в исследованиях Ю.М.Антоняна, М.М.Бабаева, В.Н.Кудрявцева, Н.Ф.Кузнецовой, А.Б.Сахарова в основном были разработаны теоретические и методологические вопросы влияния отдельных социальных факторов на преступность.[1] Было подтверждено, что она находится в тесных опосредованных связях с процессами урбанизации, миграции населения, его половозрастной и социально-профессиональными структурами, типами поселений и их заселенностью, социальной средой в них и другими социальными факторами.

В последующие годы произошел переход от исследования влияния отдельных экономических и социально-демографических факторов к комплексным исследованиям всего причинного механизма преступности. Исследования ученых Всесоюзного института по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности[2], научно-исследовательского института и вузов системы МВД Российской Федерации[3] завершили становление нового в криминологической науке и практике направления – территориального подхода к изучению преступности.

Важный вклад внесли и другие исследователи, обобщившие значительные массивы материалов о преступности в городской и сельской местности, преступности крупных городов, городов-новостроек и курортных городов.[4]

Исследования преступности в регионах Сибири и Дальнего Востока были продолжены в 90-е годы XX века сотрудниками сектора криминологии НИИ проблем укрепления законности и правопорядка при Генеральной прокуратуре Российской Федерации, результаты которых приводятся А.И.Долговой в работах «Изменение преступности в России» и «Преступность в России в девяностых годах и некоторые аспекты законности борьбы с ней»[5].

Проблемам региональной преступности в современных социально-общественных и экономических условиях большое внимание уделяется Всероссийским научно-исследовательским институтом МВД России. Результаты исследований сотрудников ВНИИ МВД России опубликованы на страницах сборников научных трудов «Региональные проблемы борьбы с преступностью» и «Орга-

низационно-правовые проблемы борьбы с преступностью в регионах России» в 2000 и 2001 гг.

Выявление региональной специфики преступности позволяет разрабатывать местные (локальные) системы предупреждения преступности с учетом социально-экономической, национально-демографической, культурно-образовательной и криминологической среды, характеризующей ситуацию, обстановку и возможности каждого региона.

Необходимость объяснения причин «всплесков» и «провалов» преступности на уровне отдельных регионов вызвана потребностями практической работы по противодействию преступности. Эффективность этой работы обусловлена, с одной стороны, волевыми усилиями федеральной и региональной властей, общественных институтов на местах, с другой – наличием сложившихся объективных процессов.

Криминологические исследования последних лет выявили устойчивые различия в показателях преступности (уровень, структура, динамика) в различных регионах России. Устойчивость территориальных различий преступности – настолько важный показатель, что даже высокие темпы роста (снижения) числа зарегистрированных преступлений и лиц, их совершивших, не оказывают на нее статистически значимого влияния.

Например, в Центральном федеральном округе на протяжении последних лет постоянно регистрируется большое число преступлений корыстно-насильственной и экономической направленности, причем самый высокий прирост таких преступлений регулярно регистрируется в г.Москве и Московской области, что можно объяснить влиянием демографических (количество населения, высокая плотность населения, высокий уровень миграционных процессов, в том числе «область – город», большое число беженцев и т.д.), экономических (высокая концентрация материальных ресурсов) факторов. В то же время в Южном федеральном округе ежегодно регистрируется большое количество преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств, и преступлений, совершенных в состоянии наркотического опьянения, что объясняется природными факторами (благоприятные условия для произрастания наркотикосодержащих культур). С другой стороны, высокий уровень данного вида преступлений в Приволжском федеральном округе объясняется тем, что многие субъекты этого округа являются своего рода перевалочными базами для транзита наркотических средств из стран Центральной и Юго-Восточной Азии в страны Западной Европы.

Традиционно высокий уровень преступности отмечается в Сибирском федеральном округе. Регионы, где на протяжении длительного времени сохраняется высокий уровень преступности, отличаются и структурой преступности. Здесь регистрируется большое количество тяжких преступлений и высок уровень рецидивной преступности. Так, если в 2003 г. уровень зарегистрированной преступности (коэффициент по зарегистрированным преступлениям на 100 тыс. населения) в целом по России равнялся 1926,2, то в Алтайском крае он был равен 2422,2, в Красноярском крае – 2112,2, в Новосибирской области – 2460,9. Если уровень убийств в России в 2003 г. был равен 22,1 случая на 100 тыс. населения, то в Алтайском крае – 21,6, в Красноярском крае – 26,8, в Кемеровской области – 29,4. Уровень умышленных причинений тяжкого вреда здоровью в России был равен 39,9, в Красноярском крае – 56,2, в Новосибирской области – 45,2, в Кемеровской области – 70,3.[6]

Устойчивость территориальных различий преступности свидетельствует о том, что в регионах действуют одни и те же причины, интенсивность проявления которых зависит от сопутствующих условий и их сочетаний. Тот факт, что на фоне всеобщего роста преступности устойчивость различий сохранилась в знакомых чертах, указывает и на устойчивость прежних причин, которые сегодня стали действовать энергичнее.

Применительно к различным типам регионов одни и те же комплексы факторов действуют по-разному: в одном случае несут криминогенную нагрузку, в другом – нейтральную, в третьем – даже способствуют снижению преступности. Однако в каждом типе региона социальные различия между людьми остаются, и они оказываются значимыми в криминологическом плане.

---

[1] См.: Антонян Ю.М. Социальная среда и формирование личности преступника (неблагоприятные влияния на личность в микросреде). – М., 1975; Кудрявцев В.Н. Причинность в криминологии. – М., 1968; Кузнецова Н.Ф. Преступление и преступность. – М., 1969; Сахаров А.Б., Волошина Л.А. Общетеоретические проблемы криминологии // Вопросы борьбы с преступностью. Вып. 20. – М., 1974.

[2] См.: Социальная среда и преступность: Сборник науч. трудов / Отв. ред. А.И.Долгова. – М., 1983; Изучение социально-экономических проблем преступности: Сборник статей / Отв. ред. А.И.Долгова. – М., 1985.

[3] См.: Лелеков В.А. Региональные криминологические исследования проблем борьбы с преступностью несовершеннолетних на основе информационно-аналитических систем. – М., 1991; Гладких В.И. Преступность в Московском регионе: Состояние. Особенности. Тенденции /В.И.Гладких, А.В.Борбат, Г.Х.Шабанов. – М., 1998.

[4] См.: Янаускас А.А. Преступность в городах и сельской местности Литовской ССР // Вопросы судебной экспертизы и криминологии. Вып.13. – Вильнюс, 1987. – С.47-52; Портнов И.П. Город и преступность // Государство и право. – 1993. – №2. – С.72-80.

[5] См.: Изменение преступности в России: Криминологический комментарий статистики преступности / Под ред. А.И.Долговой. – М., 1994; Преступность в России в девяностых годах и некоторые аспекты законности борьбы с ней / Под ред. А.И.Долговой. – М., 1995.

[6] См.: Состояние преступности в России за январь-декабрь 2003 года: Статистический сборник ГИЦ МВД России. – М., 2004.

ФОРМИРОВАНИЕ РЕГИОНАЛЬНОЙ ГЕНДЕРНОЙ ПОЛИТИКИ И ПРОФИЛАКТИКА ДОМАШНЕГО НАСИЛИЯ

Ступина С.А., к.ю.н.
Сибирский юридический институт МВД России

Понимание необходимости гендерного баланса в обществе стало важным достижением цивилизации XX века. Гармоничное сотрудничество мужчин и женщин в политике, экономике, социальной сфере является одним из основополагающих условий устойчивого развития, залогом прогресса и процветания.

Своевременность разработки действенной гендерной стратегии – одно из принципиальных условий успешной интеграции России в мировое сообщество.

По мнению ряда социологов, гендер представляет собой конструкт, в основе которого лежат три группы характеристик: биологический пол; полоролевые стереотипы, а также так называемый «гендерный дисплей» – многообразие проявлений, связанных с предписанными обществом нормами мужского и женского действия и взаимодействия.

Гендерная политика – обеспечение равного доступа, прав и возможностей в сфере экономики, политики, социальной и духовных сферах.

В сегодняшней сложной социально-экономической и политической ситуации решение проблемы разумного равновесия противоречий, лежащих в основе гендерного дисбаланса, должно стать одной из главных задач в рамках государственной политики государства, и в частности в области гендерной политики.

Говоря о механизмах гендерной политики нельзя не учитывать их профилактическое воздействие на состояние всей преступности в целом, и прежде всего на состояние и динамику преступности, связанной с домашним насилием. Данный вид преступности нами был всесторонне рассмотрен в плане возможности преодоления негативных тенденций как в причинах указанного антисоциального явления, так и в их условиях, а также в последствиях с помощью развития государственной гендерной политики в рамках региона.

Проблема насилия в семье – часть проблемы не только культуры, социально-экономической и правовой защищённости личности в современном обществе, это прежде всего проблема постоянного накопления негативных эмоций в результате дисбаланса полов.

Именно проблема дисбаланса полов в обществе, а вследствие этого и проблема существования противоречий, порождаемых этим дисбалансом, является основным условием, активно формирующим деформации нравственно-правового сознания как на общественном уровне, так и на индивидуальном, которые в свою очередь приводят к прогрессивному увеличению фактов семейного насилия и росту преступности несовершеннолетних, являясь одной из первопричин этих видов преступности.

Как показывает анализ, в общем массиве зарегистрированных насильственных преступлений третью часть (30,3%) составляют преступления, совершенные в сфере семейно-бытовых отношений. Семейно-бытовая сфера выступает социальным трансформатором, способным в зависимости от своих качественных характеристик уменьшить или, наоборот, увеличить антикриминогенную либо криминогенную силу воздействия общих социальных условий.

С целью анализа ситуации и с целью выявления общественного мнения на территории Красноярского края Управлением социальной защиты населения администрации края проведено анкетирование по вопросу домашнего насилия на базе центров социальной помощи семье и детям 1192 респондентов (56% – городских жителей, 44% – сельских жителей, 80% – женщины, 20% – мужчины, средний возраст – 37,7% лет, 62% – состоящие в браке):

82% респондентов считают, что в крае существует проблема домашнего насилия;

73% респондентов считают, что эта проблема является государственной, а не внутрисемейной;

39% считают, что встречается физическое насилие, 37% – психическое, 5% – сексуальное, 18% – экономическое;

7% – считают возможным разрешить семейно-бытовые конфликты путем применения насилия;

наиболее часто сопутствуют насилию в семье: 75% – алкоголизм, 15% – наркомания, 45% – проституция, 4% – бродяжничество;

жертвами домашнего насилия являются: мужчины – 5%, женщины – 44%, дети – 41%, престарелые – 5%, инвалиды – 4%;

чаще всего насилие в семье применяет мужчина – 87%, женщина – 10%, иное – 3%.

Потребность в выработке срочных мер по разрешению проблемы домашнего насилия сегодня является очевидной и неоспоримой. В первую очередь это касается профилактической работы как наиболее действенного способа снижения числа случаев домашнего насилия.

Оказание помощи жертвам насилия и их семьям осуществляют учреждения социального обслуживания семьи, женщин и детей.

По проблемам насилия обратились в учреждения 840 человек (654 – детей, 186 – женщин), из них 38% – по вопросу физического, 56% – психического, 6% – сексуального насилия.

Экстренная психологическая помощь оказывается по «телефонам доверия». В 2003 г. более 15 тысяч абонентов обратились в эту службу.

На территории Красноярского края занимается решением проблем домашнего насилия кризисный центр «Верба».

Привлечение внимания к проблеме домашнего насилия обусловлено тем, что распространение масштабов насилия создает угрозу интересам общества, интересам семьи, и в первую очередь самым уязвимым членам – женщинам и детям.

Выделение насилия в семье в самостоятельную социальную проблему свидетельствует о необходимости разработки системы профилактических и коррекционных мер, направленных на ее разрешение. Важнейшее значение придается региональным мерам, поскольку они определяются с учетом факторов, непосредственно влияющих на состояние исследуемого вида преступности в рамках рассматриваемого региона.

Вследствие этого на региональном уровне органами социальной защиты Красноярского края была определена глобальная цель на 2004-2005 годы – участие в политике социального равенства мужчин и женщин, направленной на ликвидацию всех форм дискриминации, обеспечение благосостояния и развития для всех и каждого в обществе и семье. Среди целей и задач на 2004-2005 годы было указано и искоренение гендерного насилия.

В связи со сложившимися тенденциями рассматриваемых антисоциальных явлений с целью уменьшения формирования разрушающих форм поведения полагаем, что задачи гендерной политики в этой сфере должны быть следующими:

1. Принятие мер по проведению индивидуальной профилактики. Для ее эффективности необходимо проводить специальные семинары по подготовке сотрудников органов внутренних дел для работы с семейно-бытовым насилием (например, в г. Норильске существуют такой положительный опыт). Организовывать совместно с иными организациями общие семинары по взаимообмену опытом и укреплению взаимодействия.

2. Разработка системы согласованного противодействия насилию в семье, которая соединит усилия правоохранительных органов, судов, социальных служб, образовательных и медицинских учреждений.

3. Привлечение средств массовой информации в целях пропаганды проблемы домашнего насилия в современном обществе и формирования массового сознания его недопустимости.

4. Создание заинтересованности различных ведомств, учреждений, общественных организаций, коллективов учебных заведений и трудовых коллективов в подготовке специалистов, которые смогут либо осуществлять диагностику семейного насилия, либо окажут помощь в патронировании неблагополучных семей, либо окажут содействие в разработке и реализации программ по профилактике домашнего насилия в аспекте устранения гендерной асимметрии, которая провоцирует напряженность в семье и является первопричиной процветающего семейно-бытового насилия.

Исследовав основные общие задачи и механизмы гендерной политики, можно в полной мере утверждать, что, во-первых, гендерная политика способна выработать механизмы, позволяющие эффективно совмещать семейные и профессиональные роли, облегчить такое совмещение и сделать его приемлемым для граждан. Следовательно, гендерная политика способна оказать эффективное профилактическое воздействие на преступность, связанную с домашним насилием. Во-вторых, решение вышеуказанных проблем зависит не от одного ведомства или специального органа, а от совместной деятельности различных структур, чему в полной мере будет способствовать создание Совета по гендерной политике при администрации, одним из ключевых мероприятий деятельности которого должно быть координирование деятельности различных социальных служб, общественных организаций и правоохранительных органов.

КРИМИНАЛЬНОЕ ПРОШЛОЕ КАК ОСНОВАНИЕ ОГРАНИЧЕНИЯ ПАССИВНОГО ИЗБИРАТЕЛЬНОГО ПРАВА

Щедрин Н.В., д.ю.н., профессор
Юридический институт Красноярского государственного университета

Франскевич М.П.
Хакасский государственный университет им. Н.Ф.Катанова

В последние годы оживленно обсуждается проблема криминализации представительной и исполнительной власти. Часть исследователей полагают, что на пути криминалитета во власть необходимо установить «барьеры», одним из которых является запрет на профессии. Другая часть возражают, ссылаясь на то, что такой путь – это явное нарушение конституционных прав и свобод граждан. Мы давно полагаем, что запреты на некоторые профессии в отношении лиц, совершавших общественно опасные деяния, необходимы и правомерны. По своей правовой природе они относятся *к мерам безопасности,* то есть к специальным ограничениям, которые сужают возможность повторения подобных деяний.

Самоуправление и управление являются важнейшими элементами функционирования любой системы, в том числе и социальной. Без управляющей подсистемы, а попросту говоря, без власти, современное общество не может существовать. Некомпетентное управление или злоупотребление властью неизбежно приводят к необратимым разрушительным последствиям для общества и его членов. Власть является одновременно объектом повышенной охраны и источником повышенной опасности. Отсюда следует, что к лицам, которые допускаются к любой ветви власти, должны предъявляться особые, повышенные, требования.

Глубинным, *социально-криминологическим основанием* запретов на профессии является повышенная вероятность причинения вреда определенным общественным отношениям со стороны лиц, некогда уже совершавших уголовно-противоправные деяния. Профессиональные запреты нарушают конституционные права граждан на выбор рода деятельности и профессии, на равный доступ к государственной службе, пассивное избирательное право и т.п. Но, ограничивая права лиц, общественная опасность которых уже выразилась в соответствующем деянии, законодатель предотвращает наступление большего вреда, который может быть причинен, если указанные лица будут допущены к некоторым видам

деятельности, например педагогической, правоохранительной, политической, законодательной.

Автомобиль – источник опасности, и всем здравомыслящим людям ясно, что дальтоник не может быть его водителем. Диспозиции Уголовного кодекса РФ содержат главные нравственные правила, без соблюдения которых общество вернется к состоянию дикости. Следовательно, лица, переступившие уголовно-правовой запрет, являются «нравственными дальтониками». Могут ли они определять правила жизни для сотен, тысяч и даже миллионов людей, если сами не могут различать добро и зло, отличать правое от неправого?

Достаточно богатый материал для осмысления дают нормативная база и практика избирательных кампаний. Законодательство о выборах существенно продвинулось в обеспечении избирательного права граждан. Но это не означает, что оно не должно содержать никаких ограничений. В целях безопасности и защиты законопослушных граждан от преступных посягательств в нем предусмотрены запреты в отношении лиц, не имеющих российского гражданства, отбывающих наказание в виде лишения свободы, и т.д.

В процессе реализации основных прав сталкиваются различные интересы: субъектов этих прав, других лиц, также обладающих основными правами, общества в целом. В данном случае применение мер безопасности (ограничения пассивного избирательного права) целесообразно, так как осуществляется в целях защиты правоохраняемых благ от реального или возможного вреда. Их защита невозможна другими средствами, а вводимые ограничения прав и свобод человека и гражданина являются соразмерными защищаемому благу и причинят меньший вред, чем предотвращаемый вред.

Таким образом, мы считаем, что ограничение пассивного избирательного права лиц, имеющих криминальное прошлое, является правомерным, поскольку для этого есть соответствующие предпосылки:

1) наличие реального или возможного вреда для охраняемых законом благ;

2) наличие охраняемых законом благ – прав и свобод других лиц, государственных и в целом общественных интересов;

3) невозможность защиты правоохранительных благ средствами, не связанными с ограничением прав и свобод личности;

4) соразмерность вводимых ограничений прав и свобод личности защищаемым благам, ценностям;

5) причиняемый вред ограничениями прав и свобод личности будет меньше, чем предотвращаемый вред.

В российском законодательстве содержится много противоречий в регулировании ограничения пассивного избирательного права лиц с криминальным прошлым.

Так, в Федеральном законе «О выборах Президента Российской Федерации» указано, что не имеет права быть избранным Президентом РФ гражданин Российской Федерации, содержащийся в местах лишения свободы по приговору суда, о наличии у кандидата судимостей ничего не сказано. Ст.4 Федерального закона «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» ограничивает право быть избранным граждан, содержащихся в местах лишения свободы по приговору суда. Кроме того, гражданин Российской Федерации, в отношении которого вступило в силу решение суда о лишении его права занимать государственные должности в течение определенного срока, не может быть зарегистрирован в качестве кандидата в Президенты и депутаты Государственной Думы, если голосование на выборах депутатов Государственной Думы состоится до истечения установленного судом срока. Также в случае наличия у кандидата неснятой и непогашенной судимости должны указываться сведения о судимости кандидата.

На наш взгляд, этого недостаточно. Имеются немало фактов, когда избиратели знали о прошлых судимостях кандидатов (причем за тяжкие преступления), но голосовали за них. При современных избирательных технологиях не очень трудно рецидивисту создать имидж борца за права человека. Поэтому мы полагаем, что в избирательном законодательстве необходимо прямо ограничить право быть избранным в законодательные (представительные) органы, а также на государственные должности РФ и субъектов Федерации в отношении *лиц, совершавших общественно опасные деяния, предусмотренные Уголовным кодексом РФ.* В некоторых случаях подобные ограничения должны быть установлены и для избрания в органы местного самоуправления.

Возражения сводятся к тому, что подобные запреты и ограничения нарушают нормы международного права и Конституции. Действительно, во Всеобщей декларации прав человека и в Конституции РФ закреплено право равного доступа к государственной службе и всеобщее равное избирательное право. Но ч.2 ст.29 Всеобщей декларации прав человека предусматривает, что при осуществлении своих прав и свобод каждый человек должен подвергаться только таким ограничениям, какие установлены законом ис-

ключительно с целью обеспечения должного признания и уважения прав и свобод других и удовлетворения справедливых требований морали, общественного порядка и общего благосостояния в демократическом обществе. Подобное положение содержится в ч.3 ст.55 Конституции РФ.

КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СВЯЗАННЫХ С НЕЗАКОННЫМ ПРОИЗВОДСТВОМ, ИЗГОТОВЛЕНИЕМ, ПРИОБРЕТЕНИЕМ, ХРАНЕНИЕМ, ПЕРЕВОЗКОЙ ИЛИ ПЕРЕСЫЛКОЙ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ ИЛИ ИХ АНАЛОГОВ БЕЗ ЦЕЛИ СБЫТА (ст. 309 УК УКРАИНЫ): по материалам Автономной Республики Крым

Доброрез И.А.
Национальная юридическая академия Украины им. Ярослава Мудрого

Проблема наркомании затронула все без исключения республики бывшего СССР. Так, за годы независимости Украины, количество лиц, больных наркоманией, возросло в сорок раз. Наркомания признана явлением, которое угрожает национальной безопасности государства в социальной сфере, а борьба с нею является одним из основных направлений государственной политики.

Используя экономическую аксиому о том, что спрос рождает предложение, представляется, что усилия государства должны быть направлены именно на снижение спроса на наркотики. Уголовным кодексом Украины 2001 года ответственность за незаконный оборот наркотических средств, психотропных веществ, их аналогов без цели сбыта (то есть, как правило, для собственного употребления) предусмотрена ст. 309. Однако уголовное преследование не решает в полной мере проблемы предупреждения распространения наркомании.

Уголовно-правовая статистика свидетельствует о постоянном возрастании в Украине до 2003 г. количества зарегистрированных преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств. Так, в 1996 г. были зарегистрированы 38002 преступления, в 1997 г. – 38127; в 1998 г. – 39801, в 1999 г. – 42589; в 2000 г. – 45554; в 2001 г. – 47845; в 2002 г. – 58085. Незначительное уменьшение (на 1,1%) данных преступных действий зафиксировано лишь в 2003 г., когда их количество составило 57435 пре-

ступлений. Рост данного вида преступлений отмечен в 16 областях, городах Киеве и Севастополе, а более всего – в областях: Житомирской – на 30,3%, Львовской – на 23,3%, Черновицкой – на 20,8%, Харьковской – на 20,5%.[1]

Тревожной остается криминогенная обстановка и в Автономной Республике Крым, где на уровне значительного количества зарегистрированных преступлений каждый год возрастает число преступных действий в сфере незаконного оборота наркотических средств. Так, в 2000 г. в Крыму зафиксированы 2544 подобных преступления; в 2001 г. – 2120, в 2002 г. – 2757. В 2003 г. их количество достигло 3094.

Среди преступных действий, связанных с незаконным оборотом наркотиков, наибольшую группу составляют преступления, предусмотренные именно ст.309 УК Украины. За последние несколько лет, вплоть до 2003 г., происходило возрастание количества зарегистрированных преступлений, о чем свидетельствуют статистические данные. В 1998 г. зафиксировано совершение 29838 таких преступлений, в 1999 г. – 30387, в 2000 г. – 31722, в 2001 г. – 31964. При этом если до 2001 г. наблюдалось постепенное их увеличение, то в 2002 г. состоялся своеобразный скачок количества подобных фактов, когда отмечено наибольшее количество этих действий (36000), а прирост к 2001 г. составил +12,6% против 1-4% в предыдущие годы. Тем не менее в 2003 г. зафиксировано значительное их снижение (31714 преступлений), которое соответствует уровню 2000 г.

На наш взгляд, указанный факт снижения количества преступлений, предусмотренных ст.309 УК Украины, нельзя связывать с коренным переломом криминогенной ситуации в этой сфере и решением проблемы относительно эффективной борьбы с ними, поскольку, соглашаясь с мнением А.И.Алексеева, любое снижение преступности может быть связано с разного рода случайными обстоятельствами, а не глубинными процессами и явлениями, которые определяют состояние и прочие характеристики преступности, уровень реальной напряженности криминогенной ситуации.[2] Таким образом, говорить о стойких положительных изменениях в динамике преступлений, предусмотренных ст.309 УК Украины, пока еще рано.

Среди регионов Украины Автономная Республика Крым по числу преступлений, предусмотренных ст.309 УК Украины, занимает одно из лидирующих мест, уступая лишь Днепропетровской, Донецкой, Одесской областям и г. Киеву.

Статистические данные органов внутренних дел свидетельствуют о ежегодном увеличении общего количества лиц, которые совершили указанные преступления, – с 30719 в 1998 г. до 42025 в 2002 г. В 2004 году их количество составило 37270. Больше всего этих лиц за последние годы выявлено в тех же регионах, в которых зафиксировано и максимальное количество преступлений, рассматриваемой категории.

Проводя сравнение количества зарегистрированных преступлений (ст.309 УК Украины) и лиц, их совершивших, следует подчеркнуть, что особенностью этих преступлений является то, что на практике по данной категории преступлений крайне редко возбуждаются так называемые «фактовые» уголовные дела, поскольку, как правило, известны лица, которые их совершили. Итак, с учетом особенностей выявления и регистрации, количество виновных лиц всегда должно равняться или превышать (в случае группового совершения преступления) количество таких преступлений. Тем не менее анализ статистических данных показал значительные расхождения в этих цифрах. Например, в 2003 г. зарегистрировано 31714 преступлений в данной сфере, а лиц, которые их совершили, – лишь 26099. То есть удельный вес выявленных лиц по отношению к количеству зарегистрированных преступлений составляет 82,3% от их количества. В предыдущем году аналогичный показатель составил 86,2%. Объяснить такое расхождение в фиксации указанных параметров возможно неустановлением лиц, которые их совершили. Но такой подход противоречит следственно-судебной практике.

Наряду с уровнем преступности в криминологической науке применяется и такой показатель, как уровень судимости, который нельзя отождествлять с уровнем преступности, поскольку в первый не включаются сведения о лицах, которые совершили преступление, но уголовные дела по ним прекращены на законных основаниях.[3] С процессуальной позиции показатель судимости свидетельствует о том, было ли совершено преступление и какое именно.[4] Таким образом, уровень судимости уже, чем уровень преступности. Так, количество лиц, осужденных за совершение данной группы преступлений, составляет около 70-72% от числа лиц, совершивших преступления.

Анализ статистических данных о лицах, осужденных за совершение преступлений, предусмотренных ст. 229[6] УК Украины 1960 г. и ст. 309 УК Украины 2001 г., показывает, что из года в год в Автономной Республике Крым происходит возрастание ко-

личества лиц, осужденных за эти преступления, с незначительным их уменьшением в 2001 г.

Из анализа судебной статистики в Автономной Республике Крым становится очевидной тенденция к неуклонному увеличению, за исключением 2003 г., количества зарегистрированных преступлений и лиц, их совершивших (уровня преступности), а также количества осужденных лиц (уровня судимости), а значит, и тенденция к ухудшению в целом в данном регионе количественных показателей наркотической преступности.

Качественная сторона преступности в целом и отдельных ее разновидностей характеризуется с помощью структуры преступности, которая отражает строение преступности, ее внутренний состав.[5]

Основным показателем структуры преступности является удельный вес отдельных групп или видов преступлений относительно их общего количества. В структуре всей зарегистрированной преступности удельный вес преступлений в сфере незаконного оборота наркотических средств лишь за последние 5-6 лет увеличился почти в два раза (!). Так, если в 1998 г. их доля составляла 6,9%, то в 2002 г. – 12,9%. В 2003 г. этот показатель равнялся 10,3% от общего количества всех зарегистрированных в Украине преступных действий.

Представляет интерес тот факт, что большая часть в структуре наркотических преступлений принадлежит преступным действиям, предусмотренным ст.309 УК Украины. Тем не менее их удельный вес снижается за счет увеличения части других преступлений этого вида.[6]

Таким образом, анализ уровня и структуры наркотической преступности обнаружил следующую ситуацию относительно преступных действий, предусмотренных ст. 309 УК Украины: за счет значительного увеличения количества всех преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, уменьшается удельный вес преступлений, предусмотренных ст.309 УК Украины, поскольку темпы их возрастания в целом, за исключением 2002 г., несколько замедлились на фоне увеличения общего количества всех преступлений.

---

[1] Аналіз стану злочинності в Україні // Вісник Верховного Суду України. – 2004. – №5 (45). – С.27.

[2] Алексеев А.И. Криминология: Курс лекций. – М., 1998. – С.37-38.

[3] Кримінологія: Загальна та Особлива частина: Підручник / За ред. М.Даньшина. – Харків, 2003. – С.38.

[4] Бородин С.В. Преступления против жизни. – СПб., 2003. – С.30.
[5] Кримінологія: Загальна та Особлива частина. – С.40.
[6] Аналіз стану злочинності в Україні – С.27.

ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ БОРЬБЫ С ТЕРРОРИЗМОМ

Пешков М.С.
Юридический институт Красноярского государственного университета

Термин «борьба с терроризмом» используется как в международных и внутригосударственных правовых актах, так и в юридической литературе. В Российской Федерации легальное определение этого понятия содержится в статье 3 Федерального закона «О борьбе с терроризмом»: «деятельность по предупреждению, выявлению, пресечению, минимизации последствий террористической деятельности».

Данная система мер может именоваться и иначе: «комплексное воздействие на терроризм», «предупреждение терроризма», «деятельность по предупреждению терроризма», «социально-правовой контроль над терроризмом». Однако в литературе предлагается не дискутировать относительно этих понятий, а заключить «терминологическую конвенцию» с тем, чтобы применять все эти словосочетания для «обозначения полного комплекса всех видов воздействия, которые используются для сдерживания» терроризма.[1] В эту систему мер предлагается включать следующие меры.

Поощрительно-стимулирующие меры. Роль поощрительно-стимулирующих мер в деятельности по борьбе с терроризмом заключается в создании различного рода стимулов для законопослушного поведения и предоставлении поощрений за отказ от участия в террористической деятельности и предотвращение ее общественно-опасных последствий.

В уголовном праве подобного рода меры содержатся в поощрительных нормах, предусмотренных в Общей части, а также в примечаниях к статьям Особенной части Уголовного кодекса РФ. Сегодня в Кодексе закреплен целый ряд примечаний к статьям, устанавливающим уголовную ответственность за преступления террористического характера, что свидетельствует о законодательном признании значимости поощрительных мер в деятельно-

сти по борьбе с терроризмом. Уголовно-правовые поощрения предусмотрены в статьях 205, 205[1], 206, 208 УК РФ.

Но еще более важным аспектом борьбы с терроризмом является проведение комплексной социальной профилактики, которая должна включать в себя целостную систему различного рода поощрительно-стимулирующих мер воздействия. К числу наиболее существенных элементов социальной профилактики терроризма необходимо отнести:

– создание экономически благоприятных условий жизнедеятельности населения. Потенциал экономически ориентированной социальной профилактики конфликтов еще во второй половине XIX века отмечал немецкий юрист Р.Иеринг: «Там, где речь идет о деньгах, смолкают все социальные, политические, религиозные и национальные предрассудки и различия…»[2];

– религиозное просвещение населения, основной целью которого должно стать разъяснение позитивной сущности конфессий, а также их нетерпимости ко всякому насилию;

– социальную реабилитацию лиц, пострадавших в результате террористических акций, а также лиц, участвующих в борьбе с терроризмом. В соответствии с Федеральным законом «О борьбе с терроризмом» социальная реабилитация «включает в себя правовую помощь указанным лицам, их психологическую, медицинскую, профессиональную реабилитацию, трудоустройство вплоть до восстановления на работе, предоставление им жилья».

Ограничительно-принудительные меры:

а) *меры ответственности.* В широком, социальном плане ретроспективная ответственность характеризуется как определенного характера лишения, соразмерные совершенному нарушению общественных норм. К сожалению, авторы, рассматривающие проблему терроризма, анализируют лишь один вид социальной ответственности – юридическую. Вместе с тем важным аспектом повышения эффективности борьбы с терроризмом является использование таких разновидностей социальной ответственности, как политическая, экономическая, моральная и др.

И все-таки борьба с терроризмом имеет дело, прежде всего, с юридической ответственностью, в основании которой лежит совершение деяния, содержащего все признаки состава правонарушения (преступления), а ее применение связывается с принудительной властью государства.

В контексте рассматриваемой проблемы важнейшими разновидностями юридической ответственности являются уголовная и административная.

В настоящее время меры уголовной ответственности предусмотрены не только за терроризм, но и за другие преступления террористического характера (захват заложников, заведомо ложное сообщение об акте терроризма и др.), а также за вовлечение в их совершение.

Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях содержит меры административной ответственности, направленные на борьбу с терроризмом. В частности, предусмотрены санкции за такие противоправные деяния, как нарушение законодательства о противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма (статья 15.27 КоАП РФ); невыполнение в зоне проведения контртеррористической операции законного распоряжения лица, проводящего указанную операцию (статья 20.27 КоАП РФ);

б*) компенсаторно-восстановительные меры*. Данные меры нацелены на возмещение вреда, причиненного различными проявлениями терроризма. Такая компенсация производится за счет бюджетных средств с последующим взысканием сумм этого возмещения с причинителей вреда. Спорным представляется положение Федерального закона «О борьбе с терроризмом», в соответствии с которым возмещение вреда производится за счет средств бюджета субъекта Российской Федерации, на территории которого совершена террористическая акция. Возложение данной обязанности на регионы не вполне обоснованно, так как борьба с терроризмом – в первую очередь задача федеральной власти, в распоряжении которой находятся специальные службы, отвечающие за эту деятельность;

в) *меры безопасности (защиты)*. Актуальным представляется вопрос об использовании антитеррористических мер безопасности не только в отношении юридических лиц, но и в отношении организаций, не обладающих соответствующим правовым статусом. Так, важным аспектом использования финансовых мер безопасности представляется применение принудительных ограничений не только к официальным денежно-кредитным учреждениям, но и к неформальным финансовым институтам. В иностранной литературе к числу подобных подпольных банковских систем относят так называемые «хавалу» и «ханди», которые часто используются террористами для перевода денежных средств по всему миру. Основное преимущество для террористов состоит в том, что «система хавалы не оставляет «бумажных» следов; документация зачастую хранится в закодированном виде и уничтожается сразу по завершении трансакции»[3].

Таким образом, исходя из смысла закона, борьба с терроризмом – это комплексный правовой институт, содержащий как поощрительно-стимулирующие, так и ограничительно-принудительные меры воздействия на терроризм.

---

[1] Щедрин Н.В. Основы общей теории предупреждения преступности: Учебное пособие. – Красноярск, 1999.

[2] Дробышевский С.А. Классические теоретические представления о государстве, праве и политике. – Красноярск, 1999. – С.246.

[3] Болдуин-мл. Флетчер Н. Верховенство закона, терроризм и меры противодействия со стороны США, включая Пэтриот Экт от 2001 г. //Организованная преступность, терроризм и коррупция: Криминологический ежеквартальный альманах. – М., 2003. – Вып. 2. – С.118.

К ВОПРОСУ О ФОРМАЛЬНЫХ КРИТЕРИЯХ НАПРАВЛЕНИЯ В КОЛОНИИ-ПОСЕЛЕНИЯ ЛИЦ, СОВЕРШИВШИХ ПРЕСТУПЛЕНИЯ НЕБОЛЬШОЙ И СРЕДНЕЙ ТЯЖЕСТИ

Титаренко А.П., к.ю.н.
Барнаульский юридический институт МВД России

Законодатель, следуя принципу дифференциации и индивидуализации отбывания наказания установил правило раздельного содержания осужденных, отбывающих наказание в учреждениях уголовно-исполнительной системы. Согласно требованиям ст.128 УИК РФ в колониях-поселениях раздельно отбывают наказание в виде лишения свободы: лица, осужденные за преступления, совершенные по неосторожности; лица, впервые осужденные за совершение умышленных преступлений небольшой или средней тяжести; положительно характеризующиеся осужденные, переведенные из колоний общего и строгого режимов в порядке, предусмотренном ст.78 УИК РФ.

Данное законодательное деление вполне оправданно, так как указанные категории осужденных обладают различной степенью общественной опасности и педагогической запущенности. Подобная уголовно-исполнительная классификация фактически дублирует уголовное законодательство в части назначения осужденным к лишению свободы вида исправительного учреждения (ст.58 УК РФ), устанавливающее, что в колонии-поселения направляются лица, осужденные за преступления, совершенные по неосторожности, а также лица, осужденные к лишению свободы за совершение

умышленных преступлений небольшой и средней тяжести, ранее не отбывавшие лишение свободы. В данной статье указаны практически идентичные с уголовно-исполнительным законодательством категории осужденных, которым может быть назначено наказание в виде лишения свободы с отбыванием в колонии-поселении.[1]

Однако согласно приведенным выше законодательным классификациям ни в одну из раздельно содержащихся в колониях-поселениях категорий осужденных не вписывается категория лиц, ранее осуждавшихся за совершение умышленных преступлений небольшой или средней тяжести, но не отбывавших лишение свободы. Неопределенность вносит формулировка ст.128 УИК РФ, устанавливающая признак «совершение преступления впервые» при совершении умышленных преступлений небольшой или средней тяжести.

Признак «совершение преступления впервые» был внесен законодателем одновременно с допущением назначать отбывание наказания в колонии-поселении лицам, осужденным к лишению свободы за совершение умышленных преступлений небольшой и средней тяжести, ранее не отбывавшим лишение свободы.[2]

Чем вызвано подобное разночтение, сказать трудно, но сохранение в уголовно-исполнительном законодательстве признака «впервые» рассогласовывает требования уголовного и уголовно-исполнительного закона. Содержание признака «впервые» само по себе требует более глубокой разработки для четкого разграничения его применения в отношении лиц, в действиях которых содержится совокупность преступлений, а также лиц, хотя ранее и привлекавшихся к уголовной ответственности, но освобождённых от неё по предусмотренным законом основаниям. Его применение на практике вносит неопределенность в процесс распределения по колониям-поселениям лиц, ранее осуждавшихся за совершение умышленных преступлений, но не отбывавших наказание в виде лишения свободы, а также лиц, ранее осуждавшихся за совершение преступления, но судимость с которых либо снята, либо погашена в установленном законом порядке.

Учитывая взаимообусловленность уголовного и уголовно-исполнительного законодательства и приоритетность материального права, предлагаю исключить слово «впервые» из ст.128 УИК РФ с тем, чтобы распределение осужденных по колониям-поселениям происходило в соответствии с уголовно-правовыми критериями. Это позволит устранить неопределенность при раздельном содержании осужденных, повторно совершивших преступление небольшой или средней тяжести.

[1] Порядок перевода осужденных в колонии-поселения из колоний общего и строгого режимов не входит в предмет уголовно-правовых отношений.

[2] О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации, Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и другие законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 9 марта 2001 г. №25-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2001. – №11. – С.48.

ОБ ИЗМЕНЕНИИ ПОРЯДКА ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЯ В ВИДЕ ШТРАФА

Модестова Н.А.
Юридический институт Красноярского государственного университета

Современный период становления России как правового государства ознаменовался очередной масштабной реформой исполнительной и судебной ветвей власти, которая развернулась также и в сфере законодательства о назначении и исполнении уголовных наказаний, в том числе и тех видов, которые не связаны с лишением свободы.

Много теоретических и практических проблем возникают при исполнении уголовного наказания в виде штрафа. С одной стороны, это обусловлено низкой платежеспособностью основной части населения страны, с другой – несовершенством законодательного регулирования процедуры исполнения данного вида наказания.

Для усиления эффективности применения наказания в виде штрафа следует, по нашему мнению, в корне изменить порядок его исполнения. В настоящее время в отличие от иных наказаний, исполнение которых возложено на Федеральную службу исполнения наказаний (ФСИН), исполнение штрафа поручено Федеральной службе судебных приставов (ФССП). В новой редакции ч.1 ст.16 УИК РФ указано, что наказание в виде штрафа исполняется судебными приставами-исполнителями по месту жительства (работы) осужденного. Таким образом, законодатель переложил обязанность по исполнению штрафа с судебных органов (см. старую редакцию ч.1 ст.16 УИК РФ) на судебных приставов. С одной стороны, этот шаг следует приветствовать, поскольку орган, представляющий судебную власть, сам не вправе исполнять назначенные им наказания. С другой – передача исполнения наказания в

виде штрафа службе судебных приставов остается достаточно спорным решением. Ведь ФССП принудительно исполняет решения судов имущественного характера, основанные на гражданско-правовых отношениях. Уголовное наказание имущественного характера, которым является штраф, в корне отличается от гражданско-правовых обязательств и штрафных санкций за их неисполнение. Наказание порождает судимость, которая имеет ряд серьезных уголовно-правовых последствий. При назначении и исполнении наказания ставятся и реализуются специальные цели (ч.2 ст.43 УК РФ), которые отсутствуют при принудительном исполнении решений судов имущественного характера. Наказание в виде штрафа выражает более серьезное негативное порицание виновного со стороны государства, чем судебное решение о взыскании имущества, пусть и на большую сумму. Уголовное право, наказание и его исполнение – это институты публичного права, в то время как основной функцией ФССП является принудительное исполнение решений судов, основанных на частноправовых отношениях.

Представляется правильным возложить исполнение наказания в виде штрафа на уголовно-исполнительные инспекции Федеральной службы исполнения наказаний, исполняющие все остальные наказания, не связанные с лишением свободы. Лица, осужденные к штрафу, должны стоять на учете в уголовно-исполнительной инспекции по месту жительства. Именно инспекторы должны направлять в суды представления (заключения) о рассрочке или отсрочке исполнения штрафа в случае, если осужденный не имеет возможности его своевременно уплатить. Инспекторам уголовно-исполнительной инспекции, а не судебным приставам-исполнителям следует направлять в суд представления о замене штрафа более строгим наказанием в пределах санкции в случае, если имеет место злостное уклонение от уплаты штрафа.

Если при исполнении штрафа необходимо будет провести принудительное взыскание суммы из имущества должника, то в рамках действующего законодательства пока это надо осуществлять с привлечением ФССП, поскольку по действующему закону именно эта служба принудительно исполняет судебные акты имущественного характера. В дальнейшем же нужно внести соответствующие изменения в УИК РФ, чтобы инспекторы из уголовно-исполнительных инспекций сами могли принудительно взыскивать сумму штрафа из имущества и других доходов осужденного – производить опись и арест имущества.

Возможны два варианта решения вопроса: радикальный и щадящий. Первый вариант предполагает полностью исключить

ФССП из механизма реализации уголовно-правового отношения (порожденного совершением преступления и уточненного фактом вступления в законную силу приговора к наказанию в виде штрафа) посредством уголовно-исполнительных правоотношений. Считаем, что в ст.16 УИК РФ следует записать, что штраф исполняется уголовно-исполнительной инспекцией по месту жительства (работы) осужденного.

Если же идти по более мягкому варианту изменений, то в ст.16 УИК РФ можно предусмотреть, что штраф исполняется уголовно-исполнительной инспекцией и судебными приставами.

Лица, осужденные к штрафу, должны вставать на учет в уголовно-исполнительную инспекцию по месту своего жительства или работы. Ходатайства (заключения) об отсрочке, рассрочке и замене более строгим наказанием тоже должны проходить через инспекцию. Судебные приставы-исполнители будут под контролем инспекторов выполнять только действия по аресту и реализации доходов и имущества в пределах суммы назначенного штрафа.

Представляется также спорным понятие «добровольного исполнения – уплаты штрафа осужденным в течение тридцати дней после вступления приговора в силу». Законодатель не прибегает к данному понятию, но оно активно используется в теории уголовного права. Так, в учебной литературе говорится о добровольном внесении суммы штрафа осужденным в Сбербанк по предложению суда. На наш взгляд, никакой добровольности здесь быть не может. Даже уплата штрафа осужденным в течение 30 суток с момента вступления приговора в силу носит принудительный характер, поскольку принудительность – сущностный признак наказания. Как только она (принудительность) исчезает, наказание перестает отличаться от исполнения иных обязательств, которые могут быть либо добровольными, либо принудительными, тогда как наказание всегда принудительно.

По сути, сейчас исполнение штрафа приравнено к исполнению различных гражданско-правовых обязательств материального характера (принудительное взыскание алиментов и др.) Однако по своей правовой природе наказание в виде штрафа резко отличается от материально-правовых санкций, основанных на частном праве. Наказание – это мера государственного принуждения, назначаемая за преступление обвинительным судебным приговором. Особая форма его применения, а также то обстоятельство, что наказание в виде штрафа порождает за собой судимость, требует и специального порядка его исполнения. Все остальные наказания, в том числе и не связанные с лишением свободы, исполняются

ФСИН. И наказание в виде штрафа нельзя приравнивать к гражданско-правовой штрафной санкции. Вышесказанное позволяет сделать вывод о целесообразности передачи исполнения наказания в виде штрафа органам ФСИН. В таком случае и процент исполнения будет выше, ведь для уголовно-исполнительных инспекций исполнение штрафа будет прямой обязанностью, тогда как сейчас для судебных приставов это – побочная деятельность, в эффективности которой полностью отсутствует какая-либо заинтересованность. Размеры уголовно-правовых штрафов в целом теряются на фоне других огромных сумм, подлежащих принудительному взысканию (особенно по решениям арбитражных судов). ФССП буквально ими перегружена, а как следствие – лишена возможности полного и эффективного исполнения наказания в виде штрафа.

АНГЛИЙСКАЯ ИСПРАВИТЕЛЬНАЯ МОДЕЛЬ ОБРАЩЕНИЯ С МОЛОДЫМИ ПРЕСТУПНИКАМИ: ПРОБЛЕМЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ НАКОПЛЕННОГО ОПЫТА

Тепляшин П.В., к.ю.н.
Сибирский юридический институт МВД России

Речицкий А.Е.
Сибирский юридический институт МВД России

Оспорить важность такого института, как исполнение наказания, просто невозможно. Наказание должно исправлять осужденного и возвращать обществу полноценного и целиком адаптированного к нормальной жизнедеятельности члена общества. Но, к сожалению, можно констатировать наличие большого количества проблем в отечественной системе исполнения наказания.

Устранение этих проблем особо приоритетно в тех случаях, когда осужденный – лицо, не достигшее возраста совершеннолетия, или молодой человек (не достигший 21 года, далее термин будет употребляться в этом значении). Ни для кого не секрет, что места лишения свободы не всегда исправляют осужденного, а иногда даже наоборот – закаляют в человеке преступника, для несовершеннолетних же они (места лишения свободы) становятся некоей преступной школой. Это подтверждается и статистическими данными. Так, в 1999 году удельный вес несовершеннолетних, ранее

совершивших преступление, в общем числе «детской преступности» России составил 16,8% (30753 человека), в 2000 г. – 16,6% (29472), в 2001 г. – 17,3% (29946), в 2002 г. – 18,1% (25479), в 2003 г. – 15,5% (22540). Не выполняется и такая функция наказания, как общая превенция, например, только в Красноярском крае несовершеннолетними и при их соучастии совершены в 1999 году 5471 преступление, в 2000 г. – 5134, в 2001 г. – 5250, в 2002 г. – 4613 и в 2003 г. – 5309.[1] В связи с тем, что мы пытаемся раскрыть английский пенитенциарный опыт, позволяющий снизить уровень преступности несовершеннолетних, приведем английскую статистику. Так, в 2000 году заключенных в возрасте до 21 года было 8439 человек, в 2001 г. – 8710, в 2002 г. – 10836, рост наблюдается и далее.[2] Статистические данные, полученные в обеих странах, свидетельствуют о наличии определенных проблем в исследуемой области.

При решении столь важных задач необходимо изучение различных доктринальных точек зрения, примеров исправления данной категории лиц в иностранных государствах и с учетом всего этого опыта вырабатывать самостоятельные пути. В связи с этим обратимся к английской системе исполнения наказания для несовершеннолетних и молодых преступников. Необходимо подчеркнуть, что английский опыт ни в коем случае не нужно копировать, несмотря на всю авторитетность английской пенитенциарной системы. Наша страна принадлежит к принципиально другой правовой системе: в континентальной системе сложились другие виды и число наказаний, у нас даже различные источники права.

Приступая к исследованию законодательства англичан в области исправительного обращения с молодыми преступниками, в первую очередь необходимо обратить внимание на Акт «О предупреждении преступлении» 1908 года, который признал на законодательном уровне борстальскую систему[3] исполнения наказания, бывшую уже ряд лет предметом исследований и экспериментов. Данная система предназначалась для молодых преступников и обеспечивала их физическое и нравственное развитие. Подросткам давалось общее гуманитарное образование, ремесленные навыки. Срок помещения определялся в минимум 2 года, максимум – 3, но условное досрочное освобождение применялось к юношам через 6 месяцев, к девушкам – через 3 месяца.[4] В борстальской системе существовал прогрессивный режим с делением на три разряда, обеспечиваемый марочной системой. В соответствии с данной системой заключенный одного класса для перевода в высший класс должен был получить 600 марок, которые выделялись за хорошее поведение (12 марок в неделю), за прилежание и работу (тоже 12

марок). Заключенные могли получить добавочные 6 марок за особое поведение и прилежание.[5] Переход в более высокий класс давал право носить более удобную одежду, возможность доступа в читальню и к настольным играм, увеличивалось время прогулок, число писем, лежаки заменялись нормальными кроватями.[6]

Несмотря на всю развитость борстальской системы, постепенно она стала заменяться арестными домами для несовершеннолетних, которые получили свое законодательное закрепление только в 1982 году – в Акте «Об уголовном правосудии». Борстальские учреждения стали системой, имевшей успех в прошлом. Это подтверждалось и статистическими данными. Так, уровень рецидива в 1936 году составил всего 30%, а к 1960 уже возрос до 64%. Причинами замены борстальских учреждений стали различные проблемы: потеря большинства кадров и помещений в период второй мировой войны (вообще в большинстве борстальские тюрьмы не имели специально для них построенных зданий, они обычно располагались в отдельных корпусах иных тюрем[7]), разница между до- и послевоенной молодежью, подтверждаемая постоянным увеличением числа проблем, связанных с освобождением подопечных, а также критика грубого и патерналистского режима.[8]

После 1908 года следующей вехой в развитии ювенальной юстиции стал доклад Комитета Мелони 1927 года «Об обращении с преступниками». Комитет придерживался того, что преступление – результат человеческой злости и жестокости, хотя признанный виновным несовершеннолетний может исправиться в случае применения к нему надлежащих мер воспитания. Для воплощения этого мировой судья, который будет разбирать такие дела, должен владеть особой квалификацией.[9] Необходимо подчеркнуть, что уже в 1927 году пенитенциарный аспект проблемы перерос полностью в ракурс ювенальной юстиции, что крайне важно.

Позиция о наличии особой квалификации у мировых судей, которые будут работать с несовершеннолетними, весьма понятна, ввиду психических особенностей несовершеннолетних и молодых преступников.

В дальнейшем английское законодательство узаконило идеи, содержащиеся в докладе Комитета Мелони, Актами «О детской и молодой преступности» 1932 и 1933 годов. Закреплялась квалификационная система для мировых судий, работающих с несовершеннолетними. Акт 1933 года заменял реформатории специализированными школами, которые были предназначены для лиц, не достигших 16 лет, где обеспечивалось образование и физическое развитие. Многие из таких заведений были подшефны религиоз-

ным и добровольным группам, посредством чего такие заведения становились частью районного сообщества, что позднее отразилось в Акте «О детской и молодой преступности» 1969 года.[10]

В 60-е годы данной проблематикой занимался Комитет Инглеби, в представленном докладе отмечалась проблема ювенальной юстиции и необходимость выполнения сразу двух функций: карательной и функции «заботливого перевоспитания». Предлагалось использовать механизмы перевоспитания только для тех, кто еще не достиг 13 лет, немного позднее возраст был изменен до 15 лет. Старшие возрастные группы подпадали под общую юрисдикцию. Еще радикальней были доклады парламентской группы под председательством Лорда Лонгфорда (лейбористы). Предлагались ликвидация ювенальной юстиции и отмена функции перевоспитания. Перевоспитание, по их мнению, должно осуществляться семьей, а в крайних случаях возможно участие семейного суда. The White Paper (законопроект) лейбористов «Дети, семья и молодые преступники» принимал многие из предложений Лорда Лонгфорда. Лейбористское правительство не имело сильной поддержки в Парламенте, что позволило сохранить ювенальную юстицию как компромисс. Эти идеи легли в основу Акта 1969 года «О детях и молодых людях»[11].

В этот период отмечалась важность влияния семьи на перевоспитание оступившегося подростка, однако получалось, что государство снимает с себя бремя перевоспитания молодого осужденного. Также правительство пыталось отказаться от относительно дорогой, но уже достаточно разработанной системы заботливого перевоспитания и системы ювенальной юстиции в пользу более «дешевой» общей юрисдикции.

Далее происходило постепенное развитие системы перевоспитания молодых преступников. Так, в 1969 году была введена наблюдательная система, основанная на районных обществах, что явилось своего рода ресоциализацией осужденного. Эти положения критиковались в 70-е годы. Подростки, попавшие в данную систему, отправлялись домой под надзор районного общества, где могли продолжать совершать преступления, т.к. не изолировались от общества. Это понижало авторитет мировых судей, выносивших решения по таким делам. И судьи все чаще стали применять виды наказания, связанные с изоляцией от общества. Предвиделись будущие изменения; большой критике со стороны лейбористов в 1976 году подвергалась вся «система заботливого перевоспитания» (The care system). Однако в 80-е годы опять стала использоваться «система заботливого перевоспитания», но уже в со-

четания с изоляцией от общества. Сейчас действуют многие положения Акта 1982 года «Об уголовном правосудии», которые до сих пор подвергаются верификации и умело дополняются, развиваются вместе с достижениями техники. Так, англичане используют системы электронного мониторинга – слежения за лицами, которым по приговору суда запрещено посещать те или иные места. Акт 1991 года «Об уголовном правосудии» ужесточил порядок помещения молодых преступников в места лишения свободы. Вновь используют авторитет и возможности районных сообществ и семьи. Имеются программы выявления и последующего лечения от наркомании. Все это результат почти векового эксперимента, у истоков которого лежала борстальская система и реформатории.[12]

Таким образом, необходимо признать, что сегодня вполне возможно использование и заимствование ряда положительных идей и программ, которые были разработаны английским тюрьмоведением на протяжении XX века, таких как тестирование осужденных на наличие у них наркотической зависимости, обязательное последующее лечение, должная адаптация таких лиц; умелое сочетание наказаний, связанных с лишением свободы, и пробации в ее различных формах. Учитывая английский опыт, можно согласиться с необходимостью применения к несовершеннолетним института «заботливого перевоспитания», создания в России эффективной ювенальной юстиции.

---

[1] Статистические данные получены в ГИЦ МВД России.

[2] См.: Тепляшин П.В. Тюремная система Англии и Уэльса: современное состояние, проблемы и перспективы развития // Уголовное право и современность: Сборник научных статей / Под ред. В.И.Горобцова. – Красноярск, 2003. – С.206.

[3] Данная система получила свое название от Борстальской тюрьмы близ города Рочестера (графство Кент), где в 1902 году Рэгглс-Брайсом впервые были испытаны специальные меры обращения с преступниками мужского пола в возрасте от 16 до 21 года.

[4] Исаев М. Основы пенитенциарной политики. – М.,-Л., 1927. – С.172.

[5] См.: Ткачевский Ю.М. Прогрессивная система исполнения уголовного наказания. – М., 1997. – С.26.

[6] Doherty M. Criminal Justice and Penology. – London, 2000. – P.153.

[7] См.: Ткачевский Ю.М. Указ. работа. – С.27.

[8] Doherty M. Criminal Justice and Penology. – P.152-157.

[9] Op. cit., P.153-157.

[10] Op. cit., P.153-157.

[11] Op. cit., P.153-157.

[12] Op. cit., P.155-157.

План издания № 1

Актуальные проблемы борьбы с преступностью в Сибирском регионе

Сборник материалов
международной научно-практической конференции
памяти д.ю.н., профессора В.И. Горобцова
(10-11 февраля 2005 г.)

Часть 1

Редакторы Ю.В. Леонтьева, Т.Ю. Яковлева
Корректор Л.Ю. Архипова
Технический редактор Е.Н. Банщикова

ИД № 02390 от 17.07.2000
ПД № 16-017 от 10.07.2000
СЭЗ № 24.49.07.953 П 000315.07.03 от 21.07.2003

Подписано в печать _____
Формат Р 60х84. Бумага типографская. Гарнитура Таймс.
Печать офсетная. Усл.печ. листов 20,0.
Тираж _____ экз. Заказ _____.

Организационно-научный и редакционно-издательский отдел.
Сибирский юридический институт МВД России.
660131, г. Красноярск, ул. Рокоссовского, 20.

Отпечатано на участке оперативной полиграфии
Сибирского юридического института МВД России.
660050, г. Красноярск, ул. Кутузова, 6.